

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2019 Том 21 № 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Иванов В.Г., доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

E-mail: ivanov-vg@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Грачев М.Н. — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Члены редакционной коллегии

Мчедлова М.М. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Панкратов С.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Карадже Т.В. — доктор философских наук, профессор и заведующая кафедрой политологии и социологии Московского педагогического государственного университета

Попова О.В. — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Коваленко В.И. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой российской политики факультета политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Капустин Б.Г. — доктор философских наук, профессор Йельского университета (США)

Абсаттаров Р.Б. — доктор философских наук, профессор и заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета им. Абая (Казахстан)

Дуткевич Петр — доктор политических наук, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтоновском университете (Канада)

Францке Йохан — доктор политических наук, профессор, заместитель декана факультета экономических и социальных наук Потсдамского университета (ФРГ) — член редколлегии

Карлос Пачеко Амарал — доктор политических наук, профессор Университета Азорских островов (Португалия)

Николя Када — доктор политических наук, профессор Университета Пьера Мендеса Франса, г. Гренобль (Франция)

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Языки: русский, английский, французский.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* (*Вестник РУДН. Серия: Политология*) — периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Политический процесс в современной России: тенденции и перспективы», «Политические процессы в современном мире», «Актуальные вопросы политической науки».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии.

В своей деятельности редколлегии серии руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и студенты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

Электронный адрес: politj@rudn.ru.

Литературный редактор: *И.Л. Панкратова*

Компьютерная верстка: *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии серии «Политология»:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 936-85-28

e-mail: politjournalrudn@rudn.ru

Подписано в печать 01.04.2019. Выход в свет 29.04.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 27,90. Тираж 500 экз. Заказ № 627. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2019 VOLUME 21 No. 2

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Pochta Yu.M., PhD, full professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ivanov V.G., PhD, associate professor
of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia
E-mail: ivanov-vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Grachev M.N., PhD, full professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science,
Russian State University for the Humanities

ASSOCIATE EDITOR

Mchedlova M.M. — PhD, full professor and head of the Department of Comparative Politics,
Peoples' Friendship University of Russia

Pankratov S.A. — PhD, full professor and head of the Department of International
Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University

Karadje T.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Sociology,
Moscow State Pedagogical University

Popova O.V. — PhD, full professor and head of the Department of Political Institutions and Applied
Political Science, Saint Petersburg State University

Kovalenko V.I. — PhD, full professor and head of the Department of Russian Politics, Moscow
State University

Kapustin B.G. — PhD, professor of Yale University (The USA)

Absattarov R.B. — PhD, full professor and head of the Department of Political Science and Socio-
Philosophical Disciplines, Kazakh University named after Abai (Kazakhstan)

Dutkiewicz P. — PhD, full professor, director of the Institute of European, Russian and Eurasian
Studies, Carleton University (Canada)

Franzke J. — PhD, full professor and vice dean of the Faculty of Economic and Social Sciences,
Potsdam University (Germany)

Pacheko Amaral C. — PhD, full professor of the University of the Azores (Portugal)

Kada N. — PhD, full professor of the University of Pierre Mendes France (France)

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English, French

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Political Science. The journal is international with regard to its editorial board, contributing authors and topics of the publications.

The journal is published since 1999. Since its inception, the journal focused on the highest scientific and ethical standards and is today one of the leading and oldest political magazines in Russia.

The aim of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and international political scientists.

The journal publishes the original results of fundamental and applied scientific research. The thematic focus of the journal is presented in the following permanent rubrics: "Political process in contemporary Russia: trends and prospects", "Political processes in the modern world", "Some actual problems of political science".

As a Russian journal with an international character, the journal welcomes research articles, book reviews, round tables and scientific reports devoted to the actual problems of political science.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

Further information regarding notes for contributors, subscription and archives is available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru.

Review editor *L.L. Pankratova*

Computer design *E.P. Dovgolevskaya*

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board

RUDN Journal of Political Science:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Ph. 936-85-28, fax 936-85-22

e-mail: politjournalrudn@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

Ph. +7 (495) 952-04-41;

e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- Лагутин О.В., Негров Е.О.** Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций: на примере основных регионов Северо-Запада и Южной Сибири 157
- Карадже Т.В., Томбу Д.В.** Реалии миграционного процесса в России: количественные «плюсы» и качественные «минусы» 175
- Будко Д.А., Лукьянова Г.В.** Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи 184
- Репьёва Я.И.** Праймериз как новый коммуникационный формат взаимодействия российского избирателя и партийного кандидата 195
- Емельянов А.И.** Особенности применения политических технологий в российском интернет-пространстве 208
- Лысенко А.А.** Влияние миграционной политики РФ на развитие Дальнего Востока в период 1990—2000-х годов 218
- Поляков А.В., Унусян У.В.** Проблема безопасности детства как приоритет национальной политики Российской Федерации 227

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ США

- Белоконев С.Ю., Водопетов С.А., Иванов В.Г.** Влияние миграции из Венесуэлы на внутриполитическую ситуацию в США 240
- Бурда М.А., Шевченко Е.С.** Политические аспекты имплементации норм международного права в национальном законодательстве США: от теории к практике 254
- Спиридонова В.И.** Формирование имперского сознания в США 268

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

- Васецова Е.С.** Проблема урегулирования сирийского конфликта на новом этапе его развития 282
- Muchie Z.** The False Promise of Cooperation in the Jordan River: State Policies and Determinants (**Мучие З.** Ложное обещание сотрудничества в бассейне реки Иордан: детерминанты политики государств региона) 295
- Nisar R.D.** Chinese Perception of Indo-US Nexus: Implications for China in South Asian Region (Brief Overview) (**Нисар Р.Д.** Китайское восприятие партнерства Индии и США: последствия для Китая в регионе Южной Азии (краткий обзор) 311

Бистрина М.Г. Трансграничная безопасность Средиземноморья: африканский и азиатский векторы миграции	323
Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе	333
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Федякин А.В., Федякин И.В. Транспортная политика за рубежом: центры подготовки кадров и основные направления исследований	346
Тулупов Д.С., Коцур Г.В. Концепция стрессоустойчивости как методологическая основа нового подхода к борьбе с международным терроризмом	358
Искаков И.Ж. Методологические аспекты изучения политических процессов в странах Центральной Азии	373
Борхсениус А.В. Международные спортивные мероприятия как политический информационный повод	381

CONTENTS

POLITICAL PROCESS IN CONTEMPORARY RUSSIA: TENDENCIES AND PROSPECTS

Lagutin O.V., Negrov E.O. Models of Political Behavior of Youth Middle Class of Modern Agglomerations: On the Example of the Main Regions of the North-West and South Siberia	157
Karadje T.V., Tombu D.V. Realities of the Migration Process in Russia: Quantitative “Pros” and Qualitative “Cons”	175
Budko D.A., Lukyanova G.V. Image of an Ideal Russia in the Consciousness of Student Youth	184
Rep’eva I.I. Primaries as a New Communication Format for Interaction between the Russian Voter and the Party Candidate	195
Emelianov A.I. The Main Features of Application of Political Technologies in the Russian Internet Space	208
Lysenko A.A. Influence of Migration Policy of the Russian Federation on Development of the Far East in 1990—2000s	218
Polyakov A.V., Unusyan U.V. The Problem of Childhood Safety as a Priority of Russian National Policy	227

THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN INTERNAL AND EXTERNAL POLICY OF THE USA

Belokonev S.Yu., Vodopetov S.A., Ivanov V.G. The Impact of Migration from Venezuela on the Domestic Political Situation in the United States	240
Burda M.A., Shevchenko E.S. Political Aspects of Implementation of International Law in National Legislation of the United States: From Theory to Practice	254
Spiridonova V.I. The Origin of an Imperial Consciousness in the United States	268

POLITICAL PROCESSES IN CONTEMPORARY WORLD

Vasetsova E.S. The Problem of Settlement of the Syrian Conflict at the New Stage of Its Development	282
Muchie Z. The False Promise of Cooperation in the Jordan River: State Policies and Determinants	295
Nisar R.D. Chinese Perception of Indo-US Nexus: Implications for China in South Asian Region (Brief Overview)	311

Bistrina M.G. Cross-border Security of the Mediterranean: African and Asian Migration Vectors 323

Mikhaylichenko K.M. The Project «Ice Silk Road» within the Framework of the Initiative «One Belt and One Road» as the Realization of the Interests of Russia and China in the Arctic Region 333

CURRENT PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

Fedyakin A.V., Fedyakin I.V. Transport Policy Abroad: Training Centers and Main Research Areas 346

Tulupov D.S., Kotsur G.V. Resilience Concept as a Methodological Basis of a New Approach to Countering International Terrorism 358

Iskakov I.Zh. Methodological Aspects of the Study of Political Processes in the Countries of Central Asia 373

Borkhsenius A.V. International Sports Events as a Political Newsbreak 381

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174

Научная статья

МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО СРЕДНЕГО КЛАССА СОВРЕМЕННЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ: НА ПРИМЕРЕ ОСНОВНЫХ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА И ЮЖНОЙ СИБИРИ

О.В. Лагутин, Е.О. Негров

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Аннотация. Статья посвящена особенностям моделей политического поведения представителей молодежи, которых можно отнести к среднему классу. Актуальность исследования состоит в сочетании достаточно фундаментального обзора основных направлений исследования роли участия молодежи в общественно-политическом процессе и привлечения конкретного эмпирического исследования, проведенного осенью 2018 года, что позволяет осветить разные аспекты ситуации. Эмпирическая часть исследования базируется на исследовании «Представления молодежи о возможностях молодежных лидеров и молодежных организаций в России», которое проводилось в конце сентября — начале октября 2018 года в четырех субъектах Российской Федерации — Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и г. Санкт-Петербурге. Методом исследования выступало личное стандартизированное интервью, объем выборки составил 1000 респондентов (по 250 в каждом из регионов), которые являлись представителями молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающие на территории исследуемых субъектов Федерации. На основе факторного и кластерного анализов представлены основные модели политического поведения молодежи, относящейся к среднему классу. Статья представляет интерес для исследователей темы взаимодействия реального политического процесса и такой значимой группы населения, как молодежь, причем как профессионально занимающихся данной тематикой, так и просто интересующихся.

Ключевые слова: политическое поведение, молодежь, средний класс, общественное мнение, факторный анализ

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая статья посвящена особенностям моделей политического поведения представителей молодежи, которых можно отнести по своему социальному статусу к среднему классу. Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

© Лагутин О.В., Негров Е.О., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая часть исследования в своей основе имеет достаточно обширную теоретическую базу, связанную с определением роли и места молодежи в общественно-политическом процессе. Опираясь на исследования, посвященные политической культуре молодежи [1; 5; 13; 14; 22; 29]; проблемам государственного регулирования молодежной политики [2; 4; 6; 7; 8; 31; 32]; социальных связей в молодежной среде [9; 11; 20; 23; 28; 30]; взаимодействия различных молодежных субкультур [12; 16]; электоральных предпочтений молодежи [15]; особенностям политического поведения молодежи [18; 19; 21; 24], мы пришли к выводу о релевантности использования факторного и кластерного анализов для выводов об используемых моделях политического поведения молодежи на примере крупных агломераций, находящихся в разных частях Российской Федерации — Северо-Западном регионе (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область) и Юго-Западной Сибири (Алтайский край и Новосибирская область).

Развитие традиционных форм политического поведения обусловлено перманентным развитием института государства как такового и в конечном итоге формированием субъектности электорально значимого большинства, рационализацией политического процесса и ростом важности легитимации политической системы посредством политического участия. К традиционным формам политического поведения можно отнести участие в голосовании, политических кампаниях, взаимодействие с органами государственной власти, местным самоуправлением, политическими организациями, личные контакты с политиками, участие в конвенциональных и неконвенциональных акциях и т.д. При этом традиционный набор различных форм политического поведения коррелирует с социокультурным контекстом и особенностями политического режима в конкретной стране и в конкретное время. В этом контексте можно зафиксировать переход от традиционных форм активности к новым формам «прямого» участия [27], связанным в том числе и с самоидентификацией и политическим сознанием. Именно поэтому в качестве объекта исследования выбраны представители молодежи, прямо или косвенно относящиеся к среднему классу, призванному играть все большую роль в изменении общественно-политических процессов. Изучение устойчивости, а также динамики моделей политического поведения российской молодежи, факторов, влияющих на их формирование, может предоставить дополнительные возможности для более эффективного прогнозирования степени политической активности и анализа закономерностей политического поведения молодежи. Важнейшую роль во всех этих процессах должны и будут играть именно представители среднего класса (во всех возрастных группах), т.к. именно они являются движущей силой каких-либо изменений, как инициированных сверху, от самых высоких этажей управленческой вертикали, так и спровоцированных снизу, идущих непосредственно от «глубинного народа» [25].

Собственно, моделям политического поведения молодежи, относящейся к среднему классу, посвящена эмпирическая часть исследования, базирующаяся на исследовании «Представления молодежи о возможностях молодежных лидеров и молодежных организаций в России», которое проводилось осенью (в конце сентября — начале октября) 2018 года в четырех субъектах Российской Федерации —

Алтайском крае, Ленинградской и Новосибирской областях и г. Санкт-Петербурге. Методом исследования выступало личное стандартизированное интервью, объем выборки составил 1000 респондентов (по 250 в каждом из регионов), которые являлись представителями молодежи в возрасте от 14 до 30 лет, постоянно проживающими на территории исследуемых субъектов Федерации.

Для определения массива данных, относящихся к представителям молодежи, которых можно отнести к среднему классу, в пакете SPSS была произведена операция «Отбор наблюдений» с выбранным критерием отбора наблюдения — логическое условие $IF (v59 \geq 3 \text{ and } v62 \leq 3 \text{ and } v60.1 \leq 3) v60$, где были заданы такие параметры, как: параметры уровней образования, включая начально-профессиональное, среднее профессиональное, неполное высшее и высшее образование; статусная самооценка респондента по материальному критерию, включая средний слой; род занятий, характерный для «среднего класса», включая студентов колледжей (техникумов, училищ), студентов вузов, и лиц, которые совмещают работу и учебу.

Таким образом, получился отдельный массив данных, который можно определить как молодежный средний класс с нефизическим характером трудовой деятельности, профессиональными уровнями образования, для которого выполняется соответствие субъективного подхода для определения среднего класса — самоидентификация респондента к «среднему классу» на основе материального критерия. Данная категория включает в себя 166 респондентов из четырех субъектов Федерации, распределение по которым представлено на рис. 1.

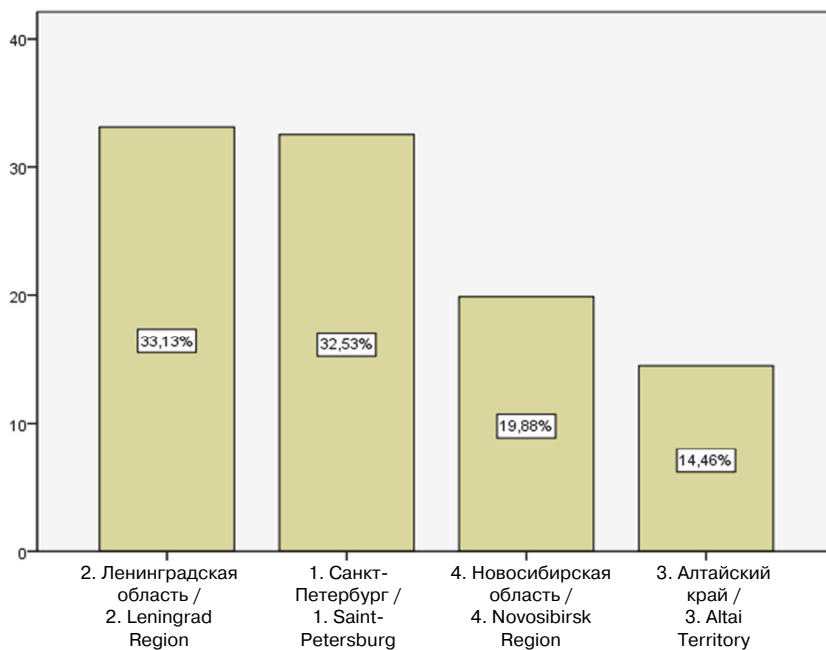

Рис. 1. Распределение представителей молодежи среднего класса по исследуемым регионам (сост. авторами) /

Fig. 1. Distribution of middle-class youth representatives in the studied regions (compiled by the authors)

Из диаграммы, на которой представлено одномерное распределение представителей среднего класса молодежи в исследуемых регионах, можно зафиксировать, что в Санкт-Петербурге и Ленинградской области респонденты данного класса распределились практически поровну (32,53 и 33,13% соответственно). Почти 20% (19,88%) респондентов, которых можно отнести к среднему классу в Новосибирской области и практически 14,5% (14,46%) в Алтайском крае.

Итак, определившись с объектом исследования, рассмотрим теперь его представителей с точки зрения «социальной устойчивости», то есть насколько респонденты удовлетворены уровнем своей жизни, насколько жизнь изменилась для них за последний год и как сильно она, с их точки зрения, улучшится в ближайшее время. Именно этими признаками измеряется в данном исследовании социальное благополучие. Комбинации данных признаков позволяют нам смоделировать три новые переменные — три группы молодежи: «социальные оптимисты», «социальные реалисты» и «социальные скептики». Для создания новых переменных были использованы следующие логические условия: IF ($v56 = 1$ and $v1 = 1$ and $v2 \leq 3$) or ($v56 = 1$ and $v1 = 2$ and $v2 \leq 3$) or ($v56 = 1$ and $v1 \geq 3$ and $v2 \geq 4$) $v70 = 1$ («социальные оптимисты»); IF ($v56 = 2$ and $v1 = 1$ and $v2 \leq 3$) or ($v56 = 2$ and $v1 = 2$ and $v2 \leq 3$) $v70 = 2$ («социальные реалисты») и IF ($v56 = 3$ and $v1 \leq 2$ and $v2 \leq 6$) or ($v56 = 3$ and $v1 = 3$ and $v2 \leq 5$) $v70 = 3$ («социальные скептики»).

В группу «социальные оптимисты» вошли респонденты, считающие, что жизнь в ближайшие пять лет улучшится, при этом за последний год у данной категории молодых людей жизнь улучшилась или осталась без изменений, и они более-менее удовлетворены уровнем своей жизни. К этой группе мы причислили респондентов, также считающих, что жизнь в ближайшие пять лет улучшится, но за последний год их жизнь либо ухудшилась, либо они затруднились ее оценить, а удовлетворенность уровнем жизни желает оставлять лучшего. Данную подгруппу можно условно назвать как «наивные оптимисты», однако мы включаем ее в общую группу оптимистов. К группе «социальные реалисты» относятся лица, которые считают, что жизнь в ближайшие пять лет не изменится, при этом за последний год у данной категории молодых людей жизнь улучшилась или осталась без изменений, и они более-менее удовлетворены уровнем своей жизни. Группа «социальные скептики» включает в себя две подгруппы респондентов, первая из которых считает, что жизнь в ближайшие пять лет ухудшится, и за последний год у данной категории лиц жизнь улучшилась или осталась без изменений; а мнение второй — жизнь также в ближайшие пять лет ухудшится, и за последний год у данной категории молодежи жизнь ухудшилась. Для обеих подгрупп были включены различные уровни удовлетворения своей жизнью. Визуально полученные данные представлены на рис. 2.

Из данных, представленных на рис. 2, можно зафиксировать, что в группу «социальные оптимисты» входит две трети (66,04%) респондентов, группа «социальных реалистов» насчитывает пятую часть (21,70%) от общего количества представителей среднего класса, а группа «социальные скептики» вбирает в себя оставшиеся 12,26%.

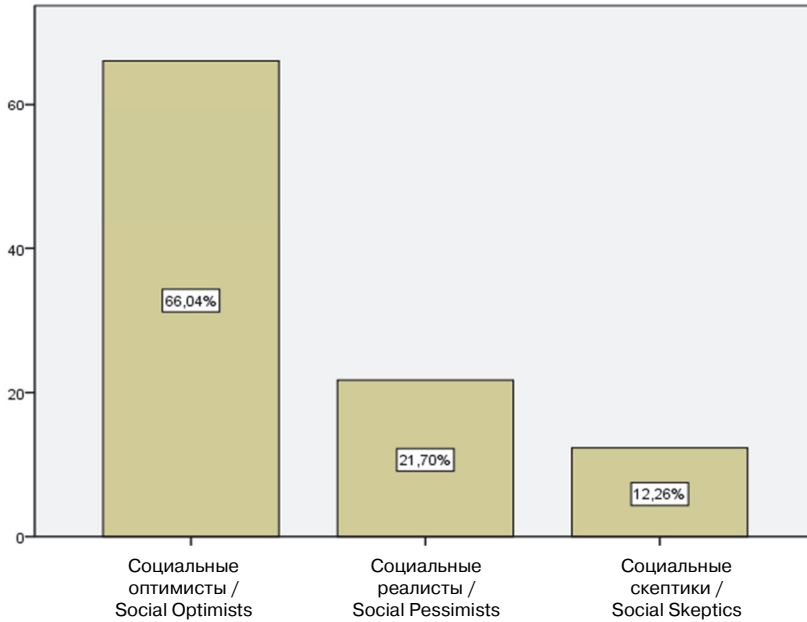

Рис. 2. Диаграмма распределения признака «Социальная устойчивость» (сост. авторами) / **Fig. 2.** The distribution of the variable “Social Sustainability” (compiled by the authors)

Следующий массив данных посвящен такому важному фактору политического поведения, как участие/неучастие в голосовании. На рис. 3 представлено одномерное распределение результатов участия в президентских выборах в марте 2018 года.

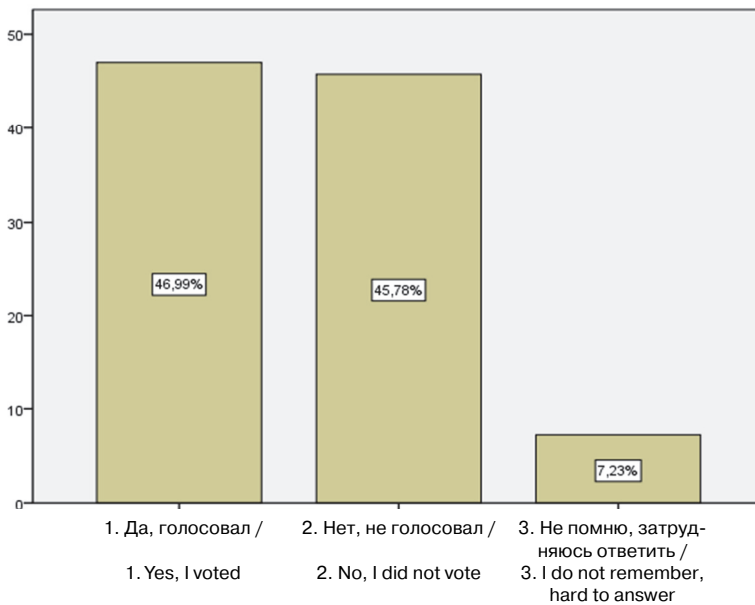

Рис. 3. Участие в президентских выборах в марте 2018 года (сост. авторами) / **Fig. 3.** Participation in the presidential elections in March 2018 (compiled by the authors)

Мы видим, что почти одинаковое количество респондентов распределилось между значениями «голосовал» и «не голосовал» — 47% (46,99%) и 45,8% (45,78%) соответственно. 7,2% респондентов затруднились ответить, что можно объяснить не только временным лагом между временем голосования и проведением опроса, но и сознательным нежеланием отвечать на данный вопрос. Отметим, кстати, что результаты распределения данной переменной среди общего массива выборки — 44,3, 50,5 и 5,2% соответственно, что позволяет сделать вывод о большей политической активности молодежи с более высоким социальным статусом и самооценкой.

Далее, рассмотрим, какой тип государства наиболее предпочтителен для молодежи среднего класса. Вопрос задавался в формулировке «Предположим, только от Вашей воли зависит, на каких принципах строится жизнь в нашем государстве. Что Вы предпочтете? Выберите, пожалуйста, один ответ». Предлагалось 5 существенных вариантов («Государство, которое контролирует исполнение законов и минимально вмешивается в экономические отношения в стране, но при этом люди сами полностью заботятся о себе и отвечают за свою жизнь»; «Государство, где есть хорошие социальные программы поддержки людей, но при этом нужно платить очень высокие налоги — до 50% от дохода»; «Государство, которое боится все соседи, а жизнь в нем строится на принципе доминирования одной нации, остальные ограничены в правах», «Государство, где нет частной собственности, нет резкого имущественного расслоения между людьми, но есть очень жесткий идеологический контроль за людьми» и «Государство, основанное на поддержании традиций, стабильное, но в котором доходы людей очень резко отличаются»), а также 3 амбивалентных («Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов»; «Для меня это не имеет значения» и «Никогда об этом не думал, затрудняюсь ответить»). На рис. 4 представлено распределение ответов на этот вопрос.

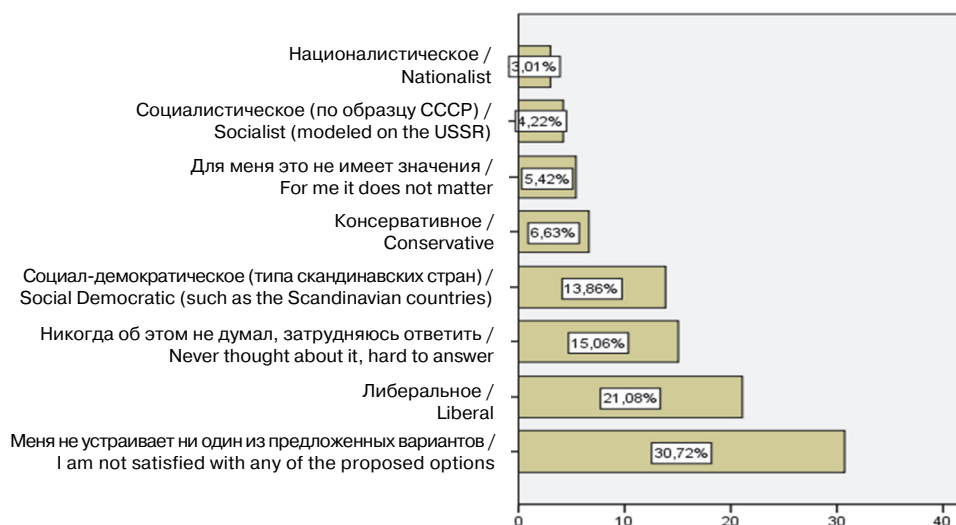

Рис. 4. Предпочтительный тип государства (сост. авторами) / **Fig. 4.** Preferred type of state (compiled by the authors)

Из данной диаграммы видно, что наибольший процент получает либеральный тип государственной системы — 21,08%. Далее, в порядке убывания, идут социал-демократический тип государства по образцу скандинавской модели (13,86%), консервативный тип (6,63%), социалистический (4,22%) и националистический (3,01%) типы государственных систем. При этом наибольшее количество ответов пришлось на высказывание «Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов» — 30,72%, при том, что затруднившихся что-либо сказать по данному вопросу — 15,06%, а для 5,42% респондентов этот вопрос не имеет никакого значения. Таким образом, можно констатировать, что для половины представителей среднего класса вопрос о типе государства лежит вне плоскости их постоянной рефлексии.

Следующий массив данных, представленный на рис. 5, отражает распределение идеологической самоидентификации респондентов.

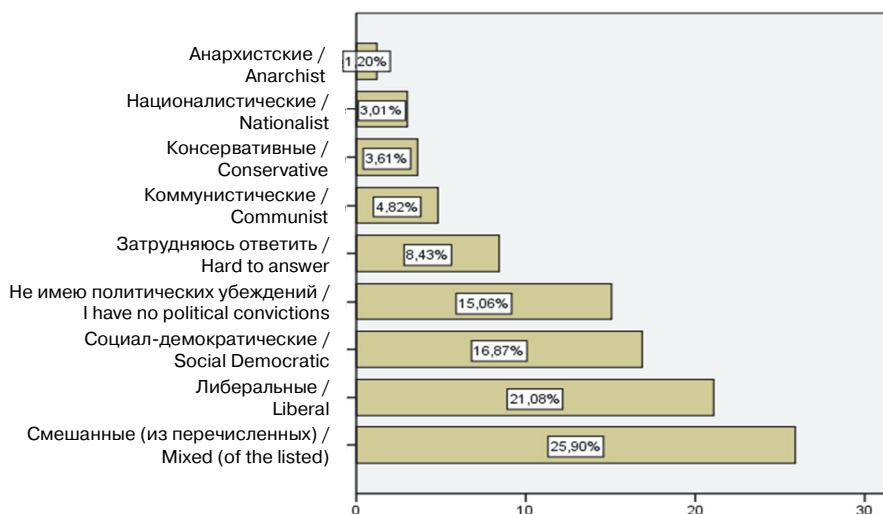

Рис. 5. Политическая самоидентификация (сост. авторами) / **Fig. 5.** Political self-identity (compiled by the authors)

В этом случае преобладает смешанный тип политических взглядов из всех предложенных — 26% (25,90%), в то время как либеральным политическим взглядам привержены 21% (21,08%) респондентов, почти 17% (16,87%) оценивают себя как социал-демократов, а коммунистические, консервативные, националистические и анархистские взгляды разделяют менее 5% (4,82, 3,61, 3,01 и 1,20% соответственно). При этом 15,06% респондентов указало, что не имеет политических взглядов, а 8,43% респондентов затруднились дать конкретную оценку по данному вопросу.

При составлении таблицы сопряженности различных позиций можно зафиксировать более развернутую картину предпочтений и моделей политического поведения. Так, в табл. 1 представлены данные по сопряженности позиций «Самооценка политических взглядов» и «Предпочтительный тип государства».

Таблица 1

**Сопряженность «Самооценки политических взглядов»
и «Предпочтительного типа государства для проживания»**

Предпочтительный тип государства	Самооценка политических взглядов		
	Либеральные	Смешанные (из перечисленных)	Не имею политических убеждений
Либеральное	19	7	6
	7,5%	2,8%	2,4%
	2,8	-1,3	-0,9
Меня не устраивает ни один из предложенных вариантов	15	34	17
	6,0%	13,5%	6,7%
	-1,3	2,3	-0,3
Никогда об этом не думал, затрудняюсь ответить	4	6	16
	1,6%	2,4%	6,3%
	-1,5	-1,1	3,2

Table 1

**Contingency of “Self-assessment of political views”
and “Preferred type of state for living”**

Preferred type of state	Self-assessment of political views		
	Self-assessment of political views	Mixed (of the listed)	I have no political convictions
Self-assessment of political views	19	7	6
	7,5%	2,8%	2,4%
	2,8	-1,3	-0,9
I am not satisfied with any of the proposed options	15	34	17
	6,0%	13,5%	6,7%
	-1,3	2,3	-0,3
Never thought about it, hard to answer	4	6	16
	1,6%	2,4%	6,3%
	-1,5	-1,1	3,2

С помощью данных, представленных в табл. 1, можно зафиксировать три статистические зависимости: 1) четкое совпадение либеральной модели государства как предпочтительной для проживания и либеральной самооценки политических взглядов (7,5% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 2,8); 2) для респондентов со смешанными политическими взглядами отсутствует подходящий тип государства из всех предложенных (13,5% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 2,3); 3) лица, не имеющие каких-либо политических убеждений, никогда не думали на предмет предпочтительного типа государства для проживания (6,3% от общего числа выборки при значимом стандартизованном остатке 3,2).

Следующий массив данных посвящен такому важному аспекту политического поведения, как факторы политического участия молодежи за последние 2—3 года для защиты своих интересов. Для построения соответствующих факторов выбраны следующие наборы признаков: обращение в государственные органы власти; обращение в общественные организации; участие в забастовках, митингах, демонстрациях; участие в выборах; участие в работе политических партий; участие в работе общественных организаций; участие в несанкционированных акциях протеста; использование личных связей; материальная поддержка политиков, их проектов; обсуждение политики в социальных сетях, репосты политической информации. Полученные данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Факторы политического участия молодежи за последние 2—3 года

Фактор	Компонент			
	1	2	3	4
Участие в несанкционированных акциях протеста	0,829			
Участие в забастовках, митингах, демонстрациях	0,771			
Материальная поддержка политиков, их проектов	0,615			
Участие в работе общественных организаций		0,764		
Обсуждение политики в социальных сетях, репосты политической информации		0,746		
Обращение в общественные организации			0,823	
Обращение в государственные органы власти			0,759	
Использование личных связей и вознаграждения				-0,627
Участие в выборах				0,537
Участие в работе политических партий		0,441		0,471

Table 2

Factors of youth political participation over the past 2—3 years

Factor	Component			
	1	2	3	4
Participation in unauthorized protests	0,829			
Participation in strikes, rallies, demonstrations	0,771			
Material support of politicians, their projects	0,615			
Participation in the work of public organizations		0,764		
Discussion of politics in social networks, reposts of political information		0,746		
Appeal to public organizations			0,823	
Appeal to state authorities			0,759	
Use of personal connections and rewards				-0,627
Participation in elections				0,537
Participation in political parties		0,441		0,471

В табл. 2 представлена матрица повернутых компонент на основе вышеупомянутых признаков политического участия. Полученные четыре фактора можно интерпретировать следующим образом:

фактор 1 — «Участие в неконвенциональных формах защиты интересов», включает признаки, связанные с участием в несанкционированных акциях протеста, забастовках, митингах, демонстрациях при материальной поддержке политиков, их проектов;

фактор 2 — «Участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей»;

фактор 3 — «Обращение в государственные и общественные институты», включает одноименные признаки;

фактор 4 — «Участие в конвенциональных формах защиты интересов», включает признаки с обратной связью — чем меньше использования непубличных и неконвенциональных форм защиты собственных интересов, тем больше деятельности, связанной с участием в работе политических партий, а также участием в избирательных процессах.

Для построения факторов, определяющих формы политического участия для защиты своих интересов, были выбраны такие наборы признаков, как готовность: обращаться в государственные органы, в общественные организации; участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях, выборах, работе политических партий, работе общественных организаций, несанкционированных акциях протеста; использовать личные связи и вознаграждение; оказать материальную поддержку политикам, их проектам; вести обсуждение в социальных сетях, делать репосты политической информации. Полученные данные отображены в табл. 3.

Таблица 3

Факторы политического участия молодежи для защиты своих интересов

Фактор	Компонент			
	1	2	3	4
Готовность участвовать в работе политических партий для защиты своих интересов	0,813			
Готовность оказать материальную поддержку политикам, их проектам для защиты своих интересов	0,710			
Готовность участвовать в работе общественных организаций для защиты своих интересов	0,591			
Готовность вести обсуждение в социальных сетях, делать репосты политической информации для защиты своих интересов		0,843		
Готовность участвовать в забастовках, митингах, демонстрациях для защиты своих интересов		0,710		
Готовность участвовать в несанкционированных акциях протеста для защиты своих интересов		0,577		
Готовность обращаться в государственные органы для защиты своих интересов			0,878	
Готовность обращаться в общественные организации для защиты своих интересов			0,745	
Готовность участвовать в выборах для защиты своих интересов				0,706
Готовность использовать личные связи и вознаграждение для защиты своих интересов	0,440			-0,669

Table 3

Factors of youth political participation to protect own interests

Factor	Component			
	1	2	3	4
Willingness to participate in political parties to protect own interests	0,813			
Willingness to provide material support to politicians and their projects to protect own interests	0,710			
Willingness to participate in public organizations to protect own interests	0,591			
Willingness to lead discussions in social networks, to make reposts of political information to protect own interests		0,843		
Willingness to participate in strikes, rallies, demonstrations to protect own interests		0,710		
Willingness to participate in unauthorized protests to protect own interests		0,577		
Willingness to apply to state bodies to protect own interests			0,878	
Willingness to apply to public organizations to protect own interests			0,745	
Willingness to participate in elections to protect own interests				0,706
Willingness to use personal connections and rewards to protect own interests	0,440			-0,669

Исходя из данных, представленных в табл. 3, зафиксировано четыре фактора, которые можно интерпретировать следующим образом:

фактор 1 — «Активная конвенциональная форма защиты интересов», включающий признаки, связанные с участием в работе общественных организаций, политических партий, а также материальную поддержку политикам, их проектам для защиты своих интересов;

фактор 2 — «Активная неконвенциональная форма защиты интересов», включающий признаки, связанные с участием в несанкционированных акциях протеста, забастовках, митингах, демонстрациях при постоянном обсуждении политических событий в социальных сетях;

фактор 3 — «Пассивная конвенциональная форма защиты интересов», включающий такие формы участия, как обращения в общественные и политические организации для защиты своих интересов;

фактор 4 — «Выборы vs личных связей» — в данном случае наблюдается обратная зависимость — чем значимее участие в избирательных процессах для защиты интересов, тем менее значимо использование личных связей и вознаграждения для защиты своих интересов.

Для выявления причинно-мотивационных факторов вступления в молодежные политические организации (МПО) и общие общественно-политические организации (ОПО) и участия в их деятельности выбраны следующие наборы признаков: совпадение целей и интересов; идеологические предпочтения; материальная заинтересованность; потребность в самореализации; наличие проблем, которые нельзя решить самостоятельно; потребность в общении; стремление к политической карьере. Полученные данные представлены в табл. 4.

В результате факторного анализа было получено пять новых факторов, которые можно интерпретировать как: целерациональные причины (фактор 1), самореализация в коллективе единомышленников (фактор 2), идеологические причины (фактор 3), карьерные устремления в политике (фактор 4) и дихотомия «Корпоративность»/«Материальность» (фактор 5).

Таблица 4

**Факторы причинно-мотивационного характера работы
в молодежных политических и общих общественно-политических организациях**

Фактор	Компонент				
	1	2	3	4	5
Совпадение целей и интересов (МПО)	0,699				
Наличие проблем, которые нельзя решить самостоятельно (МПО)	0,677				
Самореализация, самоутверждение (МПО)		0,625			
Потребность в самореализации (МПО)		0,599			
Материальная заинтересованность (МПО)		0,545			
Потребность в общении (МПО)		0,495			0,419
Идеологические причины (ОПО)			0,803		
Идеологические предпочтения (МПО)			0,792		
Стремление к политической карьере (МПО)				0,787	
Реализация своих интересов (ОПО)	0,490			0,656	
Общение с людьми близких интересов (ОПО)					0,668
Материальные соображения (ОПО)					-0,650

Table 4

**Factors of cause-motivational nature of work
in youth political and common social and political organizations**

Factor	Component				
	1	2	3	4	5
Coincidence of goals and interests (IGO)	0,699				
Problems that can not be solved independently (IGO)	0,677				
Self-realization, self-affirmation (IGO)		0,625			
The need for self-realization (IGO)		0,599			
Material Interest (IGO)		0,545			
The need for communication (IGO)		0,495			0,419
Ideological causes (GRO)			0,803		
Ideological preferences (IGO)			0,792		
Striving for a political career (IGO)				0,787	
Implementation of own interests (GRO)	0,490			0,656	
Communicating with people of similar interests (GRO)					0,668
Material considerations (GRO)					-0,650

Если построить иерархический кластерный анализ со всеми группами полученных выше факторов, которые и являются элементами моделей политического поведения молодежного среднего класса, то полученные данные позволят сделать выводы о, собственно, моделях политического поведения. Полученный кластерный анализ представлен на дендрограмме (см. рис. 6).

Таким образом, в качестве результата кластерного анализа сформированы четыре кластерных образования. Ключевыми элементами, которые образуют определенные модели молодежного политического поведения, являются: практики политического участия в последние два года; формы политического участия; причинно-мотивационный аспект участия/вступления в молодежные политические организации. Первое (верхнее) кластерное образование формирует первую модель молодежного политического поведения, включающего такие элементы (2, 6, 9 кластеры), как участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей; активную неконвенциональную форму защиты интересов и целерациональные причины вступления в молодежные политические организации.

Второе кластерное образование включает такие элементы (1, 5, 10 кластеры) модели поведения, как участие в неконвенциональных формах защиты интересов, активную конвенциональную форму защиты интересов (готовность) и самореализацию в коллективе единомышленников как причину вступления в молодежные политические организации.

Третье кластерное образование формирует третью модель молодежного политического поведения, включающего следующие элементы (3, 7, 13 кластеры): обращение в государственные и общественные институты, пассивную конвенциональную форму защиты интересов и факторы корпоративности и материальности как причину вступления в молодежные политические организации. Наконец, четвертое (нижнее) кластерное образование включает два кластера (4 и 8 кластеры): участие в конвенциональных формах защиты интересов и выборы vs личные связи.

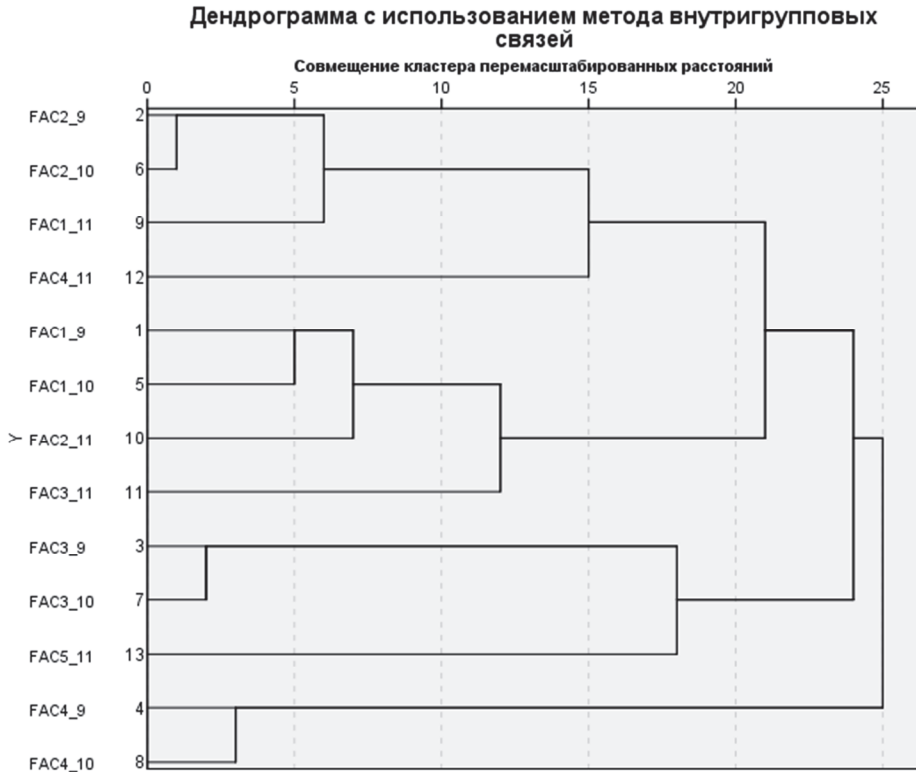

Рис. 6. Модели молодежного политического лидерства в современной России (сост. авторами) /

Fig. 6. Models of youth political leadership in contemporary Russia (compiled by the authors). Dendrogram using the method of intragroup connections.

Combining of the cluster of re-scaled distances

Легенда дендрограммы: / Legend of the dendrogram:

- FAC1_9 — Участие в неконвенциональных формах защиты интересов /
Participation in non-conventional forms of protection of interests;
- FAC2_9 — Участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей /
Participation in the work of public organizations using social networks;
- FAC3_9 — Обращение в государственные и общественные институты /
Appeal to state and public institutions;
- FAC4_9 — Участие в конвенциональных формах защиты интересов /
Participation in the conventional forms of protection of interests;
- FAC1_10 — Активная конвенциональная форма защиты интересов /
Active conventional form of protection of interests;
- FAC2_10 — Активная неконвенциональная форма защиты интересов /
Active non-conventional form of protection of interests;
- FAC3_10 — Пассивная конвенциональная форма защиты интересов /
Passive conventional form of protection of interests;
- FAC4_10 — Выборы vs личных связей /
Elections vs personal connections;
- FAC1_11 — Целерациональные причины /
Targeted reasons
- FAC2_11 — Самореализация в коллективе единомышленников /
Self-realization in a team of like-minded people;
- FAC3_11 — Идеологические причины /
Ideological causes;
- FAC4_11 — Карьерные устремления в политике /
Career aspirations in politics;
- FAC5_11 — «Корпоративность» — «Материальность» /
“Corporate” — “Materiality”.

ВЫВОДЫ

Таким образом, нами выделяются три основные политические модели, присущие представителям молодежи среднего класса, обозначаемые нами следующим образом:

— «Проактивная модель» (участие в работе общественных организаций с использованием социальных сетей; активная, иногда неконвенциональная форма защиты интересов, целерациональные причины вступления в молодежные политические организации, либеральная самоидентификация, достаточно критичное отношение к государству при готовности реализовывать свое активное избирательное право, социальный оптимизм или скептицизм);

— «Кооперативная модель» (готовность к участию в неконвенциональных формах защиты интересов, активная конвенциональная форма защиты интересов, потребность в самореализации в коллективе единомышленников, преобладание социал-демократической самоидентификации, склонность к участию в выборах социальный реализм);

— «Лоялистская модель» (готовность к обращениям в государственные и общественные институты, пассивная конвенциональная форма защиты интересов, ярко выраженные факторы корпоративности и материальности, скорее, декларируемое абсентеистское поведение, практически полное отсутствие политической самоидентификации, социальный реализм или скептицизм).

Очевидно, что понимание органами государственной власти доминирующих моделей политического поведения среди отдельных групп представителей молодежи должно иметь весьма практический смысл и учитываться при принятии тех или иных управленческих решений.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Благодарность: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Acknowledgments: The text of the article has been prepared within the framework of the project “Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation), RFBR grant No. 18-011-01184.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.
- [2] Гукова И.Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3 (5). С. 156—159.
- [3] Дорошенко С.В., Соломатин Я.И. Мегapolis как среда формирования политических ориентаций молодежи // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 157—170.
- [4] Ерофеева М.А., Белоус Е.Ю. Развитие молодежных инициатив как направление государственной образовательной молодежной политики // Педагогическое образование и наука. 2017. № 3. С. 123—127.

- [5] *Жилавская И.В.* Медиаобразование молодежи: монография. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2013. 243 с.
- [6] *Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л.* Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: Перспектива, 2016. 166 с.
- [7] *Ильинский И.М.* Молодежь и молодежная политика. Серия: Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001. 694 с.
- [8] *Ильинский И.М.* О молодежной политике российского политического централизма. М.: Социум, 1999. 102 с.
- [9] *Каратабан И.А.* Социальная активность молодежи в контексте современных модернизационных процессов // Вестник МГТУ. 2018. № 2. С. 128—134.
- [10] *Коряковцева О.А.* Концептуальные основы развития общественно-политической активности молодежи в постсоветской России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. Т. 38. № 8 (229). С. 156—162.
- [11] *Коряковцева О.А., Гунта К.* Современная молодежь: гражданская активность и политическое участие // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы Седьмой Всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под научным ред. М.В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2015. С. 171—176.
- [12] *Левикова С.И.* Молодежная субкультура. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. 604 с.
- [13] *Малик Е.Н.* Средства массовой информации как институт политической социализации молодежи в современной России: монография. Орел: Изд-во ОРАГС, 2009. 168 с.
- [14] *Малькевич А.А.* Информационная политика России и проблемы политической социализации молодежи // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2015. № 3 (7). С. 97—102.
- [15] *Морозов М.М.* Электоральные предпочтения молодежи // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста. М., 2018. С. 99—104.
- [16] *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. 264 с.
- [17] *Перина Е.И.* Социологический анализ особенностей политической культуры населения мегаполиса в современных условиях: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.
- [18] *Плотникова Т.В.* Политическое поведение в России (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 52 с.
- [19] *Поливаева Н.П.* Политическое сознание в условиях трансформации российского общества: автореф. дис. ... д-р полит. наук. М., 2009. 56 с.
- [20] *Попова Н.В.* Молодежные лидеры об организации работы с молодежью на промышленных предприятиях // ЦИТИСЭ. 2018. № 1. С. 18.
- [21] *Пушкарева Г.В.* Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2004. 44 с.
- [22] *Сергеев В.К.* Молодежная культура и СМИ. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 188 с.
- [23] *Стародубцева М.А.* Молодежные общественные организации и их роль в противодействии сектантству в интернет-среде // Достижения вузовской науки. 2018. С. 229—232.
- [24] *Старцева С.Г.* Динамика политических предпочтений региональной молодежи в условиях трансформации современного российского общества (на примере Вологодской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013. 26 с.
- [25] *Сурков В.Ю.* Долгое государство Путина. О том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. 2019. № 028 (7504), 11.02.19. С. 2—4.
- [26] *Трофимова И.Н.* «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (7). С. 60—78.

- [27] Фёдоров П.М. Петиции и обращения как форма политической активности в современном российском обществе // Вестник ПАГС. 2014. № 4 (43) С. 83—93.
- [28] Шабанов Л.В. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: вынужденная маргинальность? Томск: Изд-во ТГУ, 2005. 399 с.
- [29] Karagianni D., Montgomery A.J. Developing Leadership Skills among Adolescents and Young Adults: A Review of Leadership Programmes // International Journal of Adolescence and Youth. 2018. Vol. 23. P. 86—98.
- [30] Larina S.E. The Relationship Leadership Skills and Individual Personality Characteristics of Young People in Modern Russia // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016. № 2. С. 11.
- [31] Murphy M.T. Youth in Front: Supporting Youth-led Social Action // Social Education. 2018. Vol. 82. № 5. P. 255—259.
- [32] Zeldin S., Gauley J., Krauss S.E. Youth-Adult Partnership and Youth Civic Development: Cross-national Analyses for Scholars and Field Professionals // Youth & Society. 2017. Vol. 49. № 7. P. 851—878.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174

Research Article

MODELS OF POLITICAL BEHAVIOR OF YOUTH MIDDLE CLASS OF MODERN AGGLOMERATIONS: ON THE EXAMPLE OF THE MAIN REGIONS OF THE NORTH-WEST AND SOUTH SIBERIA

O.V. Lagutin, E.O. Negrov

Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. The article deals with the peculiarities of the models of political behavior of young people, which can be attributed to the middle class. The relevance of the study is in the combination of a well-founded review of the main directions of research of the role of youth participation in the social and political process and the involvement of a specific empirical study conducted in the autumn of 2018, which allows to highlight various aspects of the situation. The empirical part of the study is based on the study “Ideas of Youth about Possibilities of Youth Leaders and Youth Organizations in Russia”, which was conducted in late September and early October 2018 in four regions of the Russian Federation: Altai, Leningrad and Novosibirsk Regions and St. Petersburg. The method of research was a personal standardized interview, the sample size was 1000 respondents (250 in each of the regions), who were representatives of young people aged 14 to 30 that permanently reside in the territory of the studied subjects of the federation. Based on factor and cluster analyzes, the research presents the main models of the political behavior of young people belonging to the middle class. The article is of interest to researchers of interconnections between the real political process and youth as a significant group of the population.

Key words: political behavior, youth, middle class, public opinion, factor analysis

REFERENCES

- [1] Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *The Youth of Russia: Sociological Portrait*. Moscow: TsSPiM; 2010. 592 p. (In Russ.).
- [2] Gukova I.N. Perspective Forms of the Development of Socio-Political Activity of Young People in the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*. 2015; 3 (5): 156—159 (In Russ.).

- [3] Doroshenko S.V., Solomatin Ya.I. Megapolis as an Environment for the Formation of Political Orientations of Young People. *Bulletin of the PNRPU. Socio-economic Sciences*. 2018; 1: 157—170 (In Russ.).
- [4] Erofeeva M.A., Belous E.Yu. Development of Youth Initiatives as a Direction of the State Educational Youth Policy. *Pedagogical Education and Science*. 2017; 3: 123—127 (In Russ.).
- [5] Zhilavskaya I.V. *Youth Media Education*. Moscow: RIC MGGU named after M.A. Sholokhov; 2013. 243 p. (In Russ.).
- [6] Zubok Yu.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. *Youth and Youth Policy in Modern Russian Society*. Moscow: Perspektiva; 2016. 166 p. (In Russ.).
- [7] Ilinsky I.M. *Youth and Youth Policy: Series Philosophy. History. Theory*. Moscow: Golos; 2001. 694 p. (In Russ.).
- [8] Ilinsky I.M. On the Youth Policy of Russian Political Centrism. Moscow: Socium; 1999. 102 p. (In Russ.).
- [9] Karataban I.A. The Social Activity of Youth in the Context of Contemporary Modernization Processes. *Vestnik MGTU*. 2018; 2: 128—134 (In Russ.).
- [10] Koryakovtseva O.A. Conceptual Foundations of the Development of Social and Political Activity of Young People in Post-Soviet Russia. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political Science*. 2016; Vol. 38; 8 (229): 156—162 (In Russ.).
- [11] Koryakovtseva O.A., Gunta K. Modern Youth: Civic Engagement and Political Participation. *Supplementary Professional Education in the Context of Modernization*. Materials of the Seventh All-Russian Scientific and Practical Internet Conference (with international participation). Ed. by M.V. Novikova. Yaroslavl: State University named after K.D. Ushinsky; 2015: 171—176 (In Russ.).
- [12] Levikova S.I. *Youth Subculture*. Moscow: FAIR-PRESS; 2004. 604 p. (In Russ.).
- [13] Malik Ye.N. *Mass Media as an Institute for the Political Socialization of Youth in Modern Russia*. Orel: Publishing house ORAGS; 2009. 168 p. (In Russ.).
- [14] Malkevich A.A. Information Policy of Russia and Problems of Political Socialization of Youth. *Omsk University Bulletin. Series "Historical Sciences"*. 2015; 3 (7): 97—102 (In Russ.).
- [15] Morozov M.M. Electoral Preferences of Young People. *Formation of General Cultural and Professional Competencies of a Financier*. Moscow; 2018: 99—104 (In Russ.).
- [16] Omelchenko E.L. Youth Cultures and Subcultures. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; 2000. 264 p. (In Russ.).
- [17] Perina E.I. *Sociological Analysis of the Features of the Political Culture of the Population of a Metropolis in Contemporary Conditions*: Abstract of the PhD thesis in social sciences. Ekaterinburg; 2009. 24 p. (In Russ.).
- [18] Plotnikova T.V. *Political Behavior in Russia (socio-philosophical analysis)*: Abstract of the PhD thesis in philosophy. Rostov-on-Don; 2004. 52 p. (In Russ.).
- [19] Polivaeva N.P. *Political Consciousness in the Conditions of Transformation of Russian Society*: Abstract of the PhD thesis in political science. Moscow; 2009. 56 p. (In Russ.).
- [20] Popova N. Youth Leaders in the Organization of Work with Young People at Industrial Enterprises. *CITISE*. 2018; 1: 18 (In Russ.).
- [21] Pushkareva G.V. *Political Behavior: Theory, Methodology and Practical Possibilities of the Cognitive Approach*: Abstract of the PhD thesis in philosophy. Moscow; 2004. 44 p. (In Russ.).
- [22] Sergeev V.K. *Youth Culture and Media*. Moscow: RIC ISPI RAS; 2002. 188 p. (In Russ.).
- [23] Starodubtseva M.A. Youth Public Organizations and Their Role in Counteracting Sectarianism in the Internet Environment. *Achievements of High School Science 2018*. 2018: 229—232 (In Russ.).
- [24] Startseva S.G. *Dynamics of Political Preferences of Regional Youth in the Conditions of Transformation of the Modern Russian Society (on the example of the Vologda region)*: Abstract of the PhD thesis in political science. SPb.; 2013. 26 p. (In Russ.).

- [25] Surkov V.Yu. Putin's Long State. On What Happens Here in General. *Nezavisimaya Gazeta*. 2019; 028 (7504); 11.02.19: 2—4 (In Russ.).
- [26] Trofimova I.N. “Megapolis” and “Remote” as a Model of Value Orientations and Political Attitudes of Russians. *Sociological Science and Social Practice*. 2014; 3 (7): 60—78 (In Russ.).
- [27] Fedorov P.M. Petitions and Appeals as a Form of Political Activity in Modern Russian Society. *Vestnik PAGES*. 2014; 4 (43): 83—93 (In Russ.).
- [28] Shabanov L.V. *Social and Psychological Characteristics of Youth Subcultures: Forced Marginality?* Tomsk: TSU Publishing House; 2005. 399 p. (In Russ.).
- [29] Karagianni D., Montgomery A.J. Developing Leadership Skills among Adolescents and Young Adults: A Review of Leadership Programmes. *International Journal of Adolescence and Youth*. 2018; Vol. 23: 86—98.
- [30] Larina S.E. The Relationship Leadership Skills and Individual Personality Characteristics of Young People in Modern Russia. *The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2016; 2: 11.
- [31] Murphy M.T. Youth in Front: Supporting Youth-led Social Action. *Social Education*. 2018; Vol. 82; 5: 255—259.
- [32] Zeldin S., Gauley J., Krauss S.E. Youth-Adult Partnership and Youth Civic Development: Cross-national Analyses for Scholars and Field Professionals. *Youth & Society*. 2017; Vol. 49; 7: 851—878.

Информация об авторах:

Лагутин Олег Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru).

Негров Евгений Олегович — кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0003-3906-5197) (e-mail: st007528@mail.spbu.ru).

Information about the authors:

Oleg V. Lagutin — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru).

Eugene O. Negrov — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-3906-5197) (e-mail: st007528@mail.spbu.ru).

Статья поступила в редакцию 20.01.2019.

Received 20.01.2019.

Для цитирования:

Лагутин О.В., Негров Е.О. Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций: на примере основных регионов Северо-Запада и Южной Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 157—174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174.

For citation:

Lagutin O.V., Negrov E.O. Models of Political Behavior of Youth Middle Class of Modern Agglomerations: On the Example of the Main Regions of the North-West and South Siberia. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 157—174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-175-183

Научная статья

РЕАЛИИ МИГРАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ «ПЛЮСЫ» И КАЧЕСТВЕННЫЕ «МИНУСЫ»

Т.В. Карадже, Д.В. Томбу

Московский педагогический государственный университет
Проспект Вернадского, 88, Москва, Россия, 119571

Аннотация. В статье рассматриваются особенности иммиграционного и эмиграционного потоков в России, их качественные показатели. Отмечается дисбаланс в распределении трудовых мигрантов по регионам страны, а также анализируются интеллектуальные и профессиональные характеристики иммиграционных и эмиграционных потоков. Авторы уделяют большое внимание основным современным тенденциям российских миграционных процессов, проблемам регулирования миграции.

Ключевые слова: миграция, иммиграционные и эмиграционные потоки, интеллектуальные и профессиональные характеристики миграционных потоков

Миграция — это неотъемлемая часть внутренней жизни и политики страны и фактор интеграции в мировое сообщество, в международный рынок трудовых ресурсов, а значит, важнейший аспект внешней политики современного государства, и России в том числе. Миграционный процесс включает в себя как иммиграционные процессы, так и эмиграционные и имеет несколько измерений: экономическое, правовое, социокультурное. В каждой стране их показатели имеют свою специфику и динамику.

Решение проблемы миграции требует комплексного подхода, который содержит не только учет экономической целесообразности, но и вопросы, связанные с адаптацией и включенностью в социально-политическую и культурную жизнь государства. Анализ так называемого «качества» миграционных потоков дает возможность представить сложившуюся психологическую картину представлений и ожиданий населения страны, задачи государства не только в области миграционной политики, но и в плане его дальнейшего научного и технологического развития. Соотношение выезжающих и въезжающих в страну, их профессионального, образовательного, возрастного статуса свидетельствует об экономическом состоянии государства, политической ситуации, социокультурной среде, перспективах инновационного развития.

© Карадже Т.В., Томбу Д.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Перед государством в области миграционной политики всегда встает дилемма, решение которой обусловлено как текущими экономическими запросами трудовой силы, так и задачами долгосрочного развития экономики. И в России наблюдается достаточно тревожная ситуация, свидетельствующая о нарастающем дисбалансе рассредоточения трудовых мигрантов, их «интеллектуального качества» и социально-культурной адаптации.

Сегодня в России фиксируется снижение числа прибывающих трудовых мигрантов, и, согласно данным Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, численность вновь легализующихся на рынке труда мигрантов продолжает падать год от года [6]. Если по оценке отдела народонаселения департамента ООН по экономическим и социальным вопросам в 2013 году Россия занимала второе место в мире по количеству мигрантов [6], то в 2017 спустилась на четвертое. Среди основных причин называют ужесточение миграционного законодательства, низкий уровень оплаты труда, сокращение квот для мигрантов (согласно Постановлению Правительства РФ квоты 2018 года составили 73% от потребности определенной на 2017 год) [9], нарастание кризисных явлений в стране.

Сокращение квот, согласно заявлениям Правительства, вызвано необходимостью снизить уровень террористической угрозы; увеличением количества мигрантов, уклоняющихся от налогов, и нелегальных мигрантов; стремлением защитить национальный рынок труда, а также сократить рост численности трудовых мигрантов в приграничных субъектах Федерации [8].

При этом прогнозы Минэкономразвития свидетельствуют, что на фоне естественной убыли населения и в связи с резким уменьшением числа мигрантов количество трудоспособных жителей РФ может начать сокращаться на 800 тыс. в год. Диспропорция между работающими и неработающими гражданами в стране уже приближается к критической точке. Об этом свидетельствуют самые разные факты — от дисбаланса возрастных когорт населения (оно в России катастрофически быстро стареет, молодежь в общей структуре населения страны постоянно уменьшается и составляет всего 21,5%) до огромного дефицита Пенсионного фонда. По уровню рождаемости Россия достигла среднеевропейских показателей, а по уровню смертности отстает от развитых европейских стран на 27%. По показателю ожидаемой продолжительности жизни Россия отстает от стран «Группы восьми» и Европейского союза в среднем на 7—10 лет. Естественный прирост населения в 2017 году составил +5,3 тыс. человек, тогда как в 2015 году +32,7 тыс. человек [8].

Очевидно, что миграция сама по себе — процесс объективный и непрерывный и что в такой демографической и экономической ситуации Россия без мигрантов обойтись не сможет. В то же время нельзя игнорировать проблемы, связанные с дисбалансом миграционных потоков и их качественными характеристиками.

Если обратиться к официальным данным за 2016 год, на территории России находится порядка 20 млн легальных и нелегальных мигрантов. Отмечается сосредоточенность 60% всех мигрантов РФ всего в двух регионах (Москва и Под-

москowie, Санкт-Петербург и Ленинградская область), тогда как в других регионах ощущается дефицит трудовых ресурсов, в том числе неквалифицированной рабочей силы [8].

Проблема регулирования миграции оказывается практически неразрешимой, так как конкуренция среди желающих работать в Москве и Санкт-Петербурге постоянно увеличивается и не только за счет приезжих, но, в первую очередь, за счет внутренней трудовой миграции, связанной в том числе и с последствиями ложной урбанизации. Разница в реализации экономических возможностей, в уровне оплаты труда, наличии рабочих мест, медицинском обслуживании и качестве жизни в целом способствует односторонней трудовой мобильности в направлении мегаполисов.

Согласно статистическим данным, только за 1—3 квартал 2018 года в Москву въехало 1 249 664 человека, в Санкт-Петербург 718 567, в Московскую область 343 508 иностранных граждан.

В Российской Федерации помимо Центрального региона привлекательными также являются южные районы, не нуждающиеся в рабочей силе. Сложившаяся ситуация вкупе с сокращением населения на Дальнем Востоке, в районах Сибири и Севера и одновременно наличием регионов, в которых количество безработных в несколько раз превышает потребность в рабочей силе, формирует ложную картину дефицита рабочих мест и, как следствие, снижает эффективность миграционной политики.

В результате в крупных российских городах растет спрос работодателей на дешевую рабочую силу, удовлетворение которого ведет как к снижению уровня заработной платы россиян, занятых на тех же позициях, что и трудовые мигранты, так и к увеличению числа безработных россиян. Осложняется ситуация тем, что большинство иностранных работников не оформляют трудовые или гражданско-правовые договоры с работодателем, то есть относятся к «теневой» занятости (только около 40% мигрантов заключают такого рода договоры) [10. С. 511].

При этом на потребление внутри страны мигранты тратят не более 20% своего дохода. Гражданин России уплатил бы с соответствующей зарплаты не менее 45% своего дохода (ЕСН + НДФЛ), а оставшиеся деньги полностью бы потратил на поддержание внутреннего спроса [5].

Специалисты отмечают, что низкий уровень квалификации и образования мигрантов, их социальных и культурных запросов, ориентированность на поддержку своих семей за пределами России определяет их минимальную норму потребления на территории принимающего государства, что оказывает негативное влияние на рынок труда. Как отмечают экономисты, даже легальный мигрант несет несравнимо меньшие издержки на питание, проживание и оплату услуг по сравнению с гражданином России. Гражданин России платит налоги, квартплату (в некоторых регионах сопоставимую с зарплатой), пользуется инфраструктурой. На получаемую зарплату гражданин России кормит свою семью, реинвестирует заработанные деньги в отечественную экономику. Чтобы стать конкурентными с мигрантами, неквалифицированные рабочие, студенты и пенсионеры

из России должны опуститься до культурного уровня мигрантов из аулов и кишлаков Таджикистана и Узбекистана, что в принципе невозможно ни с культурной точки зрения, ни с точки зрения структуры российской экономики [5].

Концентрация мигрантов в крупных городах неизбежно способствует социальной напряженности, и неудивительно, что неприязнь к представителям других национальностей, согласно опросам, испытывают чаще всего именно жители мегаполисов.

На фоне дисбаланса миграционных потоков и ухудшения социально-экономической ситуации в стране меняется отношение россиян к мигрантам. Согласно опросам, проводимым «Левада-центром», за последние 10 лет количество россиян, отрицательно относящихся к мигрантам, увеличилось. В марте 2016 года 80% россиян полагали, что Правительство РФ должно ограничить приток мигрантов. Только 6% респондентов поддерживают трудовую миграцию в Россию граждан других государств. Нежелание принимать трудовых мигрантов превышает 50-процентный уровень (в Москве этот показатель еще выше — 74%). Увеличивается количество респондентов, отмечающих такие характеристики приезжих, как: малообразованность, неспособность к квалифицированному труду, отсутствие трудолюбия. Пользу для российской экономики отметили только 12% опрошенных [4].

Острой проблемой все также остается проблема адаптации мигрантов к социокультурной среде российского общества. Значительная доля трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, — это население бывшего Советского Союза, что ранее значительно облегчало процесс культурной адаптации и ассимиляции. Однако в последние годы, как отмечают социологи, молодые иммигранты менее образованы, чем их соотечественники среднего и пожилого возраста, плохо знают или вообще не знают русский язык, что затрудняет их интеграцию в общество. Так, 66% из прибывших не владеет русским языком, 85% прибывающих мигрантов это жители аулов и кишлаков Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Но не только плохое знание русского языка характерно для молодого поколения мигрантов, среди временных трудовых мигрантов доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием составляет всего лишь 5%, из них 24% имеют незаконченное среднее образование, что значительно ниже средних показателей по стране [5]. Почти 70% из прибывших это неквалифицированные рабочие, задействованные на строительных площадках и в торговле с соответствующим низким уровнем качества работы.

Мигрантам из стран Центральной Азии и Закавказья (Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана), несколько меньшей степени Казахстана и Туркменистана, а также из стран Восточной и Юго-Восточной Азии (КНДР, КНР, Вьетнам), конечно, гораздо сложнее интегрироваться в принимающее сообщество ввиду их большей замкнутости и стремления максимально сократить контакты с местным населением. Не случайно именно вьетнамская, таджикская и узбекская диаспоры считаются наиболее крупными и активными, что для принимающей страны сложно назвать положительным фактором.

Известно, что чем больше диаспора, тем хуже ее представители ассимилируются, поддерживая контакты в основном с соотечественниками, дистанцируясь от всех «чужеродных» культурных норм, что, безусловно, не способствует повышению уровня доверия коренных жителей. При этом, чем сильнее диаспора, тем больше поток прибывающих и потенциально готовых к ней присоединиться. Кроме того, «современные мигранты, в отличие от своих предшественников, не бегут от опасности, куда глаза глядят, а действуют исходя из информации не только СМИ, но также формальных и неформальных информационных сетей этнических диаспор, возникших благодаря распространению Интернета и средств мобильной связи» [3. С. 417].

В целом поведение трудовых мигрантов на территории России согласно исследованиям обусловлено желанием минимизировать расходы в стране постоянного проживания, а не получением высокого дохода; формированием в стране двойного-тройного (рынок иммигрантского анклава) рынка труда (усилиями самих трудовых мигрантов и руководителей их приезда); мобильностью населения страны исхода трудовых мигрантов; связями, которые усиливают процесс трудовой миграции и инкорпорацию их в общество принимающей стороны [7. С. 375].

Серьезной проблемой для российского общества остается проблема включения детей мигрантов в российскую образовательную систему. По закону, право на обучение в общеобразовательных учреждениях РФ не ограничено статусом иностранного гражданина, то есть им могут воспользоваться все граждане, проживающие на территории РФ. Однако в опубликованных в 2013 году результатах исследования, осуществленных при поддержке фонда «Миграция XXI век», отмечалось, что на практике все большее количество семейных мигрантов, находящихся на территории РФ, сталкиваются с проблемой доступа к образовательным учреждениям. В некоторых случаях руководители образовательных учреждений ссылались на отсутствие свободных мест, незнание детьми русского языка и т.д.

В то же время есть и обратная сторона медали — в социальных сетях появляется все больше откровений родителей, рассказывающих как дети трудовых мигрантов третируют учителей и одноклассников требованиями организации процесса образования по их правилам. В целях смягчения напряженности и лучшей адаптации детей мигрантов учителя творчески изыскивают пути пересказа русских сказок в терминах и понятиях, близких исламизированному менталитету новых учеников, число которых в классах начальной школы составляет $\frac{2}{3}$ учеников в некоторых районах Москвы и Санкт-Петербурга [7. С. 374]. Поиск новых форм подачи учебного материала можно было бы рассматривать как успехи отечественных педагогов, если не учитывать снижение образовательного уровня российских школьников в подобных ситуациях.

Среди обществоведов существует определенный консенсус относительно того, что образование вкупе с гражданским участием в решении насущных проблем уменьшает возможность приобщения человека к экстремистским воззрениям и действиям. Образованные люди, как правило, верят в изменения неблагоприятной ситуации посредством ненасильственных действий, они менее конфликтны на уровне поведенческих моделей, несмотря на большую степень социальной

фрустрации и рефлексии. Поэтому изменение качества населения в сторону понижения образовательного статуса также не способствует понижению конфликтности и является еще одним отрицательным последствием процессов миграции.

Очевидный дисбаланс демонстрируют выезжающие и выезжающие из России по интеллектуальным, образовательным и профессиональным характеристикам. В отличие от иммиграционного потока в Россию, эмиграционный поток характеризуется иными показателями. В целом, по оценкам Росстата и других статистических источников, с 1989 года по настоящее время страну покинули от 6 до 10 млн человек. При этом половозрастная и образовательная структура эмиграционного потока из России имеет свои особенности. Начиная с 2012 года фиксируется более чем двукратное преобладание мужчин среди покидающих РФ. Растет доля именно трудоспособного и образованного населения, по сравнению с предыдущими годами (начиная с 2015 года она составляет около 86%) [2. С. 46]. Покидают страну люди возрастной категории 24—38 лет. Это самая квалифицированная и востребованная категория молодых и со стажем специалистов.

Среди выезжающих высока доля лиц, имеющих высшее профессиональное образование, в том числе докторов и кандидатов наук. Количество ученых, эмигрировавших из страны, ежегодно увеличивается в два раза. По мнению главного ученого секретаря президиума РАН, «ситуация осложняется продолжающейся и даже возросшей в последние годы утечкой человеческого капитала. Число эмигрировавших высококвалифицированных специалистов в 2013 году было 20 тыс., и в 2016 году до 44 тыс.» [1]. Это также подтверждают исследования РАНХиГС «Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений», в которых отмечается, что в текущем десятилетии «имел место реальный рост квалифицированной (интеллектуальной) эмиграции из России».

В то время как Россия все более погружается в кризисное состояние, меняется и категория россиян, покидающих страну. Сегодняшние эмигранты в основном врачи, инженеры, ученые, работники IT-сферы, предприниматели, преподаватели и студенты. Реформы здравоохранения в 2014 году, которые привели к увольнению 7000 медицинских работников только в московском регионе, выдавили еще больше образованных людей из страны в поисках работы. По данным Росстата, большинство сегодняшних эмигрантов едут в США, Германию, Канаду и Финляндию. Ежегодно Россия поставляет мигрантов с высокими показателями человеческого капитала. Более того, образовательный уровень выезжающих из России существенно выше, чем средний показатель по стране. Так, среди российских граждан, выехавших в Австралию, высшее и незаконченное высшее образование было у 60%, в Канаду — у 59, в США — у 48 и в Израиль — 32,5%.

Необходимо отметить еще одну тенденцию, проявляющуюся в последние годы, — в эмиграцию за рубеж постепенно вовлекаются все регионы России. Так, например, Московскую область опередили Алтайский край и Тюменская область, а Санкт-Петербург — Краснодарский край, Свердловская, Новосибирская и Челябинская области [2. С. 51].

Поток уезжающих из России в дальнюю за границу стремительно растет в последние годы. Тема переезда стала особенно популярной у молодежи. В эксперт-

ном сообществе признают: впору констатировать пятую волну эмиграции — и речь идет, прежде всего, об утечке «мозгов».

Ссылаясь на социологические опросы среди школьников и молодых людей, специалисты заявляют о том, что 50% школьников и молодых людей при возможности хотели бы уехать из России в поиске перспектив профессионального роста. К сожалению, в своей стране они не видят перспектив именно профессионального развития. Получение образования перестало гарантировать более высокий социальный статус и более высокую зарплату. Неработающие социальные лифты становятся причиной эмиграции молодежи.

В период сокращения численности трудоспособного населения и дефицита квалифицированных кадров в России отток специалистов, имеющих высокие профессиональные характеристики, не только свидетельствует о сокращении трудового потенциала страны, но и способствует усилению технологического отставания, снижению качества научных исследований, утрате новых научных направлений. По мнению специалистов, оценки потерь России от утечки мозгов ежегодно составляют 45—50 млрд долларов ежегодно.

Эмиграционный поток из России в развитые страны не восполняется за счет входящего иммиграционного потока по показателям человеческого капитала, речь идет о качественных потерях в структуре населения. Россия теряет свою наиболее образованную рабочую силу рекордными темпами. Поскольку высококвалифицированные россияне эмигрируют, будущее инноваций и частного бизнеса в стране можно поставить под сомнение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] В РАН заявили о возросшей в два раза за три года «утечке мозгов» // РИА РосБизнесКонсалтинг. 29.03.2018. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/29/03/2018/5abcc9f59a7947e576977387>. Дата обращения: 03.03.2019.
- [2] Воробьева О.Д., Гребенюк А.А. Эмиграция из России по данным отечественного статистического учета // Вопросы статистики. 2017. № 1 (11). С. 44—53.
- [3] Куликова Ю.О. Проблемы миграции в странах Европы // Молодой ученый. 2017. № 12. С. 417—420.
- [4] Левада-центр: только 6% россиян поддерживают трудовую миграцию в РФ инородцев // Левада-центр. 29.08.2017. Режим доступа: <https://mresearcher.com/2017/08/levada-tsentr-tolko-6-rossiyan-podderzhivayut-trudovuyu-migratsiyu-v-rf-inorodtsev.html>. Дата обращения: 03.03.2019.
- [5] Мигранты — новое население РФ, или угроза национальной безопасности? // Ридус. 16.03.2016. Режим доступа: <https://www.ridus.ru/news/215351>. Дата обращения: 03.03.2019.
- [6] Мониторинг социально-экономического самочувствия россиян. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. 2015—2019 гг. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/social/informatsionno-analiticheskij-byulleten>. Дата обращения: 03.03.2019.
- [7] Окладникова Е.А. Пределы этнической толерантности: трудовая миграция, образование и трансформация современного российского общества // Труды Санкт-Петербургского института культуры и искусств. 2015. С. 374—383.
- [8] Основные результаты работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2016 году. Режим доступа: http://government.ru/dep_news/27318. Дата обращения: 03.03.2019.

- [9] Постановление Правительства РФ от 6 декабря 2017 г. № 1479 «Об определении потребности в привлечении иностранных работников, прибывающих в Российскую Федерацию на основании визы, в том числе по приоритетным профессионально-квалификационным группам, и утверждении квот на 2018 год» // Официальный сайт Правительства России. Режим доступа: <http://government.ru/docs/30455/>. Дата обращения: 03.03.2019.
- [10] *Цымбалюк В.А.* Факторы, влияющие на миграционную политику России в отношении иностранных работников // Молодой ученый. 2017. № 13. С. 511—513.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-175-183

Research Article

REALITIES OF THE MIGRATION PROCESS IN RUSSIA: QUANTITATIVE “PROS” AND QUALITATIVE “CONS”

T.V. Karadje, D.V. Tombu

Moscow Pedagogical State University
Vernadskogo prosp., 88, Moscow, Russian Federation, 119571

Abstract. The article discusses the features of immigration and emigration flows in Russia, their quality indicators. There is a mismatch in the distribution of labor migrants in the country regions, as well as the intellectual and professional characteristics of immigration and emigration flows are being analyzed. The authors pay great attention to the main modern trends of migration processes in Russia and problems of migration’s regulation.

Key words: migration, immigration and emigration flows, intellectual and professional characteristics of migration flows

REFERENCES

- [1] In the Russian Academy of Science it Was Declared that the “Brain Drain” Doubled in Three Recent Years. *RBC*. 29.03.2018. Available from: <https://www.rbc.ru/society/29/03/2018/5abcc9f59a7947e576977387>. Accessed: 03.03.2019 (In Russ.)
- [2] Vorobyeva O.D., Grebenyuk A.A. Emigration from Russia as Per Data of the National Statistical Review. *Statistical Issues*. 2017; 1 (11): 44—53. (In Russ.)
- [3] Kulikova Yu.O. Migration Problems in Countries of Europe. *The Young Scientist*. 2017; 12: 417—420 (In Russ.).
- [4] Levada Center: Only 6% of Russian Citizens Support Foreigners’ Labor Migration to Russian Federation. *Levada Center*. 29.08.2017. Available from: <https://mresearcher.com/2017/08/levada-tsentr-tolko-6-rossiyan-podderzhivayut-trudovuyu-migratsiyu-v-rf-inorodtsev.html>. Accessed: 03.03.2019 (In Russ.).
- [5] Migrants — New Population of Russian Federation, or the National Security Threat? *Ridius*. 16.03.2016. Available from: <https://www.ridus.ru/news/215351>. Accessed: 03.03.2019 (In Russ.).
- [6] Monitoring of Social-economic Well-being of Russians. *Institute of Social Analysis and Forecast. RANEPА*. 2015—2019. Available from: <https://www.ranepa.ru/social/informatsionno-analiticheskij-byulleten>. Accessed: 03.03.2019 (In Russ.).
- [7] Okladnikova E.A. Ethnic Tolerance Limits: Labor Migration, Education and Transformation of Modern Russian Society. *Works of the Saint-Petersburg Institute of Culture and Arts*. 2015: 374—383 (In Russ.).
- [8] *Main Results of Work of the Labor and Social Protection Ministry of Russian Federation in 2016*. Available from: http://government.ru/dep_news/27318. Accessed: 03.03.2019 (In Russ.).

- [9] Government Decree of Russian Federation Dated on the 6th of December 2017 № 1479 “On the Definition of the Need to Attract Foreign Workers, Arriving to Russian Federation, Based on the Visa, Including the Priority of Professional and Qualification Groups, and the Statement of the Quotes for 2018 year”. *Official Website of the Government of Russian Federation*. Available from: <http://government.ru/docs/30455/>. Accessed: 03.03.2019 (In Russ.).
- [10] Tsymbalyuk V.A. Factors, Influencing the Migration Policy of Russia Towards Foreign Workers. *The Young Scientist*. 2017; 13: 511—513 (In Russ.).

Сведения об авторах:

Татьяна Васильевна Карадже — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (e-mail: karadzhe@yandex.ru).

Дина Вольдемаровна Томбу — кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии Московского педагогического государственного университета (e-mail: dv.tombu@mpgu.su).

Information about the authors:

Tatiana V. Karadje — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation) (e-mail: karadzhe@yandex.ru).

Dina V. Tombu — PhD, Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University (Russian Federation) (e-mail: dv.tombu@mpgu.su).

Статья поступила в редакцию 05.03.2019.

Received 05.03.2019.

Для цитирования:

Карадже Т.В., Томбу Д.В. Реалии миграционного процесса в России: количественные «плюсы» и качественные «минусы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 175—183. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-175-183.

For citation:

Karadje T.V., Tombu D.V. Realities of the Migration Process in Russia: Quantitative “Pros” and Qualitative “Cons”. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 175—183. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-175-183.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194

Научная статья

ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ РОССИИ В СОЗНАНИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Д.А. Будко, Г.В. Лукьянова

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Аннотация. Проблема восприятия образа государства его гражданами является одним из наиболее перспективных направлений изучения политического сознания. В случае, когда объектом исследования выступает молодежь, полученные данные позволяют выявить их основные ожидания от дальнейшего развития политической системы страны. Основываясь на результатах проведенных шести фокус-групп среди обучающихся СПбГУ различных специальностей, в данной статье была предпринята попытка описать образ идеальной России в сознании студентов. К основным выводам можно отнести: 1) образы страны, власти, политического лидера являются своеобразной проекцией тех политических процессов и явлений, которые происходят в настоящее время в мире; 2) молодежи свойственна категоричность и противоречивость в собственных взглядах и оценках; 3) наравне с патриотизмом студенты испытывают чувство ответственности за свое будущее и будущее России.

Ключевые слова: политическое сознание, образ России, молодежь, дискурс

Проблема формирования образа государства и его отражения в политическом сознании граждан является одним из значимых и перспективных направлений исследований в современной политической науке [2; 4; 5; 7; 14; 15]. Большое количество работ посвящено анализу восприятия России в глазах иностранных граждан [1; 9; 12; 13], а также специфике имиджа государства на международной арене [3; 10; 11; 18]. В меньшей степени исследователями затрагивается вопрос, как видят свою страну сами россияне [6; 8].

Данная тема приобретает особую важность в связи с тем, что воспринимаемый жителями образ своей страны непосредственно связан с обеспечением политической стабильности, укреплением гражданской идентичности, устойчивостью и привлекательностью территории для проживания. Как справедливо отмечает А.Н. Киркин, «являясь отражением господствующих в обществе политических отношений и формируясь под влиянием конкретной социальной и политической практики, массовые представления населения о российском государстве, оказывают ключевое воздействие на политическое поведение граждан нашей страны» [8. С. 12].

Вслед за Е.Б. Шестопа́л политический образ в данной статье рассматривается «с одной стороны — как отражение реальных характеристик объекта вос-

© Будко Д.А., Лукьянова Г.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

приятия, т.е. политической власти и личности лидера и т.д., а с другой стороны, проекция ожиданий субъекта восприятия, т.е. граждан» [17. С. 12]. Соответственно, концепт «образа страны» является неотъемлемым элементом массового и индивидуального политического сознания населения, его ментальности, и включает в себя восприятие территории, социально-экономической составляющей, политической власти (и ожиданий от ее действий), культуры и самого народа.

Обращение в данном исследовании к студенческой молодежи в качестве объекта анализа обусловлено рядом причин.

Во-первых, данная социальная группа традиционно считается наиболее заинтересованной в изменениях, накапливая в себе потенциал для будущих преобразований. Особая пластичность и восприимчивость к нововведениям, характеризующие молодежь в целом, применимы и к сфере политического. Именно на молодое поколение и его активную жизненную позицию возлагаются большие надежды как в связи с сохранением стабильности существующего режима, так и в связи с возможностью его изменения.

Во-вторых, изучение политического сознания студенчества представляется важным еще и потому, что в ближайшем будущем сформированные и усвоенные социальные, культурные и политические установки, а также ценностные ориентации представителей именно этой социальной группы составят основу политического управления страной. Изучение образов реальной и идеальной России позволяет нам отследить основные ожидания молодежи не только от дальнейшего развития политической системы страны, но и установки, оказывающие влияние непосредственно на их повседневную жизнь. В этом аспекте интересен не столько поиск противоречий в духе «ожидание vs. реальность», сколько возможные пересечения между ними и аргументация относительно повестки дня и высказывание собственной политической позиции.

В-третьих, студенты вузов представляют абсолютно разные регионы России: от малых населенных пунктов до городов-мегаполисов.

Для выявления образа России в сознании молодежи было проведено шесть фокус-групп со студентами Санкт-Петербургского государственного университета, представляющими различные специальности: политология, юриспруденция, международные отношения, математика, физика, химия и т.д. При проведении обработки материалов фокус-групп использовались в основном кодировочные категории и группировка данных, предваряющиеся расшифровкой записей. Данные фокус-групп также обработаны на основе дискурса-анализа, позволяющего рассматривать дискурс респондентов как особый вид письменный и речевой коммуникации, в которой для исследователя представляются равнозначно ценными как вербальные, так и невербальные составляющие.

Прежде чем перейти к анализу образов идеальной и реальной России в сознании респондентов, обратимся к вопросу, посвященному идеальному правителю. Данный концепт, разрабатывающийся с древнейших времен, носит не только политико-философский характер, но и социальный, поскольку образ политического лидера является в том числе неотъемлемым, если не центральным, компонентом образа страны в целом.

Здесь можно наблюдать общую тенденцию, отличающуюся лишь некоторыми вариациями в зависимости от политических взглядов респондентов. Было выявлено, что на первый план выходят талант управленца и его патриотизм. Во многом, несмотря на всю парадоксальность, это совпадает с архетипом «царя-батюшки», всецело преданного своему предназначению, и вся жизнь которого посвящена служению своему народу:

«Для меня, который реально будет хотеть что-то улучшить, не потому что он хочет заработать, а потому что, правда, сердце болит. Это, наверное, самое важное (М., 3 курс, мат-мех)»;

«Наверное, я считаю, что идеальный политик это — тот человек, который сможет направить, настроение, мотивацию, создать эту мотивацию среди населения. Ты не будешь хорошим для всех, это понятно. Это человек, который может создавать эффективную политику, направленную на благосостояние населения... (Ж., 4 курс, полит.)»;

«...И этот человек, конечно, должен быть с определенными моральными принципами... Он должен быть отчасти альтруистичным. То есть тот человек, который работает с обществом, который руководит обществом. Он должен иметь альтруистические качества для этого. И должен находить контакт с людьми, видеть, чтобы с ними работать адекватно... (Ж., 4 курс, полит.)»¹

При этом образ идеального правителя зачастую подвергается высокой степени идеализации и сопереживания. Здесь можно зафиксировать два варианта осуществления ожиданий студентов. Первый — предельная близость правителя к народу, вплоть до аллюзий на «ленинскую» кухарку, которая может управлять государством:

«По мне, он должен быть хороший управленец. Человек честный должен быть. Должна болеть душа, так сказать, за страну, за то место, где ты живешь. Понятие Родина, возможно, какое-то. Важно, чтобы у тебя тут были интересы, потому что легко любить родину, где ты живешь. Ты должен здесь жить, прям реально находиться, тогда ты можешь что-то решать, а не где-то у тебя денежки... Образование может быть любое, мне кажется, чуть-чуть выше школы. Ну это может быть среднее специальное, высшее образование. Неважно какое правление, человек, чтоб мог мыслить, какие-то логические цепочки выстраивать. А там дальше, ты же идешь вопросом власти заниматься, ты можешь нагнуть всякие тонкости: юриспруденция, все, все... (Ж., 3 курс, ПМ-ПУ)»;

«А еще, мне кажется, очень сильно важно, когда политики очень близки к народу, а-ля, когда они ездят на работу, например, на велосипеде. Вот в Европе очень много такого. Я сегодня с утра видела видео, как премьер-министр уронил чашку кофе и попросил швабру у уборщицы, и вытер сам. И там просто все аплодировали и плакали. Ну, это, естественно, было не в России (Ж., 2 курс, мат-мех)».

Второй вариант — перерождение собственных эмоций, чаяний в абстрагирование от реальности и переход от исторических к воображаемым персонажам, традиционно олицетворяющим самопожертвование и справедливость:

«Я бы хотела видеть кого-то наподобие Жана Вальжана из Отверженных. Это был человек в определенный период своей жизни из ниоткуда, не политик, но он

¹ Для сохранения эмоциональности и точности высказываний речь респондентов не подвергалась редактированию. — Прим. авт.

объединил вокруг себя достаточное количество людей. Он был честен с людьми, но его честность его и погубила. Не знаю, насколько это приемлемо для руководителя государства (Ж., 2 курс, юрфак)»;

«Еще один пусть будет — Дейнерис Таргариен (смех). Про простых людей думает, земли захватывает, со всеми классными ребятами братается. Голосуйте за Дейнерис! (Ж., 2 курс, юрфак)»;

«Данко, он вырвал сердце ради людей. Он вел людей, он собой пожертвовал. Это человек, за которого можно идти (М., 1 курс, соц.фак)».

Приведенные выше цитаты в очередной раз подтверждают высокий уровень героизации политика, а также завышенные ожидания участников фокус-групп. При попытке выявить политические образы исследователи неминуемо сталкиваются с проблемой стереотипов, через которые люди воспринимают и воспроизводят реальное. Во многом можно сказать о том, что черты, приписываемые идеальному правителю совершенны и в чем-то противоречивы настолько, что переводят его в разряд мифических персонажей и, таким образом, ставят планку, которой реальный человек вряд ли может достигнуть.

Большую роль в ходе восприятия молодежью политического процесса играет эмоционально-психологическая составляющая. Зачастую студенты делают суждения на основании иррациональных факторов. Например, в фокус-группах можно обнаружить и вовсе экзотические предложения, связанные с идеями, если не аристократии, то по крайней мере коллегиальности. В данном аспекте респондентами не учитываются ни особенности выстраивания иерархии в обществе, ни психология групп. По своей сути, надежды, возлагаемые на некую «элиту», мало отличаются от упомянутой выше идеализации сказочных героев — ведь даже во главе рыцарей Круглого Стола находился Король Артур:

«Мне кажется, что невозможно найти такого вот одного человека, который смог бы управлять целой страной. Мне кажется, это должна быть группа людей, и у них должны быть разные качества, во многом противоречащие друг другу для того, чтобы находить этот баланс. Но при этом у них тогда должно быть какое-то чувство меры или какое-то стремление находить компромисс... Ну, то есть, мне кажется, это должна быть группа условно равных людей... Мне кажется, что да, эти люди очень должны болеть страной, они должны болеть страной в общем (Ж., 2 курс, мат-мех)»;

«Ну мы русский менталитет, мы все время хотим возложить ответственность на какую-то личность, у нас большую роль вообще играет личность. Во все времена. Мне кажется, лично с моей точки зрения, нет идеала, нет идеального политика, нет идеального государства, нет идеального человека, нет идеального. Просто нужна определенная команда для этого человека, которая вместе с ним будет работать эффективно, потому что человек сам по себе может быть идеальным, там в политике или еще где, но если у него нет идеальной команды, то ничего он не сможет сделать, какими качествами он бы не обладал (Ж., маг., полит.)»

Соответственно, при воспроизведении респондентами образа реальной России мы сталкиваемся с подобной дуальностью: с одной стороны, резкая критика и приведение в качестве примера стандартных проблем и конфликтов, существующих в обществе, таких как коррупция, неравенство, отсутствие социальных

лифтов, с другой — напротив, яркий патриотизм и любовь к народу, живущему в Российской Федерации:

«Я очень сильно согласна с тем, чтобы у нас было социальное государство. Потому что пока, у меня есть такое ощущение, что мы очень сильно занимается внешней политикой, такое ощущение, что на внутреннюю политику вообще всем без разницы, и на то, что ты живешь в этом государстве. Это твои проблемы, и государство тобой особо не хочет заниматься... И мне очень обидно, потому что у нас как бы замечательная страна. Я очень хочу жить в России, потому что, я типа, люблю свою страну. Мне здесь очень хорошо, но я понимаю, что мне намного сложнее в России, нежели, если я перееду в Европу... У нас, к сожалению, мало заботы о гражданах, хотя, на самом деле, людей-то много толковых. В итоге, у нас очень много толковых людей уезжает, а остаются те, кто и не хочет, и не может...» (Ж., 2 курс, физфак);

«Я люблю Россию, потому что здесь люди хорошие живут. Мне нравится культура русская, мне нравится природа русская. Мне все равно, насколько она бедная, мне все равно, я все равно ее люблю» (Ж., 3 курс, мат-мех);

«Не проблема государства в том, что ты приходишь в магазин, а там какая-то хмурая продавица. Она на тебя неприятно смотрит или хамит. Это ведь не проблема государства. Это проблема вот здесь, у каждого из нас...» (М., 2 курс, физфак);

Заметим, во многом присущая сознанию граждан идеализация западного мира находит отражение и в ответах респондентов. Вероятнее всего, это можно объяснить как некой стереотипностью мышления, так и стремлением к внешней визуализации:

«Я бы был доволен, если бы Россия была на уровне, я не знаю, какой-нибудь Италии. Хотя бы в плане материального достатка населения и демократии. Я не знаю с чем сравнивать, если сравнивать с развивающимся миром, то в России неплохо живется и демократия тоже не самая плохая. Но если сравнивать с передовыми странами, то есть куда расти. В общем, была бы демократия, конкуренция, свобода СМИ и реальная конкуренция мнений, и современная рыночная экономика» (М., 1 курс, соцфак);

«Ну просто, чтобы я выходил на улицу — были красивые дома, а не какие-то разрушенные. Просто, чтобы приятная картина была у нас в стране» (М., 3 курс, мат-мех);

«Ну, с моей точки зрения, действительно, сильный рынок. Все-таки не такой сильный наклон в сторону социальных программ. Хороший рецепт стабильной европейской экономики, в общем-то. Поэтому, наверное, чтобы было меньше государственного аппарата, государственных чиновников, бюрократии. Чтобы было больше свободы в бизнесе, чтобы бизнес был независимым от политической конъюнктуры, чтобы мы могли свободно перемещаться по европейскому союзу, а не получать какие-то проблемы при получении виз США, Великобритании. То есть больше возможностей для реализации своих желаний» (М., 2 курс, физфак).

Последняя цитата является наиболее ярким примером склонности студентов делать выводы лишь на основе визуальных данных, полученных из личного опыта посещения европейских стран. При этом, не углубляясь в особенности внутрипо-

литических процессов и социальных конфликтов, существующих в этих государствах, на первый план выходят личные желания и выгоды респондентов, зачастую оторванные от реальности и основанные на философии гедонизма.

Это же отражается и при описании образа идеальной России, который представляет собой несколько утопичную модель, основанную одновременно на ценностях капитализма и классического социального государства. Зафиксированная нами тенденция характерна и для молодежи в других странах. Авторитетный журнал «The Economist» в феврале 2019 года опубликовал статью, в которой постулируется возвращение в моду идей социализма, особенно среди поколения миллениалов [19. Р. 9—10]. Приводя в качестве примера данные, полученные Институтом Гэллага, авторы отмечают, что около 51% американцев в возрасте 18—29 лет положительно относятся к социализму, а на праймериз в 2016 году за Берни Сандерса проголосовало больше молодых людей, чем за Хиллари Клинтон и Дональда Трампа вместе взятых. Основной аргумент миллениалов-социалистов состоит в том, что социальное неравенство достигло своего апогея: экономическая ситуация выстраивается исключительно в пользу интересов крупных корпораций. На их взгляд, единственным возможным отвечающим ожиданиям общественности решением данной проблемы является перераспределение государством доходов вплоть до национализации тех или иных предприятий [19. Р. 9—10].

Для иллюстрации этого тезиса позволим себе привести довольно обширную цитату:

«Очень хочется, конечно, «за» все хорошее, «против» всего плохого. Но мы же все-таки не в идеальном мире живем. Мы вот тут живем. Очень хочется, чтобы никто не выживал, а все жили. Чтобы у всех дом ломился от всего подряд, а все дети — здоровы... Для меня была бы идеальной страна, которая ставила бы во главу угла социальную политику, наверно. У нас сейчас декларируемый капитализм, который построен на таких остатках вот социализма, который пытался стать коммунизмом. И как-то ни рыба ни мясо, ни туда ни сюда. Ни нормального капитализма не построили, ни нормального социализма не сделали. И, наверно, стоит как-то определиться, куда мы хотим, и как мы хотим туда прийти, и начать туда уверенно шагать, а то мы топчемся на месте, пока другие куда-то идут. Ну и вот в этом пути куда-то, куда-нибудь уже, наконец, я бы хотел, чтобы государство, все-таки, в первую очередь, заботилось о том, кто в нем живет, в его подавляющем большинстве, а не как у нас сейчас частенько бывает, о прибылях и сверхприбылях тех, кто оказался повыше и покомфортнее. А как мы туда придем. Устраивая свободный рынок или национализируя средства производства — это уже вторично, для меня» (М., 2 курс, мат-мех).

В идеальной России в представлении студентов огромную роль играет политическая грамотность населения как комплекс знаний о деятельности и функционировании органов государственной власти на различных уровнях и практических навыков взаимодействия с ней, знание основных положений избирательного законодательства:

«Подавляющее большинство людей никак не вникает в суть того, что они выбирают, то есть никто не выбирает конкретную политическую программу, все выбирают, по сути, рекламу (М., 2 курс, физ-фак)»;

«Идеальные выборы? конечно, ничего объективного быть не может, но, мне кажется, что это уже вопрос политической образованности, какой-то гражданской ответственности людей самих, чтобы люди интересовались, чтобы у них было какое-то критическое мнение, чтобы они могли анализировать информацию: что вброс, что не вброс, что на самом деле так, что, там, от них утаили, а что им поднесли под другим соусом (Ж., 2 курс, мат-мех);»

«Поэтому в России будущего люди должны быть подкованы, чтобы хотя бы понимать, за кого они голосуют (М., 2 курс, история)».

Подводя итог, хотелось бы отметить, что отраженные в политическом сознании студентов Санкт-Петербургского государственного университета образы страны, власти, политического лидера являются своеобразными репринтами тех политических процессов и явлений, которые происходят в стране в настоящее время. Молодежь, как объект исследования, имеет ряд особенностей в восприятии политики, связанных с демографическими, психологическими и социальными аспектами. Как замечает Р.В. Сергеев, молодые люди стремятся выработать свой отличный от всех взгляд на самые обыденные вещи, дать собственную оценку происходящему и имеют тенденцию к развитию критического мышления [16]. Однако, как показывают ответы участников фокус-групп, молодежи в высшей степени свойственна не критичность, а скорее категоричность и противоречивость в собственных взглядах.

Это выражается в многочисленных дихотомиях — одновременного сосуществования полярных друг другу явлений: патриотизм и идеализация Запада; либеральные ценности и идеалы социализма; идеализм и прагматизм в требованиях, предъявляемых к политическим лидерам; визуальные впечатления и реальное положение дел. При этом молодые люди не боятся взять на себя ответственность за собственное будущее и будущее своей страны.

В завершение данной статьи хотелось бы привести цитату, на наш взгляд, наиболее ярко демонстрирующую мировоззрение современного студента СПбГУ:

«У многих резануло слух „идеальное“ и „Россия“. Я в корне не согласен с этим, я считаю, что Россия может быть идеальной, Россия стремится быть идеальной, и здесь правильно отметили... Я не буду углубляться в перипетии управления, формы правления, режимы, Бог с ним, процитирую Пайпса, известного американского историка или английского — как только каждый россиянин научится жить при демократии, Россия станет великой державой. Тогда я могу быть счастлив (М., 2 курс, полит.)».

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Благодарность: Исследование «Факторы формирования абсентеизма студенческой молодежи в российском мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)» выполнено при технической поддержке Ресурсного центра социологических и интернет-исследований Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 106-9131-879, руководитель проекта — О.В. Попова, исследовательская группа — преподаватели кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ).

Acknowledgments: This research was supported by St. Petersburg State University (project № 106-9131-879 “The factors of absenteeism development among students in a Russian metropolis (by the example of St. Petersburg)”, project leader O.V. Popova). Also, for this study we utilized facilities provided by the Center for Sociological and Internet Research at Saint-Petersburg State University (Russian Federation).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Беспалов С.В.* Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства / С.В. Беспалов, А.В. Власов, П.В. Голубцов, А.А. Казанцев, А.В. Караваяев, В.Н. Меркушев. М.: Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве, 2007. 115 с. Режим доступа: <https://mgimo.ru/files/34169/34169.pdf>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [2] *Васильева Г.М., Ротмистрова О.В.* Культурно-географический образ России в лингвокультурологическом аспекте: монография. СПб., 2011. 197 с.
- [3] *Галумов Э.А.* Международный имидж России: стратегия формирования. М.: Известия, 2003. 446 с.
- [4] *Гравер А.А.* Образ, имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 29—45.
- [5] *Джгамадзе К.Б.* Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. С. 40—44.
- [6] *Дробизева Л.М., Рыжова С.В.* Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9—24.
- [7] *Замятин Д.Н.* Образ страны: структура и динамика // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 107—115.
- [8] *Киркин А.Н.* Формирование образа государства в политическом сознании россиян: особенности и тенденции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.: РАН, Ин-т социал.-полит. исслед., 2006. 25 с. Режим доступа: http://isprras.ru/pics/File/avtoref-06/2006_Kirkin.pdf. Дата обращения: 10.01.2019.
- [9] *Киселев И.Ю., Смирнова А.Г.* Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // Полис. Политические исследования. 2004. № 4. С. 116—125.
- [10] *Малинова О.Ю.* Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000—2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности // Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация / отв. ред. И.С. Семенов. М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 86—106.
- [11] *Образ России во временной перспективе: монография / под ред. С.А. Гончарова.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. 347 с.
- [12] *Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопал.* М.: Аспект Пресс, 2008. 288 с.
- [13] *Пищева Т.Н.* Образ России в стране и в мире: научные исследования в современной политической психологии // От истоков к современности. 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сборник материалов юбилейной конференции: в 5 т / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. Т. 2. С. 451—453.
- [14] *Пищева Т.Н.* Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 47—52.
- [15] *Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопал / Е.Б. Шестопал, А.В. Селезнева, А.Л. Зверев и др.* Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). М.: РОССПЭН, 2012. 423 с.
- [16] *Сергеев Р.В.* Молодежь и студенчество как социальные группы и объект социологического анализа // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 127—133. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-studenchestvo-kak-sotsialnye-gruppy-i-obekt-sotsiologicheskogo-analiza>. Дата обращения: 10.01.2019.

- [17] Шестопал Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // *Образы государств, наций и лидеров* / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 12—13.
- [18] Шестопал Е.Б., Губченко В.А., Джамалудинов Ш.З., Джгамадзе К.Б., Тумысов И.А. Образы Евросоюза в России: проблемы восприятия // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 3. С. 12—24.
- [19] *Millennial Socialism* // *The Economist*. 2019. Vol. 430. № 9130. P. 9—10.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194

Research Article

IMAGE OF AN IDEAL RUSSIA IN THE CONSCIOUSNESS OF STUDENT YOUTH

D.A. Budko, G.V. Lukyanova

Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. The perception of the image of the state by its citizens is believed to be one of the most promising areas for the study of political consciousness. When the object of the research is youth, the obtained data allow us to identify their main expectations from the further development of the country's political system. Basing on the results of six focus groups among students at St. Petersburg State University, in this paper we attempt to describe the image of ideal Russia in the minds of students. We have obtained results demonstrating that 1) the images of the country, the authorities, and the political leader are a kind of projection of the political processes and phenomena that are currently occurring in the world; 2) youth is characterized by categorical and inconsistent in their own views and evaluations; 3) along with patriotism, students feel a sense of responsibility for their future and the future of Russia.

Key words: political consciousness, image of Russia, youth, discourse

REFERENCES

- [1] Bepalov S.V. *Mechanisms of Formation of a Positive Image of Russia in the Countries of the Post-Soviet Space*. Moscow: Evrazijskaya set' politicheskikh issledovaniy; IAC MGU po izucheniyu obshchestvenno-politicheskikh processov na postsovetском prostranstve; 2007. 115 p. Available from: <https://mgimo.ru/files/34169/34169.pdf>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [2] Vasil'eva G.M. *Cultural and Geographical Image of Russia in Linguoculturological Aspect*. SPb.; 2011. 197 p. (In Russ.).
- [3] Galumov E.A. *The International Image of Russia: Strategy of Formation*. Moscow: Izvestiya; 2003. 446 p. (In Russ.).
- [4] Graver A.A. Image and Brand of the Country: Concepts and Directions of Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. 2012; 3 (19): 29—45 (In Russ.).
- [5] Dzhgamadze K.B. Theoretical and Methodological Features of a Study of the Image of the Country in the Mass Consciousness. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015; 3: 40—44 (In Russ.).
- [6] Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. Civil and Ethnic Identity and the Image of the Desired State in Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2015; 5: 9—24 (In Russ.).

- [7] Zamyatin D.N. Image of the Country: Structure and Dynamics. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2000; 1: 107—115 (In Russ.).
- [8] Kirkin A.N. *Formation of the Image of the State in the Political Consciousness of Russians*: autoreferat of the PhD thesis. Moscow: RAS, In-t social.-polit. issled., 2006. 25 p. Available from: http://isprras.ru/pics/File/avtoref-06/2006_Kirkin.pdf. Accessed: 10.01.2019 (In Russ.).
- [9] Kiselev I.Y., Smirnova A.G. The Image of the State as a Factor of Foreign Policy Decision-making. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2004; 4: 116—125 (In Russ.).
- [10] Malinova O.Yu. Images of Russia and the “West” in the Discourse of Power (2000—2007): Attempts to Redefine the Collective Identity. *Obraz Rossii v mire: stanovlenie, vospriyatie, transformatsiya*. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: IMEHO RAN; 2008: 86—106 (In Russ.).
- [11] *The Image of Russia in the Time Frame*. Ed. by S.A. Goncharova. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena; 2012. 347 p. (In Russ.).
- [12] *Images of States, Nations and Leaders*. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: Aspekt Press; 2008. 288 p. (In Russ.).
- [13] Pishcheva T.N. The Image of Russia in the Country and in the World: Scientific Research in Modern Political Psychology. *Ot istokov k sovremennosti*. 130 years of organization of psychological society at Moscow University: Collection of materials of the anniversary conference in 5 volumes. Ed. by D.B. Bogoyavlenskaya. Moscow: Kogito-Center; 2015. Vol. 2: 451—453 (In Russ.).
- [14] Pishcheva T.N. Political Images: Problems of Research and Interpretation. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2011; 2: 47—52 (In Russ.).
- [15] Psychology of political Perception in Contemporary Russia. *Rossiyskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN)*. Ed. by E.B. Shestopal, A.V. Selezneva, A.L. Zverev et al. Moscow: ROSSPEHN; 2012. 423 p. (In Russ.).
- [16] Sergeev R.V. Youth and Students as Social Groups and an Object of Sociological Analysis. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*. 2010; 1: 127—133. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-i-studenchestvo-kak-sotsialnye-gruppy-i-obekt-sotsiologicheskogo-analiza>. Accessed: 10.01.2019 (In Russ.).
- [17] Shestopal E.B. The Image and the Image of the Political Perception: The Actual Problems of the Study. *Obrazy gosudarstv, nacij i liderov*. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: Aspekt Press; 2008: 12—13 (In Russ.).
- [18] Shestopal E.B., Gubchenko V.A., Dzhamaludinov Sh.Z., Dzhgamadze K.B., Tumysov I.A. Images of the European Union in Russia: Problems of Perception. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2016; 3: 12—24 (In Russ.).
- [19] Millennial Socialism. *The Economist*. 2019; Vol. 430; 9130: 9—10.

Сведения об авторах:

Будко Диана Анатольевна — кандидат политических наук, ассистент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0002-4064-7031) (e-mail: dianabudko@mail.ru).

Лукьянова Галина Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (ORCID ID: 0000-0003-1260-2124) (e-mail: g.lukyanova@spbu.ru).

Information about the authors:

Diana A. Budko — PhD, Assistant of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-4064-7031) (e-mail: dianabudko@mail.ru).

Galina V. Lukyanova — PhD, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, St. Petersburg State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1260-2124) (e-mail: g.lukiyanova@spbu.ru).

Статья поступила в редакцию 03.02.2019.

Received 03.02.2019.

Для цитирования:

Будко Д.А., Лукьянова Г.В. Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 2. С. 184—194. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194.

For citation:

Budko D.A., Lukyanova G.V. Image of an Ideal Russia in the Consciousness of Student Youth. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 184—194. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-195-207

Научная статья

ПРАЙМЕРИЗ КАК НОВЫЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОГО ИЗБИРАТЕЛЯ И ПАРТИЙНОГО КАНДИДАТА

Я.И. Репьёва

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Просп. Вернадского, 84, Москва, Россия, 119606

Аннотация. Трансформация электоральных процессов, а также внедрение новых элементов, как правило, обусловлены динамичным развитием и одновременно усложнением общественных отношений. Одно из таких проявлений — активная апробация партией «Единая Россия» механизма предварительного внутрипартийного голосования для определения наиболее эффективных кандидатов и их последующего выдвижения в выборные органы власти. Использование по-настоящему инновационного для Российской Федерации механизма отбора кандидатов, в который впервые смогли включиться все граждане, обладающие активным избирательным правом, стало демонстрацией подготовки партии к участию в конкурентной борьбе за одномандатные округа в рамках вновь вернувшейся смешанной избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы. В заданных условиях партия объявила о готовности побудить свои региональные организации к переориентации — главным политическим ресурсом для нее должна стать поддержка избирателей. Ключевой косвенный эффект от использования данного инструмента для российского избирателя проявился в расширении традиционных границ применения активного избирательного права. Учитывая пристальное внимание к складывающейся практике как ее сторонников, так и критиков, а также попытки к институционализации, автором проанализирована предыстория вопроса и сформулированы преимущества и угрозы, привносимые праймериз, в российский избирательный процесс. Основу исследования для постановки проблемы и формулирования возможных аргументов в пользу данной процедуры составили данные социологических и экспертных опросов, а также научные труды авторов немногочисленных по данной проблематике работ.

Ключевые слова: избирательная система, праймериз, предварительное голосование, избирательная кампания, представительство, партия

Завершение 2018 года ознаменовалось ключевой юбилейной датой для развития российского избирательного права — 25-летием принятия на всенародном голосовании Конституции Российской Федерации, заложившей политико-правовые основы гражданского согласия и партнерства, появления политических партий и становления многопартийной системы, а также преобразования процедуры формального голосования, каким оно преимущественно было в советский период, в реальную технологию выбора между различными политическими конкурентными избирательными (общественными) объединениями, участвующими в борьбе

© Репьёва Я.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

за государственную власть в соответствии с волеизъявлением избирателей [18]. Как отметил Председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев, «казалось бы, четверть века — скромный срок по меркам истории российского права. Однако Конституция ценна не годами, а идеями, которые в ней заложены» [9. С. 8]. В частности, став, без преувеличения, решающим вкладом в признание ценности избирательного права в России, Основной закон страны утвердил принцип народного суверенитета, провозгласивший принадлежность государственной власти многонациональному народу и определивший непосредственные формы ее выражения через референдум и выборы (ст. 3). Причем важно акцентировать внимание на том, что последние выступают не просто формой осуществления народовластия, а необходимой его гарантией и предпосылкой. И здесь важен не сам факт регулярного проведения выборов, а их качество и процедуры, обеспечивающие определенный правовой результат и, как следствие, способность выборными органами власти в дальнейшем реализовывать социальный заказ общества.

Однако, учитывая, что для формирования нижней палаты парламента Российской Федерация в новейшей истории опробовала все основные модели избирательных систем: мажоритарную — на выборах депутатов Съезда народных депутатов в 1990 году, пропорциональную — на выборах депутатов Государственной Думы в 2007 и 2011 годах и вновь вернувшуюся смешанную, применяемую на выборах депутатов нижней палаты парламента с 2016 года (ранее данная модель также использовалась в 1993, 1995, 1999, 2003 годах) — становится очевидным, что Россия все еще находится в поиске компромиссных механизмов, которые способствовали бы реализации функции реального публичного представительства интересов и отражения воли избирателей. Так, на последней встрече с представителями Центральной избирательной комиссии РФ российский Президент Владимир Путин особо подчеркнул, что «избирательная система эффективна только тогда, когда люди ей доверяют, знают, что их голос будет услышан. Мы, безусловно, обязаны беречь такое доверие, уважать и ценить мнения и позицию наших граждан» [2].

Вместе с тем усилия национального законодателя, которые в течение последних 25 лет были направлены на достижение максимального прогресса в избирательной сфере в результате апробации в очередной раз новой избирательной системы, привели к небывалым масштабам частоты изменений нормативно-правовой базы, регулирующей проведение выборов, тем самым вызвав справедливые нарекания участников избирательного процесса.

Кроме того, как уже успели продемонстрировать прошедшие избирательные циклы, перманентное изменение модели российской избирательной системы, на основе которой проводились кампании по выборам депутатов Государственной Думы, а также кардинальное изменение «правил игры» незадолго до самих выборов подрывают уровень доверия к российской избирательной системе, ее состоятельности в способности отражения реального общественного мнения и самое сложное — требуют серьезной адаптации российского избирателя к изменившимся условиям и освоению новых элементов (институтов, прав и обязанностей, моделей и практик). Таким образом, требуют научного и экспертного осмысления

механизмы, способные без подрыва уже активно действующих политических институтов усилить представительность российского парламента и в некоторой степени компенсировать издержки избирательного законодательства и применяемой системы, расширяя конституционные возможности носителей активного и пассивного избирательного права. Так как проведение выборов и подведение самих итогов голосования только цементируют заданный вектор, представляется, что главным образом эта проблема в каждый новый электоральный цикл может решаться на начальных этапах — на стадии выдвижения кандидатов за счет расширения возможностей влияния избирателей на персональный состав политических партий, кандидаты которых претендуют на места в парламенте.

В условиях российской практики данная проблема актуализировалась в результате усиления роли политических партий в избирательном процессе с момента консолидации партийно-политической системы и принятия в 2001 году рамочного федерального закона, в соответствии с которым политические партии были определены единственными избирательными объединениями, наделенными правом участвовать в выборах в органы государственной власти. Логическим продолжением данной реформы стал полный переход на пропорциональную систему в 2005 году при формировании состава Государственной Думы, одним из главных недостатков которой, по мнению российских авторов, является «обезличивание выборов», так как роль граждан фактически сводится к участию в процедуре голосования за тот или иной список, сформированный политическими партиями [17]. Причем, несмотря на возврат в 2014 году элементов мажоритаризма в составе смешанной избирательной системы¹, призванных усилить обратную связь власти и общества, преодолеть отчуждение избирателей от избираемых в полной мере не удалось, о чем свидетельствуют последние социологические опросы. В частности, число россиян, не одобряющих деятельность нижней палаты парламента, на начало января 2019 года, достигло 64% [11]. Это подтверждают и экспертные мнения: в исследовании Комитета по политическим технологиям РАСО, при подготовке которого было опрошено 80 практикующих политконсультантов, в качестве главного политического тренда обозначена «новая политическая реальность, ключевой характеристикой которой является рост антиистеблишментных настроений» [8]. В «Минченко консалтинг» считают, что «мы столкнулись с Брекзит-эффектом — когда ранее эффективно работавшая коммуникационная стратегия власти начала давать сбои» [10].

Таким образом, учитывая, что постоянная вариативность в различных объемах принципов, составляющих избирательную систему, не позволяет до конца решить вопрос с репрезентативностью и, как следствие, легитимностью парламента, предопределяется необходимость усиления уже действующих мажоритарных

¹ В соответствии с Федеральным законом от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» 225 кандидатов избираются в одномандатных избирательных округах, еще 225 — по пропорциональному принципу, основанному на механизме формирования партийных списков, в котором кандидаты отбираются руководством партии.

начал за счет эффективного отбора пользующихся популярностью кандидатов у населения, а также реформирования деперсонализированной пропорциональной составляющей избирательной системы с целью укрепления взаимосвязи депутатов с избирателями. Данную необходимость также подтверждают результаты социологического опроса, имеющегося в распоряжении политконсультантов: 42% россиян не смогли назвать партию, которая выражает их интересы [10]. По мнению А.Ю. Зудина, налицо серьезный контраст между состоянием российских политических партий и запросом на резкое повышение чувствительности политической системы, запросом на способность слушать, улавливать и продуктивно использовать сигналы из общества, запросом на расширение связей в обществе и структурированность первичных звеньев политической системы [7. С. 48].

Одним из механизмов, призванных восстановить доверие граждан к избирательной системе в условиях «партийности выборов», равно как и подлинно представительную природу законодательных органов власти, как показала практика зарубежных стран, выступают праймериз, представляющие собой разновидность предварительного голосования, применяемого до процедуры официального голосования, в целях отбора кандидатов, обладающих большим электоральным потенциалом. Для внутрипартийной практики данный инструмент приобретает большую актуальность в ситуациях роста политической конкуренции или в связи с необходимостью купировать возможные конфликты внутри одного идеологического спектра.

Широко известно, что, зародившись в США, праймериз стали довольно популярны в других странах, в том числе в последние годы и в Российской Федерации. Причем, как подчеркивают российские авторы, то обстоятельство, что первичные выборы проводятся именно политическими партиями, полностью соответствует их природе [16]. Учитывая, что в понимании российского законодателя политическая партия представляет собой «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли... а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления», тем самым претендуя на то, чтобы выступать ключевым институтом народного представительства, праймериз обязывают адаптироваться их к новым коммуникационным форматам, способным усилить «социальные корни» и ответственность перед избирателями.

Как показывает предыстория вопроса, праймериз в том виде, в котором они существуют, стали результатом серьезных преобразований в порядке номинации в преддверии выборов всех уровней в США. Несмотря на то, что праймериз, как правило, ассоциируются с президентскими выборами, данный механизм активно используется американскими штатами в качестве своего рода «фильтра», через который обязаны пройти претенденты на все выборные должности от партии. Вообще американская терминология, как подчеркивает М. Дюверже, четко различает номинацию — акт выдвижения кандидата партией и избрание — то есть выбор, который делают граждане между кандидатами, предложенными различ-

ными партиями [3. С. 205]. Исторически праймериз предшествовало применение механизма кокусов, практическое значение которых заключается в номинации кандидатов на пост президента США. По сути, это собрание руководителей партии для выдвижения своих кандидатов на выборах. Учитывая, что такие политические вопросы решались в закрытом, кулуарном формате, вызывающем недовольство американского общества, праймериз стали ответом на назревшую необходимость, позволяющим осуществлять контроль над решениями партийной элиты рядовыми членами партии. По оценке французского социолога, политолога М. Дюверже, «с начала XX века порядок конгрессов в Соединенных Штатах был заменен новой системой выдвижения — праймериз, системой совершенно оригинальной, которую по-настоящему невозможно сопоставить ни с какой другой... Вместо избрания членами партии, речь здесь идет скорее об избрании их избирателями и симпатизантами» [3. С. 210]. Его практическое значение для избирателя заключается в возможности выбрать среди кандидатов своей партии того, кто будет представлять партию на выборах, для кандидатов от партии — в создании дополнительных социальных лифтов для низовых членов партии или просто политически активных граждан, а также в возможности стартовать «с более высокой легитимностью и известностью, чем если бы они были включены в бюллетень по кулуарному решению партии» [15]. В более широком понимании одним из главных аргументов в пользу этой системы выступает возможность восстановить общественное доверие к избирательной системе, обеспечить большую прозрачность избирательного процесса. Однако это, как правило, зависит от выбранного типа праймериз. Среди наиболее распространенных моделей праймериз — по способу участия избирателей — выделяют закрытые и открытые. В закрытых могут участвовать только зарегистрированные избиратели партии, в открытых — напротив, голосовать могут все избиратели вне зависимости от партийной принадлежности [1. С. 20].

Несмотря на двухсотлетнюю американскую традицию, в Российской Федерации практике проведения предварительного партийного голосования насчитывается чуть более 10 лет, свое динамичное развитие оно получило в период 2007—2016 годов. Первой партией, представленной в Государственной Думе и взявшей на вооружение эту процедуру, является «Единая Россия». Пилотный опыт у нее состоялся в 2007 году в ряде регионов, тогда голосовать могли только сами единороссы, а выдвигаться имели право только члены партии или общественных организаций, с которыми у «Единой России» был подписан договор о сотрудничестве. Однако, как оценивают в Центре политической конъюнктуры, из-за малого времени, отпущенного на подготовку, и отсутствия необходимых нормативных документов, праймериз того года являлись скорее попыткой тестирования нового механизма внутрипартийной конкуренции, чем реальным механизмом выдвижения кандидатов [14].

В мае 2009 года предварительное партийное голосование было формализовано: на XI съезде норма о его проведении включена в пункт 8.1 партийного устава. 7 апреля 2010 года президиум Генсовета партии утвердил положение

о порядке проведения праймериз [12], также был разработан регламент проведения данной процедуры.

Впервые в масштабе всей страны обкатать новый порядок определения кандидатов от партии единойроссы попытались в полузакрытом формате праймериз в преддверии федеральной думской кампании в 2011 году при активном участии созданного за два месяца до этого Общероссийского народного фронта. Участвовать в партийном отборе могли только выборщики — утвержденные руководством члены или сторонники партии. По замыслу организаторов, целью голосования этого периода являлся не только конкурентный отбор, но и формирование кадрового лифта в большую политику для беспартийных представителей крупных общественных организаций. Таким образом в партии планировали расширить базу поддержки в предстоящей федеральной гонке. По данным «Единой России», в отборе кандидатов для будущего думского корпуса VI созыва приняли более 225 тыс. выборщиков по всей стране, более 4,7 тыс. человек претендовало на 600 мест в списке партии: 58% представляли общественные организации, вошедшие в ОНФ, 36% были выдвинуты партией, 6% претендентов — самовыдвиженцы; в региональные десятки лидеров вошли 320 представителей ОНФ, из них 149 — беспартийные [4]. Результаты предварительного голосования были направлены на рассмотрение Федерального координационного совета ОНФ, затем утверждены председателем партии и вынесены на рассмотрение съезда. В сентябре 2011 года XII съезд «Единой России» утвердил окончательный перечень кандидатов в депутаты Госдумы шестого созыва: в него вошли 599 человек в составе 80 региональных групп, список возглавил, будучи президентом РФ, Дмитрий Медведев. Примечательно, что руководящие партийные органы, включая председателя, обладали правом внесения изменений в предварительный предвыборный список, поэтому в итоговой редакции состав федерального списка не совпал с результатами праймериз, соответствовали их итогам лишь списки кандидатов в восьми региональных группах, образованных в Ингушетии, Калмыкии, Туве, Удмуртии, Кемеровской, Костромской, Рязанской и Сахалинской областях.

По экспертным оценкам, своей цели праймериз в 2011 году не достигли и не предложили интересных и перспективных новых лидеров. Несмотря на использование по-настоящему инновационного для российской практики механизма, результат партии по сравнению с 2007 годом ухудшился почти на 15% (64,30% против 49,35%). Среди причин неуспешности предварительной кампании эксперты выделяют такие, как отсутствие интереса избирателей к ранее неизвестной процедуре, гарантий участникам праймериз попадания в партийный список, ограничения на свободу праймериз губернаторами в регионах, а также незаинтересованность организаторов в прозрачных и понятных процедурах [14].

Так как думские выборы 2011 года четко обозначили кризис модели политического представительства, партия усовершенствовала технологию праймериз, которые эволюционировали в открытый формат. В 2016 году перед парламентской кампанией по решению партийного руководства моделью федерального предварительного голосования стали именно открытые праймериз, то есть принять участие в качестве выборщика мог любой желающий. «Активное избирательное

право принадлежит гражданам Российской Федерации, которым на день голосования на выборах депутатов Государственной Думы исполнится 18 лет и место жительства которых расположено в пределах соответствующего избирательного округа», говорится в утвержденном на XV съезде положении о порядке проведения Общефедерального предварительного голосования по определению кандидатур для последующего выдвижения кандидатами в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва.

Предварительная кампания 2016 года прошла для партии успешнее: всего было выдвинуто 3283 кандидатов, из них в праймериз 22 мая приняли участие 2781 человек, в том числе 184 действующих депутатов Госдумы. По партийным спискам выдвигался 1171 человек, по одномандатным округам — 2107. В качестве избирателей в праймериз «Единой России» участвовали 10,5 млн человек, что составило 9,6% от общего числа избирателей.

Немаловажно и то, что в единый день предварительного голосования работал 19 081 счетный участок, что свидетельствует о сложнейшей подготовительной и организационной работе. По итогам думской кампании единороссы получили в нижней палате парламента 343 мандата из 450. Таким образом, можно сказать, что им фактически удалось провести две полноценные избирательные кампании, позволив заранее отоблагодарить свой актив и сторонников.

Праймериз этого периода, по мнению экспертов, стали одним из ключевых преимуществ правящей партии на выборах, так как «Единой России» удалось дать ответ на общественный запрос об обновлении и возможности реального участия граждан в политической жизни [19. С. 104]. Об этом, прежде всего, свидетельствует высокий уровень интереса к этой процедуре и преимущественно положительная оценка: по данным ВЦИОМ на 19 мая 2016 года, каждому второму россиянину было известно о предстоящих праймериз «Единой России» (47%), 33% наших сограждан положительно отнеслись к идее их проведения, 32% россиян выразили готовность принять участие [13].

Очевидно, что ранний старт кампании за счет начала процедуры праймериз позволил партии занять доминирующее положение в политической повестке. Изучение процедуры, прием заявок на участие в праймериз, региональная специфика и встречи с гражданами стали главными событиями политической новостной ленты, привлекая внимания как сторонников данной процедуры, так и ее критиков. Впервые предложив открытый механизм отбора, партии удалось привлечь к нему наиболее сильных кандидатов. Конкуренция на предварительном голосовании создавала у участников мотивацию к формированию сетей, прямой работе с гражданами [19. С. 103]. Также на легитимном восприятии проекта сказалась и инициатива о создании института федеральных уполномоченных для обеспечения проведения праймериз в регионах, в состав вошли представители Госдумы и Совета Федерации [5]. Их цель заключалась в работе по урегулированию конфликтов, а также в обеспечении соблюдения на территориях принципа предварительного голосования. Небезынтересны аудитории оказались проект «Кандидат», призванный стать универсальной площадкой по подготовке партийных кадров, а также проходящие дебаты, активно освещаемые в интернет-прост-

ранстве, с помощью которых партии заранее удалось апробировать новые программные тезисы и партийные проекты. Главный итог праймериз — кандидаты «Единой России» стали фаворитами предвыборной гонки в большинстве одномандатных округов.

Ставка единороссов на открытую модель праймериз на фоне ребрендинга подтвердилась и в 2018 году накануне выборов различных уровней — в региональные заксобрания, а также довыборов в Госдуму [6]. Решение об этом формате для отбора кандидатов на выборные должности было принято в феврале 2017 года президиумом Генсовета партии. Новое положение о предварительном отборе кандидатов предусматривает открытую модель на выборах в Госдуму, в заксобрания и горсоветы. Губернаторские — остались единственной сферой, предполагающей выдвижение кандидатов членами регионального политсовета или президиума Генсовета партии.

В результате активной подготовительной работы партии вновь удалось сделать неплохую заявку для победы на выборах в регионах России в сентябре 2018 года. Так, на праймериз, прошедших в 28 субъектах РФ, проголосовали 2,8 млн избирателей, явка составила 11,14%. Для предварительного голосования партии это оказался рекордный уровень. Всего на праймериз, по данным «Единой России», были зарегистрированы 5 тыс. 587 участников. Конкурс составил 4,8 человек на место. Таких показателей во многом удалось добиться за счет новых технологических шагов в рамках проведения партийных праймериз, а также привлечения в свои списки молодых людей в результате запуска проекта «Политстартап».

Таким образом, анализ российской практики позволяет сделать вывод о том, что помимо способности процедуры предварительного голосования легитимировать систему выборных органов публичной власти за счет большей открытости формирования списков политических партий и участия рядовых граждан в этих процессах, праймериз также решают и другие стратегические задачи, тем самым создавая положительные косвенные эффекты от их применения.

Во-первых, складывающаяся конкуренция позволяет провести отбор действительно сильных кандидатов, которые пойдут на выборы в представительные органы власти, и отсеять не обладающих электоральным потенциалом, что особо актуально для масштабной партии с широкой кадровой «скамейкой» при выдвижении кандидатов в одномандатных округах. Важно, что с этой точки зрения партия не только проверяет возможности своих кандидатов в преддверии выборов, но и существенно снижает риски того, что в представительные органы власти пройдут политически слабые лица, которым придется в постоянном режиме оказывать поддержку как административную, так и финансовую в процессе их парламентской деятельности.

Во-вторых, обязательность данной процедуры для выдвижения в качестве кандидата от партии ограничивает влияние на эти процессы региональной исполнительной и местных властей, как правило, продвигающих своих лиц в списки вне зависимости от их электорального потенциала и популярности у населения.

В-третьих, появляются дополнительные возможности для формирования социальных лифтов внутри партий, а также проведение тренировки для партийных кадров. Также среди прочих значимых, по оценке ряда экспертов [16], следует выделять способность праймериз оказывать существенное влияние на снижение уровня абсентеизма, широкое распространение которого, как правило, принижает ценность самих выборов, воспитание рационально действующего избирателя, руководствующегося исключительно собственными предпочтениями и интересами, а не влиянием среды, мобилизация и поиск новых сторонников, расширение границ избирательных кампаний партий и, как следствие, возможность раннего знакомства избирателя с программными тезисами и их точечной коррекции в преддверии выборов.

Однако несмотря на главное преимущество процедуры праймериз, заключающееся в усилении присутствия «носителя власти» в механизме воспроизводства власти уже в начальной стадии парламентских и иных выборов, тем самым легитимируя их результаты и придавая им действительно представительный характер, важно также брать во внимание и возникающие угрозы, привносимые предварительным голосованием в избирательный процесс.

Во-первых, это угроза привлечения к голосованию либо специального формирования под проект сетей голосующих, что может привести в результате к выдвижению кандидатов, контролирующих эти сети, а не пользующихся электоральной поддержкой граждан.

Во-вторых, вероятность критического повышения значения избирательных технологий в связи с закономерно более низкой явкой нежели на выборах и, как следствие, отсутствие усиленного контроля за ходом проведения процедуры голосования.

В-третьих, отсутствие правовой базы и в результате ответственности за нарушение чистоты проведения предварительного голосования, что в конечном итоге сводит эффективность праймериз к минимуму, а также угроза искусственного повышения явки административными методами. Причем из-за непонимания сути процедуры рядовыми гражданами последнее может негативно сказаться на явке в ходе проведения самих выборов по причине сложности организации повторной мобилизации, и, более того, вызвать протестное голосование.

В-четвертых, особое влияние региональных и местных событий на итог голосования в рамках праймериз, которое может привести к появлению на короткий период на политической арене случайных людей, грамотно воспользовавшихся кратковременной резонансной ситуацией, которая потеряет свою актуальность к настоящим выборам.

В-пятых, угроза непредсказуемости результатов праймериз, создаваемая открытым форматом, которая может возникнуть в результате участия в качестве кандидата любого желающего, не имеющего отношения к политической партии и ее базовым ценностям. Среди прочих специалистами обозначаются угрозы, связанные с возникновением негативных прецедентов, способных стать поводом для провокации и дискредитации кандидатов в межвыборный период.

Тем не менее, несмотря на ряд потенциальных и уже неоднократно возникших угроз, открытый формат праймериз и степень вовлеченности граждан в данный процесс как в качестве кандидатов, так и в качестве голосующих, свидетельствуют о том, что, эволюционируя, механизм прочно вошел в избирательную практику России. Более того, в настоящее время уже известна идея о более системной формализации процедуры предварительного внутривнутрипартийного голосования по определению кандидатов, состава списков кандидатов в избирательном кодексе РФ, разрабатываемом в настоящее время экспертной группой при Московском государственном университете. В этой связи внимание законодателя и экспертного сообщества, а также имеющийся общественный запрос позволяют сделать вывод о том, что его роль будет только возрастать для придания более высокого уровня легитимации выборам как при избрании кандидатов в одномандатных округах, так и по партийным спискам. Поэтому следующий шаг для полноценного оформления данной процедуры в российском избирательном процессе — гарантии для участников праймериз, а именно усовершенствование процедурных вопросов, способных ограничить искажение воли голосующих, а также обеспечение реального попадания успешных кандидатов в списки партии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Аксенов Ю.М., Попова О.Н. Праймериз: исторический опыт, реалии и перспективы. М.: ООО «НИПКЦ Восход — А», 2012. 238 с.
- [2] Встреча в Кремле по случаю 25-летия избирательной системы // Официальный сайт Президента РФ. 30.10.2018. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58972>. Дата обращения: 28.12.2018.
- [3] Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. 538.
- [4] Демократический ответ на все вопросы // Общественно-политическая газета «Без бульдырабыз!». 2011. № 12—13. С. 2—3.
- [5] «Единая Россия» закрепила за регионами федеральных уполномоченных по проведению праймериз // ТАСС. 24.10.2015. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/2376544>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [6] «Единая Россия»: праймериз-2018 на фоне ребрендинга // ИА Regnum. 28.05.2018. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2421460.html>. Дата обращения: 02.02.2019.
- [7] Зудин. А.Ю. Тихая революция партийной системы // Эксперт. № 48. 26.11.2018. С. 48—52.
- [8] Инструменты избирательной кампании: наступила ли новая политическая реальность? // Исследование Комитета по политическим технологиям РАСО. 13.12.2018. Режим доступа: http://www.politteh.ru/netcat_files/userfiles/1/Komitet_issledovanie_13.12.18.pdf. Дата обращения: 25.12.2018.
- [9] Медведев Д.А. 25 лет Конституции: баланс между свободой и ответственностью // Закон. 2018. № 12. С. 8—16.
- [10] Новая политическая реальность и новые возможности // Исследование Minchenko consulting. 07.02.2019. Режим доступа: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Novaya_politicheskaya_realnost_i_novye_vozmozhnosti_07.02.19.pdf. Дата обращения: 09.02.2019.
- [11] Одобрение институтов власти // Пресс-выпуск. Левада Центр. 31.01.19. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2019/01/31/odobrenie-institutov-vlasti-9/>. Дата обращения: 01.02.19.
- [12] Праймериз «Единой России». Досье // ТАСС, 15.02.2016. Режим доступа: <https://tass.ru/info/2669202>. Дата обращения: 26.12.2018.

- [13] Праймериз «Единой России» — 2016 // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3107. 19.05.2016. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115692>. Дата обращения: 02.02.2019.
- [14] Праймериз «Единой России»: технологии в ущерб конкуренции // Аналитика Центра политической конъюнктуры 16.10.2015. Режим доступа: <http://cprkr.ru/comments/praymeriz-edinoy-rossii-tehnologii-v-ushcherb-konkurencii>. Дата обращения: 10.02.2019.
- [15] Российские праймериз примерили к мировым // Газета «Коммерсант». 25.06.2016. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2995705>. Дата обращения: 09.02.2019.
- [16] Червонюк В.И., Зотин М.Ю. Конституционный смысл первичных выборов // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 38—42.
- [17] Шишкина Н.Э. «Праймериз» как предстация избирательного процесса // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 30—34.
- [18] Эволюция выборов: 25-летний опыт развития избирательной системы в современной России // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Декабрь 2018. Режим доступа: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/25-let/41690.html>. Дата обращения: 06.02.2019.
- [19] Электоральная Россия — 2016: битва за Госдуму: ежегодный сборник статей о российских выборах / Агентство стратегических коммуникаций «Никколо М». М.: Издательство «Грифон», 2016. 336 с.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-195-207

Research Article

PRIMARIES AS A NEW COMMUNICATION FORMAT FOR INTERACTION BETWEEN THE RUSSIAN VOTER AND THE PARTY CANDIDATE

I.I. Rep'eva

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo prosp., 84/3, Moscow, Russian Federation, 119571

Abstract. The transformation of electoral processes, as well as the introduction of new elements, as a rule, are due to the dynamic development and at the same time the increasing complexity of social relations. One of such manifestations is the active testing party of the mechanism of preliminary intraparty voting to determine the most effective candidates by the United Russia and their subsequent nomination to elected authorities of power. The use of a truly innovative candidate selection mechanism for the Russian Federation, for the first time in which all citizens with active electoral rights could join, was a demonstration of the party's preparation for participation in the competition for single-mandate constituencies within the framework of the newly returned mixed electoral system in the elections of deputies of the State Duma. In the given conditions, the party declared its readiness to induce its regional organizations to reorient — the main political resource for it should be voter support. The key indirect effect of the use of this tool for the Russian voter was manifested in the expansion of the traditional boundaries of the application of active suffrage. Taking into consideration attention to the emerging practice of both its supporters and critics, as well as attempts to institutionalize, the author analyzed the background of the issue and formulated the advantages and threats brought by the primaries into the Russian electoral process. The basis of the study for the formulation of the problem and the formulation of possible arguments in favor of this procedure were the data of sociological and expert surveys, as well as the existing scientific works of authors who are few in this area of work.

Key words: electoral system, primaries, preliminary voting, election campaign, representation, parties

REFERENCES

- [1] Aksenov Yu.M., Popova O.N. *Primaries: Historical Experience, Realities and Perspectives*. Moscow: ООО “NIPKTy Voskhod — A”; 2012. 238 p. (In Russ.).
- [2] Meeting in the Kremlin on the 25th Anniversary of the Electoral System. *Official Site of the President of the Russian Federation*. 30.10.2018. Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58972>. Accessed: 28.12.2018 (In Russ.).
- [3] Duverger M. *Les Partis Politiques*. Paris: Librairie Armand Colin; 1951. 476 p. (In Fr.).
- [4] Democratic Answer to all Questions. *Newspaper “Obshchestvenno-politicheskaya gazeta “Bez buldyrabyz!”*. 2011; (12—13): 2—3.
- [5] “United Russia” Assigned to the Regions of the Federal Commissioners for the Primaries. *Information Agency of Russia “TASS”*. 24.10.2015. Available from: <https://tass.ru/politika/2376544>. Accessed: 05.01.2019 (In Russ.).
- [6] “United Russia”: Primaries-2018 on the Background of Rebranding. *Information Agency Regnum*. 28.05.2018. Available from: <https://regnum.ru/news/2421460.html>. Accessed: 02.02.2019 (In Russ.).
- [7] Zudin. A.Yu. The Quiet Revolution of the Party System. *Journal “Expert”*. 2018; (48): 48—52 (In Russ.).
- [8] Campaign Tools: Has the New Political Reality Come? *Issledovanie Komiteta po politicheskim tekhnologiyam RASO*. 13.12.2018. Available from: http://www.politteh.ru/netcat_files/userfiles/1/Komitet_issledovanie_13.12.18.pdf. Accessed: 25.12.2018 (In Russ.).
- [9] Medvedev D.A. 25 Years of the Constitution: A Balance between Freedom and Responsibility. *Zakon*. 2018; (12): 8—16 (In Russ.).
- [10] New Political Reality and New Opportunities. *Minchenko Consulting*. 07.02.2019. Available from: http://www.minchenko.ru/netcat_files/userfiles/Novaya_politicheskaya_realnost_i_novye_vozmozhnosti_07.02.19.pdf. Accessed: 09.02.2019 (In Russ.).
- [11] Approval of Government Institutions. *Press-vypusk Levada “Tsentr”*. 31.01.19. Available from: <https://www.levada.ru/2019/01/31/odobrenie-institutov-vlasti-9/>. Accessed: 01.02.19 (In Russ.).
- [12] United Russia Primaries. Dossier. *Information Agency of Russia “TASS”*. 15.02.2016. Available from: <https://tass.ru/info/2669202>. Accessed: 26.12.2018 (In Russ.).
- [13] United Russia Primaries — 2016. *Press-vypusk VTsIOM*. 19.05.2016 (3107). Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115692>. Accessed: 02.02.2019 (In Russ.).
- [14] United Russia Primaries: Technology at the Expense of Competition. *Analitika Tsentra politicheskoi kon'yunktury*. 16.10.2015. Available from: <http://cpkr.ru/comments/praymeriz-edinoy-rossii-tehnologii-v-ushcherb-konkurencii>. Accessed: 10.02.2019 (In Russ.).
- [15] Russian Primaries Tried on the World. *Newspaper “Kommersant”*. 25.06.2016. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2995705>. Accessed: 09.02.2019 (In Russ.).
- [16] Chervonyuk V.I., Zotin M.Yu. Constitutional Meaning of Primary Elections. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2017; (1): 38—42.
- [17] Shishkina N.E. “Primaries” as a Pre-stage of the Electoral Process. *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. 2008; (1): 30—34.
- [18] The Evolution of Elections: 25 Years of Experience in the Development of the Electoral System in Modern Russia. *Vestnik Tsentral'noi izbiratel'noi komissii Rossiiskoi Federatsii*. 10.12.2018. Available from: <http://vestnik.cikrf.ru/vestnik/25-let/41690.html>. Accessed: 06.02.2019.
- [19] “Electoral Russia — 2016: The Battle for the State Duma”. Annual Collection of Articles on Russian Elections. Agency of Strategic Communications “Nikkolo M”. Moscow: Izdatel'stvo “Grifon”; 2016. 336 p.

Информация об авторе:

Репёва Яна Ильгизовна — аспирант кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте РФ (ORCID ID: 0000-0002-0750-889X) (e-mail: yana.repeva@mail.ru).

Information about the author:

Iana I. Rep'eva — Postgraduate Student of the Department of Political Science and Political Management of the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-0750-889X) (e-mail: yana.repeva@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 12.03.2019.

Received 12.03.2019.

Для цитирования:

Репёва Я.И. Праймериз как новый коммуникационный формат взаимодействия российского избирателя и партийного кандидата // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 195—207. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-195-207.

For citation:

Rep'eva I.I. Primaries as a New Communication Format for Interaction between the Russian Voter and the Party Candidate. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 195—207. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-195-207.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-208-217

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

А.И. Емельянов

Московский государственный лингвистический университет
Ул. Остоженка, 38, стр. 1, Москва, Россия, 119034

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния интернет-технологий на политический процесс в России и в мире в целом. Автор обращает внимание на появление новых тенденций в сфере IT, которые привносят новое в избирательный процесс, PR-деятельность, агитацию, пропаганду и контрпропаганду. Сделано предположение, что политические акторы должны действовать в рамках новых правил ведения игры, не пренебрегая перенесением политической борьбы в интернет-пространство. В статье обращается внимание на то, что интернет-деятельность политических акторов может быть как положительной, так и отрицательной по восприятию и по целям. Учитывая воздействие, которое оказывает Интернет на политическую сферу жизнедеятельности общества, можно предположить, что виртуальная среда станет основной сценой ведения политической борьбы. Автор подчеркивает, что современные политтехнологи должны учитывать данный фактор в своей деятельности. Таким образом, автор приходит к выводу, что онлайн-пространство значительно расширяет инструментарий проводимых политических кампаний и коренным образом трансформирует взаимоотношения между гражданами и государством, формируя реальные предпосылки для развития демократии.

Ключевые слова: интернет-технологии, сетевая демократия, прямая демократия, политическая кампания, слактивизм, киберсимулякры, интернет-боты

В наш информационный век огромную роль в жизнедеятельности общества играют интернет-коммуникации, ставшие преобладающими в деятельности многих политических акторов. С развитием интернет-технологий появился новый неисчерпаемый источник информационных ресурсов, доступ к которым является не только относительно дешевым, но и очень быстрым. Интернет предоставляет пользователю большой объем не только коммерческой, рекламной, но и общественно-политической информации, предлагая при этом расширяющиеся возможности «обратной связи».

На сегодняшний день виртуальное пространство — это эффективная и сравнительно дешевая платформа для проведения различных общественно-политических кампаний (под *виртуальным пространством* подразумевается сфера деятельности, связанная с оборотом информации во Всемирной паутине) [11. С. 6]. Она дает возможность использовать не только традиционные методы политиче-

© Емельянов А.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ского PR, но и предоставляет новые способы манипулирования общественным мнением. Более того, интернет-аудитория — это привлекательный объект для ведения пропагандистской деятельности.

Существует несколько причин для того, чтобы выделить интернет-пространство в качестве нового ареала для общественно-политического взаимодействия власти и общества, лоббистов и заинтересованных групп и т.п.

Во-первых, все активно пользуются сетью Интернет и предприимчивые граждане, и образованная молодежь, а также те, кто ведет пассивный образ жизни. В этой связи формируются три тенденции, которые влияют на конъюнктуру в сегменте политических технологий сети Интернет:

1. Каждый день в мире появляется все больше интернет-пользователей. Так, по состоянию на 2017 год, число интернет-пользователей среди жителей Земли насчитывает 3 млрд 835 млн чел., а число пользователей сети Интернет только в России — 110 млн чел., что составляет почти 75% населения страны (147 млн чел.) [15].

2. Интернет-аудитория стареет и меняет географию. Если ранее Интернет был местом, в котором коммуницировали исключительно бизнесмены, молодежь и программисты, то сейчас в сети Интернет можно встретить все категории граждан.

3. География пользования Интернетом смещает его с «глобального севера» на «глобальный юг», где раньше доступ в мировую сеть был ограниченным и дорогостоящим.

Во-вторых, границы Интернет (в реальном измерении) неизменно расширяются и смещаются из крупных городов в отдаленные деревни. Если раньше он был местом обитания в основном городских жителей преимущественно юного возраста, то сейчас средний возраст пользователя увеличился, многие пожилые люди пользуются этим средством коммуникации для получения информации, образования и услуг. Таким образом, помимо всего вышеуказанного, виртуальное пространство — это широкое поле для воздействия на общественное сознание и привлечения электората, что позволяет использовать богатый арсенал средств в сфере коммуникационных технологий.

Виртуальное пространство также предлагает очевидные преимущества эффективного PR-средства в вопросах проведения политических кампаний и прочего общественно-политического воздействия:

- 1) широчайшие возможности интерактивного общения с избирателями;
- 2) оперативность связи с электоратом, возможность обновлять новости, архивировать информацию и обеспечивать быстрый доступ к ней из любой точки земного шара;
- 3) организационную простоту политического контента в Интернете;
- 4) трансграничность;
- 5) возможность создания наиболее полного образа кандидата, что труднее сделать, используя только традиционные СМИ;
- 6) проведение зондажа общественного мнения;

7) оперативный поиск волонтеров для проведения кампаний, привлечение сторонников и сбора пожертвований;

8) возможность дешевой и одновременно довольно массовой агитации [7. С. 31];

9) обращение к малым группам избирателей [6. С. 27];

10) сегментированность интернет-аудитории и др.

В то же время существуют и очевидные недостатки, которые не позволяют использовать исключительно Интернет для достижения необходимых целей, среди которых можно выделить следующие:

1) необходимость заблаговременной подготовки развитой коммуникационной платформы с избирателем;

2) невозможность воздействия на интернет-пассивную группу граждан;

3) несовершенство правовой регламентации использования Интернета в общественно-политических целях;

4) недостаточный профессиональный уровень реализации всех возможностей PR-технологий и др.

Традиционно под политическими технологиями в профессиональном сообществе понимается некая совокупность приемов и способов воздействия на объект политики с целью реализации определенных задач [6. С. 8].

Применение политических технологий осуществляется как через традиционные СМИ (телевидение, газеты, журналы, радио), так и посредством современных интернет-ресурсов.

Непосредственно сами интернет-технологии можно условно разделить на «белые» и «черные». *Позитивные* («белые») политические технологии стремятся создать благоприятный имидж действующей власти в глобальной информационной сети. Данная классификация включает в себя приемы манипулирования массовым сознанием:

1) «анонимный авторитет»;

2) «отвлечение внимания»;

3) «апелляция к эмоциям» и т.д. [12. С. 1].

Негативные «черные» политические технологии направлены на дискредитацию политического оппонента и его очернение в глазах общественного мнения. В частности, могут применяться следующие приемы манипулирования:

1) проведение недостоверных опросов общественного мнения (“fake polls”) через интернет-платформы;

2) обнародование компрометирующих недостоверных сведений об оппоненте в различных социальных сетях;

3) распространение фотоматериалов, показывающих реальные или сфабрикованные недостатки известных политиков и т. д.

Иными словами, на практике применяются все способы и приемы психологического воздействия, вызывающие негативные эмоции у людей по отношению к тому или иному политическому деятелю или политической партии. Еще одна высокоэффективная технология дискредитации противника получила название «*имитация действующего субъекта*» [13]. Ее суть заключается в создании

интернет-ресурса, отражающего активную деятельность несуществующей в реальности организации. Примером является интернет-проект «Московская альтернатива», использовавшийся во время выборов мэра г. Москвы в 1999 году, на которых Ю.М. Лужков противопоставлял себя указанной вымышленной оппозиции [2. С. 58].

«Белые» и «черные» технологии осуществляются через ряд дискурсивных каналов, таких как:

- 1) интернет-сайты;
- 2) стрим-каналы;
- 3) социальные сети;
- 4) политические блоги;
- 5) политические форумы и другие дискурсивные каналы и др.

Наиболее распространенным способом взаимодействия является **интернет-сайт политической** партии или политика. Говоря об эффективности веб-сайтов, стоит сказать, что это «лицо» политического лидера или партии. На сегодняшний день не все российские представители истеблишмента ответственно относятся к данному ресурсу политической борьбы. Большинство российских политических интернет-сайтов исключают наличие обратной связи с гражданами: отсутствует гостевая книга или форум, информация недостаточно интерактивна и не всегда привлекательна, редко можно встретить сравнительный анализ программ соперников. Например, официальный сайт ЛДПР не мультимедиа, а интернет-ресурс КПРФ не содержит «обратной связи».

В эпоху развития информационных коммуникаций и **стрим-каналов** особую популярность приобрели такие ресурсы, как, например, **YouTube**. В настоящее время это не только «кулуарное» общение с людьми, проведение онлайн-конференций, но и средство, позволяющее оперативно узнать и повлиять на мнение своих избирателей. Собственные видеоканалы есть у многих зарубежных лидеров, в том числе у американских политиков — Хиллари Клинтон, Барака Обамы, которые придали новое значение этим ресурсам в своей предвыборной кампании на пост президента США. В российской среде также существуют многочисленные YouTube-каналы, в том числе и оппозиционного толка.

Социальные сети — совершенно новый виток развития массовых коммуникационных технологий, это мощный рычаг, способный влиять на политические процессы в обществе. В последнее время все большее количество политиков и чиновников заводят аккаунты в VKontakte, Facebook или Twitter в целях продвижения собственных идей и саморекламы. Такой вид коммуникаций не всегда способен подвергаться цензуре в отличие от традиционных медиа ресурсов. Тем не менее, можно говорить о «естественности» данного ресурса, так как «стирается грань» между властью и обществом, политики взаимодействуют с людьми посредством простого обыденного общения, тем самым укрепляя демократические устои государства, налаживая прочную связь между властью и гражданским обществом в целом.

Однако есть примеры использования социальных сетей в антиправительственных действиях, когда они применяются для мобилизации юной части общества,

на базе которой, как следствие, делаются попытки сформировать оппозиционную группу граждан, которую могут использовать для достижения своих личных целей недобросовестные политические силы и агенты влияния.

Ведение **политических блогов** также относится к элементам пиар-хода. Его «основными политическими функциями являются донесение информации до читателей, создание площадки для политической дискуссии, продвижение политических идей в обществе, поиск и консолидация электората» [5. С. 5]. Блоги во многом превалируют над традиционными СМИ благодаря своей оперативности (они, в частности, отличаются высокой скоростью донесения информации до читателей), бесплатности и трансграничности. С другой стороны, блог — это мощнейшее политическое оружие манипулирования сознанием людей. С помощью данной политической коммуникации навязывается определенная субъективная точка зрения.

Еще одним средством дискурсивного воздействия является **политический форум**, идеальная основа для развертывания «нужных» дискуссий и обсуждений. Посредством продвижения определенной полемики можно косвенно или напрямую затронуть выгодную для политического актора тему; в контексте политических пиар-кампаний данный дискурсивный канал коммуникации позволяет продвигать кандидата и его программу.

В данной связи уместно упомянуть **интернет-ботов** или **киберсимулякров** [3. С. 18]. «Фабрика ботов» применяется для скоординированного сетевого вброса идентичной информации в Интернете. Вначале появляется информационный повод (фальшивый или реальный), который в дальнейшем подхватывается СМИ, распространяясь в глобальной сети с целью формирования в обществе определенных интересов, заполняя информационный вакуум. Заказчиками в таком случае могут быть различные группы интересов, которые преследуют определенные цели. Это также используется для навязывания обществу определенных идей и взглядов на ситуацию в стране и мире. Яркий пример такой кампании — попытка дискредитации акции «Бессмертный полк» 9 мая 2015 года. В Интернете появились фотографии якобы выброшенных портретов ветеранов, а также муссировалась информация о насильственной организации данного мероприятия, что позднее оказалось подделкой [1]. В общих чертах интернет-форумы наиболее эффективны при «сливе» непроверенной информации, внушении каких-либо убеждений, а также для привлечения электората.

Вопрос о необходимости присутствия политиков в интернет-среде активно обсуждается. Если раньше дислоцирование в интернет-пространстве воспринималось как нечто экстравагантное, то сегодня отсутствие в Сети сайта-представительства частью населения ассоциируется с ретроградством. Однако существуют различные точки зрения относительно эффективности использования интернет-технологий в политике.

С одной стороны, развитие информационных коммуникаций способствует демократизации общества: сетевые ресурсы наделяют граждан возможностью следить и контролировать свое правительство посредством тех же онлайн-диспутов между властью и обществом, создания петиций и т.д. Как пишет испанский социолог М. Кастельс: «Он может стать инструментом контроля, информирования,

соучастия и даже принятия решений на всех уровнях снизу доверху» [9. С. 116]. Посредством консолидации индивидуумов образуются группы, способные оказывать давление на власть, влиять на принятие каких-то определенных политических решений. (Это в свою очередь говорит о возможном использовании манипулятивных технологий в вопросах GR.) Например, в 2010 году Президент Российской Федерации Д.А. Медведев выставил законопроект «О полиции» на общественное обсуждение, предоставив гражданам возможность открыто вносить свои предложения по его совершенствованию. По результатам всенародного рассмотрения в Интернете были внесены соответствующие изменения в законопроект.

Позитивная роль политических интернет-технологий нивелируется негативным аспектом, затрагивающим вопросы цензуры и государственного контроля в информационном пространстве. Принято считать, что глобальная паутина предлагает неограниченную свободу слова, анонимность, и, как следствие, безнаказанность. Но на сегодняшний день свобода в виртуальном пространстве относительна, так как государство уже начало вмешиваться в данную сферу жизнедеятельности общества.

В КНДР оно уже давно законодательно контролируется. Доступ к глобальной информационной Сети имеет лишь ограниченный круг лиц, остальные же граждане пользуются внутренней подцензурной локальной сетью «Кванмен», не выходящей за «цифровые пределы» государства. Данный аналог Интернета больше похож на электронную библиотеку, где вся информация носит научно-технический характер.

В Китае государственные власти ограничивают доступ к ресурсам, содержащим оппозиционный контент. Граждане Китая имеют подключение к глобальной информационной сети, однако все веб-страницы, и в особенности западные сайты, фильтруются или даже блокируются в соответствии с генеральной линией государства. Такие социальные сети, как Facebook, Twitter и YouTube, запрещены на территории страны. Вместо американских интернет-ресурсов функционируют собственные китайские аналоги: Renren Network, Sina Weibo, Qzone и т.д. Тем не менее, жители КНР все-таки получают доступ к нужным сайтам посредством VPN-сервисов, позволяющих использовать сетевые ресурсы других стран путем подмены IP-адресов для выхода во всемирную сеть.

В России действует закон о черных списках интернет-сайтов, наказываются граждане за «призывы к экстремизму» в социальных сетях, а совсем недавно в Госдуму был внесен законопроект «об оскорблении власти» в Интернете. Все это говорит о повышенном внимании властей к интернет-пространству, что позволяет предполагать о дальнейшем реформировании законодательства по ряду вопросов, касающихся агитации в рунете.

Отдельного рассмотрения требует такой феномен, как **слактивизм**. Этот термин обозначает пассивную сетевую политическую активность в целях самоуспокоения [16. Р. 48]. Существует связанная с этим проблема, которая заключается в том, что пользователи глобальной информационной сети, совершая неосознанные электронные манипуляции (участие в опросах или подписание петиций), не пытаются понять суть происходящего события [10. С. 23]. В 2009 году датский

психолог Андерс Колдинг-Йоргенсон в качестве эксперимента создал группу в «Facebook», где призывал граждан предотвратить снос фонтана в Копенгагене. Спустя несколько месяцев сообщество насчитывало 27 тыс. чел., однако ни один из «активистов» так и не удостоверился в реальности ложно предоставленной информации и никак не продвинулся в своей деятельности [14].

Дебаты «диванных любителей» по противоречивым проблематикам, интернет-голосование, виртуальный диспут между сторонниками различных политических взглядов также относятся к формам проявления слактивизма. Фактором, порождающим слактивизм, является огромное количество различной информации, вызывающей психологический барьер у человека и, как следствие, абсентеизм от участия в политической жизни страны.

Американский социолог Д. Белл также выделил угрозу, которая проявляется по мере развития информационных технологий. Так основная политическая опасность состоит в том, что элита, регулирующая сетевые ресурсы, может контролировать поток информации, проходимой через Интернет, скрывать неугодные материалы, либо же распространять фальшивые сведения о политических оппонентах [4. С. 7]. Иными словами, интернет-коммуникации — это не только действенный способ построения политического имиджа, но также и средство манипулирования общественным мнением. Как отмечает известнейший немецкий специалист-политолог Клаус Фон Байме: «Иметь важную информацию значит иметь власть; уметь отличать важную информацию от неважной означает обладать еще большей властью; возможность распространять важную информацию в собственной режиссуре или умалчивать ее означает иметь двойную власть» [4. С. 7].

Как можно заметить, современные политические интернет-технологии предоставляют не только возможности для власти и общества, но также порождают вызовы и угрозы для политического дискурса в целом. Тем не менее, несмотря на существующие проблемы, онлайн-пространство значительно расширяет инструментарий проводимых политических кампаний, делает способы воздействия на общественное мнение более прозрачными и эффективными, изменяет баланс «власть—общество» и коренным образом трансформирует взаимоотношения между гражданами и государством, формируя реальные предпосылки для развития демократии.

Своевременное изучение российскими политологами информационных коммуникационных технологий позволит проводить более эффективные политические кампании. Более того, повышение экономической и политической грамотности граждан поможет им отличать правду от лжи, достоверные сведения от дезинформирующих материалов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] В социальных сетях появилась фотография с якобы брошенными на улице портретами после акции «Бессмертный полк» // «Эхо Москвы». 11.05.2015. Режим доступа: <https://echo.msk.ru/news/1546468-echo.html>. Дата обращения: 07.01.2019.
- [2] *Водолагин А.Л.* Интернет-СМИ как арена политической борьбы // *Общественные науки и современность*. 2002. № 1. С. 49—67.

- [3] Володенков С.В. Киберсимулякры как инструмент виртуализации современной массовой политической коммуникации // Информационные войны. 2014. № 4. С. 18—35.
- [4] Володенков С.В. Новые формы политической коммуникации в современном политическом управлении: угрозы и вызовы // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 27. С. 1—9.
- [5] Волков С.Ю., Никитенко В.А. Блоггинг как форма политической коммуникации // Огарёв-Online. 2015. № 17. С. 1—6.
- [6] Головин Ю.А. Новые политические технологии в современной России. М.: НИПКЦ Восход-А, 2009. 210 с.
- [7] Дорожкин Ю.Н. Интернет в избирательных кампаниях: современные особенности и функции // Власть. 2007. № 6. С. 31—34.
- [8] Иванов В.Г. «Charts Power» — новый инструмент «мягкой силы» // Вопросы политологии. 2015. № 4 (20). С. 102—109.
- [9] Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
- [10] Козель А.С., Фомичёв И.А., Бортников Н.А. Слактивизм как форма политической демобилизации // Сборник статей по материалам LVI студенческой международной научно-практической конференции (Новосибирск, 21 августа 2017 г.). Новосибирск: Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2017. С. 21—25.
- [11] Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2003. 210 с.
- [12] Сороченко В. Энциклопедия методов пропаганды. М.: Самиздат, 2002. 49 с.
- [13] Шевченко И.А. Применение политических интернет-технологий в современном мире. Режим доступа: <https://superinf.ru>. Дата обращения: 04.01.2019.
- [14] Anders Colding-Jørgensen. Stork Fountain Experiment: Why Facebook Groups are not Democratic Tools? Режим доступа: <http://virkeligheden.dk/2009/stork-fountain-experiment-1-facebook-groups-are-not-democratic-tools/>. Дата обращения: 07.01.2019.
- [15] Internet World Stats. Режим доступа: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [16] Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. US, NY: Public Affairs, 2011. 108 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-208-217

Research Article

THE MAIN FEATURES OF APPLICATION OF POLITICAL TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN INTERNET SPACE

A.I. Emelianov

Moscow State Linguistic University
Ostozhenka Str., 38, Moscow, Russian Federation, 119034

Abstract. The article discusses the impact of Internet technologies on the political process in Russia and in the world. The author draws attention to the emergence of new trends in the field of IT, which bring new to the electoral process, PR-activities, agitation, propaganda and counter-propaganda. It is suggested that political actors should act within the framework of the new rules of the game, without neglecting

the transfer of political struggle in the Internet space. The article draws attention to the fact that the Internet activity of political actors can be both positive and negative in perception and goals. Given the impact that the Internet has on the political sphere of society, we can assume that the virtual environment will be the main stage of political struggle. The author emphasizes that modern political technologists should take this factor into account in their activities. Thus, the author concludes that the online space significantly expands the tools of political campaigns and radically transforms the relationship between citizens and the state, forming the real prerequisites for the development of democracy.

Key words: Internet technology; network democracy; direct democracy; political campaign; slacktivism; cyber simulacra; Internet bots.

REFERENCES

- [1] In Social Networks There Was a Photo with the Portraits Allegedly Thrown on the Street after the “Immortal Regiment” March. *Echo of Moscow*. 11.05.2015. Available from: <https://echo.msk.ru/news/1546468-echo.html>. Accessed: 07.01.2019 (In Russ.).
- [2] Vodolagin A.L. Internet Media as an Arena of Political Struggle. *Social Sciences and Modernity*. 2002; 1: 49—67 (In Russ.).
- [3] Volodenkov S.V. Cyber Simulacra as a Tool for Virtualization of Modern Mass Political Communication. *Information Wars*. 2014; 4: 18—35 (In Russ.).
- [4] Volodenkov S.V. New Forms of Political Communication in Contemporary Political Management: Threats and Challenges. *Public Administration. Electronic Bulletin*. 2011; 27: 1—9 (In Russ.).
- [5] Volkov S.Yu., Nikitenko V.A. Blogging as a Form of Political Communication. *Ogarev-Online*. 2015; 17: 1—6 (In Russ.).
- [6] Golovin Yu.A. *New Political Technologies in Contemporary Russia*. Moscow: Voskhod-A; 2009. 210 p. (In Russ.).
- [7] Dorozhkin Yu.N. Internet in Election Campaigns: Modern Features and Functions. *Vlast'*. 2007; 6: 31—34 (In Russ.).
- [8] Ivanov V.G. “Charts Power” — the New Tool of “Soft Power”. *Voprosy Politologii*. 2015; 4 (20): 102—109 (In Russ.).
- [9] Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on Internet, Business and Society*. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2004. 328 p. (In Russ.).
- [10] Kogel A.S., Fomichev I.A., Bortnikov N.A. Slacktivism as a Form of Political Demobilization. *The Proceedings of the LVI International Student Scientific-practical Conference (Novosibirsk, August 21, 2017)*. Novosibirsk: Association of Researchers “Siberian academic book”; 2017: 21—25 (In Russ.).
- [11] Rassolov I.M. *Law and the Internet. Theoretical problems*. Moscow: Norma; 2003. 210 p. (In Russ.).
- [12] Sorochenko V. *Encyclopedia of Propaganda Methods*. Moscow: Samizdat; 2002. 49 p. (In Russ.).
- [13] Shevchenko I.A. *Application of Political Internet Technologies in the Modern World*. Available from: <https://superinf.ru>. Accessed: 04.01.2019 (In Russ.).
- [14] Anders Colding-Jørgensen. *Stork Fountain Experiment: Why Facebook Groups are not Democratic Tools?* Available from: <http://virkeligheden.dk/2009/stork-fountain-experiment-1-facebook-groups-are-not-democratic-tools/>. Accessed: 07.01.2019.
- [15] *Internet World Stats*. Available from: <http://www.internetworldstats.com/top20.htm>. Accessed: 05.01.2019.
- [16] Morozov E. *The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom*. US, NY: Public Affairs; 2011. 108 p.

Информация об авторе:

Емельянов Антон Игоревич — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета (ORCID ID: 0000-0001-7076-0273) (e-mail: anton.politolog@ya.ru).

Information about the author:

Anton I. Emelianov — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-7076-0273) (e-mail: anton.politolog@ya.ru).

Статья поступила в редакцию 03.03.2019.

Received 03.03.2019.

Для цитирования:

Емельянов А.И. Особенности применения политических технологий в российском интернет-пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 208—217. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-208-217.

For citation:

Emelianov A.I. The Main Features of Application of Political Technologies in The Russian Internet Space. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 208—217. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-208-217.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-218-226

Научная статья

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РФ НА РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРИОД 1990—2000-Х ГОДОВ

А.А. Лысенко

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье анализируется российская миграционная политика в Дальневосточном Федеральном Округе в период 1990—2000-х годов. Автор рассматривает эволюцию миграционной политики и ее эффективность для достижения целей социально-экономического развития Дальнего Востока и национальной безопасности Российской Федерации. На основе анализа статистических данных в статье сделан вывод о том, что современный уровень социально-экономического развития региона пока не позволяет сделать вывод о решении задач выравнивания экономического развития, повышения уровня населенности приграничных территорий и обеспечения роста трудового потенциала Дальневосточного Федерального Округа. Автор отмечает, что в ДВФО сформировались предпосылки для долгосрочной тенденции снижения численности населения.

Ключевые слова: миграционная политика, Дальний Восток, ДВФО, миграция, региональное развитие

Государственная миграционная политика представляет собой целенаправленное воздействие на миграционные потоки с целью содействия социально-экономическому развитию территорий (включая развитие экономики региона и повышение качества жизни населения), обеспечения защиты национальных интересов. Логично предположить, что в зависимости от социально-экономико-территориальных характеристик регионов государственная миграционная политика будет изменяться в направлении адаптации к региональным особенностям. Дальний Восток исторически в силу своих территориальных и экономических характеристик представляет с позиции миграционной политики государства особый интерес. Значительная протяженность территории региона, экономический, транспортный и природно-ресурсный потенциалы вкупе с пограничным статусом формируют совокупность особенностей миграционной политики Дальнего Востока. Период 1990—2000 годов при этом вызывает особый интерес, так как фактически иллюстрирует смену подходов к развитию региона: в 1990-е годы ощущаются последствия достаточно активной политики развития региона советского руководства и формируются первые результаты миграционной политики в новой экономической формации.

© Лысенко А.А., 2018.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Дальний Восток России формирует совокупность регионов, которые в современном административно-территориальном делении РФ объединены в Дальневосточный Федеральный Округ (ДВФО). Регион объединяет три области (Амурскую, Магаданскую, Сахалинскую), три края (Камчатский, Приморский и Хабаровский), республику (Якутия) и два специфических субъекта Федерации — Чукотский автономный округ и Еврейскую автономную область. Регион обладает значительным природно-ресурсным потенциалом, а его территориальное положение, с одной стороны, формирует потенциал развития его логистического потенциала, а с другой стороны, определяет необходимость охраны границ РФ, так как ДВФО граничит с КНР, Японией (военно-политическая обстановка с которыми у РФ оставляет ряд нерешенных вопросов) и является одним из наименее населенных регионов РФ. Таким образом, Дальний Восток РФ представляет особый с точки зрения целей и задач миграционной политики государства регион. Наряду со свойственными миграционной политике любого другого региона задачами развития трудового потенциала территории для Дальнего Востока актуальны задачи обеспечения национальной безопасности посредством миграционной политики. При этом удаленность от политических, экономических и социальных центров страны, вкупе с тяжелыми природно-климатическими условиями, затрудняет достижение целей и задач миграционной политики. К числу особенностей миграционной политики региона можно отнести и более интенсивную реакцию на негативные тенденции в демографических процессах (более интенсивное снижение миграционного притока, рождаемости и т.п.).

Специфический состав целей и задач миграционной политики в отношении Дальнего Востока РФ признается руководством государства на протяжении нескольких столетий, а наиболее активным развитие миграционной политики региона становится во второй половине XX века. Учитывая инерционный характер влияния миграционной политики на состояние социально-экономических систем, а также наличие временного лага между принятием политических решений и их результатами, высокую роль в эффективной миграционной политике играет ее преемственность. По этой причине видится целесообразным при описании влияния миграционной политики на развитие Дальнего Востока рассмотреть накопленный потенциал миграционной политики советского периода развития региона.

Базовые установки и цели развития региональной миграционной политики исторически разделялись на две группы. Первую группу формировала потребность региональной экономики в обеспечении квалифицированными трудовыми ресурсами, вторую — демографическое укрепление приграничной территории. Указанная совокупность целей в целом логично вытекает из особенностей региона и сохраняет свою актуальность на момент подготовки данной статьи. Более того, подавляющее большинство указанных целевых установок на момент подготовки статьи либо не достигнуты, либо характеризуются ухудшением ситуации относительно статуса 1980—1990-х годов.

На рубеже 1990-х годов миграционная политика руководства страны в отношении региона рассматривала его как регион производства военно-технической продукции, добычи природных ресурсов. Экономика региона при этом рассмат-

ривалась как ресурсно-ориентированная с учетом приграничного положения региона. Наиболее интенсивный рост в экономической плоскости региона демонстрировали энергетика, ресурсодобывающие отрасли, рыбная отрасль, машиностроение. Базу миграционной политики государства в отношении региона формировала Долговременная государственная программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2000 года (принятая в 1987 году). Высокий потенциал региона и необходимость посредством миграционной политики решать проблемы национальной безопасности, в свою очередь, определили в период до 1990-х годов высокий приоритет решения задач развития региона. В условиях высокой обеспеченности целей и задач государственной политики всеми видами ресурсов в плановой экономике и централизованного государственного подхода к реализации этих задач миграционная политика в отношении Дальнего Востока получала достаточное кадровое, финансовое и иное обеспечение. Отдельными исследователями отмечается вероятность избыточного внимания государства к региону [3. С. 124], что создало предпосылки нерационального развития социальных и экономических институтов.

Задачи массированного развития Дальнего Востока решались преимущественно административными мерами (к примеру распределением выпускников учебных заведений западной части страны), льготами различного характера (к примеру, районных надбавок, повышающих уровень доходов населения). Закономерными следствиями подобной политики явились:

во-первых, ожидаемый рост численности населения и развитие экономического потенциала. Так, если в конце 1960-х годов численность населения региона составляла 4,8 млн чел., то в начале 1990-х годов уже превышала 8,06 млн чел. (с целевыми индикаторами роста до 9,7 млн чел. [3. С. 124]). Результативность достижения этих целей можно наблюдать по фактическому достижению численностью населения региона в 2018 году 6,2 млн чел., что не только на 30% ниже целевых индикаторов миграционной политики периода до 1990 года, но и ниже численности населения начала 1990-х годов. При этом начиная с 1970—1980-х годов в регионе формируется ситуация снижения естественного прироста населения. В подобных условиях задачи миграционной политики решаются специфическими для плановой экономики формами мобилизации населения (директивное распределение трудовых ресурсов);

во-вторых, зависимость результатов миграционной политики от уровня ресурсного обеспечения. Специфические формы мобилизационной работы в отношении мигрантов в условиях низкой трудовой мобильности до определенного этапа позволяли решать задачи повышения численности населения региона, обеспечения объектов промышленности кадровыми ресурсами. При этом последние организованные мигранты прибывают в сельскохозяйственный сектор региона в 1990-м году, в промышленность — в 1991 году.

Учитывая, что развитие региона было исторически сопряжено с массированными инвестициями, а развитие рыночной и социальной инфраструктуры в условиях планово-распорядительной экономики игнорировалось, логично было ожидать высокой зависимости региона именно от факторов ресурсной обеспеченности

государственной миграционной политики. Именно этим вторым следствием объясняется, на взгляд автора, современное состояние миграционной политики РФ в ДВФО.

Коренными отличиями миграционной политики РФ в ДФО 1990—2000-х годов от предыдущих периодов явились:

— невозможность использовать директивные методы управления размещением трудовых ресурсов. Переформатирование экономики в направлении рыночных механизмов лишило руководство страны активно используемых ранее для решения задач миграционной политики форм мобилизации населения. Как следствие, в условиях возросшей трудовой мобильности ускорился отток населения из регионов с низким уровнем жизни;

— недостаточная (относительно западной части страны) развитость социальных институтов. Исторически мобилизационный характер миграционной политики в отношении Дальнего Востока не создавал предпосылок для развития объектов социальной инфраструктуры (знания получались и повышались в других регионах, доступ к медицинским услугам был ограничен). Под влиянием этого фактора также стимулировался отток населения из региона;

— существенное снижение ресурсного обеспечения миграционной политики. Переходный процесс развития рынка в РФ, затянувшийся фактически на весь период 1990—2000-х годов сопровождался кризисными состояниями экономики, деградацией промышленного сектора и падением качества жизни, угрозами территориальной целостности [8]. В подобных условиях капиталоемкие программы развития Дальнего Востока, очевидно, не были подкреплены соответствующими ресурсами и вышли из перечня объектов сиюминутной значимости;

— в миграционной обстановке страны (и в целом в демографической ситуации) формируются негативные тенденции падения рождаемости, неконтролируемой миграции.

Совокупное влияние указанных факторов, в условиях обозначенной в начале статьи более интенсивной реакции демографической обстановки в регионе на экономические условия, предположительно должно было привести к резкому ухудшению миграционной обстановки в Дальнем Востоке на фоне снижения ее ресурсной обеспеченности. По данным, приведенным в табл. 1, можно наблюдать справедливость этого предположения в первые же годы перехода к рыночным механизмам управления национальной экономикой и развития кризисных процессов в РФ.

Таблица 1

Темпы прироста (снижения) численности населения в 1981—1992 годах
(в среднем за год, %) [5. С. 124]

Территория	1981—1985	1986—1990	1991	1992
Российская Федерация	0,7	0,7	0,1	-0,1
Дальний Восток	1,60	1,30	-0,30	-1,70
Приморский край	1,40	1,30	0,40	-0,30
Хабаровский край	1,60	1,30	0,30	-0,80
Амурская область	1,20	1,10	0,10	-3,20

Table 1

Population growth (decline)
(annual average, %) [5. С. 124]

Territory	1981—1985	1986—1990	1991	1992
Russian Federation	0,7	0,7	0,1	-0,1
Far East	1,60	1,30	-0,30	-1,70
Primorsky Krai	1,40	1,30	0,40	-0,30
Khabarovsk Territory	1,60	1,30	0,30	-0,80
Amur Region	1,20	1,10	0,10	-3,20

Так, если в период 1981—1990 годов наблюдаются опережающие темпы прироста численности населения Дальнего Востока относительно средних по РФ, то начиная с 1991 года явно обозначена тенденция оттока населения из региона, которая ускоряется более чем в 5 раз всего за один год к 1992 году.

Результативность влияния миграционной политики на экономику региона можно оценить по ряду метрик, важнейшими из которых выступают валовой региональный продукт (ВРП) и его отношение к численности населения региона (ВРП на душу населения). Рассмотрение динамики ВРП региона осуществляется с учетом ряда допущений.

Во-первых, миграционная политика влияет на состояние региональной экономики опосредованно, не является единственным фактором, определяющим экономическое развитие региона.

Во-вторых, влияние миграционной политики на состояние региональной экономики характеризуется временным лагом, задержкой в воздействии на динамику экономического роста.

В-третьих, Федеральная служба государственной статистики РФ не приводит на момент подготовки работы сводных данных ВРП за 2017 год.

Как следует из данных рис. 1, начиная с конца 1990-х годов ВРП ДВФО динамично развивался на фоне снижения вклада региона в национальную экономику.

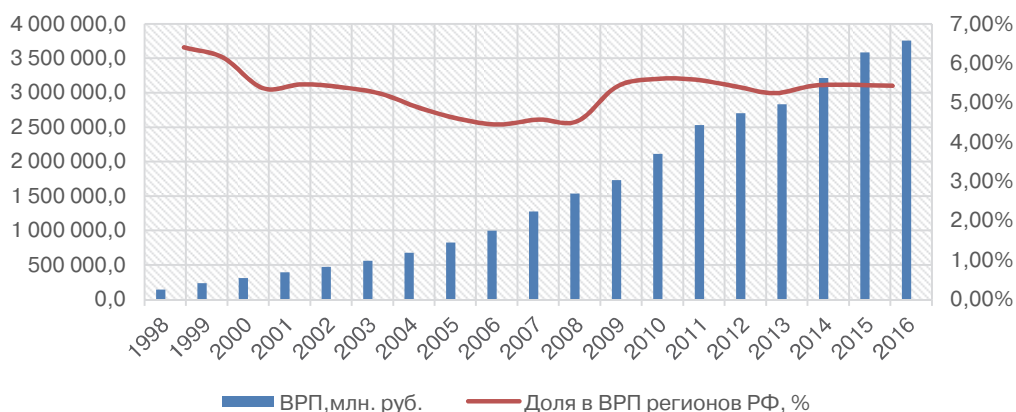

Рис. 1. ВРП ДВФО, 1998—2016 гг. /

Fig. 1. Gross regional product of the Far East Federal District, 1998—2016

Таблица 2

ВРП крупнейших регионов РФ на душу населения в 1998 и 2016 годах, руб.

	Регион	1998 г.	2016 г.	Темп прироста, %
1	Ненецкий авт. округ	н/д	5 821 559,80	н/д
2	Ямало-Ненецкий авт. округ	н/д	3 670 257,60	н/д
3	Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	н/д	1 852 318,30	н/д
4	Тюменская область	58 587,70	1 627 945,90	2 679%
5	Сахалинская область	21 428,20	1 575 642,60	7 253%
6	Чукотский автономный округ	37 859,40	1 323 201,30	3 395%
7	г. Москва	33 887,40	1 157 373,00	3 315%
8	Магаданская область	32 315,50	1 006 587,50	3 015%
9	Республика Саха (Якутия)	34 109,90	903 611,10	2 549%
10	г. Санкт-Петербург	18 024,90	712 303,60	3 852%
	Общее по РФ	15 371,1	472 161,9	2 972%
	ДФФО	20 356,7	607 004,2	2 882%

Table 2

GRP of the largest regions of Russia per capita, RUB.

	Region	1998	2016	Growth rate, %
1	Nenets Autonomous District	n/a	5 821 559,80	n/a
2	Yamalo-Nenets Autonomous District	n/a	3 670 257,60	n/a
3	Khanty-Mansiysk Autonomous District — Ugra	n/a	1 852 318,30	n/a
4	Tyumen Region	58 587,70	1 627 945,90	2 679%
5	Sakhalin Region	21 428,20	1 575 642,60	7 253%
6	Chukotka Autonomous Okrug	37 859,40	1 323 201,30	3 395%
7	Moscow	33 887,40	1 157 373,00	3 315%
8	Magadan Region	32 315,50	1 006 587,50	3 015%
9	The Republic of Sakha (Yakutia)	34 109,90	903 611,10	2 549%
10	Saint-Petersburg	18 024,90	712 303,60	3 852%
	General of the Russian Federation	15 371,1	472 161,9	2 972%
	FEFD	20 356,7	607 004,2	2 882%

Рассматривая в качестве меры экономического развития региона динамику ВРП на душу населения, необходимо отметить, что четыре региона ДВФО входят в настоящее время в число наиболее развитых в этом плане регионов. При этом темпы прироста экономики этих регионов превышают средние темпы прироста региональной экономики за рассматриваемый период, в то время как ВРП на душу населения самого ДВФО растет медленнее, чем среднее по стране.

Современный уровень развития экономики региона является следствием воздействия на социально-экономическую систему ДВФО, наряду с миграционной политикой, а также рядом прочих факторов. При этом результаты воздействия этих факторов на экономическое развитие региона позволяют судить о наличии явно обозначенных диспропорций, а также нерешенности широкой совокупности социальных задач и задач в сфере национальной безопасности. Так, высокие темпы роста отдельных регионов наблюдаются в условиях стагнации экономики прочих регионов. Если Сахалинская область по состоянию на 2018 год входит в число 12 регионов РФ, не являющихся дотационными, то прочие регионы ДВФО к таким регионам относятся. Более того, Республика Саха (Якутия) и Камчатский край входят в тройку крупнейших получателей дотаций федерального бюджета (на 2 и 3 местах соответственно). Численность населения региона в 2017 году находится

на уровне 1973 года (фактически нивелируя последствия миграционной политики в период до 1990 года). Плотность населения региона является самой низкой в РФ (6 из 10 наименее густонаселенных регионов РФ в 2017 году относятся к ДВФО).

В таблице 3 проанализирована динамика численности населения региона за период 1990—2000 годов продолженный до 2017 года. За период 1990—2000 годов общая численность населения региона снизилась более чем на 14,7%. Впоследствии тренд на снижение численности населения ДВФО сохранился, что позволяет считать актуальными и на момент подготовки статьи цели и задачи миграционной политики региона, предшествующие периоду 1990 года. В качестве факторов ухудшения демографической обстановки в регионе указываются низкая заработная плата, отсутствие перспектив профессионального роста, высокий уровень цен [11]. Существующие программы регионального развития [9; 6] не могут быть рассмотрены как эффективные.

Таблица 3

Динамика численности населения ДВФО в 1990—2017 годах, тыс. чел. [4]

Территория	1990	1995	2000	2017	2000/1995 гг., абс. изменение		Темп прироста, 2017/2000 гг., %
					Абс. изменение	Темп прироста, %	
Республика Саха (Якутия)	1 115,2	1 028,7	960	963,6	-155,2	-13,9	0,4
Камчатский край	477,7	414	369,4	315,1	-108,3	-22,7	-14,7
Приморский край	2 303,2	2 254	2 130,7	1 918,1	-172,5	-7,5	-10,0
Хабаровский край	1 622,2	1 555,2	1 466,9	1 330,8	-155,3	-9,6	-9,3%
Амурская область	1 054,8	990,7	929,3	800,1	-125,5	-11,9	-13,9
Магаданская область	387,4	253,5	198	144,8	-189,4	-48,9	-26,9
Сахалинская область	714,7	644,7	564,6	488,8	-150,1	-21,0	-13,4
Еврейская автономная область	218,9	208,4	194,2	163,1	-24,7	-11,3	-16,0
Чукотский автономный округ	160,1	90,1	59,6	49,6	-100,5	-62,8	-16,8
Общая численность	8 054,2	7 439,3	6 872,7	6 173,982	-1 181,5	-14,7	-10,2

Table 3

Population dynamics of the Far Eastern Federal district, thousand people [4]

Territory	1990	1995	2000	2017	2000/1995, abs. change		Growth rate, 2017/2000, %
					Abs. change	Growth rate, %	
The Republic of Sakha (Yakutia)	1 115,2	1 028,7	960	963,6	-155,2	-13,9	0,4
Kamchatka Territory	477,7	414	369,4	315,1	-108,3	-22,7	-14,7
Primorsky Krai	2 303,2	2 254	2 130,7	1 918,1	-172,5	-7,5	-10,0
Khabarovsk Territory	1 622,2	1 555,2	1 466,9	1 330,8	-155,3	-9,6	-9,3%
Amur Region	1 054,8	990,7	929,3	800,1	-125,5	-11,9	-13,9
Magadan Region	387,4	253,5	198	144,8	-189,4	-48,9	-26,9
Sakhalin Region	714,7	644,7	564,6	488,8	-150,1	-21,0	-13,4
Jewish Autonomous Region	218,9	208,4	194,2	163,1	-24,7	-11,3	-16,0
Chukotka Autonomous Okrug	160,1	90,1	59,6	49,6	-100,5	-62,8	-16,8
Total number	8 054,2	7 439,3	6 872,7	6 173,982	-1 181,5	-14,7	-10,2

Таким образом, современный уровень социально-экономического развития региона не позволяет говорить о решении задач выравнивания экономического развития, повышении уровня населенности приграничных территорий, обеспечении роста трудового потенциала региона. Более того, потенциал накопленных проблем в экономике региона столь высок, что в ДВФО сформировались предпосылки для долгосрочной тенденции снижения численности населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2011. № 4 (63). С. 35—60.
- [2] Красинец Е.С., Шевцова Т.В. Миграция и миграционная политика в развитии дальневосточного региона // Новая парадигма социально-гуманитарного знания: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 6 ч. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: Изд-во: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2008. Т. 4. С. 61—64.
- [3] Крушанова Л.А. Миграционная политика советского государства на Дальнем Востоке (1980-е гг.) // *Россия и АТР*. 2009. № 3 (65). С. 123—131.
- [4] Население // *Уровень жизни: электронная база данных* / Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru>. Дата обращения: 01.10.2018.
- [5] Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.economy.gov.ru>. Дата обращения: 01.10.2018.
- [6] Постановление Правительства РФ от 15.04.1996 № 480 (ред. от 28.12.2016) «Об утверждении федеральной целевой программы „Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона“ на период до 2018 года».
- [7] Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2017 года // Информационное агентство «Россия сегодня». Режим доступа: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>. Дата обращения: 01.10.2018.
- [8] Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия: коллективная монография / под ред. А.И. Костина. М.: МГУ, 2018. 320 с.
- [9] Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».
- [10] Шлык Н.Л. Трудовая миграция как фактор национальной экономической безопасности (региональный аспект) // *Управление инвестициями и инновациями*. 2018. № 2. С. 128—133.
- [11] Шувалова И.К. Факторный анализ миграционной активности на Дальнем Востоке России // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2014. № 5 (108). С. 79—85.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-218-226

Research Article

INFLUENCE OF MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION ON DEVELOPMENT OF THE FAR EAST IN 1990—2000S

A.A. Lysenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article analyzes the Russian migration policy in the Far East Federal District in the period of 1990—2000. The Author researches the evolution of migration policy and its effectiveness in achieving the goals of socio-economic development of the Far East and national security of the Russian Federation.

Based on the analysis of statistical data the article concludes that the current level of socio-economic development of the region does not allow to solve of the problems of leveling economic development, increasing the population of border areas and ensuring the growth of labor potential of the Far East Federal District. The author notes the long-term trend of population decline in the Far East Federal district.

Key words: migration policy, Far East, Far East Federal District of Russian Federation, migration, regional development

REFERENCES

- [1] Blyaher L.E., Grigorichev K.V. Migrants and Migration Policy in Post-Soviet Siberia and the Far East. *Politia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of politics)*. 2011; 4 (63): 35—60 (In Russ.).
- [2] Krasinets E.S., Shevtsova T.V. Migration and Migration Policy in the Development of the Far East Region. *A New Paradigm of Social and Humanitarian Knowledge. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference*. In 6 Vol. Ed. by E.P. Tkachova. Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research, LLC; 2008; Vol. 4: 61—64 (In Russ.).
- [3] Krushanova L.A. Migration Policy of the Soviet State in the Far East (1980s). *Russia and Asia-Pacific Region*. 2009; 3 (65): 123—131 (In Russ.).
- [4] Population / Standard of Living: electronic database. *Federal State Statistics Service*. Available from: <http://www.gks.ru>. Accessed: 01.10.2018 (In Russ.).
- [5] *Official Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. Available from: <http://www.economy.gov.ru>. Accessed: 01.10.2018 (In Russ.).
- [6] *Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.1996 № 480 (ed. from 28.12.2016) "On Approval of the Federal Target Program 'Economic and Social Development of the Far East and the Baikal region' for the Period until 2018"* (In Russ.).
- [7] Rating of Socio-economic Situation of the RF Subjects of 2017. *News Agency "Russia today"*. Mode of access: <http://riarating.ru/infografika/20180523/630091878.html>. Date of access: 01.10.2018 (In Russ.).
- [8] *Sustainable Development Strategy in the Context of the Political Processes of the XXI Century*. Collective monograph. Ed. by A.I. Kostin. Moscow: Moscow State University; 2018. 320 p. (In Russ.).
- [9] Presidential Decree № 637 of 22.06.2006 "On Measures to Facilitate the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation". (In Russ.).
- [10] Shlyk N.L. Labor Migration as a Factor of National Economic Security (Regional Aspect). *Investment and Innovation Management*. 2018; 2: 128—133 (In Russ.).
- [11] Shuvalova I.K. Factor Analysis of Migration Activity in the Far East of Russia. *Bulletin of the TRANS-Baikal State University*. 2014; 5 (108): 79—85 (In Russ.).

Сведения об авторе:

Лысенко Алла Анатольевна — аспирантка кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1042170205@rudn.ru).

Information about the author:

Alla A. Lysenko — Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: 1042170205@rudn.ru).

Статья поступила в редакцию 08.10.2018.

Received 08.10.2018.

Для цитирования:

Лысенко А.А. Влияние миграционной политики РФ на развитие Дальнего Востока в период 1990—2000-х годов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 218—226. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-218-226.

For citation:

Lysenko A.A. Influence of Migration Policy of the Russian Federation on Development of the Far East in 1990—2000s. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 218—226. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-218-226.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-227-239

Научная статья

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТСТВА КАК ПРИОРИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.В. Поляков¹, У.В. Унусян²

¹Управление образования Одинцовского муниципального района МО
Ул. Молодежная, д. 16-б, Одинцово, Россия, 143007

²Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В данной статье анализируется проблема безопасности детства. Детство как феномен рассматривается в контексте национальной политики Российской Федерации. В современном обществе, государстве и науке сложилось понимание важности обеспечения социальной защищенности личности. Оправданно отметить систематические изменения в законодательстве норм, регулирующих сферу социального обеспечения, притом что социального права как самостоятельной отрасли в системе отечественного права пока не сложилось, авторами отмечается его коллизийность. Все это, тем не менее, способствует ведению научных дискуссий о возможных направлениях социальной политики государства, и в частности политики в отношении безопасности детства. Актуальность обеспечения безопасности детства со стороны государства, определение его в качестве приоритетного направления национальной политики обуславливается в первую очередь известными кризисными явлениями, имеющими место в современном российском обществе. Помимо этого отмечается необходимость моделирования и осуществления наиболее эффективных путей достижения благополучия детей. В статье рассматриваются различные факторы риска, которые могут негативно влиять на развитие детства, а также исследуются механизмы социальной защиты детства. Особый акцент сделан на исследовании развития российского законодательства в сфере социальной политики, в том числе на появлении принципиально новых институтов (например, материнский капитал). Определена сущность понятий «социальная безопасность», «социальная политика», «детство». Рассмотрена модель национальной системы социальной защиты российского государства. Повышение качества жизни населения, укрепление здоровья российских граждан, обеспечение стабильного демографического развития России названы в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в числе национальных интересов нашей страны на долгосрочную перспективу. Перечисленные задачи поставлены в один ряд с такими масштабными интересами, как укрепление обороноспособности государства, обеспечение незыблемости конституционного строя, государственного суверенитета, территориальной целостности и др., что подтверждает актуальность и значимость темы исследования.

Ключевые слова: социальная безопасность, детство, безопасность детства, социальное государство, социальная защита, социальная политика

Сегодня говорить о системе обеспечения безопасности личности нужно с учетом диалектической связи между отдельным человеком и государством. Как важнейшее условие существования и развития личности ее безопасность в полной

© Поляков А.В., Унусян У.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

мере зависит от государства. Очевидность этого факта обусловлена не только наличием у политического института больших, чем у отдельного индивида средств для осуществления подобной функции, но и современным пониманием демократичности и цивилизованности общества: состояние безопасности личности выступает здесь как один из важнейших критериев [15].

При этом следует учитывать возможности взрослого человека в деле обеспечения своей личной безопасности, даже в условиях слабо развитого государственного механизма социальной защиты населения. Нельзя подобное сказать о возможностях детей.

Как человек «физически и умственно незрелый»¹, ребенок не имеет ни достаточных знаний, ни специальных механизмов для обеспечения собственной безопасности, что в условиях нестабильности политической или экономической системы может служить источником различных угроз и опасных ситуаций для него. Как наиболее уязвимая группа населения, дети нуждаются в особом внимании общества и государства. Поскольку Россия, в соответствии с Конституцией, провозглашена социальным государством², составной частью ее внутренней политики должна быть защита детства как особого социального феномена. Деятельность государства в деле обеспечения безопасности должна лежать в русле формирования достойного уровня жизни детей и их семей, что влечет за собой понимание необходимости выстраивания целой системы социальной безопасности.

Как исторический феномен понимание социальной безопасности складывалось не одно столетие: от античности до новейшей эпохи представление о природе этого феномена развивали выдающиеся ученые своего времени [6]. Такое внимание к данному явлению и многообразие подходов к пониманию его сути говорит о том, что модель государственной политики в каждом отдельном государстве в каждый отдельный период времени трансформируется вслед за изменениями в политической системе общества. Современное его понимание включает в себя стабильное состояние защищенности всей социальной сферы общества от различного рода угроз. Объектом выстраиваемой системы безопасности, прежде всего, выступают люди, граждане, в том числе — дети [18. С. 48].

Актуальность проблематики детства определяется не только теми кризисными явлениями в современном российском обществе, которые обуславливают процесс расширения детского неблагополучия, но и, в силу этого, реальной необходимостью моделирования и реализации наиболее адекватных путей достижения стабильности российских семей вообще и благополучия детей в частности.

Необходимо добавить, что проблема социальной безопасности в современных условиях становится объектом внимания широкого круга специалистов: от юристов и экономистов до философов и политологов [14. С. 12]. Каждый специалист

¹ Декларация прав ребенка. Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м Пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М.: Юрид. лит., 1990. С. 385—388.

² Конституция Российской Федерации. Ст. 7. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/6e9322b9a111e965ab5650f7f01bf0039d6a29c6/. Дата обращения: 23.12.2018.

уделяет внимание определенному аспекту проблемы: социологи анализируют социальные особенности поведения индивидов, психологи выделяют социальное самочувствие людей, экономистов интересует вклад человека в производство материальных благ. Конечно, исследовать такое многогранное явление, как социальная безопасность, необходимо в условиях взаимодействия всех подходов.

Важные теоретические аспекты и проблемы обеспечения социальной безопасности в политике нашего государства исследуются в работах современных авторов [1; 4; 12; 13]. Одной из важнейших целей обеспечения социальной безопасности теоретиками видится не только консолидация общества, но и достижение стабильности политической системы, конечно в условиях правового регулирования [19. С. 5].

Если же говорить о самом феномене детства, то его политологический аспект, проблема взаимодействия всех элементов по его защите и охране изучены пока недостаточно. Такой политологический анализ можно провести через определение социальной политики как деятельности всех институтов общества, в том числе и государственных, объектом которой выступают социальные отношения групп и людей с целью как стимулирования и удовлетворения их жизненных потребностей, так и нивелирования или сглаживания отрицательных воздействий социальной среды. Детство как особое явление и состояние, и дети как социальная страта крайне чувствительны к негативным тенденциям в социуме, поэтому для них важно наличие не только государственных мероприятий, но и такие общественные институты, как семья и родственники, друзья и сверстники, дошкольные и школьные учреждения, даже рабочий коллектив и работа родителей.

Можно сказать, что дети живут в специфических условиях современного общества, состояние которого социологи и политологи определяют как «общество риска» [3; 21] или «всеобщего риска» [11]. Реалии политических изменений в нашей стране принесли с собой неизвестные до этого новые кризисные ситуации: беспризорность детей, наркомания и алкоголизм подростков, резко возросшее в количественном отношении социальное сиротство, а также безработица родителей и миграция семей.

Современная отечественная социология выделяет несколько наиболее значимых факторов риска развития детства, которые порождает современный социум:

— нормативно-правовые, когда практика ежедневного отношения к детям со стороны взрослых не соответствует установленным и признанным нормам права, как отечественного, так и международного;

— демографические факторы, к которым относятся и уровень рождаемости, и уровень разводимости супругов, увеличение количества неполных семей, и массовый характер внебрачной рождаемости, и уровень младенческой смертности;

— материальные факторы — это, прежде всего, качество и уровень жизни семьи, что связано с наличием гарантий трудовой занятости взрослых;

— факторы, несущие риски для развития детства, также связаны со здоровьем, и прежде всего здоровьем женщин-рожениц, количеством детей-инвалидов;

— система образования также несет в себе определенные риски, которые, в первую очередь, обусловлены теми возможностями, которые система образования может предоставить детям. Так, отмечается тенденция сокращения дошкольных учреждений в стране, а также летних детских лагерей отдыха [7. С. 293].

В таких условиях очевидна необходимость не только формирования целенаправленной государственной политики по обеспечению детской безопасности, но и методичная профилактическая деятельность в этой области.

Можно говорить, что стандартных и уникальных решений «на все времена» в данной сфере государственного управления, видимо, не может быть, так как развитие государства всегда обуславливается конкретными историческими реалиями, что, в свою очередь, влечет изменения в социуме. Для формирования основных целей и ориентиров в сфере обеспечения социальной безопасности государство прибегает к выработке приоритетов своей социальной политики, которые закрепляются в нормах права: Конституции, законах, указах Президента, постановлениях Правительства и др.

При этом специалисты отмечают отсутствие социального права как отдельной отрасли права, что отчасти обусловлено применением фрагментарного подхода отечественными законодателями к регулированию вопросов социального характера в предыдущий период [2. С. 105]. Также кодификация социального права осложняется тем, что в нормативных источниках как регионального, так и федерального уровня царит неуместное здесь многообразие и плюрализм в понимании терминов или подходов к организации правового регулирования таких вопросов. Например, это напрямую касается механизма социально-правовой защиты детей. Само понятие детства в разных отраслях права квалифицируется по-разному, предмет правового регулирования зачастую переносится с детей на различные аспекты их жизни [20. С. 704].

О необходимости позиционирования политики в отношении детства как приоритетном направлении работы государственной системы можно говорить и в связи с определением места России в глобальном мире, где ее роль и ее развитие напрямую связаны с развитием подрастающего поколения.

В современном мире выстроенная система социальной защиты детства рассматривается не как случайный и приятный сюрприз от демократического и социального государства, а как важный аспект деятельности государственного механизма, обеспечивающий его же прогресс. Здесь можно говорить и о самостоятельности детской политики как сферы государственной активности.

По сравнению со многими другими направлениями в государственной политике политика в отношении детства выделяется специалистами по следующим основаниям: детство как субъект-адресат, на который она направлена, развивается быстро, при этом не является законченной сформировавшейся системой, умеющей защищать самое себя; просчеты и ошибки политики в отношении детей сказываются впоследствии крайне болезненно [10].

Важное место в политике детства, как было сказано нами выше, должно быть отведено планированию и профилактике. Необходимо понимать, что в такой сфере, как охрана и защита детства, совершенно уместно применять программно-целевой подход, в некоторых ситуациях вплоть до директивного планирования,

хотя при этом и вполне гибкого в условиях рыночных реалий. Как бы то ни было, и планирование и многосторонняя профилактика, от контрольно-финансовой до психолого-коррекционной, говорят, что принципами детской политики должны стать системность, гарантированность и комплексность [10].

Можно вполне уверенно сказать, что вектор развития государства как социального был выбран в качестве приоритетного в 1990-е годы. Однако не менее уверенно можно сказать, что этот вектор в наши дни отличается некоторой степенью декларативности. В 2000-е годы была принята «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года»³, которая носила ярко выраженный социальный характер, что обуславливалось следующими задачами: повышение эффективности государственной поддержки семьи, оптимизация демографической политики, решение проблем детей-инвалидов, более качественное обеспечение дошкольников услугами дошкольного содержания, а также оптимизация системы образования и дополнительного образования для детей от 5 до 18 лет.

Впоследствии Президентом РФ в 2007 году была предложена Концепция демографической политики на период до 2025 года⁴, которая была призвана стимулировать процесс повышения уровня рождаемости, что предусматривало помимо всего прочего выплату материнского капитала с последующей ежегодной компенсацией.

Таким образом, принимая во внимание «молодость» отечественной демократии, можно отметить, что первый этап становления современного российского государства гарантировал лишь минимальные социальные блага. Следующий этап развития российской государственности характеризуется наращиванием масштабов государственной социальной поддержки и формированием социальной политики как активного направления государственной деятельности.

Процесс роста объема и масштабов проводимой социальной политики отражается в документах этого периода, стратегических программах, концепциях, подпрограммах и проч., которые создаются и осуществляются такими ведомствами, как: Министерство образования, Министерство здравоохранения, Министерство труда и социальной защиты и др.

Одними из самых важных документов новейшего периода развития отечественной политики в отношении детства можно назвать Национальную стратегию действий в интересах детей на 2012—2017 годы, утвержденную Указом Президента Российской Федерации № 761⁵, а также Указ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527. Дата обращения: 24.12.2018.

⁴ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/. Дата обращения: 23.12.2018.

⁵ Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130516/. Дата обращения: 25.12.2018.

в Российской Федерации Десятилетия детства»⁶. Здесь примечательно, что Десятилетие детства стало закономерным продолжением Национальной стратегии, что говорит уже о совершенно четкой методичности и векторной направленности в политике российского государства в отношении социальной безопасности детства.

Помимо всего прочего важной новизной Национальной стратегии действий в интересах детей является четкое понимание необходимости раннего выявления социального неблагополучия семей с детьми. Параллельно с задачей профилактики и реабилитации таких семей в Национальной стратегии ставились задачи сокращения бедности семей с детьми вплоть до предоставления им гарантий обеспечения минимального дохода, а также обеспечение соблюдения прав ребенка посредством создания комфортного семейного окружения.

Объявление Президентом Российской Федерации Десятилетия детства предписывало Правительству разработать и утвердить план основных мероприятий до 2020 года, которые должны будут проводиться в рамках осуществления Десятилетия детства. Здесь сразу же определились основные приоритеты: повышение доступности школ, детских садов, а особенно ясельных групп, обеспечение безопасного информационного пространства детей, улучшение медицинской помощи детям, создание инфраструктуры детства и др.

Причем здесь можно отметить, что программа строительства новых школ уже осуществлялась на момент принятия документа, в то время как проблема доступности ясельных групп, необходимого их количества и должна быть решена в ближайшем десятилетии [5].

В контексте приоритетности и важности принятого документа интересно познакомиться с мнениями экспертов, которые участвовали в слушаниях плана Десятилетия детства в Общественной палате летом 2017 года.

Так, Сергей Рыбальченко, генеральный директор АНО «Институт научно-общественной экспертизы», отметил, что не следует понимать создание инфраструктуры детства как самоцель. Наоборот, целью выступает оптимизация доступности и повышение качества услуг для детей. Инфраструктура же как раз и выстраивается в процессе осуществления этих целей и зависит от того, какими мы хотим видеть эту доступность и качество. Например, нужно говорить о достижении 100% доступности дошкольного образования [16].

Актуальность придания общенационального, а не исключительно только правительственного характера данному плану отметила Лилия Гумерова, первый председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре [16]. Это будет способствовать привлечению к исполнению плана Десятилетия детства помимо федеральных органов власти еще и различные общественные организации, а также возможно социально ориентированные НКО.

Конечно, в современных условиях разработки, принятия и реализации выше-названных стратегий и планов можно говорить, что политика государства в отно-

⁶ Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_288278/#dst100007. Дата обращения: 25.12.2018.

шении защиты детства вполне сложилась как приоритетное направление всей внутренней политики. Можно отдельно выделить доступность образования как важный аспект стратегического развития общества, которому уделяет внимание Президент РФ, и что подтверждается планируемым выделением из бюджета на 2018—2019 годы порядка 50 млрд рублей на развитие детей раннего возраста [17].

Эксперты отмечают, что претворение в жизнь тех условий и возможностей, которые способствуют раскрытию таланта ребенка невозможно без оптимизации дошкольного образования как основы всей дальнейшей воспитательной и образовательной работы. Так, Л.Н. Тутова, заместитель председателя Комитета Государственной Думы ФС РФ по образованию и науке, подчеркивает некоторые достигнутые успехи современного дошкольного образования: это созданная система профессиональных конкурсов как на федеральном, так и на региональном уровне [17].

Таким образом, помимо указанных принципов социальной защиты, определенных факторов риска, а также поступательного развития законодательства в отношении защиты детства, можно говорить о формировании нашим государством национальной модели системы социальной защиты населения. Как отмечают специалисты, каждое государство формирует такую систему, и она естественным образом обуславливается помимо социально-экономических аспектов еще и географическими особенностями, и историческими и культурными традициями стран [8. С. 115].

В отношении государственной социальной политики Российской Федерации и социальной защиты отмечается их взаимообусловленность с учетом «регионализации» — когда учитывается специфика в потребностях у населения разных регионов страны. Здесь совершенно определенно выделяют две модели региональной социальной политики, а следовательно, и два подхода к осуществлению социальной защиты населения.

Для таких благополучных в финансовом отношении регионов, как обе столицы — Москва и Санкт-Петербург, а также для хорошо развитых промышленных и нефтяных регионов характерна либеральная модель социальной политики. Это выражается в минимальном участии региональных властей в управлении финансовой стороной жизни населения, в том числе низкий удельный вес социальных выплат в общих доходах граждан.

Депрессивная модель социальной политики характерна для кризисных регионов — Поволжье, Нечерноземье и др., где закономерно со стороны государства на региональном уровне устанавливается контроль ценообразования, доходов населения, что приводит к увеличению доли социальной помощи населению от государства [8. С. 120].

Таким образом, можно резюмировать двойственность национальной модели: с одной стороны, благосостояние граждан подлежит регулированию на приемлемом уровне, а с другой — создаются условия для самостоятельного удовлетворения индивидами или группами своих потребностей и возможностей.

В отечественной модели социальной политики работают механизмы реализации социальной защиты детства, — система общественных и правовых инструментов и средств, создающие условия для охраны и защиты детства, которые в первую очередь обусловлены теми факторами риска, о которых мы говорили выше. Выделяют механизмы, реализующие поддержку материнства и детства, обеспечивающие поддержание правовой культуры в микросоциуме, юрисдикционный и неюрисдикционный механизм защиты прав и свобод ребенка, а также механизмы правового образования и правового информирования [9. С. 199—202].

Поскольку законодательство РФ определяет приоритет семейного воспитания, механизм поддержки детства включает в себя закрепленные в законодательстве нормы, где беременность и роды признаются основанием для упрощенной и ускоренной процедуры регистрации брака (ст. 11 и 13 Семейного кодекса РФ)⁷. В соответствии с ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» установлена единая система пособий, выплачиваемых в связи с рождением и воспитанием ребенка⁸. Семейный капитал в качестве дополнительного средства поддержки семей с детьми был установлен в соответствии с ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»⁹.

Поскольку процесс социализации маленького человека происходит в тесном взаимодействии с окружающей средой, важным фактором детского развития и безопасности детства является наличие правовой среды в микросоциуме. Ближайшее окружение человека — семья, родственники, друзья — должно быть устроено в соответствии с социально-правовыми ценностями. Здесь работает механизм, способствующий поддержанию такой среды в микросоциуме, который обеспечивается правовыми нормами Семейного и Гражданского кодексов, положениями должностных инструкций воспитателей детских садов и учителей в школах и др.

Необходимо добавить, что педагоги, окружающие детей в детских садах и школах, должны владеть системой правовых знаний и умений, а также способствовать формированию таких же знаний и умений как у своих коллег, так и у родителей и семей в целом, а также самих несовершеннолетних детей.

Вся система уполномоченных органов по защите нарушенных прав детей — органы опеки и попечительства, органы загса, суд, прокуратура — представляет собой юрисдикционный механизм. Здесь нарушенные или оспариваемые права детей защищаются в соответствии с отраслями права, при этом осуществляется административный или судебный порядок такой защиты.

⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. Дата обращения: 26.12.2018.

⁸ Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 № 81-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/. Дата обращения: 26.12.2018.

⁹ Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 № 256-ФЗ (последняя редакция). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/. Дата обращения: 26.12.2018.

Неюрисдикционный механизм относится к осуществлению самозащиты прав, что могут реализовывать отдельные граждане — члены семей или негосударственных организаций, минуя обращение в уполномоченные органы. Законом предусмотрена такая самозащита. Например, Семейный кодекс в ст. 56 говорит о непосредственной защите интересов ребенка силами родителей или усыновителей¹⁰. Гражданский кодекс также устанавливает возможность несовершеннолетнему самостоятельно реализовывать свои права на защиту¹¹.

Правовое просвещение как механизм правового информирования предполагает распространение правовых идей и, следовательно, поведения. В современных условиях считается необходимым организованным и планомерным ознакомление детей как в семье, так и в образовательных учреждениях, с их правами вплоть до предоставления ребенку возможности свободно пожаловаться на насилие в семье или школе.

Механизм правового образования обусловлен необходимостью формирования у граждан правовых установок и мотивов своих действий. Через правовое обучение совершается и правовое воспитание, посредством которого у индивида развивается уважение к праву и ответственность за свои поступки, а также привычка всегда действовать в правовом поле.

К такому механизму относится обучение правовым дисциплинам детей в школе, а также педагогов в процессе осуществления профессиональной подготовки, что подтверждается письмами коллегии Министерства образования «Об изучении Конституции Российской Федерации и гражданском образовании»¹² и «О повышении правовой культуры и образования учащихся в сфере избирательного права и избирательного процесса»¹³.

В заключение можно сказать, что безопасность детства как приоритет государственной политики является актуальной практикой сегодняшнего дня. Как одна из сторон социальной политики государства обеспечение безопасного развития детства обусловлено развитием отечественного законодательства в этой области, созданием комфортных условий проживания периода детства, развитием средств и способов социальной адаптации и социальной поддержки населения со стороны государства.

¹⁰ «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018). СК РФ Статья 56. Право ребенка на защиту. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/09a72ea8e2b02e3e4a94996e7e6fc256ec0a4499/. Дата обращения: 26.12.2018.

¹¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018). ГК РФ Статья 26. Дееспособность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/7b6abd47219e2aa6081ac21b41e9e83d80fb45df/. Дата обращения: 26.12.2018.

¹² Об изучении Конституции Российской Федерации и гражданском образовании. Письмо Министерства образования. Режим доступа: <http://www.ug.ru/old/civicoldd/mo060295.htm>. Дата обращения: 26.12.2018.

¹³ О повышении правовой культуры и образования учащихся в сфере избирательного права и избирательного процесса: методические рекомендации. Режим доступа: http://bank.orenipk.ru/Text/t32_25.htm. Дата обращения: 26.12.2018.

Формирование социальной политики в целом происходит в соответствии с конкретными историческими реалиями развития российского государства и обладает своей спецификой. Так, модель национальной системы социальной защиты характеризуется двойственностью, что, в свою очередь, обусловлено региональностью: с одной стороны, в депрессивных регионах благосостояние граждан подлежит регулированию на приемлемом уровне, а с другой — в более благополучных регионах создаются условия для самостоятельного удовлетворения индивидами или группами своих потребностей и возможностей.

Однако следует признать, что при всей прогрессивности российского законодательства в социальной сфере на сегодняшний день созданы не все политические и правовые условия, которые могли бы нивелировать факторы риска и обеспечить свободное и качественное протекание и развитие детства, самореализацию творческого детского потенциала. Это прежде всего говорит о том, что и дальнейшее законодательное реформирование, и поиск актуальных решений задач в сфере детства — неизбежно. Социальное государство, которым считает себя Российская Федерация, исходит из своей ответственности перед нынешними и будущими поколениями, а поэтому будет всегда стремиться предоставить детям лучшие условия для устойчивого и качественного развития ребенка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аристов Е.В.* Изменения в законодательстве Российской Федерации в отношении лиц, находящихся в состоянии бедности, как реализация конституционной нормы о достойном уровне жизни // *Закон и право*. 2016. № 7. С. 49—54.
- [2] *Бакалдина Е.С.* Государственная социальная политика Российской Федерации: выбор приоритетов // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. № 4 (60). Т. 1. С. 104—107.
- [3] *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- [4] *Беляков А.А.* Реализация права на региональный и семейный капитал при разрешении судебных споров // *Российский судья*. 2017. № 3. С. 15—19.
- [5] В России стартовала программа «Десятилетие детства» // *Парламентская газета*. 29.05.2017. Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-startovala-programma-desyatiletie-detstva.html>. Дата обращения: 25.12.2018.
- [6] *Губанов В.М., Сатывалдиева Б.* Социальная безопасность как социально-исторический феномен // *Молодой ученый*. Август, 2015. № 15 (95). С. 577—580.
- [7] *Дементьева И.Ф.* Факторы риска развития детства в современной России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2016. Т. 16. № 2. С. 285—294.
- [8] *Замараева З.П.* Принципы построения моделей национальных систем социальной защиты // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2008. Вып. 1 (1). С. 115—125.
- [9] *Коротун А.В.* Механизмы социально-правовой защиты материнства и детства в современной России // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 10. С. 197—204.
- [10] *Краснова В.Ю.* Политика российского государства по защите детства: организационно-политические и институционально-правовые аспекты: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: Москва, 2004. 206 с. Режим доступа: <http://www.dslib.net/polit-instituty/politika-rossijskogo-gosudarstva-po-zawite-detstva-organizacionno-politicheskie-i.html>. Дата обращения: 25.12.2018.
- [11] *Кузнецов В.Н.* Общенациональная цель как фундаментальная проблема социологии // *Социологические исследования*. 2005. № 4. С. 3—14.

- [12] *Куксин И.Н., Новопавловская Е.Е.* Концепция социального государства как элемент конституционализма современной России // *Правовое государство: теория и практика*. 2016. № 4 (46). С. 14—23.
- [13] *Малахов В.П.* Социальное государство: эксперимент или закономерность развития? // *История государства и права*. 2017. № 3. С. 3—9.
- [14] *Новопавловская Е.Е., Переверзев Е.А.* Социальная политика российского государства: современное состояние и тенденции развития // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2018. № 3. С. 11—20.
- [15] Обеспечение безопасности личности как политическая проблема: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: Москва, 2004. 170 с. Режим доступа: <http://www.dslib.net/polit-instituty/obespechenie-bezopasnosti-lichnosti-kak-politicheskaja-problema.html>. Дата обращения: 25.12.2018.
- [16] План Десятилетия детства: «как будто большинство детей живет без родителей» // Православный портал о благотворительности. 27.07.2017. Режим доступа: <https://www.miloserdie.ru/article/plan-desyatiletie-detstva-kak-budto-bolshinstvo-detej-zhivet-bez-roditelej/>. Дата обращения: 25.12.2018.
- [17] Развитие дошкольного образования — один из приоритетов образовательной политики // *Вестник образования России*. 19.07.2018. Режим доступа: http://vestniknews.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2548&roistat_visit=466256. Дата обращения: 25.12.2018.
- [18] *Симонович Н.Е., Киселева И.А.* Проблемы социальной безопасности человека в современном обществе // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2013. № 44 (233). С. 48—52.
- [19] *Социальная политика: парадигмы и приоритеты / под общ. ред. В.И. Жукова*. М.: Союз, 2000. 312 с.
- [20] *Чинчикова Г.Б.* Социально-правовая защита детства как функция нравственного государства // *Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13—14 апреля 2018 г.)*. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 748 с.
- [21] *Яницкий О.Н.* Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2. С. 5—15.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-227-239

Research Article

THE PROBLEM OF CHILDHOOD SAFETY AS A PRIORITY OF RUSSIAN NATIONAL POLICY

A.V. Polyakov¹, U.V. Unusyan²

¹Education Department of the Odintsovo Municipal District
Molodezhnaya str., 16-b, Odintsovo, Russian Federation, 143007

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The following article focuses on the problem of childhood safety. The phenomenon of childhood is studied in the context of the national policy of the Russian Federation. In modern society, state and science, the importance of social protection of an individual has been prioritized. One can see systematic changes in the legislation of norms regulating the sphere of social security. Social law as an independent branch in the system of domestic law, however, has not yet developed, therefore certain incoherence exists. All this, nonetheless, has triggered scientific discussions on possible directions of the state's social policy,

and in particular, the policy on children's safety. The necessity of prioritizing childhood safety and security, defining it as a pivotal direction in the national policy is determined primarily by certain crisis phenomena taking place in contemporary Russian society. Moreover, designing and implementation of the most effective ways of guaranteeing children's wellbeing is regarded as crucial. The article deals with various risk factors that can negatively affect childhood, as well as mechanisms of social protection of children. Particular emphasis is placed on the study of the development of Russian legislation in the field of social policy, including the emergence of fundamentally new institutions (for example, maternity capital). The article offers a definition of the concepts "social security", "social policy", and "childhood", and examines the existing model of national social protection in Russia. Improving the quality of life of the population, strengthening Russian citizens' health, ensuring stable demographic development of Russia are named among the main long-term national interests in the National Security Strategy of the Russian Federation. The above-mentioned objectives are equated with such large-scale interests as strengthening the state's defense capacity, ensuring the inviolability of the constitutional system, state sovereignty, territorial integrity, etc., which confirms the relevance and importance of the topic in question.

Key words: social security, childhood, childhood safety, social state, social protection, social policy

REFERENCES

- [1] Aristov E.V. Changes in Russian Legislation Regarding Persons beyond Poverty Line as Implementation of the Constitutional Provision on the Right to an Adequate Standard of Living. *Zakon i pravo*. 2016; 7: 49—54 (In Russ.).
- [2] Bakaldina E.S. National Social Policy of the Russian Federation: Prioritizing. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014; 4 (60); 1: 104—107 (In Russ.).
- [3] Bek U. *Risk Society: Pursuing New Modern Reality*. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. 383 p. (In Russ.).
- [4] Belyakov A.A. Implementation of the Right to Regional and Family Capital in Legal Arguments. *Rossiiskii sud'ya*. 2017; 3: 15—19 (In Russ.).
- [5] "Decade of Childhood" Program has been Launched in Russia. *Parlamentskaya gazeta*. 2017. 29.05.2017. Available from: <https://www.pnp.ru/politics/v-rossii-startovala-programma-desyatiletie-detstva.html>. Accessed: 25.12.2018 (In Russ.).
- [6] Gubanov V.M., Satyvaldieva B. Social Security as a Social and Historic Phenomenon. *Molodoi uchenyi*. 2015; 15 (95): 577—580 (In Russ.).
- [7] Dement'eva I.F. Risk Factors of Childhood Development in Modern Russia. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (2): 285—294 (In Russ.).
- [8] Zamaraeva Z.P. National Social Security System Models: Structural Principles. *Vestnik Perm'skogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 2008; 1 (1): 115—125 (In Russ.).
- [9] Korotun A.V. Mechanisms of Social and Legal Protection of Motherhood and Childhood in Modern Russia. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossi*. 2014; 10: 197—204 (In Russ.).
- [10] Krasnova V.Yu. Russian State Policy on Childhood Protection: Organizational-Political and Institutional-Legal Aspects: thesis, PhD in Political Science: 23.00.02. Moscow, 2004. 206 p. Available from: <http://www.dslib.net/polit-instituty/politika-rossijskogo-gosudarstva-po-zawite-detstva-organizacionno-politicheskie-i.html>. Accessed: 25.12.2018 (In Russ.).
- [11] Kuznetsov V.N. Nationwide Objective as a Fundamental Problem of Social Science. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2005; 4: 3—14 (In Russ.).
- [12] Kuksin I.N., Novopavlovskaya E.E. The Concept of a Social State as a Constitutionalist Element in Modern Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2016; 4 (46): 14—23 (In Russ.).
- [13] Malakhov V.P. Social State: Experiment or Developmental Pattern? *Istoriya gosudarstva i prava*. 2017; 3: 3—9 (In Russ.).
- [14] Novopavlovskaya E.E., Pereverzev E.A. Social Policy of the Russian State: Present Condition and Development Trends. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti*. 2018; 3: 11—20 (In Russ.).

- [15] Security of an Individual as a Political Problem: thesis, PhD in Political Science: 23.00.02. Moscow; 2004. 170 p. Available from: <http://www.dslib.net/polit-instituty/obespechenie-bezopasnosti-lichnosti-kak-politicheskaja-problema.html>. Accessed: 25.12.2018 (In Russ.).
- [16] “Decade of Childhood” Plan: “As if Most Children Live without Parents”. *Pravoslavnyi portal o blagotvoritel'nosti*. 27.07.2017. Available from: <https://www.miloserdie.ru/article/plan-desyatiletie-detstva-kak-budto-bolshinstvo-detej-zhivet-bez-roditelej/>. Accessed: 25.12.2018 (In Russ.).
- [17] Development of Pre-School Education as one of the Educational Policy Priorities. *Vestnik obrazovaniya Rossii*. 19.07.2018. Available from: http://vestniknews.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2548&roistat_visit=466256. Accessed: 25.12.2018 (In Russ.).
- [18] Simonovich N.E., Kiseleva I.A. Problems of Social Security of an Individual in Modern Society. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2013; 44 (233): 48—52 (In Russ.).
- [19] *Social Policy: Paradigms and Priorities*. Ed. by V.I. Zhukov. Moscow: Soyuz; 2000. 312 p. (In Russ.).
- [20] Chinchikova G.B. Social and Legal Protection of Children as a Function of an Ethical State. *Social and Legal Protection of Children as a Priority of Modern National Policy*. Collection of articles, International Research and Practice Conference (Cheboksary, 13—14 of April 2018). Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta; 2018. 748 p. (In Russ.).
- [21] Yanitskii O.N. Russia as a Risk Society: Analysis Methods and Concept Outline. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2004; 2: 5—15 (In Russ.).

Сведения об авторах:

Поляков Алексей Викторович — кандидат политических наук, начальник Управления образования Одинцовского муниципального района Московской области (e-mail: al2004pol@yandex.ru).

Унусян Ульяна Вячеславовна — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: uljanav@mail.ru).

Information about the authors:

Aleksey V. Polyakov — PhD in Political Science, Head of the Department of Education of Odintsovo Municipal District (Russian Federation) (e-mail: al2004pol@yandex.ru).

Uliana V. Unusian — Postgraduate Student of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: uljanav@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 10.01.2019.

Received 10.01.2019.

Для цитирования:

Поляков А.В., Унусян У.В. Проблема безопасности детства как приоритет национальной политики Российской Федерации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 2. С. 227—239. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-227-239.

For citation:

Polyakov A.V., Unusyan U.V. The Problem of Childhood Safety as a Priority of Russian National Policy. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 227—239. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-227-239.

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ США

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-240-253

Научная статья

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ ИЗ ВЕНЕСУЭЛЫ НА ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В США

С.Ю. Белоконев¹, С.А. Водопетов¹,
В.Г. Иванов²

¹Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский проспект, 49, Москва, Россия, 125993

²Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. Авторами рассмотрено влияние миграции из Венесуэлы на внутреннюю политику США. Согласно данным за 2017 год, более 11% переселенцев в США из Южной Америки являются венесуэльцами, в то время как аналогичный показатель за 2016 год приближался к 9%, что говорит о достаточно резком росте числа беженцев. Активный приток выходцев из Венесуэлы может стать одним из ключевых факторов на будущих выборах президента США 2020 года. Наиболее крупная диаспора венесуэльцев в США проживает в штате Флорида, который, по мнению авторов, станет одним из ключевых в ходе будущей президентской электоральной кампании. Авторы делают вывод о том, что в связи с потенциальной потерей позиций в таком важном регионе, как Флорида, администрации президента США Дональда Трампа необходимо пересмотреть свою политику в штате. Кроме того, в увеличении влияния в штате заинтересованы представители Демократической партии, что оказывает влияние на стратегии электоральной борьбы. Авторы приходят к выводу, что в целом администрации Дональда Трампа выгоден кризис в Венесуэле, так как он сможет подтвердить необходимость ряда внутривнутриполитических реформ, направленных на экономический протекционизм и ограничение иммиграции.

Ключевые слова: США, Венесуэла, кризис, миграция, беженцы, выборы

ВВЕДЕНИЕ

Для США в последние годы характерно увеличение числа мигрантов из стран Латинской Америки. В целом южноамериканские иммигранты составили 7% (или 3,2 млн) от 44,5 млн иностранцев, родившихся в Соединенных Штатах в 2017 году —

© Белоконев С.Ю., Водопетов С.А., Иванов В.Г., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

по сравнению с 1% в 1960 году [31]. На текущий момент наблюдается наибольший приток мигрантов-венесуэльцев, которые стремятся покинуть родину из-за кризисной ситуации в стране. Экономисты, аналитики и правозащитники со всего мира неоднократно предупреждали, что сочетание нездоровой бюджетной политики Венесуэлы, углубляющейся коррупции, укоренившейся авторитарной политической практики и рискованной зависимости от экспорта нефти имеет потенциально катастрофические последствия для государства, что в том числе предполагало отток населения. Как отмечает А.В. Будаев, ситуация усугубляется обострением социальных проблем, в том числе в результате острого дефицита предметов и продуктов первой необходимости, ростом протестного движения, в первую очередь со стороны оппозиции, студенческих и молодежных кругов, всплеском преступности на фоне процветания коррупции и различных злоупотреблений со стороны представителей госструктур [1]. Также, несомненно, большую роль в политической дестабилизации Венесуэлы на протяжении длительного времени играют внешние санкции и подрывная деятельность.

Активный приток выходцев из Венесуэлы может стать одним из ключевых факторов на будущих выборах президента США, которые пройдут в 2020 году. Во Флориде, которая станет ключевым штатом в борьбе за кресло президента, находится наиболее крупная венесуэльская диаспора, которая активно увеличивается в последние годы. Резкий рост числа иммигрантов негативно воспринимается населением штата и приводит к увеличению потенциала общественного протеста [7]. В таких условиях антииммиграционная политика Дональда Трампа приобретает актуальность и становится востребованной у населения. Такая ситуация заставляет активизироваться лагерь демократов, так как преимущество действующего президента в «спорном» штате в перспективе может обернуться потерей шансов на победу на выборах. Необходимость планомерной стратегии использования темы мигрантов во время будущей электоральной кампании только увеличится из-за того, что в силу политико-экономической ситуации в Венесуэле рост числа беженцев из этой страны в Америку в ближайшее время не только не остановится, но и ощутимо ускорится.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно данным за 2017 год, более 11% переселенцев в США из Южной Америки являются венесуэльцами, а аналогичный показатель за 2016 год приближался к 9%, что говорит о достаточно резком росте числа беженцев [31]. По состоянию на 2018 год Венесуэла была четвертой страной мира по количеству покинувшего территорию государства населения, уступая только Сирии, Афганистану и Ираку.

Кроме того, по имеющимся оценкам, Соединенные Штаты принимают от 1 до 5% всех венесуэльских беженцев. Примечательно, что даже с этим небольшим процентом Венесуэла в настоящее время является для США ведущей страной, жители которой направляют прошение на предоставление убежища: так, за период с января по июнь 2018 года было подано более 13 000 заявлений [30].

На протяжении истории наблюдалось несколько скачков притока мигрантов из Венесуэлы в США. Начиная с конца XX века и прихода к власти в Венесуэле Уго Чавеса в значительной степени вырос миграционный поток венесуэльцев в США. По оценкам американских миграционных служб, на текущий момент на территории страны проживают более полумиллиона венесуэльцев. При этом количество незарегистрированных мигрантов может приблизить этот показатель к миллиону. После обострения политико-экономической ситуации в Венесуэле, произошедшей вследствие кризиса власти в январе 2019 года, существуют предпосылки для резкого увеличения количества мигрантов, в том числе и нелегальных.

США не являются основным государством, в которое переселяются венесуэльцы, — основной приток беженцев приходится на сопредельные страны Латинской Америки, такие как Колумбия, Перу, Чили, Бразилия. Однако в эти государства в основном въезжают наиболее бедные категории граждан Венесуэлы, в то время как средний класс и выше стремится эмигрировать в более развитые страны, в том числе и США.

В связи с актуальностью антимиграционной политики в администрации президента США Дональда Трампа, быстрое увеличение числа нелегальных приезжих из Венесуэлы может оказать серьезное влияние на протестные настроения американских граждан, провоцируя рост безработицы среди бедных слоев населения. Кроме того, приток мигрантов в страны — союзники США в регионе также является проблемой для американского правительства. В частности, в связи с наплывом беженцев из Венесуэлы Соединенные Штаты вынуждены оказывать финансовую помощь в виде дотаций на содержание мигрантов в Колумбии.

Как уже отмечалось, сравнительно незначительная миграция венесуэльцев в США наблюдалась на протяжении всего XX века. Первая серьезная миграционная волна из Венесуэлы в США началась в 1998 году, когда Уго Чавес был избран на свой первый президентский срок. Непосредственно после выборов, прошедших в декабре 1998 года, 14 венесуэльцам, оппозиционным новому президенту, было предоставлено убежище в Соединенных Штатах. В течение последующего года, по данным миграционной службы США, политическое убежище было предоставлено 1086 гражданам Венесуэлы. Эмиграция усиливалась в первую очередь из-за декларируемых Уго Чавесом идей о перераспределении ресурсов страны в пользу бедных, что было негативно воспринято не только самими зажиточными венесуэльцами, но и средним классом, представители которого также начали бежать от новой боливарианской власти.

США, в свою очередь, относились к новым венесуэльским властям крайне негативно, обвиняя режим Уго Чавеса в нарушении прав человека и демократических свобод венесуэльцев.

Следующее обострение миграционных потоков произошло после попытки государственного переворота в Венесуэле, которая произошла в апреле 2002 года. Кроме того, волну эмиграции вызвала многолетняя политическая напряженность, сложившаяся после прихода Уго Чавеса к власти, а также ряда непопулярных у среднего и высшего класса социально-экономических реформ. В мае 2002 года посольство США в Каракасе отметило серьезный прирост числа венесуэльцев,

желающих выехать на американскую территорию. Особенно отмечалось, что в основном в США стремились попасть высококвалифицированные кадры, что, по мнению посольства на тот момент, в итоге окажет негативное влияние на развитие Венесуэлы (особенно энергетической отрасли). К июню того же года большое число венесуэльцев, имевших родственников за рубежом или другие связи вне Венесуэлы, также эмигрировали. Параллельно увеличивалось и количество граждан, решивших покинуть страну из-за экономических и политических причин.

Следующее увеличение потока миграции датируется 2006 годом, когда произошло очередное переизбрание У. Чавеса. Именно в это время количество посещений сайтов, специализирующихся на эмиграции, стало в значительной степени расти. К примеру, количество посещений сайта MeQuieroIr.com возросло с 20 000 уникальных пользователей в декабре 2006 года до 30 000 в январе 2007 года, а число заявлений на получение виз от венесуэльцев увеличилось на 700%.

Соединенные Штаты являются одним из основных направлений для венесуэльских эмигрантов [15; 16; 18; 20; 25; 29]. Число выходцев из Венесуэлы, живущих на территории США, увеличилось на 135% в период между 2000 и 2010 годами — с 91 507 до 215 023 человек. К 2015 году число венесуэльцев насчитывало приблизительно 260 000 человек. Кроме того, на тот момент число венесуэльцев, которые остаются в США с неиммиграционной туристической или деловой визой, составляло 527 907 человек. Согласно статистике, на 2017 год, число официально живущих в США выходцев из Венесуэлы превысило 351 000 человек. Увеличение числа мигрантов из Венесуэлы в последние годы наглядно показано на графике (см. рис. 1). Необходимо отметить, что внушительная часть из числа венесуэльских мигрантов являлись высококвалифицированными специалистами.

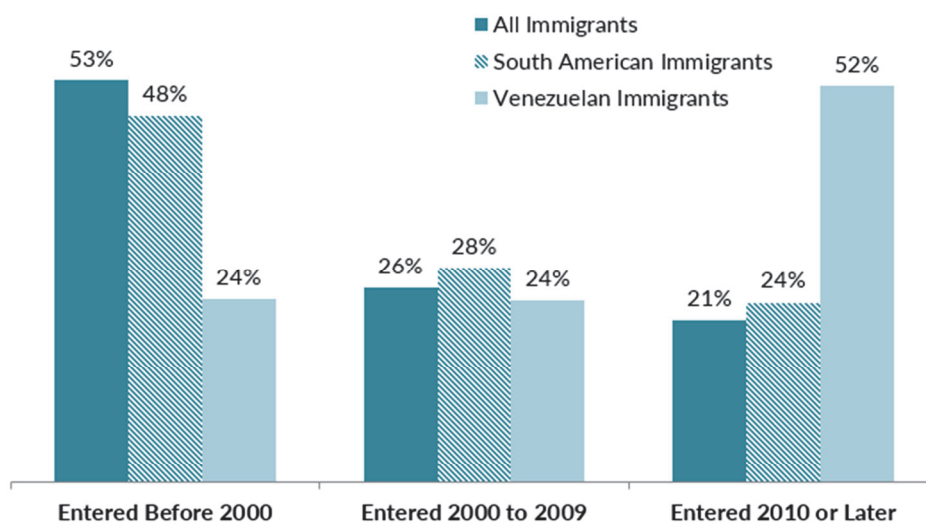

Рис. 1. Число официально живущих в США выходцев из Венесуэлы, данные на конец 2017 г. /

Fig. 1. The number of officially living in the US immigrants from Venezuela, data at the end of 2017

Наиболее крупная диаспора венесуэльцев в США проживает в Южной Флориде. Из-за большого числа нелегально проживающих мигрантов из Венесуэлы в 2015 году в Палату Представителей США был внесен законопроект, направленный в законодательный орган четырьмя делегатами от штата Флорида, который предполагал помощь венесуэльским беженцам. Предлагаемый законопроект направлен на регулирование статуса венесуэльцев, которые прибыли в США ранее 1 января 2013 года, с крайним сроком подачи заявки на легализацию до 1 января 2019 года (при отсутствии судимости).

Одним из основных спонсоров законопроекта стал член Палаты Представителей от штата Флориды республиканец Карлос Курбело, который заявил, что принятый законопроект предназначен для тех граждан Венесуэлы, которые получили приют в США и хотят остаться в стране, так как возвращаться на родину опасно. Меры Республиканской партии, представленной в регионе латиноамериканским меньшинством, привели к росту популярности во Флориде Демократической партии. Во время избирательной кампании 2018 года в Палату представителей от штата попала Дебби Майкл Пауэлл, которая состоит в Демократической партии.

В связи с потенциальной потерей позиций в таком важном регионе, как Флорида, администрации президента США Дональда Трампа необходимо пересмотреть свою политику в штате. В частности, будут активизироваться антиэмигрантские настроения, текущий кризис в Венесуэле будет использован в качестве фактора устрашения для местного населения, так как предполагает увеличение числа мигрантов. Штат Флорида, который постоянно колеблется между представителями Республиканской и Демократической партий, традиционно считается одним из важнейших в рамках президентской кампании. В связи с этим ситуация с увеличением числа мигрантов потенциально может быть использована Дональдом Трампом для переизбрания на второй срок. Его предыдущая кампания была пресыщена популистскими лозунгами, такими как увеличение числа рабочих мест, отмена медицинской реформы Барака Обамы, борьба с нелегальной миграцией из сопредельных стран, прекращение военных действий за рубежом, возвращение производства на американскую территорию и сокращение одностороннего финансирования международных проблем.

По мнению экспертов, во многом победа Дональда Трампа на президентских выборах была обеспечена голосами так называемых «реднеков» — фермеров, живущих в сельской местности и традиционно поддерживающих консервативные идеи и традиционные ценности. Кроме того, многие из сторонников Трампа — низкоквалифицированные граждане, потерявшие рабочие места в промышленности из-за аутсорсинга в Мексику и Китай, а также увеличения числа мигрантов, что будет особенно актуально во Флориде. Таким образом, наплыв беженцев, неизбежный в связи с кризисом в Венесуэле, благоприятно повлияет на позиции Дональда Трампа в грядущей электоральной кампании. Во внутривнутриполитической сфере ситуация в Венесуэле укладывается в парадигму борьбы Дональда Трампа с миграцией в США и подобные идеи будут продолжать использовать в ходе следующей президентской гонки. Венесуэле за последние 5 лет покинуло более 10% населения, что в значительной степени вызывает нестабильность во всем регионе,

в том числе провоцирует озабоченность у американцев. Активная борьба с миграцией сможет не только положительно сказаться на рейтинге действующего президента США в преддверии выборов, но также поддержать амбиции местного населения в вопросе сохранения за собой рабочих мест, что может оказать благотворное влияние на позиции Республиканской партии в спорных штатах в период последующих выборов.

В течение последних нескольких лет администрация Д. Трампа сосредоточилась на сокращении числа беженцев, въезжающих в Соединенные Штаты, снизив их число с 85 000 в 2016 году до всего 30 000 по подсчетам на начало 2019 года. В связи с этим кажется маловероятным решение Трампа о предоставлении дополнительных квот на въезд венесуэльских беженцев, что может спровоцировать повсеместное переселение граждан Венесуэлы в США на нелегальной основе и вызвать серьезное повышение уровня социального напряжения среди американцев.

При этом, в некоторой степени, американским властям выгодно принимать венесуэльских беженцев. Это связано с тем, что приезжие, в подавляющей своей части, высокообразованные специалисты. Представители диаспоры имеют степень бакалавра, магистра и специалиста почти в два раза чаще (48,5%) по сравнению с общенациональными показателями (27%). Кроме того, только 6% взрослых эмигрантов-венесуэльцев не закончили среднюю школу, по сравнению с 15,9% в среднем по США.

Кроме высокого уровня адаптивности к английскому языку и образовательного уровня приезжих из Венесуэлы они склонны считать приоритетом преподавание и сохранение испанского языка. Этот фактор позволяет сохранять национальную идентичность и воспитывать детей в двуязычной среде.

Мигранты из Венесуэлы работают в самых разных профессиях. Однако большинство из них склоняются к банковскому делу и нефтяной промышленности, так как имеют прежний опыт работы по данным направлениям. Венесуэльские американцы также работают в телевизионной, издательской и радиоиндустриях. Важным фактором также является стремление венесуэльцев участвовать в политических процессах на различных уровнях власти.

Венесуэльские мигранты и беженцы по-прежнему поддерживают прочные отношения со своей исторической родиной, что можно легко увидеть в деловой, семейной и общественной жизни. Венесуэльские американцы часто распространяют информацию о социальных и текущих событиях в Венесуэле, а иммигранты первого поколения часто посещают страну. Граждане Венесуэлы также довольно часто посещают своих родственников в Соединенных Штатах.

Согласно статистике, в последние годы основной прирост числа венесуэльцев в США происходит благодаря родственным связям. Зачастую, когда один член семьи получает статус беженца или вид на жительство в США, на территорию страны также переезжают и его родственники (рис. 2). Второй наиболее крупной по численности категорией являются граждане Венесуэлы, желающие работать на территории Соединенных Штатов. Примечательно, что официальные беженцы составляют только 8% от общего числа переселенцев.

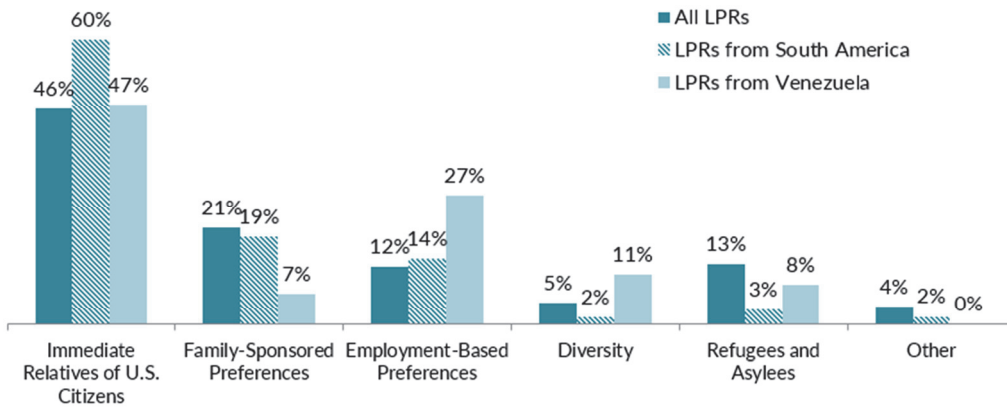

Рис. 2. Структура миграции венесуэльцев в США / **Fig. 2.** The structure of migration of Venezuelans in the United States

Резкий рост количества мигрантов произошел после обострения социально-политической ситуации в Венесуэле в начале 2019 года. 23 января 2019 года председатель Национальной ассамблеи Венесуэлы (парламент государства) Хуан Гуайдо провозгласил себя исполняющим обязанности президента страны на основании ряда статей конституции во время своего выступления на митинге в Каракасе (в рамках 233-й статьи конституции Венесуэлы, которая предусматривает передачу главе парламента полномочий президента в случае «оставления поста» главой государства).

Его позицию поддержали такие страны, как: США, Канада, Бразилия, Парагвай, Перу, Колумбия, Гватемала, Аргентина, Грузия, ряд стран Европейского Союза и др. Поддержку действующему президенту Николасу Мадуро высказали Уругвай, Мексика, Боливия, КНР, Россия, Турция, Сирия и другие страны. В целом большинство государств мира поддержало оппозиционного лидера Хуана Гуайдо, в первую очередь опираясь на позицию Соединенных Штатов. В свою очередь, действующий президент Венесуэлы Николас Мадуро отметил, что заявление Хуана Гуайдо является попыткой государственного переворота, который был организован США с целью свержения избранной власти.

Позиция США относительно режима Мадуро остается стабильно негативной после прошедших 20 мая 2018 года президентских выборов, которые многие страны мира сочли незаконными в связи с «притеснением оппозиции» и «манипуляциями с цифрами явки». Кроме того, Хуан Гуайдо заявил, что перед объявлением себя новым президентом Венесуэлы консультировался с рядом американских сенаторов. Среди них он назвал Ричарда Дурбина, Марко Рубио и Роберта Менендеса. Также, по информации ряда источников, в начале 2019 года проводились встречи с несколькими высокопоставленными офицерами венесуэльской армии и спецслужб по линии Центрального Разведывательного Управления (ЦРУ). В качестве одного из доказательств связи Хуана Гуайдо с американской администрацией также приводят факт того, что он получил магистерскую степень в Университете Джорджа Вашингтона, одном из самых крупных аналитических центров для дипломатов в США.

Для США смена режима в Венесуэле имеет важное внутривластное и внешнеполитическое значение. В Латинской Америке существует лишь несколько государств, открыто негативно настроенных по отношению к Соединенным Штатам — Венесуэла, Боливия, Никарагуа и Куба. При этом Венесуэла имеет важное экономическое значение — на территории страны находятся крупнейшие в мире разведанные запасы нефти. Во время президентского срока Уго Чавеса большинство месторождений было национализировано, в том числе это коснулось и компаний, принадлежавших американским инвесторам. Смена политического режима потенциально предоставит возможность вернуть часть активов США, что позитивно скажется на популярности администрации Дональда Трампа и позволит ему заручиться поддержкой ряда промышленников из нефтегазовой отрасли. Этот фактор потенциально сможет спровоцировать приток инвестиций для президентской кампании.

Кроме того, как указал в своей статье Э.С. Дабагян, поставки нефти из Венесуэлы обеспечивают свыше 10% потребностей США в углеводородном сырье, и они не прекращались даже в момент острейшего кризиса в конце 2002 — начале 2003 года [2]. Уместно упомянуть такую деталь: на территории Соединенных Штатов расположены венесуэльские нефтеперерабатывающие заводы и бензозаправочные станции, что также вызывает интерес американских инвесторов.

Кроме того, в Венесуэле усиливается влияние Китая, который в значительной степени наращивает экономическое сотрудничество с государством, в том числе в сфере покупки углеводородов. Венесуэле можно рассматривать как открытый плацдарм торговой войны между США и Китаем — венесуэльский рынок считается американскими властями стратегически важным в контексте расширения экономического влияния в регионе. В последние годы американские власти преподносят Китай как основного геополитического соперника США. Американские элиты традиционно используют фактор внешнего врага для продвижения собственных интересов и консолидации населения вокруг них. Таким образом, в преддверии новой электоральной кампании венесуэльский кризис может быть использован в парадигме потенциальной потери позиций США в регионе, а также фактора возможной угрозы со стороны Китая.

Для США важно установить лояльное правительство в Каракасе для укрепления своего геополитического положения. После расширения Панамского канала Венесуэла поставляет Китаю более 1 млн баррелей нефти в сутки, что в значительной степени снижает зависимость страны от нефти лояльных США государств Персидского залива и повышает энергетическую безопасность (благодаря диверсификации поставок углеводородов). В связи с этим при наличии подконтрольного режима в Венесуэле США смогут получить дополнительный рычаг давления на КНР и поставить страну перед угрозой срыва поставок топлива, крайне важного для развития китайской промышленности. Кроме того, КНР, как и Россия, при смене политического режима в Венесуэле лишатся возможно единственного союзника на территории американского континента.

Доступ к относительно дешевой венесуэльской нефти позволит наращивать производственные мощности в США, что является одним из ключевых пунктов

программы президента Трампа. Примечательно, что с лидером венесуэльской оппозиции Хуаном Гуайдо встречались именно представители Республиканской партии США, а также непосредственно члены команды президента.

Важно понимать, что венесуэльское государство практически разрушено, страна находится в состоянии двоевластия, а это означает, что потребуются годы для того, чтобы вновь создать государственные институты и организовать экономические возможности, необходимые для того, чтобы Венесуэла могла функционировать независимо и обеспечивать потребности своего населения. При этом можно с уверенностью сказать, что даже в том случае, если в ближайшее время произойдет смена режима или победа оппозиции, венесуэльцы будут продолжать покидать страну в течение многих лет.

Возможности для урегулирования ситуации весьма ограничены и в ближайшее время улучшения социально-экономического положения не предвидится. В ближайшей перспективе венесуэльский кризис может также сказаться на стабильности сопредельных государств, таких как Колумбия, куда направилась большая часть беженцев. США для поддержки союзника и гуманитарной помощи переселенцам придется направить значительные финансовые средства.

ВЫВОДЫ

Венесуэльский кризис, а также увеличение числа беженцев из этой страны в перспективе могут оказать серьезное влияние на внутривнутриполитические процессы в США. В частности, проблема миграции может вызвать серьезный рост социального напряжения в таких штатах, как Флорида, где наблюдается значительный рост числа венесуэльцев. Кроме того, фактор беженцев из Венесуэлы может быть использован во время ближайшей электоральной кампании — выборов президента США. В первую очередь, этот фактор может повысить популярность действующего президента Дональда Трампа, ведущего открытую антимиграционную политику. Флорида является «спорным» штатом, который располагает большим количеством выборщиков. В случае увеличения числа мигрантов из Венесуэлы и связанных с ними проблем социально-экономического характера республиканцы получат конкурентное преимущество на ближайших выборах. Демократической партии придется искать новые подходы для повышения собственной популярности и постараться перехватить повестку борьбы с притоком беженцев у действующего президента. В целом администрации Дональда Трампа выгоден кризис в Венесуэле, так как он сможет подтвердить необходимость ряда внутривнутриполитических реформ, направленных на экономический протекционизм и общую защиту интересов американского бизнеса и населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Будаев А.В. «Мягкая сила» Боливарианской Республики Венесуэла: мифы и реальность // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 89—118.
- [2] Дабагян Э. Внешняя политика Венесуэлы в начале XXI века: основные направления // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 95—123.

- [3] Жуков С., Резникова О. Венесуэла на мировом рынке нефти // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 10. С. 80—90.
- [4] Семенов В. Венесуэла: кризис продолжается // *Запад — Восток — Россия*. 2017. С. 154—158.
- [5] *Apronte-Moreno M.* Trump Sees Opportunity in Venezuela’s Humanitarian Crisis as Midterms Approach // *The Conversation*. 18.10.2018. Режим доступа: <https://theconversation.com/trump-sees-opportunity-in-venezuelas-humanitarian-crisis-as-midterms-approach-104047>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [6] *Bahar D.* Latin America Is Facing a Refugee Crisis // *Foreign Affairs*. 23.10.2018. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/venezuela/2018-10-23/latin-america-facing-refugee-crisis>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [7] *Crowley Chr.* Illegal Immigration Is a Problem in Florida and the US. Will New Florida Bills Change That? // *News-Press*. 13.02.2019. Режим доступа: <https://www.news-press.com/story/opinion/contributors/2019/02/13/illegal-immigration-problem-florida-and-us-new-florida-bills-change-that/2838397002/>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [8] *Delgado A.M.* Venezuela agobiada por la fuga masiva de cerebros // *el Nuevo Herald*. 09.09.2014. Режим доступа: <https://www.elnuevoherald.com/noticias/mundo/america-latina/venezuela-es/article2039010.html>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [9] *Donato K.M., Hiskey J., Durand J. et al.* Continental Divides: International Migration in the Americas // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2010. Vol. 630. P. 1—322.
- [10] Forced Migration of Venezuelans. Resolution 2/18 of Inter-American Commission on Human Rights. Режим доступа: <https://www.oas.org/en/iachr/decisions/pdf/Resolution-2-18-en.pdf>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [11] *Gouveia L., Saenz R., Cogua J.* From Disney to Chavez: Venezuelan Migrants in the U.S. Proposal. Режим доступа: http://rimd.reduaz.mx/ponencias_flasco/PonenciaLourdesGouveiaSaenzCogua.pdf. Дата обращения: 26.03.2019.
- [12] *Henderson T.* Venezuelan Immigrants Get Trump Sympathy but Not Status // *Pew*. 02.10.2018. Режим доступа: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/blogs/stateline/2018/10/02/venezuelan-immigrants-get-trump-sympathy-but-not-status>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [13] Human Rights Watch. World Report 2019: Events of 2018. Human Rights Watch, 2019.
- [14] La emigración venezolana a diferencia de otras “se va con un diploma bajo el brazo” // *El Impulso.com*. 17.12.2014. Режим доступа: <https://www.elimpulso.com/2014/12/17/la-emigracion-venezolana-a-diferencia-de-otras-se-va-con-un-diploma-bajo-el-brazo/#>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [15] *Labrador R.C., Mellow W.* The Venezuelan Exodus // *Council on Foreign Relations*. 05.03.2019. Режим доступа: <https://www.cfr.org/article/venezuelan-exodus>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [16] *Madrid M.* Trump Is Tough on Venezuela — but Won’t Let Fleeing Venezuelans into the U.S // *The American Prospect*. 12.02.2019. Режим доступа: <https://prospect.org/article/trump-tough-on-venezuela-wont-let-fleeing-venezuelans-us>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [17] *Margesson R., Ribando Seelke C.* The Venezuela Regional Migration Crisis // *Congressional Research Service*. 15.02.2019. Режим доступа: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF11029.pdf>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [18] Migration Trends in The Americas. Bolivarian Republic of Venezuela // *IOM UN Migration*. July 2018. Режим доступа: https://robuenosaires.iom.int/sites/default/files/Informes/Tendencias_Migratorias_Nacionales_en_Americas_Venezuela_EN_Julio_2018_web.pdf. Дата обращения: 26.03.2019.
- [19] More than Three Million Venezuelans Have Fled Their Country // *PADF*. Режим доступа: <https://www.padf.org/helpmigrants>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [20] *Odem M.E., Cantrell Lacy E.* Latino Immigrants and the Transformation of the U.S. South. Athens: University of Georgia Press, 2009. 175 p.

- [21] Remarks by Vice President Pence at the Regional Migration and Humanitarian Crisis — Flows from Venezuela Event // US Embassy in Uruguay. 25.09.2018. Режим доступа: <https://uy.usembassy.gov/remarks-by-vice-president-pence-at-the-regional-migration-and-humanitarian-crisis-flows-from-venezuela-event/>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [22] Taylor R. New US Bill Would Offer Temporary Status to Venezuelans // VOA. 17.01.2019. Режим доступа: <https://www.voanews.com/a/new-us-bill-would-offer-temporary-status-to-venezuelans/4747683.html>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [23] Turner B. Latin America 2018—2019. Rowman & Littlefield, 2018. 464 p.
- [24] Venezuela (Bolivarian Republic of) migration profiles // UNICEF. Режим доступа: <https://esa.un.org/migmgprofiles/indicators/files/Venezuela.pdf>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [25] Venezuela in Crisis: the Plight of Venezuelan Refugees // CMS. 14.08.2019. Режим доступа: <https://cmsny.org/venezuela-in-crisis/>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [26] Venezuela's Migration Crisis: Is Enough Being Done? // BBC news. 19.09.2018. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-45546650>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [27] Villarruel F.A., Carlo G., Grau J.M., Azmitia M., Cabrera N.J., Chahin T.J. (Eds.) Handbook of U.S. Latino Psychology: Developmental and Community-Based Perspectives. SAGE, 2009. 480 p.
- [28] Wong E. U.S. Continues Giving Aid to Central America and to Millions of Venezuelan Refugees // The NYT. 03.11.2018. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2018/11/03/us/politics/trump-aid-refugees-migrants.html>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [29] Woodruff B. Trump Admin Weighs Shielding Venezuelan Migrants from Deportation // Daily Beast. 18.02.2019. Режим доступа: <https://www.thedailybeast.com/trump-admin-weighs-shielding-venezuelan-migrants-from-deportation>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [30] Yates C. Venezuela: A Refugee Crisis in for the Long Haul // Lawfare. 19.10.2018. Режим доступа: <https://www.lawfareblog.com/venezuela-refugee-crisis-long-haul>. Дата обращения: 26.03.2019.
- [31] Zong J., Batalova J. South American Immigrants in the United States // MPI. 07.11.2018. Режим доступа: <https://www.migrationpolicy.org/article/south-american-immigrants-united-states>. Дата обращения: 26.03.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-240-253

Research Article

THE IMPACT OF MIGRATION FROM VENEZUELA ON THE DOMESTIC POLITICAL SITUATION IN THE UNITED STATES

S.Yu. Belokonev¹, S.A. Vodopetov¹,
V.G. Ivanov²

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy prosp., 49, Moscow, Russian Federation, 125993

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The authors analyze the impact of migration from Venezuela on the domestic policy of the United States. According to the data for 2017, more than 11 percent of immigrants to the United States from South America are Venezuelans, and the same figure for 2016 was close to 9 percent, which indicates

a fairly sharp increase in the number of refugees. An active influx of Venezuelans may be one of the key factors in the future US 2020 presidential elections. The largest diaspora of Venezuelans in the United States lives in Florida, which will be one of the key states in the future presidential election campaign. In connection with the potential loss of Republican's positions in such an important region as Florida, it is necessary for the administration of Donald Trump to reconsider its policy in the state. In addition, representatives of the Democratic party are greatly interested in increasing influence in the state. Thus, the authors conclude that the administration of Donald Trump generally benefits from the crisis in Venezuela, as it will help to carry out a number of domestic political reforms aimed at economic protectionism and tackling of immigration.

Key words: USA, Venezuela, crisis, migration, refugees, elections

REFERENCES

- [1] Budaev A.V. “Soft power” of the Bolivarian Republic of Venezuela: Myths and Reality. *Public administration. Electronic Bulletin*. 2015; 50: 89—118 (In Russ.).
- [2] Dabahyan E. Venezuela's Foreign Policy at the Beginning of the XXI Century: Main Directions. *Bulletin of Moscow University. Ser. 25. International Relations and World Politics*. 2012; 1: 95—123 (In Russ.).
- [3] Zhukov S., Reznikova O. Venezuela in the World Oil Market. *World Economy and International Relations*. 2018; Vol. 62; 10: 80—90 (In Russ.).
- [4] Semenov V. Venezuela: The Crisis Continues. *West — East — Russia*. 2017: 154—158 (In Russ.).
- [5] Aponte-Moreno M. Trump Sees Opportunity in Venezuela's Humanitarian Crisis as Midterms Approach. *The Conversation*. 18.10.2018. Available from: <https://theconversation.com/trump-sees-opportunity-in-venezuelas-humanitarian-crisis-as-midterms-approach-104047>. Accessed: 26.03.2019.
- [6] Bahar D. Latin America Is Facing a Refugee Crisis. *Foreign Affairs*. 23.10.2018. Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/venezuela/2018-10-23/latin-america-facing-refugee-crisis>. Accessed: 26.03.2019.
- [7] Crowley Chr. Illegal Immigration Is a Problem in Florida and the US. Will New Florida Bills Change That? *News-Press*. 13.02.2019. Available from: <https://www.news-press.com/story/opinion/contributors/2019/02/13/illegal-immigration-problem-florida-and-us-new-florida-bills-change-that/2838397002>. Accessed: 26.03.2019.
- [8] Delgado A.M. Venezuela agobiada por la fuga masiva de cerebros. *El Nuevo Herald*. 09.09.2014. Available from: <https://www.elnuevoherald.com/noticias/mundo/america-latina/venezuela-es/article2039010.html>. Accessed: 26.03.2019 (In Span.).
- [9] Donato K.M., Hiskey J., Durand J. et al. Continental Divides: International Migration in the Americas. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2010; 630: 1—322.
- [10] *Forced Migration of Venezuelans*. Resolution 2/18 of Inter-American Commission on Human Rights. Available from: <https://www.oas.org/en/iachr/decisions/pdf/Resolution-2-18-en.pdf>. Accessed: 26.03.2019.
- [11] Gouveia L., Saenz R., Cogua J. *From Disney to Chavez: Venezuelan Migrants in the U.S. Proposal*. Available from: http://rimd.reduaz.mx/ponencias_flacso/PonenciaLourdesGouveiaSaenzCogua.pdf. Accessed: 26.03.2019.
- [12] Henderson T. Venezuelan Immigrants Get Trump Sympathy but Not Status. *Pew*. 02.10.2018. Available from: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/blogs/stateline/2018/10/02/venezuelan-immigrants-get-trump-sympathy-but-not-status>. Accessed: 26.03.2019.
- [13] *Human Rights Watch. World Report 2019: Events of 2018*. Human Rights Watch; 2019.
- [14] La emigración venezolana a diferencia de otras “se va con un diploma bajo el brazo”. *El Impulso.com*. 17.12.2014. Available from: <https://www.elimpulso.com/2014/12/17/la-emigracion-venezolana-a-diferencia-de-otras-se-va-con-un-diploma-bajo-el-brazo/#>. Accessed: 26.03.2019.

- [15] Labrador R.C., Merrow W. The Venezuelan Exodus. *Council on Foreign Relations*. 05.03.2019. Available from: <https://www.cfr.org/article/venezuelan-exodus>. Accessed: 26.03.2019.
- [16] Madrid M. Trump Is Tough on Venezuela — but Won't Let Fleeing Venezuelans into the U.S. *The American Prospect*. 12.02.2019. Available from: <https://prospect.org/article/trump-tough-on-venezuela-wont-let-fleeing-venezuelans-us>. Accessed: 26.03.2019.
- [17] Margesson R., Ribando Seelke C. The Venezuela Regional Migration Crisis. *Congressional Research Service*. 15.02.2019. Available from: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF11029.pdf>. Accessed: 26.03.2019.
- [18] Migration Trends in The Americas. Bolivarian Republic of Venezuela. *IOM UN Migration*. July 2018. Available from: https://robuenosaires.iom.int/sites/default/files/Informes/Tendencias_Migratorias_Nacionales_en_Americas__Venezuela_EN_Julio_2018_web.pdf. Accessed: 26.03.2019.
- [19] More than Three Million Venezuelans Have Fled Their Country. *PADF*. Available from: <https://www.padf.org/helpmigrants>. Accessed: 26.03.2019.
- [20] Odem M.E., Cantrell Lacy E. *Latino Immigrants and the Transformation of the U.S. South*. Athens: University of Georgia Press; 2009. 175 p.
- [21] Remarks by Vice President Pence at the Regional Migration and Humanitarian Crisis — Flows from Venezuela Event. *US Embassy in Uruguay*. 25.09.2018. Available from: <https://uy.usembassy.gov/remarks-by-vice-president-pence-at-the-regional-migration-and-humanitarian-crisis-flows-from-venezuela-event/>. Accessed: 26.03.2019.
- [22] Taylor R. New US Bill Would Offer Temporary Status to Venezuelans. *VOA*. 17.01.2019. Available from: <https://www.voanews.com/a/new-us-bill-would-offer-temporary-status-to-venezuelans/4747683.html>. Accessed: 26.03.2019.
- [23] Turner B. *Latin America 2018—2019*. Rowman & Littlefield; 2018. 464 p.
- [24] Venezuela (Bolivarian Republic of) migration profiles. *UNICEF*. Available from: <https://esa.un.org/migmngprofiles/indicators/files/Venezuela.pdf>. Accessed: 26.03.2019.
- [25] Venezuela in Crisis: The Plight of Venezuelan Refugees. *CMS*. 14.08.2019. Available from: <https://cmsny.org/venezuela-in-crisis/>. Accessed: 26.03.2019.
- [26] Venezuela's Migration Crisis: Is Enough Being Done? *BBC news*. 19.09.2018. Available from: <https://www.bbc.com/news/world-latin-america-45546650>. Accessed: 26.03.2019.
- [27] Villarruel F.A., Carlo G., Grau J.M., Azmitia M., Cabrera N.J., Chahin T.J. (Eds.) *Handbook of U.S. Latino Psychology: Developmental and Community-Based Perspectives*. SAGE; 2009. 480 p.
- [28] Wong E. U.S. Continues Giving Aid to Central America and to Millions of Venezuelan Refugees. *The NYT*. 03.11.2018. Available from: <https://www.nytimes.com/2018/11/03/us/politics/trump-aid-refugees-migrants.html>. Accessed: 26.03.2019.
- [29] Woodruff B. Trump Admin Weighs Shielding Venezuelan Migrants from Deportation. *Daily Beast*. 18.02.2019. Available from: <https://www.thedailybeast.com/trump-admin-weighs-shielding-venezuelan-migrants-from-deportation>. Accessed: 26.03.2019.
- [30] Yates C. Venezuela: A Refugee Crisis in for the Long Haul. *Lawfare*. 19.10.2018. Available from: <https://www.lawfareblog.com/venezuela-refugee-crisis-long-haul>. Accessed: 26.03.2019.
- [31] Zong J., Batalova J. South American Immigrants in the United States. *MPI*. 07.11.2018. Available from: <https://www.migrationpolicy.org/article/south-american-immigrants-united-states>. Accessed: 26.03.2019.

Информация об авторах:

Белоконов Сергей Юрьевич — кандидат политических наук, руководитель департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: SYUBelokonev@fa.ru).

Водопетов Сергей Алексеевич — специалист по работе со средствами массовой информации Совета муниципальных образований города Москвы, магистрант департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-6558-1251) (e-mail: servodopetov@yandex.ru).

Иванов Владимир Геннадьевич — доктор политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov-vg@rudn.ru).

Information about the authors:

Sergey Yu. Belokonev — PhD in Political Science, Director of the Department of Politology and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: SYUBelokonev@fa.ru).

Sergey A. Vodopetov — Master Student of the Department of Politology and Mass Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-6558-1251) (e-mail: servodopetov@yandex.ru).

Vladimir G. Ivanov — Doctor of Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3650-5460) (e-mail: ivanov-vg@rudn.ru).

Статья поступила в редакцию 26.03.2019.

Received 26.03.2019.

Для цитирования:

Белоконев С.Ю., Водопетов С.А., Иванов В.Г. Влияние миграции из Венесуэлы на внутривнутриполитическую ситуацию в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 240—253. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-240-253.

For citation:

Belokonev S.Yu., Vodopetov S.A., Ivanov V.G. The Impact of Migration from Venezuela on the Domestic Political Situation in the United States. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 240—253. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-240-253.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-254-267

Научная статья

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ США: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

М.А. Бурда, Е.С. Шевченко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Проспект Вернадского, д. 82, Москва, Россия, 119571

Аннотация. Будучи одним из влиятельных участников важнейших международных процессов, определяющим актуальную повестку современного мироустройства, корректирующим вектор развития международных отношений, а также влияющим на расстановку сил на мировой политической арене, американское государство как сторонник реализации концепции неинституционализованного глобального управления и идеи правового государства демонстрирует собственное, специфическое понимание целей и сферы действия современного международного законодательства; характера и специфики деятельности международных организаций в части формулирования и принятия норм международного права; своей роли в определении ключевых особенностей международной правоприменительной практики; критериев и принципов имплементации международных правовых норм в федеральном законодательстве США. Несмотря на получившую развитие в последнее время тенденцию относительно сворачивания американским руководством участия в проектах международных организаций, а также пересмотра ряда соглашений в рамках межгосударственного взаимодействия, США продолжают так или иначе не только трансформировать тренды глобального политического развития, но и влиять на трактовку и применение норм международного законодательства. В статье рассмотрен статус норм международного права в американской правовой системе; проанализировано участие США, в частности, в предложении, обсуждении и принятии конвенций, деклараций, соглашений и иных документов в рамках работы ООН; определены основные направления, в контексте которых американской юрисдикцией предусмотрена имплементация международных правовых доктрин; выявлены конкретные вопросы, проблемы, отношения, связи, регламентируемые на международном уровне, и при этом не имеющие имплементирующего характера в федеральном законодательстве США; охарактеризованы политические аспекты формулирования и утверждения американской государственной властью правовых норм, дополняющих и уточняющих доминантные принципы источников международного права.

Ключевые слова: политические процессы, политические системы, США, ООН, международное законодательство, имплементация норм международного права, национальная правовая система, политические аспекты имплементации

Трактовка политических аспектов современных международных процессов, оценка работы государств-участников в рамках влиятельных международных организаций, аналитика норм и предписаний действующего международного

© Бурда М.А., Шевченко Е.С., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и национального законодательства, формулирование ценностей и приоритетов глобального и внутригосударственного правового поля требуют детального исследования и подробного описания совокупности национальных доминант адаптации (имплементации) международных правовых норм в рамках федеральной правовой системы, интерпретируемой на государственном и надгосударственном уровнях под воздействием различных факторов. К данным факторам следует отнести уровень и характер политической и правовой культур, критерии оценки эффективности и регулятивности принятых норм законодательства, динамичность и соответствие перспективным направлениям и тенденциям общественной жизни, формы реализации продуцируемых регламентов и актов. В этой связи исследование подобных явлений, наблюдаемых в американской политико-правовой системе, приобретает принципиальное значение исходя из природы участия США в глобальных политических процессах мирового масштаба, способности вносить коррективы в формируемые и реализуемые геополитические стратегии современных государств, возможности трансформировать вектор развития международных отношений.

Для более глубокого понимания истоков рассмотрения данного вопроса целесообразно обратить внимание на закрепленный в рамках американской политической системы статус принципов международного права, утвержденный нормативно-правовыми актами США национального уровня и декларируемый американской правовой традицией.

Во-первых, конституционно закреплена зона действия таких источников международного права, как международные договоры (**Treaty**) и соглашения (**Agreement**), имеющих статус верховного права страны согласно ст. VI Конституции США и, соответственно, являющихся основанием разрешения споров и урегулирования разногласий между сторонами в контексте правовой ситуации не только за пределами, но и внутри государственных границ США [20]. Следует отметить, что такого рода позиция характерна и для судов общей юрисдикции (**General Court**), и для судов высшей категории (**Superior Court**), а также американских юристов-практиков и независимых экспертов, таких, как К. Адамс (Katherine L. Adams) и Д. Силкенат (James R. Silkenat).

Во-вторых, федеральным законодательством США (**United States Code — USC**) предусмотрено создание и поддержание нормативно-институциональных предпосылок и условий для организации межгосударственного сотрудничества, в частности, в следующих сферах:

- ◆ сельское хозяйство (по вопросам мерчандайзинга, оптимизации деятельности кооперативных ассоциаций и соблюдения положений международных договоров и соглашений — Title 7, § 291, 453, 1641);

- ◆ торговля (создание возможностей для заключения бартерных сделок и поощрения оптимального уровня экспорта товаров и услуг — Title 15, § 4712, 4725);

- ◆ наука и культура (инициирование совместных научных исследований и разработок, формирование предпосылок для культурно-ценностного межгосударственного взаимодействия и содействие развитию диалога между Востоком и Западом — Title 22, § 2054, 2075, 2078 [23]).

Фактически подобная инкорпорация правовых норм является подтверждением интерполяции априорных ценностей и постулатов международного законодательства в пределах американской правовой действительности.

В-третьих, заметна роль рестейтмента норм международного законодательства в правовой системе США (**Restatement of Foreign Relations Law Of The United States**), являющегося вторичным источником права: несмотря на необходимость разграничения области применения международных и внутригосударственных норм в зависимости от тех или иных обстоятельств правового толка, признана эффективность обращения к международной правоприменительной практике в контексте американской правовой доктрины (при этом основной акцент сделан на универсальности некоторых правил открытия гражданского и уголовного судопроизводства, применения государственного принуждения, признания и приведения в исполнение решений иностранных судов [2. Р. 145]).

В-четвертых, особого внимания заслуживает правоприменительная практика американских судов, предлагающая сценарии успешной трактовки и адекватного реалиям применения основ международного права при рассмотрении, в частности, гражданских и арбитражных дел. Сторонами судебных разбирательств при этом являются не только граждане США и американские компании, но и участники процессов, действующие в рамках правовых систем других государств. При рассмотрении вопросов соответствия законодательству США американским судам свойственна ссылка на иностранные и международные правовые источники [8. Р. 20] — дело **Sea Trade Maritime Corporation v. Stylianos Coutodontis** (2013) [19], дело **Motorola Credit Corporation v. Standard Chartered Bank** (2014) [10], дело **Animal Science Products, Inc. v. Hebei Welcome Pharmaceutical Co. Ltd.** (2018) [3]. С целью принятия максимально соответствующего предмету и обстоятельствам решения американский суд руководствуется преимущественно следующими фундаментальными принципами: «международной вежливости» (**International Comity**) [4. Р. 2140—2141] и «взаимности» (**Reciprocity**) [6], реализация которых сужает границы следования федеральному законодательству США и создает реальные возможности для исполнения правовых обязательств сторон в пределах международного правового поля. Широкое распространение получили осуществление решений иностранных судов и формализация нормативно-правовой базы других государств на территории США с отсылкой к таким ключевым документам, как **UFMJRA** (1962), **UEFJA** (1964) и **UFCMJRA** (2005), которые легитимизируются нормами принимаемых локальных подзаконных актов штатов, являющихся в данном смысле **Full Faith & Credit**.

Определенную специфику имеет позиция США относительно политического участия в деятельности организаций в рамках международного сообщества — не являясь приверженцем политики активного нормотворчества в системе международных отношений американская сторона стабильно не инициирует принятия поправок в международное законодательство по тому или иному из актуальных вопросов и не создает тем самым предпосылки (прецеденты) для принятия новых правовых норм. При этом в ходе своих выступлений американские эксперты и представители административно-политической элиты неоднократно подчерки-

вают необходимость регулярной корректировки существующих систем международных отношений и международного права с точки зрения повышения эффективности и обоснованности применения международных норм (в 2017 году США был предложен проект реформирования главных органов и структурных учреждений ООН, а также конфигурации основных направлений деятельности организации, предусматривающий пересмотр финансирования целевых программ и мероприятий и обеспечение максимальной подотчетности и открытости работы ООН [1]). США не являлись участниками составления и последующей ратификации таких важных с точки зрения обеспечения международной безопасности и стабильности мирового порядка документов, как Парижское соглашение (**Paris Agreement**) в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (**Framework Convention On Climate Change**) в 2015 году; Всеобщая декларация о построении мира, свободного от ядерного оружия (**Universal Declaration On The Achievement Of A Nuclear-Weapon-Free World**), в 2015 году; Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах (**New York Declaration For Refugees And Migrants**) в 2016 году.

Если анализировать политическое участие США в работе Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, основной целью деятельности которого является принятие, обновление, кодификация норм международного права, необходимо отметить, что за 2017—2018 годы американские представители принимали участие в обсуждении примерно 20-ти из 57-ми проектов резолюций, два из них (в пользу которых голосовала американская сторона) были приняты [12; 13]. За период 2016—2017 годов данные показатели несущественно разнятся — США участвовали в рассмотрении примерно 22-х из 69-ти проектов резолюций, четыре из них (в пользу которых голосовала американская сторона) были приняты [14—17]. Реализация полномочий американской стороной в контексте вопросов решения глобальных проблем в условиях режима международной безопасности и предложения конкретных процедур мирного урегулирования международных конфликтов, составляющих предмет деятельности Первого комитета и предполагающих соответствующую нормативно-правовую базу, имеет следующие результаты: предложено два проекта за 2017—2018 годы, принятых Генеральной Ассамблеей [18], не поддержано 28 проектов (при 10-ти ответах «Abstain») за 2017—2018 годы из 58-ми (в частности, такие, как запрет разработки и производства новых видов оружия массового уничтожения и принятие конвенции о запрещении применения ядерного оружия) [7]. Практика показывает, что американский опыт формулирования новых законодательных инициатив в области международного права и реформирования действующих норм не содержит корреляции с повесткой, доминирующей среди мирового сообщества под эгидой развитых стран, и игнорирует ряд фундаментальных принципов и нарративов правового регулирования международных процессов.

Оценивая межгосударственное сотрудничество по широкому спектру вопросов (безопасности и мира, экономики и финансов, культурных и социальных приоритетов развития) с учетом ценностей наднациональных структур мирового масштаба как неэффективное и не оправданное с точки зрения направления

финансовых ресурсов и соответствия национальным геополитическим установкам, США тем самым не искажают устоявшееся понимание правомерности принимаемых международных нормативно-правовых актов, поскольку все же создают основу для имплементации некоторых источников международного права.

Аналитика особенностей формулирования норм американского федерального законодательства, а также техники выражения данных принципов в нормативных актах локального уровня подтверждает тот факт, что в США утвердилась практика принятия и утверждения норм права конкретных отраслей международной правовой системы. В данном случае имеются в виду, прежде всего, те положения и аспекты правового порядка, которые максимально защищают интересы американской политической элиты и обеспечивают правомерность и актуальность утвержденного политического режима.

Во-первых, законотворческая деятельность Конгресса США в области экономики и финансов концентрируется в рамках следующих критериев:

- ◆ правовое обеспечение защищенности и безопасности американских коммерческих организаций и бизнес-субъектов, действующих в пределах как национальной, так и иностранной юрисдикций;
- ◆ формирование различных инструментов для реализации идеи государственно-частного партнерства в контексте экономической целесообразности деятельности органов государственной власти;
- ◆ ужесточение контроля над исполнением требований в части распоряжения конфиденциальной информацией финансово-экономического характера;
- ◆ разработка принципов проведения мониторинговых исследований с точки зрения экономической эффективности контролируемой реализации программ, по которым предоставляется государственная помощь США зарубежным странам.

При этом нормативно-правовое регулирование тех или иных вопросов национальной экономики не всегда воспринимается позитивно американским обществом [9]. Среди нормативно-правовых актов, обеспечивающих достижение указанных задач, следует отметить следующие:

- ◆ Акт о поддержке малого бизнеса 2016 года Комиссией по ценным бумагам и биржам (**SEC Small Business Advocate Act Of 2016**);
- ◆ Акт об усовершенствовании трансграничной торговли 2016 года (**Cross-Border Trade Enhancement Act Of 2016**);
- ◆ Акт о реавторизации ежеквартального финансового отчета (**Quarterly Financial Report Reauthorization Act**);
- ◆ Акт о прозрачности и подотчетности помощи зарубежным странам 2016 года (**Foreign Aid Transparency And Accountability Act Of 2016**).

Содержащиеся в данных документах нормативно-правовые ценности не только олицетворяют сугубо американские цели и приоритеты политического и общественно-экономического развития, но и в определенном смысле трансформируют на внутригосударственном уровне нормы следующих источников международного экономического права:

- ◆ Декларация об установлении нового международного экономического порядка (**Declaration On The Establishment Of A New International Economic Order**);

◆ Типовые законодательные положения частного финансирования инфраструктурных проектов (**Model Legislative Provisions On Privately Financed Infrastructure Projects**);

◆ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (**The United Nations Convention Against Corruption — UNCAC**);

◆ Хартия экономических прав и обязанностей государств (**The United Nations Charter Of Economic Rights And Duties Of States**) соответственно.

Во-вторых, утверждение правовых дефиниций в официальных документах и формулирование понятийного ядра рассматриваемых законопроектов Конгрессом США в части правового регулирования политической деятельности государства направлены на разумную и адекватную консервацию функциональных особенностей и ценностей существующей политической системы, а также защиту государственных интересов и обеспечение реализации целей американского государства. Принятие соответствующих законов на уровне государства и отдельных штатов происходит с точки зрения повышения транспарентности деятельности органов государственной власти, обеспечения эффективности используемых государственной властью инструментов и достижения общественно-политической стабилизации (например, результаты некоторых авторских американских исследований свидетельствуют об установлении довольно благоприятного для граждан медийного пространства в США [21]):

◆ **Connected Government Act** имплементирует Окинавскую хартию глобального информационного общества (**Okinawa Charter On Global Information Society**) в вопросах предоставления доступа гражданам к процессу государственного управления и декларирования прозрачности деятельности политико-властных структур;

◆ **United States Code** (Title 6, § 111) имплементирует Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (**The Declaration On Principles Of International Law Concerning Friendly Relations And Cooperation Among States In Accordance With The Charter Of The United Nations**), в вопросах обеспечения национальной безопасности и реализации государственных интересов;

◆ **Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA)** имплементирует Декларацию о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств (**Declaration On The Inadmissibility Of Intervention And Interference In The Internal Affairs Of States**) в вопросах обеспечения государственной независимости и политической стабильности.

В-третьих, существует ряд документов, действующих на территории США, защищающих интеллектуальную собственность, формулирующих основания для доказательства авторских прав и исключаяющих возможность несанкционированного использования запатентованной продукции:

◆ Всемирная конвенция об авторском праве (**Universal Copyright Convention**);

- ◆ Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений (**Berne Convention For The Protection Of Literary And Artistic Works**);
- ◆ Договор о патентном праве (**Patent Law Treaty — PLT**);
- ◆ Договор о патентной кооперации (**Patent Cooperation Treaty — PCT**) и др.

В свою очередь, со стороны американского руководства предприняты следующие шаги, утверждающие нормы права имплементирующего характера, действующие на федеральном уровне и существенно расширяющие границы правового действия международных норм:

- ◆ за период 2015—2018 годов приняты поправки, в частности, в Федеральный закон «О товарных знаках»: порядок рассмотрения споров о товарных знаках» (**U.S. Trademark Law: Rules Of Practice In Trademark Cases**), Федеральный закон «О патентах» (**U.S. Patent Law**), Акт о защите коммерческой тайны 2016 года (**Defend Trade Secrets Act Of 2016**) и др.;

- ◆ в рамках WIPO подписаны такие документы, как Международный договор о растительных генетических ресурсах для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (**International Treaty On Plant Genetic Resources For Food And Agriculture**), Гаагское соглашение о международной регистрации промышленных образцов (**Hague Agreement Concerning The International Registration Of Industrial Designs**).

О довольно высокой заинтересованности в нормативно-правовом регламентировании данного вопроса свидетельствует избранная Д. Трампом риторика относительно китайского использования вне правовых рамок американских оригинальных проектов [22].

Сегодня реализация политико-властных полномочий представителями политической элиты США направлена на отказ от инициирования ратификации международных договоров и соглашений, внедрения принципов и норм международного права в федеральное законодательство США, формулирования механизмов реализации законодательных инициатив мирового сообщества, в частности, в контексте вопросов и проблем культурного развития, миграционной политики, экологической безопасности, обсуждаемых на глобальном уровне управления.

Во-первых, в правовой практике США отсутствуют действия по предложению законопроектов, направленных на поддержание культурно-ценностного обмена между государствами, обеспечение уважения и сохранения самобытности культур народов современности, взаимообогащение и сотрудничество с целью повышения культурного разнообразия и снижения конфронтационности в международных отношениях. Конгрессом США не приняты нормативно-правовые акты, имплементирующие следующие документы — источники международного права:

- ◆ Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (**Convention On The Protection And Promotion Of The Diversity Of Cultural Expressions**);

- ◆ Декларация и программа действий в области культуры мира (**Declaration And Programme Of Action On A Culture Of Peace**);

- ◆ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (**The UNESCO Universal Declaration On Cultural Diversity**);

◆ Декларация ЮНЕСКО, касающаяся преднамеренного разрушения культурного наследия (**The UNESCO Declaration Concerning The Intentional Destruction Of Cultural Heritage**).

По сути, в данном направлении федеральным законодательным органом США за период 2014—2018 годов не предложены соответствующие законопроекты, так или иначе регламентирующие данный вопрос.

Во-вторых, нормативно-правовое регулирование миграционного вопроса в США не подразумевает использование стержневых формулировок и требований, утвержденных международным миграционным законодательством в части соблюдения демократических прав и свобод иностранных граждан, достижения правовой защищенности статуса мигранта, определения процедур и инструментов обеспечения гарантированности следования нормам международного права в сфере миграции. Здесь имеются в виду следующие документы:

◆ Международный пакт о гражданских и политических правах (**The International Covenant On Civil And Political Rights — ICCPR**);

◆ Декларация по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии (**Declaration Of The High-level Dialogue On International Migration And Development**);

◆ Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах (**The New York Declaration For Refugees And Migrants**).

В целом принятые Конгрессом США за период с 2014 по 2018 год правообразующие акты существенно корректируют американскую миграционную политику в части ужесточения требований к рассмотрению предъявляемых документов, усиления контроля над въездом и делиберализации форм ответственности за нарушение действующего законодательства.

В-третьих, формулирование норм федерального законодательства США, определяющих правовые контуры государственной экологической политики, не фокусируется на приоритетных направлениях и позициях, декларируемых экологической повесткой международных отношений — таких, как содействие межгосударственной кооперации в вопросах защиты окружающей среды в глобальном масштабе, повышение общей ответственности за несоблюдение международного экологического законодательства, ориентация на общепринятые экологические стандарты в процессе отправления правосудия федеральных судов и следования принципам установленной юрисдикции. Более того, некоторые акты, принятые Конгрессом США с 2014 по 2018 год, нарушают положения, в частности, Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (**The Rio Declaration On Environment And Development**), принципы 4, 7, 11; Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию (**The Johannesburg Declaration On Sustainable Development**), положения 5, 11, 18; Парижского соглашения (**Paris Agreement**), статьи 4, 5, 6. К данным актам относятся следующие:

◆ **H. R. 724 (To Amend The Clean Air Act To Remove The Requirement For Dealer Certification Of New Light-Duty Motor Vehicles)**, отменяющий требование соблюдения экологических норм и стандартов, предъявляемых к производству и продаже легковых автомобилей;

♦ **S. 2273 (A Bill To Extend The Period During Which Vessels That Are Shorter Than 79 Feet In Length And Fishing Vessels Are Not Required To Have A Permit For Discharges Incidental To The Normal Operation Of The Vessel)**, отменяющий обязательство некоторым категориям судов, предназначенных для реализации промысловых целей, иметь разрешение на сброс загрязняющих веществ в водоемы;

♦ **H. J. Res. 38 (Disapproving The Rule Submitted By The Department Of The Interior Known As The Stream Protection Rule)**, отменяющий запрет на сброс загрязняющих веществ в поверхностные и грунтовые воды при добыче полезных ископаемых.

Вместе с тем принципиальное значение здесь имеет не то, подписали и ратифицировали ли США указанные международные документы и какие обязательства правового характера следуют из данного обстоятельства, а то, какое отношение доминирует в политических кругах США относительно необходимости следования конкретным актам международного законодательства и в какой мере нормативно-правовые акты США соответствуют нормам международного права.

Переходя к политологической аналитике данного вопроса и выявляя собственно политические особенности правовой стратегии США, конструирующейся во внутри- и внешнеполитическом поле и заключающейся, с одной стороны, в характере деятельности и занимаемой позиции в международных организациях, а с другой — в подготовке, исполнении и имплементации норм международного права в контексте федерального американского законодательства, следует акцентировать внимание на качественном изменении вектора реализуемого в данном отношении курса за период президентства Д. Трампа. Явно идентифицируемая политическая ориентация действующего президента США вправо вносит свои коррективы в понимание заявленной проблемы: пересмотр участия в международных правовых проектах (в рамках вопросов не только публичного международного права — **Public International Law**, но и частного международного права — **Private International Law**) [11], а также акциях и мероприятиях международных организаций в пользу обеспечения и защиты приоритетов и ценностей национальной политики США и достижения сугубо американских (прежде всего, экономических и политических) целей [24]. Вместе с тем избранная действующим президентом США внешнеполитическая стратегия продолжает оставаться серьезным поводом для сторонней критики [5].

Политические факторы обусловленности реализуемой правовой доктрины конкретными политическими особенностями институирования личности действующего президента и избранным направлением формирования общественно-политической действительности можно свести к следующим главным позициям:

1. Вербальные особенности риторики президента (неоднозначность, противоречивость, жесткость, эмоциональная окрашенность) корректируют восприятие американцами и международным сообществом существующих проблем и доминирующих политических настроений в США. Соответственно, природа принимаемых решений (в том числе принятие законов), их формат и возможные причины должны анализироваться сквозь призму того, что конкретно и в каком виде было заявлено и как на это отреагировало общество.

2. Непосредственно фигура Д. Трампа, основными характеристиками которой являются медийность, публичность, непредсказуемость, аффективность, прагматизм, расчетливость, определяет конфигурации и модели формирующихся и теоретически возможных взаимодействий и связей внутри политико-административной элиты, что, в свою очередь, так или иначе изменяет правила игры внутри и за пределами США.

3. Политические установки Д. Трампа, характеризующиеся стремлением достигнуть политической, финансовой и экономической независимости США, а также реализовать ряд традиционных в понимании американцев мер с целью достижения статуса сверхдержавы, определяют наблюдаемые изменения в национальной правовой системе и обуславливают переоценку роли таких организаций, как ООН, ЮНЕСКО, МВФ, в современных международных процессах.

4. Утверждение президентом определенного политического дискурса, характеризующегося реализацией перспективных национальных проектов внутри государства и извлечением политической и экономической выгоды из участия в международных акциях за его границами, детерминирует четкое правовое регламентирование вопросов, относящихся к успешным и эффективным направлениям общественно-политического развития американского государства, и отказ от участия в международных соглашениях и договорах, препятствующих реализации национальных интересов.

5. Аффилирование Д. Трампа, проекционно затрагивающее конкретные доминанты и ценности общественного сознания американских граждан, позволяет поддерживать интерес к одним темам политической жизни (идеи цифровизации экономики и ужесточение финансового мониторинга) и искусственно снижать актуальность других (проблемы международного сотрудничества и ядерной безопасности), что, естественно, влияет на формулирование норм американского законодательства.

6. Особенностью существующего в США с момента инаугурации Д. Трампа политического режима является установление некоторых элементов президентской республики, главным образом заключающееся в том, что наличие влиятельного и амбициозного политического лидера, способного успешно формулировать и поддерживать определенную повестку, актуализирует одни аспекты правового регулирования, удобные для данного режима, и выводит из фокуса зрения другие, способные привести к его дестабилизации.

Оставаясь серьезным политическим игроком на мировой арене и оказывая влияние на динамику развития международных отношений, США в лице наиболее авторитетных представителей политико-властной элиты в том или ином ракурсе корректируют параметры изменения международных процессов и процесс принятия на данном уровне решений, имеющих принципиальное значение с точки зрения вопросов стабильности, безопасности и развития. В данном смысле регулирование сводится не только к участию в деятельности международных организаций и инициированию мероприятий и акций в рамках парадигмально-смыслового поля межгосударственного взаимодействия, но и к определению контуров правового регламентирования международных проблем и имплементации норм между-

народного права в национальном законодательстве. При этом тот или иной формат оказываемого воздействия со стороны США существенно детерминирован национальными интересами и внутригосударственными особенностями американской политико-правовой системы, и в этой связи определенную роль играют наиболее влиятельные функционеры высшего политико-административного звена и конкретно президент как глава государства. Особый интерес представляет то, как долго Д. Трамп удастся парировать критические отзывы и неодобрение противников как внутри государства, так и за его пределами, а также формировать рамочные контуры внутренней и внешней государственной политики США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Хейли: декларацию о реформе ООН подписали 128 стран // ТАСС. 18.09.2018. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4571441>. Дата обращения: 04.09.2018.
- [2] *Dodge W.S.* Jurisdiction in The Fourth Restatement of Foreign Relations Law // 18 Yearbook of Private International Law 143 (2017). UC Davis Legal Studies Research Paper. May 2017. P. 143—170.
- [3] *Dodge W.S.* Brief of Professors of International Litigation as Amici Curiae in Support of Neither Party, In *Animal Science Products, Inc. v. Hebei Welcome Pharmaceutical Co. Ltd.* // In the Supreme Court of The United States. March 2018. 34 p.
- [4] *Dodge W.S.* International Comity in American Law // 115 Columbia Law Review 2071. UC Davis Legal Studies Research Paper No. 470. February 2015. P. 2071—2142.
- [5] Donald Trump's War on The Alphabet of International Order // CNN. July 2018. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2018/07/06/politics/donald-trump-international-foreign-policy-upset-allies-enemies/index.html>. Дата обращения: 02.09.2018.
- [6] *Elbalti B.* Reciprocity and The Recognition and Enforcement of Foreign Judgments: A Lot of Bark but not Much Bite // *Journal of Private International Law*. 2017. Vol. 13 (1). P. 184—218.
- [7] First Committee: 72nd session, Plenary Meeting // General Assembly of The United Nations. Режим доступа: <http://www.un.org/en/ga/first/72/pdf/voting-records-72.pdf>. Дата обращения: 18.09.2018.
- [8] *Garcia M.J.* International Law and Agreements: Their Effect Upon U.S. Law // Congressional Research Service. February 2015. 28 p.
- [9] How Local Housing Regulations Smother the U.S. Economy // *The New York Times*. September 2017. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/09/06/opinion/housing-regulations-us-economy.html>. Дата обращения: 02.09.2018.
- [10] New York's Highest Court Endorses Application of "Separate Entity Rule" to International Banks: Landmark Ruling by Court of Appeals Confirms that Service of Asset Freeze Order on New York Branch of International Bank Does Not Reach Overseas Branches // *Sullivan&Cromvett LLP*. October 2014. Режим доступа: <https://www.sullcrom.com/new-yorks-highest-court-endorses-application-of-separate-entity-rule-to-international-banks>. Дата обращения: 20.09.2018.
- [11] *Peake J.S.* The Decline of Treaties? Obama, Trump, and the Politics of International Agreements // Paper Presented at the Annual Meetings of the Midwest Political Science Association. Chicago, April 5—7, 2018. April 2018. 44 p.
- [12] Resolutions // General Assembly of The United Nations. December 2017. Режим доступа: <http://undocs.org/en/A/RES/72/113>. Дата обращения: 14.09.2018.
- [13] Resolutions // General Assembly of The United Nations. December 2017. Режим доступа: <http://undocs.org/en/A/RES/72/114>. Дата обращения: 14.09.2018.
- [14] Resolutions // General Assembly of The United Nations. December 2016. Режим доступа: <http://undocs.org/en/A/RES/71/135>. Дата обращения: 16.09.2018.

- [15] Resolutions // General Assembly of The United Nations. December 2016. Режим доступа: <http://undocs.org/en/A/RES/71/136>. Дата обращения: 16.09.2018.
- [16] Resolutions // General Assembly of The United Nations. December 2016. Режим доступа: <http://undocs.org/en/A/RES/71/137>. Дата обращения: 16.09.2018.
- [17] Resolutions // General Assembly of The United Nations. December 2016. Режим доступа: <http://undocs.org/en/A/RES/71/138>. Дата обращения: 16.09.2018.
- [18] Status of Action on Draft Proposals (As of 02 November 2017) // General Assembly of The United Nations. Режим доступа: <http://www.un.org/en/ga/first/72/pdf/draftproposals-status.pdf>. Дата обращения: 18.09.2018.
- [19] The Court Announces the Following Decisions // Supreme Court. November 2013. Режим доступа: http://www.nycourts.gov/courts/ad1/calendar/appsmots/2013/November/2013_11_14_dec.pdf. Дата обращения: 04.09.2018.
- [20] The United States Constitution // The United States National Archives and Records Administration. Режим доступа: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution>. Дата обращения: 04.09.2018.
- [21] *Tsetsura K., Aziz K.* Toward Professional Standards for Media Transparency in The United States: Comparison of Perceptions of Non-Transparency in National vs. Regional Media // *Public Relations Review*. March 2018. Vol. 44. Issue 1. P. 180—190.
- [22] U.S. Was Winning War Against China's Intellectual Property Theft. Then Trump Took Office // *Bloomberg*. April 2018. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-04-10/trump-ensures-china-s-intellectual-property-theft-won-t-be-solved>. Дата обращения: 02.09.2018.
- [23] United States Code // The United States Congress. Режим доступа: <http://uscode.house.gov/>. Дата обращения: 04.09.2018.
- [24] *Yukins C.R.* The Trump Administration's Policy Options in International Procurement // 2016 West Gov. Contracts Year in Rev. Sess. 2-I (Feb. 2017). GWU Law School Public Law Research Paper No. 2017-8. GWU Legal Studies Research Paper No. 2017-8. March 2017. 9 p.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-254-267

Research Article

POLITICAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LAW IN NATIONAL LEGISLATION OF THE UNITED STATES: FROM THEORY TO PRACTICE

M.A. Burda, E.S. Shevchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo prosp., 82, Moscow, Russian Federation, 119571

Abstract. One of the big-league participants in major international processes, the US government defines the current agenda of the modern world order, steers the vector of international relations development and affects the distribution of power on the global political arena. A supporter of the Non-Institutionalized Global Governance concept and the idea of Rule of Law, American administration demonstrates its own, specific understanding of the goals and course of action of modern international legislation. It seems to have its own insight on the nature and order of international organizations in regards to formulation and adoption of international law, the US role in determining the key features of global law enforcement, as well as the standards and principles of implementation of international law in the US federal legislation. Despite the recent tendency of the US government to roll back from participation in IO projects and revision of a number of agreements within the framework of interstate cooperation, the United States not only succeeds, one way or another, in guiding the trends of global political development, but also continues

to have an impact on the interpretation and application of international law. The given article looks at the status of international law in the American legal system, focuses on the participation of the United States in proposition, discussion and adoption of conventions, declarations, agreements and other documents within the framework of the UN, and determines the main directions, according to which American jurisdiction implements international legal doctrines. The current research also brings a focus on specific issues, problems, relations, and contacts regulated at the international level but not implemented by the US federal legislation. The article analyzes political aspects of formulation and adoption of legal rules by American public administration, which are meant to supplement and specify the dominant principles of international sources of law.

Key words: political processes, political systems, the USA, the United Nations, international legislation, implementation of international law, national legal system, political aspects of implementation

REFERENCES

- [1] Haley: Declaration on the Reform of the UN Was Signed by 128 Countries. *TASS*. 18.09.2018. Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4571441>. Accessed: 04.09.2018 (In Russ.).
- [2] Dodge W.S. Jurisdiction in The Fourth Restatement of Foreign Relations Law. *18 Yearbook of Private International Law 143 (2017)*. *UC Davis Legal Studies Research Paper*. May 2017: 143—170.
- [3] Dodge W.S. Brief of Professors of International Litigation as Amici Curiae in Support of Neither Party, In *Animal Science Products, Inc. v. Hebei Welcome Pharmaceutical Co. Ltd. In the Supreme Court of The United States*. March 2018. 34 p.
- [4] Dodge W.S. International Comity in American Law. *115 Columbia Law Review 2071*. *UC Davis Legal Studies Research Paper No. 470*. February 2015: 2071—2142.
- [5] Donald Trump's War on The Alphabet of International Order. *CNN*. July 2018. Available from: <https://edition.cnn.com/2018/07/06/politics/donald-trump-international-foreign-policy-upset-allies-enemies/index.html>. Accessed: 02.09.2018.
- [6] Elbalti B. Reciprocity and The Recognition and Enforcement of Foreign Judgments: A Lot of Bark but not Much Bite. *Journal of Private International Law*. 2017; 13(1): 184—218.
- [7] First Committee: 72nd session, Plenary Meeting. *General Assembly of The United Nations*. Available from: <http://www.un.org/en/ga/first/72/pdf/voting-records-72.pdf>. Accessed: 18.09.2018.
- [8] Garcia M.J. International Law and Agreements: Their Effect Upon U.S. Law. *Congressional Research Service*. February 2015. 28 p.
- [9] How Local Housing Regulations Smother the U.S. Economy. *The New York Times*. September 2017. Available from: <https://www.nytimes.com/2017/09/06/opinion/housing-regulations-us-economy.html>. Accessed: 02.09.2018.
- [10] New York's Highest Court Endorses Application of "Separate Entity Rule" to International Banks: Landmark Ruling by Court of Appeals Confirms that Service of Asset Freeze Order on New York Branch of International Bank Does Not Reach Overseas Branches. *Sullivan&Cromwell LLP*. October 2014. Available from: <https://www.sullcrom.com/new-yorks-highest-court-endorses-application-of-separate-entity-rule-to-international-banks>. Accessed: 20.09.2018.
- [11] Peake J.S. *The Decline of Treaties? Obama, Trump, and the Politics of International Agreements. Paper Presented at the Annual Meetings of the Midwest Political Science Association. Chicago, April 5—7, 2018*. April 2018. 44 p.
- [12] Resolutions. *General Assembly of The United Nations*. December 2017. Available from: <http://undocs.org/en/A/RES/72/113>. Accessed: 14.09.2018.
- [13] Resolutions. *General Assembly of The United Nations*. December 2017. Available from: <http://undocs.org/en/A/RES/72/114>. Accessed: 14.09.2018.
- [14] Resolutions. *General Assembly of The United Nations*. December 2016. Available from: <http://undocs.org/en/A/RES/71/135>. Accessed: 16.09.2018.
- [15] Resolutions. *General Assembly of The United Nations*. December 2016. Available from: <http://undocs.org/en/A/RES/71/136>. Accessed: 16.09.2018.

- [16] Resolutions. *General Assembly of The United Nations*. December 2016. Available from: <http://undocs.org/en/A/RES/71/137>. Accessed: 16.09.2018.
- [17] Resolutions. *General Assembly of The United Nations*. December 2016. Available from: <http://undocs.org/en/A/RES/71/138>. Accessed: 16.09.2018.
- [18] Status of Action on Draft Proposals (as of 02 November 2017). *General Assembly of The United Nations*. Available from: <http://www.un.org/en/ga/first/72/pdf/draftproposals-status.pdf>. Accessed: 18.09.2018.
- [19] The Court Announces the Following Decisions. *Supreme Court*. November 2013. Available from: http://www.nycourts.gov/courts/ad1/calendar/appsmots/2013/November/2013_11_14_dec.pdf. Accessed: 04.09.2018.
- [20] The United States Constitution. *The United States National Archives and Records Administration*. Available from: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution>. Accessed: 04.09.2018.
- [21] Tsetsura K., Aziz K. Toward Professional Standards for Media Transparency in The United States: Comparison of Perceptions of Non-Transparency in National vs. Regional Media. *Public Relations Review*. March 2018; Vol. 44; 1: 180—190.
- [22] U.S. Was Winning War Against China's Intellectual Property Theft. Then Trump Took Office. *Bloomberg*. April 2018. Available from: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2018-04-10/trump-ensures-china-s-intellectual-property-theft-won-t-be-solved>. Accessed: 02.09.2018.
- [23] United States Code. *The United States Congress*. Available from: <http://uscode.house.gov/>. Accessed: 04.09.2018.
- [24] Yukins C.R. The Trump Administration's Policy Options in International Procurement. *2016 West Gov. Contracts Year in Rev. Sess. 2-I (Feb. 2017)*. *GWU Law School Public Law Research Paper No. 2017-8*. *GWU Legal Studies Research Paper No. 2017-8*. March 2017. 9 p.

Информация об авторах:

Бурда Михаил Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: burdamix@mail.ru).

Шевченко Екатерина Сергеевна — магистрант кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: katerina.shevva@yandex.ru).

Information about the authors:

Mikhail A. Burda — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (e-mail: burdamix@mail.ru).

Ekaterina S. Shevchenko — Master Student of the Department of Political Science and Political Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation) (e-mail: katerina.shevva@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 10.01.2019.

Received 10.01.2019.

Для цитирования:

Бурда М.А., Шевченко Е.С. Политические аспекты имплементации норм международного права в национальном законодательстве США: от теории к практике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 254—267. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-254-267.

For citation:

Burda M.A., Shevchenko E.S. Political Aspects of Implementation of International Law in National Legislation of the United States: From Theory to Practice. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 254—267. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-254-267.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-268-281

Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ ИМПЕРСКОГО СОЗНАНИЯ В США

В.И. Спиридонова

Институт философии РАН

Ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Москва, Россия, 109290

Аннотация. В статье исследуются истоки формирования имперского дискурса в американской политической культуре и геополитике, который в конце XX — начале XXI века принимал заимствованные формы — «внетерриториальной империи», «неформальной империи», «позитивной империи», «культурной гегемонии». Латентность имперского сознания США обусловлена рядом причин. Во-первых, исторический факт борьбы за освобождения от колониального господства Британии оставил глубокий след в «политическом воображаемом» американского народа и породил убеждение, что сами США никогда не были, не являются и не могут быть империей. Вторым фактором стала семантическая эволюция, произошедшая в американской трактовке власти. Америка фактически не прошла исторического пути, выработавшего в Европе идею «монополии на легитимное насилие». Идея «распыления» власти укоренила в общественном сознании приоритет силового фактора вкупе с допустимостью применения силы по своему усмотрению. Внутри оба мотива расценивались общественным сознанием как демократические. Однако, став ключевыми импульсами в международной политике, они привели к эгоцентричному и циничному игнорированию права и возрождению неоимпериализма. Третьей составляющей «имперскости» явился мощный мессианский аргумент, вера в особое предназначение американской нации по созданию идеального общества, которую принесли с собой в «terra nullis» (на «ничейную землю») переселенцы Нового Света. Этот тезис стал фундаментальным для общественного мнения и для всех руководителей Америки. Обоснование концепции «мягкой силы» и «культурной гегемонии» не умалило значимости «силового фактора», породившего новые формы империализма — размещение военных баз и экономический диктат. Диапазон американского доминирования отличается большой гибкостью — от взаимовыгодного сотрудничества в Европе («империя по приглашению») до прямого военного вторжения в «страны-изгои».

Ключевые слова: американское самосознание, «формальная империя», «внетерриториальная империя», «позитивная империя», гегемония, геополитическое мессианство, демократия, силовой фактор

ВВЕДЕНИЕ

Начиная с 90-х годов XX столетия в США оживился имперский дискурс. Он стал все чаще использоваться поклонниками американского образа жизни, причем исключительно в позитивной коннотации. Америку награждали такими эпитетами как благожелательная, дружелюбная, либеральная империя, гарантирующая порядок и стабильность [8; 9; 18]. Отрицая малейшую причастность к колониаль-

© Спиридонова В.И., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

ному имперскому прошлому Европы, американская мысль выработала приемлемый для себя образ империи, в основе которого лежит не риторика эксплуатации или диктатуры, а культурная гегемония. Своеобразной этической вершины идея мессианской добродетели достигла в концепции Дж. Ная о «мягкой силе». Последняя трактуется как возможность моделировать прогрессивные правила для всего мира и распространять американский образ жизни в международном сообществе. То, что всякая империя стремится к мировому господству, было известно и ранее. Новизна американского толкования состоит в том, что акцент целиком и полностью делается на добродетельном и благом характере новейшего исторического феномена американского владычества.

Цель данной статьи — показать реальную силу имперских амбиций США, глубоко укорененных в национальной культуре, а также неизменность приоритета силового фактора для реализации мирового доминирования.

ИСТОКИ АМЕРИКАНСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МЫСЛИ

Корни американского понимания себя как «позитивной империи» уходят далеко в историю страны, сформировавшей современное состояние «политического воображаемого» США. Здесь сосуществуют несколько факторов. Прежде всего, широко известен тот период становления североамериканского государства, когда народ боролся против британского колониального господства. Оставив глубокий след в коллективном бессознательном не только самого американского народа, но и в мировой политической идеологии, Америка долгое время воспринималась как поборник антиколониальных движений за освобождение. Известно, что Франклин Рузвельт выступал за демонтаж европейских колоний вплоть до Второй мировой войны, когда Франция и Британия, все еще обладавшие значительным колониальным потенциалом, были союзниками США по антигитлеровской коалиции. Это и по сей день дает американцам право верить, что их страна не может стать оплотом империализма.

Второй фактор некоторые авторы называют семантическим [6]. Речь идет о разнице в традициях интерпретации категорий властвования — европейской и американской. Первая берет начало в латинском римском праве, в котором понятие империя подразумевало абсолютную власть, подкрепленную прямым силовым вмешательством, и являлось синонимом деспотизма. Американская теория рассматривает свою «имперскую функцию» в ином континууме «власти», который преодолевает исторически жесткие формы, ассоциирующиеся с территориальной аннексией и этническими чистками, и принимает вид «мягкой силы» («soft power»), теоретически предпочитающей дипломатические методы урегулирования. Такое доминирование подразумевает установление контроля одного, более развитого и цивилизованного государства, над другими государствами, или же над ее администрацией. В этой ситуации нет необходимости применять прямое физическое насилие или осуществлять военное вторжение. Достаточно привлечь на свою сторону руководство данной конкретной страны. И тогда можно утверждать, что империя классического типа превращается в так называемую «формальную империю» («*imperium formel*»), к которой в США причисляют собственную актуальную форму правления.

Отличие американского экспансионизма от классического колониализма нередко подкрепляется доводами о том, что отдельные территории самой Америки были приобретены на основе коммерческой сделки. Речь идет, в частности, о французской Луизиане, русской Аляске и даже Мексике. При этом умалчивается о том, что приобретение французской Луизианы, которая практически удвоила территорию США, произошло в тот момент, когда Наполеон находился настолько в стесненных политических обстоятельствах, что не мог удерживать власть над иностранными владениями. Что касается Мексики, то у этой страны фактически не было выбора как у более слабого противника в противостоянии с более сильным соседом в период Американо-Мексиканской войны, результатом которой и было отторжение огромной территории. Тогдашний президент Мексики Порфирио Диас воскликнул по этому поводу: «Бедная Мексика! Она так далеко от Бога и так близко к Соединенным Штатам» [14]. Даже американский генерал У. Грант, во время войны бывший еще офицером, считал эту войну одной из самых несправедливых войн, когда-либо происходивших между сильной и слабой нациями ради приобретения новых земель.

К указанному «семантическому» аргументу примыкает «мессианский аргумент», который декларирует особое предназначение Америки. Смысл идеологического водительства был сформулирован еще в XVIII веке, в период войны за независимость, одним из родоначальников американской политической мысли Томасом Пейном в серии памфлетов «Американский кризис». Лозунг, предложенный Т. Пейном во введении к эссе 1776 года «Здравый смысл» и глубоко усвоенный американским общественным мнением, звучит так: «Дело Америки во многом является делом всего человечества» [16]. Именно этот тезис стал краеугольным камнем национального сознания американских граждан.

Таким образом, можно говорить том, что Т. Пейн впервые озвучил идеологическое кредо американской исключительности в политической теории. Это убеждение уходит корнями в религиозные идеалы и имеет силу неоспоримости религиозной Веры. Колонисты полагали себя исполнителями особой религиозной миссии по созданию нового идеального общества, призванного стать образцом для всего остального человечества. Носителями этой идеи были пуритане, составлявшие значительную часть первых переселенцев на американский континент. Они верили, что обязаны использовать уникальную возможность, которая предоставлена самим Господом Богом, дающим им шанс построить на чистом месте Божий «Град на Холме». Именно так эта мысль была выражена британским юристом, пуританином Джоном Уинтропом, впоследствии ставшим губернатором штата Массачусетс, в его проповеди «Модель христианского милосердия» [2], которую он произнес перед пассажирами корабля, отплывшего из Англии в Новый Свет в 1630 году. Об этой проповеди знает каждый просвещенный американец, и мифология «Града на Холме» как органическая часть американской идеологии до сих пор является обязательной программой риторики всех президентов Соединенных Штатов [5].

Современная американская интеллектуальная элита глубоко убеждена в том, что Америка несет благо и свет всему миру и имеет при этом право действовать

любыми методами, даже идущими вразрез с положениями международного права. Профессор социологии Дублинского университетского Колледжа Стивен Меннел, автор книги «Американский цивилизационный процесс» [13], вспоминает реакцию американской исследовательницы на критику внешнеполитического курса США в книге Майкла Манна «Некогерентная империя», в которой тот обвинял Америку в возрождении принципов неоимпериализма. «Но ведь Америка действует во благо всего мира!» — недоуменно воскликнула она. Ст. Меннел приводит также слова американского советника по национальной безопасности при Буше-старшем, который написал в 2007 году: «Мы теряем нашу особую ауру, веру в то, что США не рядовая держава, одна из многих других... Все чаще на нас смотрят как на одну из стран, которая всего лишь отстаивает свои собственные интересы, и ничего больше» [14]. Символика «особого предназначения» Америки в мире составляет одну из глубинных черт национального менталитета, который оправдывает любые действия США по отношению к другим странам. Их «миссия» выше любого закона, выше международных норм права. Более того, американцы убеждены, что их страна может являться источником этого права и может диктовать правила поведения другим народам и государствам «ради их же блага».

Превратности истории, однако, преобразовали цивилизаторскую миссию в дихотомию «цивилизация — варварство», в бремя дарования свободы и просвещения так называемым «нецивилизованным» народам. Еще со времен освоения Нового континента и вытеснения индейцев с их исконных земель в американском сознании существовало убеждение правоты своих действий в отношении туземцев. Основанием для этого являлось распространенное мнение, что «туземцы» не являются людьми в полном смысле этого слова, а всего лишь «дикарями», творениями, лишенными разума, поскольку не соответствуют европейским идеалам и не являются христианами.

Идея «цивилизаторской миссии» подкреплялась легалистскими положениями о так называемой «terra nullis» («ничейной земле»). Первоначальное значение термина происходит от статьи Римского права, говорящей о «ничейной вещи» (*res nullius*), т.е. вещи, не имеющей законного собственника. К этому разряду в античности относили, например, диких животных, потерявшихся рабов или покинутые строения. Считалось, что они могут быть присвоены любым гражданином через конфискацию, изъятие или захват. Что касается понятия «terra nullis» как производного от *res nullius*, то с развитием международного права оно приобрело значение «ничейной территории» (*territorium nullius*), что существенно меняет суть исходного смысла. Ничейная территория — это территория, которая не была в **хозяйственном использовании**. Классическим примером полагаются арктические области земного шара.

Сегодня смысл этого понятия трансформируется в атрибут экономически неэффективной, недостаточно рациональной с точки зрения мирового сообщества эксплуатации природных ресурсов. В таком контексте оправданы любые завоевания более прогрессивными и технологически передовыми нациями владений так называемого «нецивилизованного» населения, которое квалифицируется как живущее в «естественном состоянии» или в состоянии «примитивного общества».

Земли, принадлежащие такому народу, объявляются «пустынными и недостаточно культивируемыми». Более того, допускается «освобождение» обладающих природными богатствами территорий от населяющих их «малокультурных» этносов. Именно таким образом поступили американцы с коренным населением Северной Америки. Эта концепция таит в себе сегодня «новые перспективы» и далеко идущие последствия. Ультиматум с подобными основаниями предъявляется, в частности, России, которую объявляют «несправедливо» владеющей огромными запасами природных ископаемых.

СИЛОВОЙ ФАКТОР В АМЕРИКАНСКОМ СОЗНАНИИ И В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

С началом XXI века среди исследователей усилилась дискуссия о том, к какому типу мирового господства можно отнести современные США, а именно чем они являются — империей или гегемонией [1; 3; 4; 7]. Этот спор вызван пристальным вниманием к работам итальянского философа А. Грамши, в частности к его теории культурной гегемонии и близким к ней по смыслу концепциям «позиционной войны» и «пассивной революции». Речь идет о переоценке инструментов классического колониализма и империализма, связанных с прямым захватом территорий и установлением открытого диктата в завоеванных странах со стороны «сильных» государств, которые в прошлом веке были представлены в основном европейскими нациями. Прямое администрирование «великих держав» показало свою неэффективность из-за растущего сопротивления местного населения иноземной эксплуатации. На смену прямому вторжению пришла так называемая «мягкая сила» — использование культурных рычагов воздействия, в том числе новейших коммуникационных технологий и мировой сети Интернет для организации «бархатных переворотов». Отныне целью «косвенного вторжения» стало учреждение правящего режима, полностью подчиненного интересам метрополии и осуществляющего ту же эксплуатацию людских и природных ресурсов, но в завуалированной форме. Образование подотчетного местного правительства менее затратно с финансовой точки зрения и позволяет избежать военных потерь для господствующей «сверхдержавы».

Соединенные Штаты начали особенно активно проводить такую политику после падения Советского Союза, развивая успех победы в холодной войне. Именно эта стратегия позволила наречь Америку «формальной», «внетерриториальной», «благожелательной» империей. Однако тактика «чистой войны», «хирургических ударов» и «сопутствующего ущерба» не означала в реальности отказа от милитаризма, применения военной силы и фактического расширения зон влияния и доминирования США в мире. Это доминирование приняло новые формы, опорной точкой которых стало расширение военных баз и масштабов американского военного присутствия.

Такой способ завоевания был успешно протестирован Америкой еще в середине XX века. В работе французского профессора Пьера Меландри, исследователя в области международных отношений и специалиста по истории США, представлена карта мира 1950-х годов под многозначительным названием «Американская

империя в середине 1950-х годов» [12. Р. 450]. На ней серым цветом выделены регионы земного шара, которые, как обозначено в пояснениях, являются странами, с которыми США связаны на тот момент времени договорами по взаимной обороне. На этой карте в «американскую империю» входит все западное полушарие, а также почти вся Западная Европа, Австралия и часть стран Евразии. Всего — 43 государства.

L'EMPIRE AMÉRICAIN AU MILIEU DES ANNÉES 1950

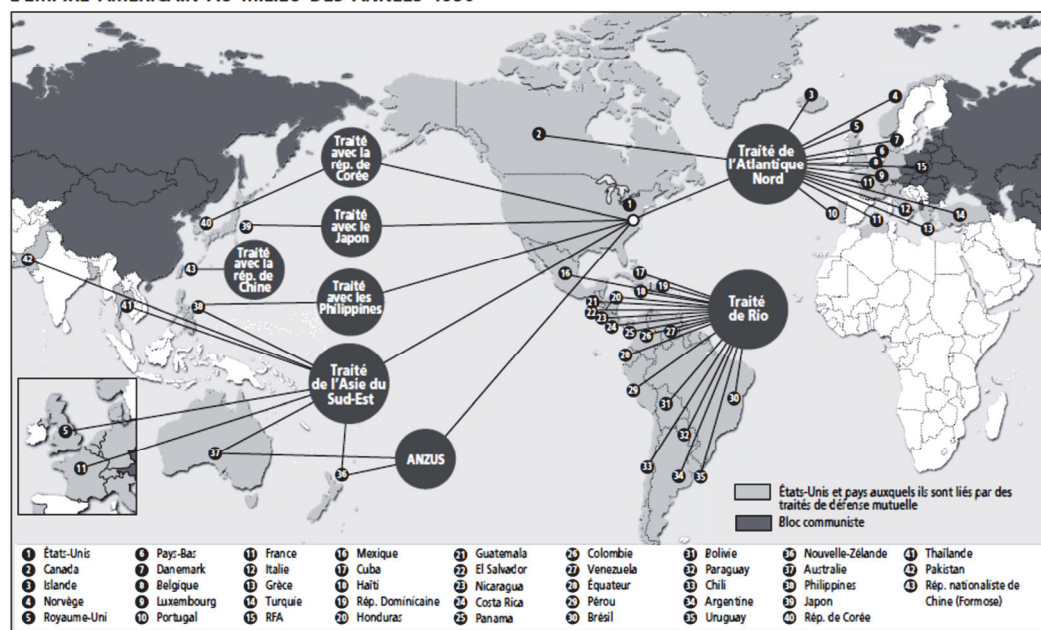

Рис. 1. Американская империя в середине 1950-х годов [12. Р. 3] /
Fig 1. The American Empire in the mid-1950s

С наступлением так называемого «однополярного момента», то есть с момента крушения СССР, территория «американской империи» значительно расширилась, главным образом за счет стран Восточной Европы и бывших советских республик, входивших ранее в зону влияния СССР. В 2012 году США имели уже более 700 военных баз по всему миру, их военные расходы составляли почти половину общемировых (49% в 2012 году). Для сравнения Великобритания, Франция и Россия, вместе взятые, обладали тогда не более 30 военными базами на иностранных территориях [12. Р. 463].

Именно оружие в союзности с секретными службами сделали Pax Americana легитимным. И это произошло не в качестве «формальной империи», как о том заявляют ее адепты, а с использованием материальной военной силы. И, что самое важное, американское господство стало результатом демонстрации превосходства реального военного потенциала не только по отношению к противникам, но даже по отношению к союзникам. «Сеть» военных баз — это та реальная, а не виртуальная сеть, благодаря которой США доминируют в мире. Таким образом, военная сила, пусть и в форме военного присутствия, всегда оставалась

и до сих пор остается главным орудием завоевания мира. Именно это, а не прокламируемая «благожелательность» американской Империи, несущей ценности демократии и свободы, делает ее «незаменимой нацией», по выражению Хиллари Клинтон.

Значимость силового фактора в американской политике находит объяснение при анализе некоторых важных черт американского сознания, которые стали итогом социально-исторических обстоятельств формирования американской нации. В этом отношении интересно парадоксальное, на первый взгляд, высказывание голландского историка, социолога и антрополога Питера Спиренбюрга, изучавшего становление американского характера. В одноименной статье он утверждает, что «демократия в Америку пришла слишком рано» [17].

Дело в том, что в США цивилизационный процесс исторически шел иным путем, нежели в Европе. В отличие от Старого Света там не сложился монолитный класс или сплоченная группа элит, которые постепенно в результате длительного процесса образования государства и трансформации форм государственной власти привели к созданию феномена, который М. Вебер определил как «монополию на применение насилия». Другими словами, в американском обществе не созрели предпосылки для достаточной концентрации и централизации власти, которая получила бы легитимное право в качестве единственного института на использование насилия. Насилие осталось «распыленным» среди индивидуумов. Соответственно, в Америке не наблюдалось естественного для европейского общества процесса исторической борьбы за «демократизацию» власти, т.е. за расширение «зоны контроля» и за «участие» масс в управлении обществом.

В европейской модели при этом самая «опасная» зона реализации власти — применение силового воздействия — неизбежно оставалась за единственной субстанцией — за государством. Американское общество и американское массовое сознание сохранили в полной мере, излишней для зрелой демократии, право на обладание и применение оружия, право на индивидуальную «вооруженную самооборону» в каждом бытовом, часто вовсе незначительном случае. П. Спиренбюрг пишет: «У американцев не было исторического времени, чтобы принять возможность отказаться от личного применения оружия. Соответственно, оказалась очень живучей идея о том, что само существование монополии на применение силы нежелательно» [17. Р. 109].

В этом смысле важно не только «распыление» насилия внутри самого американского общества, но и то, что «силовой принцип» был легко перенесен в сферу внешней политики США. Поскольку вооруженная самозащита есть основополагающий принцип американской этики, естественным оказывается желание постоянно наращивать силу, чтобы стать могущественнее, чем соседи. Опыт такого рода лежит в основе современного внешнеполитического милитаристского мышления.

Другим следствием «распыления» применения насилия явилось устойчивое убеждение, что американцы имеют право применять силу по своему усмотрению. В международном плане это трансформировалось в специфическое поведение Америки, которая действует исходя из того принципа, что американский закон

имеет привилегированный статус, что он выше всякого иного законодательства, включая международное право. Такая демократическая перверсия создала парадоксальную ситуацию, когда под эгидой «продвижения ценностей демократии и свободы» США получают фактически «всемирную» монополию на использование силы. Они предстают как центральное звено «мирового государства», как метрополия, предлагающая свои правила игры остальной периферии. Гордясь отсутствием в своей истории монархического периода монополизации власти, который естественно-исторически пережила Европа, США сегодня становятся в позицию своеобразного «высшего класса», «мировой аристократии», «монархического абсолютистского начала» по отношению к остальному миру и к той же Европе, замечают Ст. Меннел и Б. Пончараль [14].

Устойчивое самоощущение своей «исключительности» подкрепляется известным эгоцентризмом, или «самоконцентрацией» американцев, что делает затруднительным адекватное понимание ими других народов и пренебрежительное отношение к их судьбам. Возникает опасный парадокс. Имея глобальное влияние и вмешиваясь по собственному разумению во внутренние дела других стран, позиционируя себя как носителей «идеалов Добра», США не отдают себе отчета о последствиях таких вторжений. А последствия эти оказываются катастрофическими не только для отдельных стран и народов, но и для всего мира. Поэтому сегодня растет число государств, не удовлетворенных действиями Америки на международной арене.

Выше говорилось о теоретической эволюции интерпретации концепции власти как «мягкой силы». Симптоматично, однако, что тот же Дж. Най, автор этой теории, подчеркивает преобладание в американской политической культуре акцента на «жесткую власть». Он пишет по этому поводу: «В США существует мощная историческая тенденция использовать инструменты *жесткой власти* (*hard power*) такие, как принуждение и деньги... Это есть отчасти отражение общей американской политической культуры и ее институтов, культуры, в которой ни один президент не хочет показаться «мягким» (*soft*)...» [15. P. 26].

Осознавая эту особенность, Дж. Най в статье «Баланс власти в XXI веке» предлагает новое восприятие формирующейся системы мирового могущества. Обращаясь к излюбленной в американском мышлении метафоре «шахматной доски» как образа пространства «Большой игры», он заявляет, что отныне, в глобальную информационную эпоху, эта игра разворачивается в модели, скорее похожей на «сложные шахматы трехмерной графики» («un jeu d' échecs complexe en 3D») [15. P. 23]. На верхнем уровне **по-прежнему остается военная мощь**. Поскольку на момент написания статьи, в 2013 году, США представлялись единственной военно-могущественной державой в однополярном мире, то Дж. Най с уверенностью объявляет Америку главной страной, способной доминировать в этом отношении в ближайшие годы. Далее, на «среднем уровне», работает экономическое преимущество, которое может быть разделено между США, Европой, Китаем и Японией, и таким образом этот уровень власти можно считать многополярным. Наконец, на третьем уровне — мнений и частных предпочтений — действует множество отдельных акторов. В этой ситуации «шах-

мат 3D», констатирует американский исследователь, уже нельзя говорить об однополярности, многополярности, гегемонии или империи. Нужно искать новую терминологию и разрабатывать новые концепции власти и поведения.

Главной политической задачей в ближайшие годы, считает Дж. Най, должно стать умелое сочетание «жесткой власти» и «мягкой власти», которая через убеждение воздействует на массовое сознание и формирует его в том ключе, который в максимальной степени соответствует интересам сильнейшей державы мира. Формирование альянсов и разного рода новых «сетей» позволит Америке, считает он, удержаться в первом ряду, используя в разных ситуациях комбинации «жесткой» и «мягкой» силы, и таким образом воздействуя на реципиентов через новую формулу — формулу «умной силы» (*smart power*). Поскольку ключевым элементом информационного общества, в который вступил мир, является «сообщение», то в этом процессе выиграет тот, кто сможет так выстроить «стратегию коммуникации», чтобы «завоевывать умы и сердца» («gagner les coeurs et les esprits»). Ибо в эру информации «успех зависит от той истории, которую вы рассказываете» [15. Р. 28].

Подобные рассуждения, формулирующие исходные понятия новой идеологии «пост-американского мира», но по-прежнему «американской эры», делают понятными развернувшиеся с недавнего времени ожесточенные бои на невидимом фронте медиалжи и бесконечных фейков. Понимая таким образом баланс могущества, необходимо сформировать новую историю побед и представить ее мировому сообществу таким образом, чтобы оно не ошиблось в выборе нового владыки мира. При этом самые острые стрелы должны быть направлены против «варваров», которые, как известно, погубили Римскую империю, участи которой хочет избежать современная Америка.

ЭТА МНОГОЛИКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Длительный период мирового колониального владычества придал понятию империи в глазах общественности негативную коннотацию. В результате мы имеем парадоксальную ситуацию. С одной стороны, ни одно государственное образование не хочет признавать себя империей. Например, японцы обозначают период своего доминирования в Восточной Азии «эпохой совместного процветания». Британцы, хотя и гордятся временами, когда над их заморскими территориями «никогда не заходило солнце», все же предпочитают говорить о своей «цивилизаторской миссии». Современные американцы объявляют себя флагманом свободы и демократии.

Однако реалии мировой политики, особенно после краха Советского Союза, имеют все характеристики имперского господства. Это, прежде всего, сам факт концентрации и централизации мировой власти в одном центре как естественный атрибут торжества «однополярного мира». основополагающий признак империи — выстраивание системы власти, при которой единственный центр осуществляет свое силовое влияние над периферией таким образом, что все «лучи власти» сходятся в одной точке, в одном центре принятия решений, через который ком-

муницируют остальные члены сообщества. Квинтэссенцию подобной ситуации выражает исторический афоризм — «все дороги ведут в Рим». Он нисколько не потерял своей актуальности, с той только разницей, что место «первостоллицы» мира разделили между собой Вашингтон как политический центр и Нью-Йорк как ее финансовая ипостась.

Имперские амбиции США в мире, где никто не может составить реальную оппозицию их военной и финансовой мощи, достигают планетарного масштаба. Однако разница потенциалов развития отдельных стран столь велика, что новая американская империя принимает различные формы доминирования. Они варьируют от прямого военного вмешательства в государствах, которые США обозначают как «страны-изгои», до достаточно мягкого переговорного процесса, который можно квалифицировать как взаимное соглашение на гегемонию, что имеет место, например, в случае экономически развитых стран Европейского Союза. Преподаватель Калифорнийского университета, социолог британского происхождения, автор известного бестселлера «Некогерентная империя» [10] Микаэль Манн выделяет пять моделей — «идеальных типов» американского неоимпериализма [11].

Хронологически первым образцом является так называемая **«прямая империя»**. Речь идет о неприкрытой аннексии территории метрополией. Этот процесс был воспроизведен в Америке во времена истребления индейцев, при ассимиляции первых французских и испанских колонистов, а также мексиканских племен.

Второй вариант — это **«косвенная империя»**. Это — тот случай, когда вся суверенная власть остается за метрополией, но сохраняется видимость автономии, так как администрирование осуществляется через правительство, полностью зависимое от центра. Этот метод был апробирован Британской империей. Официальный правитель Египта с 1883 по 1907 год лорд Кромер писал: «Мы не управляем Египтом. Мы управляем только правительством Египта» [11]. Британцы тогда действовали косвенно, как «кураторы» местного руководства. В новейшей истории мы стали свидетелями обращения США к подобной схеме осуществления своего влияния. Эта модель реализовывалась практически на всем постсоветском пространстве. Сегодня она воплощается на Украине.

Третья, самая характерная для американской политики имперская модель поведения — **«неформальная империя»**. Суть ее в том, что формально «периферийные» государства сохраняют видимость суверенитета, но в реальности их власть ограничивается той или иной формой запугивания, устрашения или принуждения со стороны метрополии. Здесь существует два варианта — угроза прямого военного вторжения или ее экономические эквиваленты. Классическим примером первого типа являются исторические события в Корее и Вьетнаме, а также совсем недавние — в Ливии и Сирии. Того же эффекта достигает и экономическое принуждение, которое ослабляет страну, доводя ее до полной зависимости от метрополии. Это происходит либо через рычаги «свободного торгового обмена», который выгоден для сильной экономики и ведет к краху более слабую, а также через внешние займы, через приобретение иностранными банками ведущих секторов экономики.

Четвертая форма современного империализма — «**экономический империализм**». Самым распространенным и эффективным его инструментом является политика санкций, которые принимаются по чисто политическим мотивам и являются элементом «устрашения», заменяющим военное нападение.

Наконец, пятым видом имперского доминирования выступает **гегемония**. Это тот случай, когда нет необходимости в силовом принуждении. Такая разновидность империи часто называется «империей по приглашению» или «по согласованию». «Государства-клиенты» прекрасно осознают свою зависимость от метрополии. Но при этом добровольно подчиняются гегемону, принимая его «правила игры», которые воспринимают как «нормальные». Немалую роль при этом играют технологические заимствования и финансовые «субсидии» со стороны метрополии.

К характерным особенностям американского господства в современном мире относятся огромная гибкость и разнообразие сочетаний различных типов имперского влияния во времени и пространстве. Так, в Европе — это, главным образом, доминирование гегемонистского типа, которое иногда доходит до взаимовыгодного сотрудничества и потому не ощущается как зависимость и принуждение. На Ближнем Востоке, напротив, имеет место силовое принуждение, переходящее в военное. В Латинской Америке, исторической вотчине США, имперская политика меняет вектор чаще, чем в других регионах мира, показывая наибольшее разнообразие гибридных форм империи.

Важно, однако, что американцы вне зависимости от формы господства постоянно наращивают свое военное присутствие, подтверждая, что основой империи остается мощный силовой фундамент. Квинтэссенцией его смысла стала высокомерная формула руководителей «Града на Холме»: «Когда враг видит мощь и амбиции, он отступает. Когда он улавливает слабость и робость, он может начать сопротивляться» [11]. Таким образом, хотя сегодня и говорят об Америке как о «формальной империи», «империи без колоний», в реальности она является «неформальной военной империей», «неформальной силовой империей», призванной устрашать и «ставить на место» страны, претендующие на реальный суверенитет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вуалируя смысл неоимпериализма категориями «формальной империи», «нетерриториальной империи» и манипулируя терминами «империи» и «гегемонии», США пытаются представить свои действия как «благо» для всего мира. Американские неоконсерваторы, которых называют «гуманитарными ястребами», настаивают на неизбежности американского лидерства. Они утверждают, что Америка — единственная сверхдержава, которая вносит стабильность в мировой процесс, несет миру ценности свободы и демократии и поэтому является «исторической нормальностью».

Однако «гуманитарные» эпитеты не меняют реальности. Главным признаком империи остается господство, стремление определять судьбы иных народов.

И в этом смысле не имеет большого значения то, каким образом осуществляется фактическое доминирование — с помощью прямого насилия или «мягкой силы», каким образом опрокидываются режимы и сменяются законно избранные правители — через насильственный переворот или путем «цветных революций». Истинные намерения метрополии по-прежнему претендуют на перераспределение природных и человеческих ресурсов в свою пользу.

Очевидно, что на данный момент США являются самой могущественной империей, когда-либо существовавшей в истории человечества. Америка, действительно, не оккупирует на постоянной основе иностранные территории, как это было во времена классического империализма XIX и XX веков. Однако она присутствует в военно-милитаристской, экономической и культурной формах практически во всех регионах мира, сохраняя акцент на применение силы, пусть и в новых формах. Это, несомненно, является главным атрибутом нео-империализма. Именно поэтому возникают очаги сопротивления американскому Новому порядку в евро-азиатском и в латиноамериканском регионах. При этом в эпицентре противостояния американскому давлению на данный момент оказываются Китай и Россия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Арриги Дж.* Утрата гегемонии — II // *Прогнозис*. 2005 № 3 (4). С. 6—36. Режим доступа: http://www.prognosis.ru/prog/autumn_2005.pdf. Дата обращения: 24.01.2019.
- [2] *Михайлов С.А.* Идеология американской исключительности и ее исторические корни // *РИСИ*. Аналитика. 20.02.2016. Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/26992/>. Дата обращения: 14.01.2019.
- [3] *Хант М.* Между империей и гегемонией: сумятица в политике США // *Полис*. Политические исследования. 2008. № 6. С. 7—10.
- [4] *Alain J.* L'empire du chaos. Les Républiques face à la domination américaine dans l'après-guerre froide. P.: La Découverte, 2002. 224 p.
- [5] *Friedmann M.P.* From Manila to Baghdad: Empire and the American Mission Civilisatrice at the Beginning and End of the 20th Century // *Revue française d'études américaines*. 2007. № 113. P. 26—38.
- [6] *Guerlain P.* Le retour du discours impérialiste aux États-Unis // *Revue française d'études américaines*. 2007. № 3 (113). P. 5—25. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-francaise-d-etudes-americaines-2007-3-page-5.htm>. Дата обращения: 23.12.2018.
- [7] *Golub P.S.* Un goût de sang dans le jungle: L'empire américain revisité // *Mouvements*. 2009. № 57. P. 160—173.
- [8] *Ignatieff M.* Empire Lite: Nation-Building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan. L.: Vintage, 2003. 144 p.
- [9] *Kagan R.* The Benevolent Empire // *Foreign Policy*. 1998. № 111. P. 24—35.
- [10] *Mann M.* Incoherent Empire. London & New York: Verso/ Norton, 2003. 278 p.
- [11] *Mann M.* Impérialisme économique et imperialism militaire américains. Un renforcement mutuel? // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2008. № 1. P. 20—39. DOI: 10.3917/arss.171.0020. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-actes-de-la-recherche-en-sciences-sociales-2008-1-page-20.htm>. Дата обращения: 04.02.2019.
- [12] *Mélandri P.* Le déclin de l'empire américain? // *La fin des Empires*. P.: Éditions Perrin, 2016. P. 449—469.
- [13] *Mennell St.* The American Civilizing Process. Cambridge: Polity Press, 2007. 400 p.

- [14] *Mennell St., Poncharal B.* L'histoire, le caractère national et la civilisation américaine // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire.* 2010. № 2. P. 143—159. Режим доступа: <https://www.cairn.info/revue-vingtieme-siecle-revue-d-histoire-2010-2-page-143.htm>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [15] *Nye J. S.* L'équilibre des puissances au XXIe siècle // *Géoeconomie.* 2013. № 2/65. P. 19—29.
- [16] *Paine Th.* *Common Sense.* Philadelphia. 1776. Режим доступа: <http://www.revolutionary-war-and-beyond.com/common-sense-text.html>. Дата обращения: 10.01.2019.
- [17] *Spirenborg P.* *Democracy Came Too Early: A Tentative Explanation for the Problem of American Homicide* // *American Historical Review.* 2006. № 111. P. 104—114.
- [18] *Vaicbourdt N.* L'empire de la Liberté ou le déni d'Empire américain // *Monde(s).* 2012. № 2. P. 67—77.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-268-281

Research Article

THE ORIGIN OF AN IMPERIAL CONSCIOUSNESS IN THE UNITED STATES

V.I. Spiridonova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Goncharnaya, 12, 1, Moscow, Russian Federation, 109290

Abstract. The article examines the origins of Imperial discourse formation in American political culture and geopolitics. At the end of XX — beginning of XXI century it took disguised forms — “non-territorial Empire”, “informal Empire”, “positive Empire”, “cultural hegemony”. The latency of the US Imperial consciousness is due to a number of reasons. First, the historical fact of the struggle for liberation from the colonial rule of Britain left a deep trace in the “political imaginary” of the American people and gave rise to the belief that the United States itself has never been, is not and cannot be an Empire. The second factor was the semantic evolution that occurred in the American interpretation of power. In fact, America has not passed the historical path that developed the idea of a “monopoly on legitimate violence” in Europe. The idea of “dispersal” of power has rooted in the public consciousness the priority of the power factor, coupled with the admissibility of the use of force at own discretion. Inside, both motives were regarded by the public consciousness as democratic. The third component of imperialism became a powerful Messianic argument, the belief in the special destiny of the American nation to create an ideal society This Faith brought with them in the “terra nullis” (on “no man's land”) immigrants of the New World. This thesis has become fundamental to the public opinion and to all the leaders of America. The justification of the concept of “soft power” and “cultural hegemony” did not detract from the importance of the “power factor”, which gave rise to new forms of imperialism — the deployment of military bases and economic dictatorship. The range of American domination is characterized by great flexibility — from mutually beneficial cooperation in Europe (“Empire by invitation”) to direct military intervention into the “rogue States”.

Key words: American identity, “formal Empire”, “extraterritorial Empire”, “positive Empire”, hegemony, geopolitical messianism, democracy, power factor

REFERENCES

- [1] Arrighi G. Loss of Hegemony-II. *Prognosis.* 2005; 3 (4): 6—36. Available from: http://www.prognosis.ru/prog/autumn_2005.pdf. Accessed: 24.01.2019 (In Russ.).
- [2] Mikhailov S. The Ideology of American Exceptionalism and its Historical Roots. *Analytics.* 20.02.2016. Available from: <https://riss.ru/analytics/26992>. Accessed: 14.01.2019. (In Russ.).
- [3] Hunt M. Between the Empire and the Hegemony: Turmoil in American Politics. *Polis. Political research.* 2008; 6: 7—10 (In Russ.).

- [4] Alain J. L'empire du chaos. *Les Républiques face à la domination américaine dans l'après-guerre froide*. P.: La Découverte; 2002. 224 p. (In Fr.).
- [5] Friedmann M.P. From Manila to Baghdad: Empire and the American Mission Civilisatrice at the Beginning and End of the 20th Century. *Revue française d'études américaines*. 2007; 113: 26—38.
- [6] Guerlain P. Le retour du discours impérialiste aux États-Unis. *Revue française d'études américaines*. 2007; 3 (113): 5—25. Available from: <https://www.cairn.info/revue-francaise-d-etudes-americaines-2007-3-page-5.htm>. Accessed: 23.12.2018 (In Fr.).
- [7] Golub P.S. Un goût de sang dans le jungle: L'empire américain revisité. *Mouvements*. 2009; 57: 160—173 (In Fr.).
- [8] Ignatieff M. *Empire Lite: Nation-Building in Bosnia, Kosovo and Afghanistan*. L.: Vintage; 2003. 144 p.
- [9] Kagan R. The Benevolent Empire. *Foreign Policy*. 1998; 111: 24—35.
- [10] Mann M. *Incoherent Empire*. London & New York: Verso/Norton; 2003. 278 p.
- [11] Mann M. Impérialisme économique et imperialism militaire américains. Un renforcement mutuel? *Actes de la recherche en sciences sociales*. 2008; 1: 20—39. DOI: 10.3917/arss.171.0020. Available from: <https://www.cairn.info/revue-vingtieme-siecle-revue-d-histoire-2010-2-page-143.htm>. Accessed: 04.02.2019 (In Fr.).
- [12] Mélandri P. Le déclin de l'empire américain? *La fin des Empires*. P.: Éditions Perrin; 2016: 449—469 (In Fr.).
- [13] Mennell St. *The American Civilizing Process*. Cambridge: Polity Press; 2007. 400 p.
- [14] Mennell St., Poncharal B. L'histoire, le caractère national et la civilisation américaine. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 2010; 2: 143—159. Available from: <https://www.cairn.info/revue-vingtieme-siecle-revue-d-histoire-2010-2-page-143.htm>. Accessed: 15.01.2019 (In Fr.).
- [15] Nye J.S. L'équilibre des puissances au XXIe siècle. *Géoéconomie*. 2013; 2 (65): 19—29 (In Fr.).
- [16] Paine Th. *Common Sense*. Philadelphia. 1776. Available from: <http://www.revolutionary-war-and-beyond.com/common-sense-text.html>. Accessed: 10.01.2019).
- [17] Spirenburg P. Democracy Came Too Early: A Tentative Explanation for the Problem of American Homicide. *American Historical Review*. 2006; 111: 104—114.
- [18] Vaicbourdt N. L'empire de la Liberté ou le déni d'Empire américain. *Monde(s)*. 2012; 2: 67—77.

Сведения об авторе:

Спиридонова Валерия Игоревна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель Сектора философских проблем политики Института философии РАН (ORCID ID: 0000-0002-6774-7203) (e-mail: vspirid@yandex.ru).

Information about the author:

Valeria I. Spiridonova — Doctor of Philosophy, Main Research Fellow, Head of the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-6774-7203) (e-mail: vspirid@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 02.02.2019.

Received 02.02.2019.

Для цитирования:

Спиридонова В.И. Формирование имперского сознания в США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 268—281. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-268-281.

For citation:

Spiridonova V.I. The Origin of an Imperial Consciousness in the United States. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 268—281. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-268-281.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-282-294

Научная статья

ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА НА НОВОМ ЭТАПЕ ЕГО РАЗВИТИЯ

Е.С. Васецова

Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Ул. Моховая, д. 11, стр. 1, Москва, Россия, 125009

Аннотация. Урегулирование сирийского конфликта продолжает оставаться одной из самых острых проблем международной повестки дня второго десятилетия XXI века. Несмотря на заявления о ликвидации ИГ, организации, признанной террористической РФ, конфликт продолжается. Очевидно, что мы являемся свидетелями нового витка вооруженного конфликта в Сирии. Цель статьи — проанализировать перспективы урегулирования сирийского конфликта на нынешнем этапе его развития. В статье установлена хронология борьбы с ИГ, изучена расстановка сил, задействованных в конфликте, выявлены факторы, затягивающие кризис. Автор пришел к следующим выводам. Ближний Восток переживает период глубокой трансформации. Сирийский кризис выявил коренные противоречия между интересами региональных игроков и мировых центров силы, и стабилизация ситуация в Сирии напрямую зависит от действий внешних акторов — участников конфликта.

Ключевые слова: Сирия, сирийский конфликт, Россия, Турция, США, сирийские курды, «Исламское государство»

ВВЕДЕНИЕ

Сирийский конфликт стал одной из острейших проблем международной повестки дня второго десятилетия XXI в. Внутригосударственное противостояние правительственных сил, выступающих на стороне действующего президента Сирии Б. Асада, с разрозненной оппозицией, не имеющей общей программы действий, стремительно трансформировалось в конфликт с активным вмешательством внешних сил. Сирийский конфликт приобрел глобальное измерение в том смысле, что выявил коренные противоречия между интересами региональных игроков и мировых центров силы. Его последствия в той или иной степени испытывают на себе страны разных регионов мира.

© Васецова Е.С., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Сирийскому конфликту и анализу путей его урегулирования посвящены многочисленные работы политологов, востоковедов, специалистов по международным отношениям [1; 4; 6—8]. Влияние сирийского конфликта на региональный контекст стало предметом изучения ряда исследователей [3; 12]. Безусловно, существующая научная литература способствует формированию целостной картины развития конфликта, задавая вектор для дальнейшего изучения его новейших тенденций.

Цель статьи — проанализировать перспективы урегулирования сирийского конфликта на нынешнем этапе его развития. Полагаем, что после того как террористическая организация «Исламское государство» (ИГ; запрещена в РФ) оказалась практически полностью разгромлена, наступил новый этап развития конфликта, открывшего новые возможности для его урегулирования. Будут ли возможности использованы, во многом зависит от позиции основных внешних игроков, участвующих в сирийском конфликте. Исследовательскими задачами являются установление хронологии борьбы с ИГ, изучение расстановки сил, задействованных в конфликте, выявление факторов, затягивающих кризис.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выделим следующие этапы в борьбе с ИГ со стороны внешних сил. Отметим, что борьба с ИГ является одним из аспектов процесса урегулирования конфликта. Попытки противодействия ИГ силовым путем начались практически одновременно с его становлением на обширных территориях Сирии и Ирака. В начале 2014 года боевики-игиловцы стремительно захватывали земли в сирийских провинциях Идлиб, Алеппо, Халеб, а летом им удалось занять обширные территории в провинции Ракка с одноименным центром, провозглашенным столицей ИГ. По мере укрепления ИГ у широкой общественности стало формироваться убеждение, что урегулирование сирийского конфликта невозможно без победы над данной преступной организацией. В то же время нельзя не отметить, что далеко не все региональные игроки однозначно и безоговорочно осудили действия ИГ. Например, изначально Турция дистанцировалась от противодействия ИГ и не спешила вступать в борьбу с ним. Анкара с начала сирийского кризиса выступила за скорейший уход Б. Асада с должности президента страны и поддержала оппозицию.

Первый этап противодействия ИГ охватывает период с августа 2014 года и завершается в конце сентября 2015 года. В данный период ИГ сумело значительно укрепить свои позиции, продвинувшись в провинции Ракка и Дейр-эз-Зор. В результате в 2015 году ИГ контролировало 70% территории Сирии, а численность боевиков организации составляла 60 тыс. чел. По данным ООН, к осени 2015 года в Сирии погибло 230 тыс. чел. [2].

Нижняя хронологическая граница первого этапа связана с созданием США международной коалиции союзников по борьбе с ИГ. Отметим, что изначально США определили Ирак в качестве основного театра военных действий. Противодействие вооруженным отрядам ИГ в Сирии не было приоритетной целью. Дейст-

вия США и их союзников в Сирии не получили поддержку со стороны правительственных сил Сирии и неоднократно критиковались за то, что были направлены не столько на ликвидацию структур ИГ, сколько на ослабление режима президента Б. Асада. Проведение антитеррористической операции силами США и их союзников в Сирии в обозначенный период не нанесло ощутимого урона ИГ. Более того, ИГ сумело захватить город Пальмиру и занять позиции у г. Хассия, расположенного на основном пути из Дамаска в Хомс и Латакию, таким образом, угрожая правительственным войскам и усилив вероятность втягивания Ливана в конфликт. В сентябре 2015 года ситуация в Сирии была критической, и просьба сирийских властей о вмешательстве в конфликт России закономерна. Верхняя хронологическая граница первого этапа обусловлена началом проведения российской военной операции против ИГ в Сирии, санкционированной руководством страны.

Второй период противодействия ИГ начинается с вступлением в борьбу с ИГ России 30 сентября 2015 года. Военно-космические силы (ВКС) России наносили авиаудары по районам, подконтрольным ИГ и террористической организации «Джебхат Фатх аш-Шам»¹. Во многом благодаря российскому участию сирийские правительственные войска сумели ослабить противника и постепенно перехватили инициативу в боевых действиях. В марте 2016 года при помощи ВКС РФ была освобождена Пальмира, где в мае 2016 года состоялась уникальная гуманитарная акция-концерт В. Гергиева и Симфонического оркестра Мариинского театра, посвященная памяти защитников древнего города и борцам с террористами. Ожесточенные бои правительственных войск с иГИЛОВЦАМИ продолжались весь 2016 год, и ряд территорий не раз переходили к воюющим сторонам. Например, Пальмира была захвачена боевиками и окончательно перешла под контроль центрального правительства в марте 2017 года. В декабре 2016 года сирийская армия при помощи ВКС РФ вновь начала контролировать г. Алеппо. В целом к декабрю 2016 года при содействии России было освобождено более 600 населенных пунктов. Отметим, что российская операция не ограничивалась исключительно нанесением авиаударов по позициям ИГ. ВКС РФ доставляли гуманитарные грузы сирийским гражданам, а военные советники консультировали сирийских специалистов.

Столь серьезное изменение ситуации способствовало поиску новых форматов несилового решения сирийского конфликта. Несмотря на международные посреднические усилия и проведение конференций в Женеве (30 июня 2012 г., январь-февраль 2014 г., январь-июль 2016 г.), было очевидно, что сирийский конфликт не находит своего мирного разрешения. Инициаторами процесса мирного урегулирования стали Россия, Турция и Иран. Отметим, что активизация попыток мирного урегулирования вовсе не означала прекращения военных действий против ИГ и группировок вооруженных исламистов. Анкара начала военную операцию «Щит Евфрата» в августе 2016 года совместно с отрядами «Свободной сирийской армии» (ССА), не согласовывая свои действия с Дамаском. Помимо борьбы с ИГ

¹ С 2016 года «Джебхат ан-Нусра» носит название «Джебхат Фатх аш-Шам». Организация признана в РФ террористической.

одна из важнейших целей операции — недопущение усиления сирийских курдов. В ходе проводимой операции руководство Турции сумело добиться расчленения сирийских курдских анклавов, чтобы не допустить создания на севере Сирии приграничной с Турцией курдской автономии.

Несмотря на неоднозначные цели операции, нельзя не признать, что Турция достигла значимых результатов в вытеснении ИГ с захваченных территорий. Боевики ИГ были выбиты из г. Эль-Баб к северо-востоку от Алеппо.

Тегеран и Дамаск связывают давние союзнические отношения. Иран оказывает военную и финансовую помощь режиму Б. Асада. Отряды Корпуса стражей исламской революции и боевые подразделения шиитской организации «Хезболла», расположенной в Ливане, воюют на стороне сирийских правительственных войск.

И Турция, и Иран преследуют свои особые интересы в сирийском конфликте. Турция основывается на идеологии неоосманизма и противодействует усилению курдов. Иран стремится к региональному лидерству и борется с Израилем.

Второй период противодействия ИГ завершился в конце 2016 года проведением первой встречи в трехстороннем формате в Москве. Встреча прошла на уровне министров иностранных дел и обороны России, Турции и Ирана. Основываясь на достигнутых договоренностях, сторонам удалось прийти к соглашению о введении режима прекращения огня, распространявшегося на правительственные войска и вооруженные группировки (за исключением ИГ и «Джебхат Фатх аш-Шам»).

Третий период начался в 2017 году и продолжается в настоящее время. В 2017 году в борьбе с ИГ наступил переломный момент, которого удалось достичь во многом благодаря российской поддержке. К июлю 2017 года территория Алеппо полностью перешла под контроль правительственных сил. Летом-осенью 2017 года сирийская армия при поддержке российских ВКС успешно провела операцию по освобождению г. Дейр-эз-Зор, который более трех лет находился в осаде, удерживаясь боевиками ИГ. Правительственные войска восстановили контроль над городом и пригородом и вышли к Евфрату. Таким образом, ИГ лишилось своего последнего крупного оплота в Сирии. К октябрю 2017 года российские летчики уничтожили экономическую инфраструктуру ИГ. На середину октября 2017 года удалось сократить захваченные ИГ территории до 5% [2]. В декабре 2017 года были освобождены провинции Дейр-эз-Зор, населенные пункты Салихия, Эль-Хрейта, Эль-Катя, Мусалаха.

Помощь России сыграла важнейшую роль в победе над ИГ в Сирии. С начала военной операции авиация ВКС РФ совершила более 28 тыс. боевых вылетов, нанеся около 90 тыс. авиаударов. В последние месяцы проведения операции ежедневно совершалось 100 и более самолетовылетов, а количество наносимых за сутки ударов достигало 250 [2]. Отметим значительный вклад в разгром ИГ российских сил специальных операций, в задачи которых входило обеспечение наведения авиации на позиции террористов, уничтожение главарей группировок. Трудно переоценить важность работы российских военных специалистов при выполнении наземных операций. Например, высокий профессионализм продемонстрировали саперы, разминировавшие только в одной Пальмире более 10 тыс.

зданий, а также 219 км дорог [15]. В г. Алеппо в период с декабря 2016 по февраль 2017 года было очищено около 3 тыс. га территории, 945 км дорог, около 5 тысяч сооружений, обнаружено и уничтожено более 36 тыс. взрывоопасных предметов [15]. Российская военная полиция отвечала за охрану и оборону Центра по примирению враждующих сторон, обеспечение охраны при проведении гуманитарных акций, сопровождение гуманитарных конвоев, в том числе ООН, личную защиту руководящего состава [15].

В декабре 2017 года в российских СМИ со ссылкой на высших должностных лиц государства начала появляться информация о победе над ИГ [13]. В приветствии Президента РФ В.В. Путина участникам Московской конференции по международной безопасности, состоявшейся в апреле 2018 года, констатируется, что ИГ в Сирии разгромлено, хотя и продолжает представлять угрозу [14]. Организация может возродиться в новом обличье. Идеология ультрарадикального исламизма дает упрощенные псевдоответы на новые вызовы времени и становится особенно популярной в смутные времена.

Ситуация в Сирии после поражения ИГ по-прежнему находится в центре внимания мировой общественности, и потребность в новых формах многостороннего взаимодействия, способствующих развитию успехов, достигнутых в борьбе с террористической угрозой, крайне высока.

Ликвидация ИГ придала новые импульсы развитию переговорного процесса по мирному урегулированию конфликта. В 2017 году Россия, Иран и Турция инициировали процесс мирных переговоров в г. Астана (Казахстан). Участниками переговоров также стали представители правительства Сирии и сирийской оппозиции. В результате астанинского процесса достигнуты договоренности по стабилизации ситуации в Сирии. В частности, успехом в деле урегулирования конфликта является договоренность о создании зон деэскалации, в которых действует режим перемирия между правительственной армией и отрядами вооруженной оппозиции. Контролировать соблюдение режима Россия, Иран и Турция договорились сообща. Отметим, что страны-гаранты придают важное значение соблюдению принципа государственного суверенитета Сирии, о чем было заявлено по итогам саммита в Сочи, проведенного 22 ноября 2017 года.

Продолжением астанинских договоренностей стало проведение Конгресса сирийского национального диалога 30 января 2018 года, в котором приняли участие различные стороны сирийского конфликта. Конгресс принял решение о работе конституционной комиссии, которая внесет поправки в действующую конституцию Сирии.

Итоги годовой работы астанинского формата были подведены в ходе встречи министров иностранных дел России, Турции, Ирана. Стороны отметили следующие положительные результаты проведенной работы: создание зон деэскалации, выработка принципов гуманитарного разминирования, формирование рабочей группы по освобождению задержанных и заложников, улучшение ситуации с оказанием гуманитарной помощи, создание условий для возобновления политического процесса в Сирии [19].

Несмотря на общую стабилизацию ситуации в Сирии, и разгром ИГ, негативными факторами, существенно ослабляющими процесс урегулирования конфликта, являются противоречия относительно будущего страны и отсутствие четких механизмов общенационального примирения. В Сирии продолжают действовать вооруженные исламистские группировки, и назвать точное число их сторонников затруднительно.

Но не внутренние факторы являются основным препятствием для урегулирования сирийского конфликта после разгрома ИГ. Противоречия и разногласия между внешними акторами, участвующими в конфликте, а также в вопросах его урегулирования, являются ключевыми. Несмотря на усиление значимости российско-турецко-иранского трека в процессе урегулирования конфликта, для конструктивного сотрудничества по Сирии необходимо также развивать российско-американское взаимодействие, продолжать работу на переговорной площадке ООН в Женеве. После победы на президентских выборах США Д. Трампа новая администрация заявила, что не ставит целью уход Б. Асада с поста президента Сирии. Сам же Д. Трамп в сентябре 2017 года отметил, что в Сирии США не удерживает практически ничего, кроме уничтожения ИГ.

Тем не менее, в 2018 году США продолжали враждебные действия по отношению к правительству Сирии и трем странам — гарантам политического урегулирования конфликта. США и их союзники нанесли удар по сирийским объектам, обвинив Дамаск в производстве химического оружия, а Россию — в поощрении действий режима Б. Асада. Сирийские власти опровергли данные обвинения, заявив, что все запасы химического оружия были вывезены из страны по результатам соглашения 2013 года между САР, РФ и США, что было подтверждено Международной организацией по запрещению химического оружия (ОЗХО). Москва осудила действия США в Сирии и совместно с Дамаском выступила с предложением создать экспертную комиссию для проведения расследования, что было отвергнуто США и их союзниками, которые, в свою очередь, внесли в Совет Безопасности ООН проект резолюции, предлагающий ввести международные санкции против сирийского правительства. Россия заблокировала данный проект резолюции.

США не шли на диалог со странами-гарантами по вопросам урегулирования конфликта, отказавшись от участия в десятом раунде переговоров между Россией, Турцией, Ираном и представителями сирийского правительства и оппозиции при посредничестве спецпосланника ООН.

Также США использовали экономические рычаги воздействия для дестабилизации ситуации в Турции. В августе 2018 года американские власти приняли меры для повышения в два раза пошлин на алюминий и сталь из Турции. В ответ на действия США Президент Турции Р. Эрдоган заявил, что «США стреляют по ногам, бьют ножом в спину». Он полагает, что США ведут против Турции экономическую войну, а также помогают ее врагам, не выдавая турецким властям Ф. Гюлена, которого в Турции обвиняют в попытке госпереворота, и поддерживая курдские отряды в Сирии. Американская администрация ввела санкции в отношении двух министров Турции. Поводом послужили обвинения в серьезных

нарушениях прав человека. Речь идет о деле американского пастора Э. Брансона, которого турецкие власти удерживают с октября 2016 года, считая пособником Ф. Гюлена и запрещенной в стране Рабочей партии Курдистана.

На протяжении 2018 года резко возрос накал противостояния между властями США и Ирана. В мае США вышли из Соглашения по ядерной программе с Ираном, участниками которого являются Россия, Китай, Германия, Франция, Англия. Д. Трамп обвинил Тегеран в обогащении урана и разработке запрещенного оружия в обход условий соглашения. Действия США не нашли поддержки у остальных участников Соглашения, что не остановило американские власти.

Продолжалось финансовое давление США на иранский режим. В ноябре 2018 года американская администрация внесла более 700 лиц, организаций, самолетов и кораблей в санкционный список, в том числе авиакомпанию Iran Air, Организацию по атомной энергии Ирана, 14 крупнейших банков страны. Вашингтон обвинил данные компании в финансировании «дестабилизирующей деятельности» [16]. Под вторичные санкции США также попадут те, кто продолжит вести с организациями из списка бизнес. По высказыванию главы Министерства финансов США С. Мнучина, предпринятые меры — самые масштабные единовременные меры, направленные против Ирана, и они приведут к финансовой изоляции и экономической стагнации страны [16]. Срок действия новых санкционных ограничений был определен Д. Трампом как вплоть до заключения новой сделки, устраивающей Вашингтон [17].

Действия США значительно сблизили страны — гаранты урегулирования сирийского конфликта. В то же время в конце декабря 2018 года в отношении США к сирийскому кризису произошел новый поворот. Д. Трамп принял решение, которому сложно дать однозначную оценку. 19 декабря американский президент заявил о намерении США вывести свои войска и сотрудников Госдепартамента из Сирии. Официальная позиция американской администрации заключается в том, что победа над ИГ в Сирии одержана, следовательно, настало время выведения войск. Военский контингент численностью более 2 тыс. чел. планируется вывести в срок от 60 до 100 дней. При этом пресс-секретарь минобороны Дана Уайт подчеркнула, что кампания против ИГ не окончена и что США «продолжат работать со своими партнерами и союзниками для разгрома ИГ» [10].

О чем свидетельствует такое решение американского президента? Вопрос, на который сложно дать однозначный ответ. О необходимости вывода войск из Сирии из-за ослабления ИГ Д. Трамп высказался еще в апреле 2018 года, однако его позиция по данному вопросу довольно быстро изменилась и было объявлено, что войска останутся на неопределенный срок. Сотрудники американской администрации давали разные комментарии относительно возможного срока вывода войск. Помощник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон обосновывал необходимость размещения американских войск присутствием иранских военных на территории Сирии и уточнял, что вывод американских контингентов напрямую связан с уходом Ирана. В свою очередь, спецпредставитель госсекретаря США по Сирии Дж. Джеффри говорил о том, что уход американских военных возможен после того, как ситуация в стране станет стабильной [5].

Решение Д. Трампа о выводе войск и сотрудников Госдепартамента США без предварительного плана действий и без продуманных мер по стабилизации ситуации в Сирии говорит об отсутствии у Вашингтона стратегии в Ближневосточном регионе. Таким образом, США может лишиться доверия не только у своих союзников-курдов, но и у других групп, которые в дальнейшем могли бы поддерживать американскую линию поведения на Ближнем Востоке. Возможно, решение Д. Трампа связано с желанием американского президента сосредоточиться на преодолении прежде всего внутривосточных трудностей. Решение о выводе войск из Сирии было принято на фоне приостановки работы правительства США, начавшейся 22 декабря 2018 года и ставшей самой длительной для федерального правительства в истории страны.

Какими бы мотивами ни руководствовался американский лидер, принимая решение о выводе американских войск, данный шаг не стоит воспринимать как отказ американцев от вмешательства в дела ближневосточных государств. Очевидно, что США будут продолжать продвигать свои интересы через союзников и партнеров, в том числе и негосударственных игроков. Так, союзники США по международной коалиции заявили о том, что будут продолжать начатую в Сирии военную кампанию. Далеко не все согласились с утверждением американского президента о том, что США сумели одержать победу над ИГ в Сирии. Так, госсекретарь в министерстве обороны Великобритании Тобиас Эллвуд отметил, что ИГ принимает другие формы экстремизма, и, таким образом, террористическая угроза сохраняет свою актуальность.

Решение об уходе американских контингентов было неоднозначно воспринято государствами региона и странами, участвующими в сирийском конфликте. Министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил, что Вашингтон, принимая решение о выводе войск из Сирии, стремится переложить ответственность за ситуацию на своих партнеров по международной коалиции. Тем не менее, несмотря на планируемый вывод войск, США по-прежнему продолжают состоять в коалиции. С. Лавров отметил, что в Сирии действуют «нелегитимно находящиеся там военнослужащие Франции, Великобритании, Германии... ВВС коалиции. И есть союзники в регионе, на которых хотят переложить дополнительное финансовое бремя» [9]. Глава МИД РФ подчеркнул, что главная цель всех усилий по сирийскому урегулированию, которые Россия предпринимает совместно с другими государствами, в том числе во взаимодействии с США, — «освобождение Сирии от террористов и создание условий для начала политического процесса, который привел бы к восстановлению мирной и безопасной жизни для всех этноконфессиональных групп арабской республики», в частности курдов [9]. Также г-н Лавров подверг критике отказ государств Запада помогать восстанавливать разрушенную в ходе военных действий Сирию.

В ответ на решение о выводе американских контингентов руководство Израиля подтвердило свое намерение продолжать поддерживать безопасность страны на высоком уровне. Речь прежде всего идет о продолжении борьбы против усиле-

ния влияния Ирана в Сирии. 13 января 2019 года израильский премьер-министр Б. Нетаньяху отметил, что для предотвращения закрепления Ирана в Сирии Израиль готов наращивать атаки на иранские объекты в государстве-соседе. Он также признал факт удара в ночь на 12 декабря 2018 года по складу с оружием в международном аэропорту Дамаска, что, по его словам, отражает решимость Израиля «предотвратить военное закрепление Ирана в Сирии» [11].

Турция расценила уход американских войск как представившуюся возможность для проведения военной операции в Сирии. Первым официальным заявлением Анкары после новостей о выводе американских войск стало сообщение об интенсивной подготовке к проведению военной операции, одной из основных целей которой является продолжение противодействия сирийским курдам. Отметим, что на счету Турции к началу 2019 года две успешно проведенные операции — «Щит Евфрата» и «Оливковая ветвь». В результате операций курдские «Силы народной самообороны» (YPG) потеряли г. Африн и его окрестности. В планы Турции входит проведение третьей операции в районе Манбиджа, который был отбит у боевиков ИГ отрядами курдских «Сил демократической Сирии» (СДС) к концу августа 2016 года. СДС является вооруженным подразделением курдской партии «Демократический союз», которая считается турецкой стороной филиалом Рабочей партии Курдистана (РПК), признанной террористической организацией как в Турции, так и во многих государствах НАТО, включая США.

Анкара крайне недовольна существованием курдского квазигосударственного образования у своих границ, однако не могла ничего предпринять против, так как СДС пользовались поддержкой Вашингтона. Теперь же, в случае ухода американских войск, курды останутся без американской защиты. Руководство СДС назвало решение американской администрации о выводе войск «ударом кинжалом в спину» [21]. На начало 2019 года СДС контролирует 27% территории Сирии. Фактически сирийско-турецкая граница от реки Евфрат на западе до границы с Ираком на востоке контролируется формированиями СДС.

Перед лицом угрозы вторжения турецких войск курдский командир Сепан Хамо обратился 16 декабря 2018 года к Дамаску с предложением «принять меры по защите пограничных с Турцией территорий» [21]. По словам помощника министра иностранных дел Сирии Аймана Соусана, Дамаск уделяет особое внимание диалогу с курдами «перед лицом агрессивных и экспансионистских угроз со стороны Турции» [10].

Очевидно, что в январе 2019 года назревал новый виток противостояния, грозящий перерасти в вооруженный конфликт между Дамаском, сирийскими курдами и Турцией. 14 января 2019 года Д. Трамп предостерег Анкару от нападения на сирийских курдов и пригрозил Турции разорением экономики в случае принятия силовых мер. Одновременно американский президент призвал курдов не провоцировать своего соседа [10]. Компромиссом в сложившейся ситуации американский лидер считает создание на границе Сирии и Турции буферной зоны размером около 32 км, на что глава турецкого МИД отметил, что данная идея

изначально принадлежала Р. Эрдогану. Американская и турецкая стороны обсудили в ходе телефонных переговоров возможность создания буферной зоны, подчеркнув, что в своих действиях основываются на сохранении территориальной целостности Сирии. 15 января 2019 года глава Турции заявил о достижении исторически значимого взаимопонимания с американским президентом.

В свою очередь, сирийские курды отвергли идею о создании буферной зоны безопасности на севере и северо-востоке Сирии, контроль над которой осуществляла бы Турция, объяснив свою позицию тем, что Турция не является нейтральной стороной и не может таким образом быть гарантом безопасности. Курды согласны на создание буферной зоны только при участии миротворцев ООН и при обеспечении твердых международных гарантий создания данной зоны. МИД Сирии осудил намерение Турции создать зону безопасности, расценив предложение «как агрессивную угрозу и посягательство на территориальное единство Сирии» [20].

Дестабилизацией ситуации воспользовались боевики ИГ, которые совершили в г. Манбидж террористический акт, в результате которого погибло 27 человек, четверо из которых граждане США. Турецкий лидер предположил, что данное преступление было совершено, чтобы повлиять на решение вывести американские войска из Сирии [19]. Возможно, что в результате роста напряженности, во многом спровоцированном действиями американской администрации, ИГ начало вновь набирать силу. Дестабилизация обстановки способствует распространению идеологии радикального исламизма и облегчает проникновение боевиков на территории, контроль над которыми еще не полностью обеспечен.

ВЫВОДЫ

Итак, несмотря на практически полную ликвидацию ИГ, сирийский конфликт продолжается. Временные рамки возможного политического урегулирования конфликта невозможно обозначить, и оптимистичные прогнозы относительно ближайшего будущего Сирии делать преждевременно. Разногласия между сторонами урегулирования конфликта носят долгосрочный характер, и в их основе — разнонаправленные стремления мировых и региональных центров силы определить новый региональный порядок, складывающийся на Ближнем Востоке. Тем не менее, полагаем, что именно в политическом процессе урегулирования, а также в продолжении переговоров будет заключаться перспектива завершения конфликта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Ахмедов В.М.* Сирийское восстание. История. Политика. Идеология. М.: ИВ РАН, 2018. 198 с.
- [2] Борьба с «Исламским государством» в Сирии. Досье // ТАСС. 07.12.2017. Режим доступа: <https://tass.ru/info/4793942>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [3] *Васецова Е.С.* Ливан и сирийский кризис // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2017. № 2. Режим доступа: <https://vestnik->

- mgou.ru/ru/Authors/View/11407. Дата обращения: 15.01.2019. DOI: 10.18384/2224-0209-2017-2-809.
- [4] *Васильев А.М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центр-полиграф, 2018. 670 с.
- [5] Вывод войск США из Сирии. Предыстория, детали, реакция // ТАСС. 20.12.2018. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5934573>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [6] *Демченко А.В.* Конфликт в Сирии: стагнация миротворчества и экспансия исламистов // Перспективы. 02.11.2015. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/konflikt_v_sirii_stagnacija_mirotvorchestva_i_ekspansija_islamistov_2015-11-02.htm. Дата обращения: 15.01.2019.
- [7] *Долгов Б.В.* Сирийский конфликт на новом этапе: международное измерение // Перспективы. 11.09.2018. Режим доступа: http://www.perspektivy.info/rus/desk/sirijskij_konflikt_na_novom_etape_mezhdunarodnoje_izmerenije_2018-09-11.htm. Дата обращения: 15.01.2019.
- [8] Конфликты и войны XXI в. (Ближний Восток и Северная Африка) / отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. М.: ИВ РАН, 2015. 504 с.
- [9] Лавров: США выводом войск из Сирии хотят переложить ответственность на коалицию // ТАСС. 28.12.2018. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/5961306>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [10] *Мосесов А.* Угроза разорением. Трамп предостерег Турцию от нападения на сирийских курдов // ТАСС. 14.01.2019. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5950796>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [11] Нетаньяху пообещал продолжать агрессивную политику в отношении Ирана в Сирии // ТАСС. 15.01.2019. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5999878>. Дата обращения: 17.01.2019.
- [12] *Павлова В.Ю.* Внешняя политика Иордании в условиях сирийского кризиса // Вестник Дипломатической академии МИД РФ. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 136—147.
- [13] «Полный разгром»: Россия объявила об окончательной победе над ИГ в Сирии // РИА Новости. 06.12.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/20171206/1510372695.html>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [14] Путин: «Исламское государство» разгромлено, но по-прежнему опасно // Коммерсантъ. 04.04.2018. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3593150>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [15] Роль России, Турции и Ирана в сирийском урегулировании. Досье // ТАСС. 03.04.2018. Режим доступа: <https://tass.ru/info/5091128>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [16] США опубликовали список санкций против Ирана // РИА Новости. 05.11.2018. Режим доступа: <https://ria.ru/20181105/1532152625.html>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [17] Трамп назвал срок действия новых санкций США против Ирана // РИА Новости. 03.11.2018. Режим доступа: <https://ria.ru/20181103/1532075773.html>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [18] Успехи сирийской военной кампании России // ТАСС. 11.12.2017. Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/4801686>. Дата обращения: 15.01.2019.
- [19] Эрдоган: в результате теракта в Манбидже погибли 27 человек // ТАСС. 16.01.2019. Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestviya/6007743>. Дата обращения: 17.01.2019.
- [20] АФР: курды отвергли предложение Эрдогана о создании буферной зоны на севере Сирии // ТАСС. 16.01.2019. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6003978>. Дата обращения: 17.01.2019.
- [21] Sky: курды назвали решение США о выводе войск из Сирии ударом в спину // ТАСС. 19.12.2018. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5933493>. Дата обращения: 15.01.2019.

THE PROBLEM OF SETTLEMENT OF THE SYRIAN CONFLICT AT THE NEW STAGE OF ITS DEVELOPMENT

E.S. Vasetsova

Lomonosov Moscow State University
Mokhovaya str., 11, Moscow, Russian Federation, 105917

Abstract. The article deals with an urgent topic. The settlement of the Syrian conflict is still one of the biggest challenges of the international agenda of the second decade of the XXI century. Despite the statements of the elimination of the Islamic State, which is prohibited in Russia, the conflict is going on. We are witnessing a new cycle of an armed conflict in Syria. The aim of the article is to analyze the possibilities of the settlement of the Syrian conflict at the current state of its development. The article provides the chronology of fighting with the Islamic State, analyses the current configuration of forces acting in the conflict, studies the forces exacerbating the crisis. The author came to the following conclusions. The Middle East is experiencing a period of a profound transformation. The Syrian crisis has revealed the fundamental differences of interests between the main regional actors and the world center of power. The stabilization of the situation in Syria depends on the actions of the external parties of the conflict.

Key words: Syria, the Syrian conflict, Russia, Turkey, The USA, Syrian Kurds, The Islamic State

REFERENCES

- [1] Akhmedov V.M. *The Syrian Uprising. History. Politics. Ideology*. Moscow: RAS Institute of Oriental studies; 2018. 198 p. (In Russ.).
- [2] The Fight Against the “Islamic State” in Syria. Dossier. *TASS*. 07.12.2017. Available from: <https://tass.ru/info/4793942>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [3] Vasecova E.S. Lebanon and the Syrian Crisis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyj zhurnal)*. 2017; 2. Available from: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Authors/View/11407>. Accessed: 15.01.2019. DOI: 10.18384/2224-0209-2017-2-809 (In Russ.).
- [4] Vasil'ev A.M. *From Lenin to Putin. Russia in the Middle East*. Moscow: Centrpoligraf; 2018. 670 p. (In Russ.).
- [5] The Withdrawal of U.S. Troops from Syria. Background, Details, Reaction. *TASS*. 20.12.2018. Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5934573>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [6] Demchenko A.V. Conflict in Syria: Stagnation of Peacekeeping and Expansion of Islamists. *Perspektivy*. 02.11.2015. Available from: http://www.perspektivy.info/rus/desk/konflikt_v_sirii_stagnacija_mirotvorchestva_i_ekspansija_islamistov_2015-11-02.htm. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [7] Dolgov B.V. The Syrian Conflict at a New Stage: The International Dimension. *Perspektivy*. 11.09.2018. Available from: http://www.perspektivy.info/rus/desk/sirijskij_konflikt_na_novom_etape_mezhdunarodnoje_izmerenije_2018-09-11.htm. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [8] Conflicts and Wars of the XXI Century (Middle East and North Africa): ed. by V.V. Naumkin, D.B. Malysheva. Moscow: RAS Institute of Oriental studies; 2015. 504 p. (In Russ.).
- [9] Lavrov: the US Withdrawal of Troops from Syria Aimed to Shift Responsibility to the Coalition. *TASS*. 28.12.2018. Available from: <https://tass.ru/politika/5961306>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [10] Mosesov A. The Threat of Ruin. Trump Warned Turkey against Attacks on Syrian Kurds. *TASS*. 14.01.2019. Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5950796>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).

- [11] Netanyahu Promised to Continue the Aggressive Policy Against Iran in Syria. *TASS*. 15.01.2019. Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5999878>. Accessed: 17.01.2019 (In Russ.).
- [12] Pavlova V.YU. Foreign Policy of Jordan in the Syrian Crisis. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID RF. Rossiya i mir*. 2018; 2 (16): 136—147 (In Russ.).
- [13] “Complete Defeat”: Russia Announced the Final Victory over the ISIS in Syria. *RIA Novosti*. 06.12.2017. Available from: <https://ria.ru/20171206/1510372695.html>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [14] Putin: “Islamic State” Defeated, But Still Dangerous. *Kommersant*. 04.04.2018. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3593150>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [15] The Role of Russia, Turkey and Iran in the Syrian Settlement. Dossier. *TASS*. 03.04.2018. Available from: <https://tass.ru/info/5091128>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [16] The USA Has Published a List of Sanctions Against Iran. *RIA Novosti*. 05.11.2018. Available from: <https://ria.ru/20181105/1532152625.html>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [17] Trump Declared the Validity of the New US Sanctions Against Iran. *RIA Novosti*. 03.11.2018. Available from: <https://ria.ru/20181103/1532075773.html>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [18] The Success of Russia’s Syrian Military Campaign. *TASS*. 11.12.2017. Available from: <https://tass.ru/armiya-i-opk/4801686>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).
- [19] Erdogan: The Terrorist Attack in Manbij Killed 27 people. *TASS*. 16.01.2019. Available from: <https://tass.ru/proisshestviya/6007743>. Accessed: 17.01.2019 (In Russ.).
- [20] AFP: The Kurds Rejected Erdogan’s Proposal to Create a Buffer Zone in Northern Syria. *TASS*. 16.01.2019. Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6003978>. Accessed: 17.01.2019 (In Russ.).
- [21] Sky: The Kurds Called the US Decision to Withdraw from Syria a Stab in the Back. *TASS*. 19.12.2018. Available from: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5933493>. Accessed: 15.01.2019 (In Russ.).

Информация об авторе:

Васецова Елена Сергеевна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (ORCID ID: 0000-0002-2548-5601) (e-mail: vasetsova.es@yandex.ru).

Information about the author:

Elena S. Vasetsova — PhD in Political Science, Assistant Professor of the Department of Political Science, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-2548-5601) (e-mail: vasetsova.es@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 19.01.2019.

Received 19.01.2019.

Для цитирования:

Васецова Е.С. Проблема урегулирования сирийского конфликта на новом этапе его развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 282—294. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-282-294.

For citation:

Vasetsova E.S. The Problem of Settlement of the Syrian Conflict at the New Stage of Its Development. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 282—294. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-282-294.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-295-310

Research Article

THE FALSE PROMISE OF COOPERATION IN THE JORDAN RIVER: STATE POLICIES AND DETERMINANTS

Z. Muchie

Ambo University
19, Ambo, Ethiopia

Abstract. The study examines the false promise of cooperation in the Jordan River basin through the prism of state policies and determinants. The study is underpinned by the significance of pivotal riparian states. Based on their preeminence in determining the course of cooperation, the study considers Israel, Jordan and Palestine as pivotal riparian states. In terms of research methodology, qualitative approach was used. The study identified that domestic politics, regional dynamics and international water regimes are major determinant factors making cooperation to be a fantasy. Israel's doctrine of exceptionalism both in the sense of statehood and government type and the reciprocated denial of co-basin states in this regard are domestic political factors that impede the course cooperative events. Israel's geopolitical calculations via territorial expansion alongside of the Jordan River affect the cooperative milieu. The mere existence of water regimes either in the form of legal agreements or institutional attempts, does not bring effective cooperation. The finding of study shows that, domestic politics, regional dynamics and international water regimes are indeed determinant factors for the cooperative and conflictive nature of water sharing in the basin. The level of their impact however is neither equal nor constant. Importantly, these three factors affect and condition one another.

Key words: Jordan River, Cooperation, Domestic Politics, Regional Dynamics, Water Regimes, Pivotal States

INTRODUCTION

Water is a life in itself. Not only is the human community, all lives on the earth are dependent upon water for their very survival. However, water is unevenly distributed. Due to the disparity between supply and demand, control over and the governance thereof has become the keystone of the contemporary regional and international politics. Trans-boundary Rivers in this regard are signposts for such a deadlock. In the last centuries, there have been many inter-state water disputes, if not outright wars. The conflict between Pakistan and India over the Ganges River since 1951—1971 due to India's decision to construct the Farakka barrage, similar skirmish between Bangladesh and India soon after Bangladesh has become independent in 1971 from Pakistan, India's dispute with Nepal, the conflict between Turkey, Syria and Iraq over the Tigris-Euphrates Rivers and conflicts over the Nile river were best instances. The Jordan River is not

© Muchie Z., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

exceptional to this trend. Conflicts over water are emanated from dynamics of domestic political factors, geopolitical calculations and the existence of flimsy water regimes governing the basin states. This paper is aimed at analyzing the false promise of cooperation in the Jordan River from the perspectives of domestic political dynamics, geopolitical factors and weak water regimes between pivotal riparian states of the basin.

DOMESTIC POLITICAL FACTORS

The Israeli-Palestinian relation: identity as a political factor

Perhaps the most complicated issue in the Israeli-Palestinian protracted conflict which thwarted the story of cooperation in the region is politicized identity. Most important in this regard is Israel's doctrine of exceptionalism. Protected by the baneful language of exceptionalism, Israel claims the right to mangle millions of lives, to persist in violence, start new wars, and, more recently, to threaten its neighbors through military power. The ideological aim of Israelis exceptionalism has been intentionally orchestrated and attained by impresarios. It has been promoted by both the political figures and the entire community. Israel's exceptionalism has mainly been drawn based on four principal perspectives. The first is the doctrine of chosen-ness [20. P. 172]. Israel's sense of inherent exceptionalism was advocated by leaders even before its existence. This has been formally confirmed in 1950's through the secular expression of David Ben-Gurion, the founding father of modern Israel, as *"We are perhaps the only 'non-conformist' people in the world.... We do not fit the general pattern of humanity: Others say because we are flawed. I think [it is] because the general pattern is flawed, and we neither accept it nor adapt to..."*. This illustrated how such deep-rooted religious perceptions of exceptionalism were incorporated into the modern secular-nationalist creed of Israelis and thwarted its relationship with its Arab counterparts. The sense of inherent exceptionalism, which emanates from the perception of chosen-ness, also includes the belief that the Jews would become a "light unto the nations" or a beacon to the world [30. P. 411].

The biblical doctrine of chosen-ness was enough to clinch the validity of Zionist claims to Palestine. The doctrine of chosen-ness invokes the divine right of the Jewish people to nullify the historical and legal rights of Palestinians to their homeland. Implicitly, this gave the long-suffering Jews the right to expel or exterminate the Palestinians if they do not recognize the superior Jewish rights to their land [1. P. 6]. This chosen-ness gave the Zionist leaders incentive to convince the Jewish and Christian majority that seizing Palestine is not a theft rather Palestine is a promised land from God and He made it an eternal inheritance to the Jews. Thus, establishing the home in Palestine of the Jewish majority by depriving the Palestinians and by giving little or no attention to the existence of Arabs in Palestine was the main task of Zionism. This has become a reality since its creation in 1948.

The second perspective that Israelis exceptionalism has been based is its perception of itself as a "villa in the jungle", a state surrounded by Muslim enemy Arab states [7. P. 49]. To this end, Israel considered itself as uniquely vulnerable country in the Middle East. In order to secure itself against these unique threats to its existence,

Israel claims exemption from the demands of international law. Accordingly, Israel used its attribute of vulnerability as a means of territorial and geostrategic extractions. This implies that Israel's national security is exceptional as measured by geostrategic elements. The third source of exceptionalism is that Israel is the only democratic state in the Middle East. It believes that it is Israel alone that holds up the ideal freedom in the ignorant corner of the Middle East, held in the vise-grip of monarchs and dictators. Similarly, Israel draws attention to its incredible growth since 1948, its standard of living and technology which make it an outlier, an exceptional society in the Middle East [7. P. 56]. By considering itself as the only democratic state, it has made the claim to singularity by locating itself in the Middle East. It uses geography to conceal the fact that it is a European outpost in the Middle East, a colonial-settler state that has continued to draw upon the financial resources, skills and technology of the most advanced western societies. The fourth source of Israel's exceptionalism exemplifies its achievements and some of these do appear exceptional at first sight to build the self-esteem of the group and win support for Israel in the west. It also serves to justify *ex post facto*, the removal of the inferior Palestinians by the superior Jews with its formidable strategic patron, the US [19. P. 9].

All these exceptional traits, particularly the perception of vulnerability, leads Israel to view its foreign relation from the prism of realism that “might is right.” Thus, its insight of itself as a regional superpower that views its relation with the Palestinians in particular and the wider Arab world in general in terms of a zero-sum game appears to negate, a priori, any substantive multilateral cooperation with its neighbors on the whole range of security issues facing the Middle East. Accordingly, Israel's foreign policy has been explained based on the old mantra that Israel has no foreign policy, but only a stand by defense force policy towards its immediate Arab neighbors [21. P. 115]. The Arab's hateful expression of Israel as, “a thorn in their flesh,” is the other dimensions that exacerbate the level of tension between riparian states of the river. Therefore, Israeli's sense of exceptionalism as well as mutual siege mentality towards one another has obstructed the essence of cooperation over the scarce water resource. Generally, the Israeli society and its subsequent leaders are convinced that the Jewish and the Israeli people, their historical experience and security problems they face are exceptional which rest on the domesticated cultural, historical and geostrategic foundations.

The relation of Israel with Jordan is not exceptional to this trend. They rather outlasted a very byzantine relationship. The question of national identity has put a benchmark on their relations. Conflict between Arabic-Islamism and Jewish-Zionism has persisted for several centuries. Religion and nationality are pillars of identity formations. Seen it from nationalistic view, both states have tried to form their own nation state within one national identity. Jordan for instance, has tried to create a single Jordanian nation having Jordanian identity under the umbrella of Arab-Islamic ideology. Ethnically, Jordan is an Arab state which greatly influenced by Arabic nationalism. The major objective of the Arab nationalism or the so-called pan-Arabism is forming a unified Arab state that demolishes and destroys the Jewish community from the region. Religiously, Jordan is an Arab-Islamic state whereas Israel is a Judaic dominated Jewish state. The most contentious issue in relation to religion is the question of Jerusalem. It

is clear that Jerusalem is the center of three major religions; Judaism, Christianity and Islam, all of which were from the same ancestor, Abraham. Jerusalem has a special meaning in each religious doctrine. It is said to be Yerushaláyim in Hebrew. According to the Jews, Jerusalem is a Holy land that was mentioned for more than 154 times as Zion. In the beginning, Jerusalem was given for Abraham, the ancestor of the Jews through his son Isaac, from the almighty and gradually, it has come to be the center of Isaac and his sons, Esau and Jacob and later on to David and his son Solomon. Accordingly, Solomon built the first and the second temples and put in Jerusalem at Bethlehem. Consequently, as it has stated under many chapters of (II Samuel, Kings and Psalm), Jerusalem has been given as the religious capital of the Jewish through its ancestors (the Holy Bible). On the other hand, the city of Jerusalem is known as “Al-Quds” or “Baitul-Maqdis” in the Arabic terminologies. Alike the Jews, Muslims acknowledged Abraham as the ancestor of Muslims through his son Ishmael who is the father of Muslims. Abraham, the grandfather, has given Jerusalem for his elder son Ishmael as he has done unto Isaac. Therefore, since Ishmael on, Jerusalem has become the third Qibla for Muslims next to Mecca and Medina. Prophet Muhammad saw a vision through the miracle of angle Gabriel about the third mosque; Al-Aqsa, in Jerusalem (Qur’an 2: 142—44). Thus, Muslims have a deep devotion and spiritual connection to Jerusalem.

The other issue that prolonged warlike relation in relation to religion is the issue of the Jordan River. All religions took the river as a source of salvation of the Soul. The Israelites referring to Joshua, argued that God has pointed us to cross the Jordan River while the priests carrying the Ark of the Covenant would step into the Jordan and when their soles of the feet rests in the water (Joshua 3: 13). Thus, all the events in and around the Jordan River and the Ark of the Covenants are basic elements of the salvation of the soul. They added that as it is clearly stated under the Gospels, God himself was baptized in the Jordan River and ordered us to follow what he has done. Thus, the spiritual significance of the river for all Regions is indisputable. However, religion is very much politicized and served as a means of controlling strategic sites for political consumption which gnarled the spirit of cooperation over the scarce resource, water.

Even though the Palestinians and Jordanians are from the same gene, Arabic, their relation has never been based on amity rather was full of tensions. It was because of the fact that king Abdullah’s intention of controlling the Arab-Palestinians and the annexation of the west bank as a province of Jordan. Being annoyed by the deeds of the king, the Palestinians assassinated the king in 1951. Not only this but also the Palestinians were very much annoyed by the king’s secret talk with the Israelites. In 1964, the Arab league formed the Palestinian liberation organization (PLO) and in 1970, war broke out between the PLO and the Jordanians which was known as the Black September. Jordan has received assistance from Israel and defeated the PLO. Consequently, this war was a turning point for the revival of the Jordanian identity but the Palestinians are still in exile [14. P. 2—3]. Generally, politicized identity as a domestic political factor has smeared a soot on their relations which made the very culture of cooperation to be a fantasy.

GEO-STRATEGICAL FACTORS

Israeli-Palestine relation: geopolitical factors

From its very existence, Israel is cautious of two basic and mutually interdependent processes that would determine its future status in the Middle East. The first was geopolitical calculations which had to do with the need to provide security for the fledgling state from external threats. This included not only threats to its existence, but also threats to the economic well-being of the population and the capacity for future growth through the absorption of large segments of the Jewish Diaspora. Water issues were central to Israel's geopolitical considerations, and the earlier British and Zionist desire to control the maximum number of possible water sources ultimately result in the demarcation of what would, in 1948, become Israel's northern and northeastern border. The northeastern border would later be revised through military action in 1967 brought on, in part, as a result of threats to Israel's water supply. Hence the need to secure water resources played a crucial role in Israel's geopolitical calculus with respect to its border with Syria over the Golan height, with Palestine over the Gaza Strip, east Jerusalem and West Bank, with Egypt over the Sinai Peninsula, with Jordan over the Yarmuk River and the Lebanese as well.

The second basic process that Israel has insisted on was that of state and society building. Here too, water was critical since the absorption of Jewish immigration and the creation of a Jewish demographic presence in as much of Palestine as possible was a necessary prerequisite for achieving statehood. Once the state came into being, it became necessary to absorb large numbers of immigrants from Europe and the Middle East and to strengthen Israel's demographic presence in the arid southern Negev region. This meant that water would have to be transported southwards in order to make large-scale settlements in that part of the country a reality. Water was also needed to develop Israel's agricultural enterprises which, ideologically and economically, were of crucial importance in the pre-state and early-state periods (owing in part to the lack of a significant industrial base). Hence, water played a central role in the economic and demographic development of Israel and in matters relating to borders with riparian states of the basin. Frequently, geopolitical and state-building elements overlapped when it came to the water issues. Hence, spreading the population and the partial de-urbanization of Israel in the country's early years were seen as necessary for both geopolitical and state-building reasons and were dependent to a great extent on access to water; the Jordan River. The continued need to manage and safeguard water resources, as well as the growing need for additional water, is likely to smear soot events in Israel and its immediate neighbors for the foreseeable future and have an important impact, as they have had thus far, on future Israeli-Arab peace negotiations which undermined the spirit of cooperation.

Geography and politics are deeply intertwined in Israel, and the country's strategic culture, possible to say its existence, is profoundly shaped by geopolitics. As has been explained above, Israel perceived itself as a small, unique and regionally isolated country surrounded by potential enemies which do not formally recognize its existence and thereby viewed its own geo-strategic environment as hostile, unpredictable, volatile,

and replete with dangers. As a result of this acute perception of vulnerability as well as history of existence, Israel has developed a 'siege mentality' alongside a sense of being under constant threat [34. P. 42]. Thus, the notions of geopolitical vulnerability and regional isolation are crucial to the country's unambiguously realist foreign and security policy established based on realist hard-power politics that engulfed all alternative ends of negotiating remarks [7. P. 50]. Israelis geo-strategic insight is based on the intensive and extensive view of the threat it has faced in the past and will face in the years to come. Because of this reason, most Arab states are seen by Israel as the actual coalitions seeking Israel's destruction or truncation. Israel believed that a single defeat would destroy the state and it would face future endless war with its neighbors. In this regard, Israelis geopolitical strategy is the *deterrence* of Arab hostility and waging a clear-cut defeat of the enemy through the expansion of territorial influence if deterrence fails [6. P. 5].

Territorial expansion has been taken as a national security issue in Israel. During the Six-Day War of 1967, Israel has defeated the allied forces of Egypt, Jordan, Syria and Lebanon and controlled the strategic sights of the Sinai, West Bank, Gaza, Jericho, east Jerusalem and the Golan height. While Sinai was returned to Egypt in the Camp David agreement of 1979, all the remaining strategic places are still under its control [23. P. 10]. Although agreements, concerning power transfer to the PLO over Gaza, West Bank, Jericho and east Jerusalem, was made by the leader of the two states in the interim DoP, it was suspended by Israel due to its geostrategic interest over the areas mentioned. The very recent plan that Israel has intended to build more than 2,000 houses in West Bank and Gaza for the Jewish émigrés including 30 homes in the flashpoint Palestinian-majority city of Hebron and the settlements of more than 25,000 Jews in the Negev desert that allowed Israel to divert significant amounts of water from the Jordan River and the shift of its capital from Tel-Aviv to Jerusalem is the case for the breach of the interim agreement¹. It is because; Israel understood that divided cities are encapsulation of broader geopolitical conflicts due to different political, economic, spatial, and cultural dimensions. Jerusalem which played a dual role, politically and religiously, is a best example.

Israel has put four major geopolitical strategies for the control of the entire Jerusalem. (a), Territorial annexation i.e. annexing the east and west Jerusalem, (b), zoning and building regulation for curtailing the growth and expansion of the Palestinians, (c), residency and access restrictions; by separating Jerusalem from the west bank, access to the city was totally denied for the Palestinians and within Jerusalem, residency rights were restricted to the 1967 census only, (d), demographic control. Therefore, the status of Jerusalem has put a negative benchmark in the relation of the Israelis and the Palestinians which in turn affect cooperation [18. P. 19].

The other geopolitical factor that impede the course of cooperation between riparian states in particular and the Arab-Israeli in general is the intervention of outside powers

¹ Israel to Build 2,000 houses in West Bank. *The Hindu News*. 11.10.2017. Available at: <http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-international/israel-to-build-2000-houses-in-west-bank/article19836106.ece>. Accessed: 11.10.2017.

in the internal affairs of the basin states. The geostrategic importance of the region to its water and land transit and the vast petroleum and natural gas, are the magnets that now draw outside powers to the region. In their effort to gain competitive advantages in the region, these powers built and reinforced internal division between riparian states of the basin which in turn blocked their geopolitical integrations [9. P. 376]. Due to this, basin states allied themselves with superpowers to gain military support and financial aid. Thus, the involvement of superpowers in the internal affairs of riparian states has put a substantial impact on the peace process. For instance, the US assistance of Israel during the Six-Day War of 1967 and the Soviets patronage of the Arab armies during the Yom Kibur war of 1973, set major limitation to the peace process between basin states [6. P. 7]. It is clear that Israel is the first US aid receiving state in the Middle East followed by Egypt. The coming into power of Donald Trump has increased the likelihood of Israelis interaction with it and the regular flow of US aid to the former. During the reign of Obama's presidency, illegal settlements and constructions were strongly opposed mainly due to personal distastes between Obama and Netanyahu. However, this has been changed with the inauguration of Trump to the presidency and Trump showed Netanyahu the possibility of constructing houses in the occupied areas. To this end, Netanyahu said that "Tomorrow's world will be different — and it is very near and the plan will be succeed by changing the rule of the game"². Besides, US recognition Jerusalem as the capital city of Israel and the shift of its embassy there is the case. Generally, so long as Israel does not accept the two-state solution that allowed the return of occupied territories to Palestine and the denial of the Palestinians to the one-state solution that allowed the domination of Israel over the Palestinians i.e. without accepting reciprocal sovereign recognition, peaceful relation, not to mention cooperation, between the two states is a castle in the sky.

Israeli-Jordanian relation: geo-strategic importance

Unlike other neighboring countries, the geo-strategic importance of Jordan has been both an advantage and liability for Israel. It is because on the one hand, the very position of Jordan and its usual involvement in the Palestinian issue has put Jordan at the locus of any solution to the Israeli-Palestinian conflict. On the other hand, the leading role of Jordan in the region next to Egypt has never been an easy threat for Israel. Conversely, the expansion and defensible policy of Israel concerning the Palestinians highly restrain and made Jordan's Palestinian policy at a particular reference to Israeli view [4. P. 23]. The *raison d'état* for the involvement of Jordan in the 1948 Israeli-Palestinians conflict which was largely known as the Arab-Israeli war in this regard, was strategic aspiration and territorial expansion. The motive of king Abdullah I at the time was expanding the territorial land mass of Jordan by annexing the West Bank and as much as possible the whole part of Palestine and thereby controlling the strategic site of West Bank, Gaza and east Jerusalem, which ought to be the *a corpus separatum* under the UN partition

² Jeffay N. Four Reasons Why Israel Is Building New Homes in the West Bank. *The Jewish Chronicle*. 11.10.2017. Available at: <https://www.thejc.com/news/israel/settlements-comment-1.431247>. Accessed: 11.10.2017.

resolution. Though Jordan took part in the war, secret talks between Israel and its delegates was held regarding their future relations and the division of the West Bank. Accordingly, king Abdullah I signed an armistice agreement with Israel in 1949 but he was assassinated by the Palestinians at Jerusalem in 1951 due to his peace negotiation with Israel. Since then, a secret deal between Israel and Jordan was suspended for a decade. The succeeding king of Jordan, King Hussein has followed the policy of appeasing strong Arab states and allied Jordan with them to initiate anti-Israeli stance. Tension has been persisted in the region. In 1967 war between the Arabs mainly, Jordan, Egypt and Syria on the one side and the Israeli's on the other has broken out for six days. The war was said to be the Six-Day War. This war was a turning point for the Israeli's which provided it with a spatial strategic asset. In the war, Israel has defeated the allied power of the Arab league and occupied the West Bank, Gaza, the Golan height, the Sinai Peninsula and east Jerusalem [15. P. 8; 37. P. 1; 38. P. 1]. Not only this but also the war gave Israel a major hydro-political alteration.

By controlling the West Bank, Israel took control of the West Bank aquifers that can produce one-third of its fresh water supply. With the control of the Golan height, Israel controlled most of the upper Jordan and expanded its sphere of influence to the northern part of the Yarmouk River and east of the Ghor canal. The Arab states having no choice to regain the land they lost in the war has turned their face towards round table negotiations. Accordingly, in 1979, Egypt had made a peace treaty with Israel on the issue of the Sinai Peninsula. As it has been clearly stated under article 1(2) of the treaty, Israel and Egypt agreed to terminate the state of war and establish peace between them and Israel also agreed to withdraw its armed forces and the civilians from the Sinai and thereby Egypt would recommence full sovereignty over the area.

The Jordanian-Israeli hydrological linkage is mainly established on the Yarmouk River which flows along the border of Jordan and the Israeli-held Golan and runs just 6.5 km south of Lake Tiberias. The Yarmouk River is the major source of water for Jordan compared to its usage by Israel in its Yarmouk triangle farming area. What makes the Yarmouk River an issue of contention between Jordan and Israel is because; it is the major tributary of the Jordan River. The other user of the Yarmouk river, but too minimal, is Syria. Accordingly, Jordan has fought to maintain the Yarmouk River water under its control and pursued construction of dam(s) on the river, but it was not realized due to its sporadic political affiliation with Syria and a low-key contact with Israel. After the war (1967), the secret talks between Jordan and Israel on issues of water has increased. Especially since 1970's, the Israeli's military assistance to King Hessian of Jordan in its [Jordan] conflict with the Palestinians which was known as "black September", has changed the attitude of the Jordanians towards amicable diplomatic relations [39. P. 99]. After the 1973 Arab-Israeli war which was known as Yom Kippur for the Israelites and the Ramadan for the Arabs, their secret talks were enormously developed. Since then, both sides achieved greater communication particularly on issues of water sharing with the mediation of US based on the Johnston plan of 1955 and 1963's Criddle mission. Despite the existence of misgivings and tensions on both sides regarding the issue of the Israeli's Yarmouk triangle, the communiqué between them was developed into an open negotiation after the Gulf war and the subsequent Madrid

conference [8. P. 1]. Finally, it has been resulted in the signing of the peace treaty of 1994 between Jordan and Israel. As has been discussed in chapter three of this study, the 1994 peace treaty was a breakthrough in the Jordanian—Israeli relations. In the peace treaty, both sides recognized a right full allocation of water both from the Yarmouk and the Jordan Rivers. Though the issue of water outweighed the discussion, matters related to border demarcation, security, diplomatic and future interactions as regards to politics, economics and socio-cultural ties were part of the treaty. To sum, despite the existing challenges, cooperation on the equitable and reasonable sharing of water particularly since 1994 between Jordan and Israel is more apparent and recordable than other Arab States in the region.

THE EXISTENCE OF FLIMSY WATER AGREEMENTS

The Sykes-Picot Agreement (1916)

The Sykes Picot also called the Asian Minor Agreement (AMA) was a secret deal between Britain and France signed on March 1916 to define their mutually agreed sphere of influence in the region. The agreement provided Britain control over the coastal strip between the Mediterranean Sea and the river Jordan, upper Galilee, the Huleh Valley, Jordan, southern part of Iraq, and the port of Haifa and Acre [28. P. 476]. France got control over the southeastern part of Turkey, northern Iraq, Syria and Lebanon. Subsequent partitions were made on areas occupied by Ottoman Empire since the defeat of the Ottoman Empire in the WWI. Thus, the Ottoman Arab provinces outside of the Arabian Peninsula were divided as a British-France sphere of influence. An international administration zone was established for the Palestinians. However, France was dissatisfied with the partition since it provided all water bodies to Britain.

After the WWI in the Paris peace conference, Palestine, Transjordan, Syria and Lebanon were under the joint administration of Britain and French. Various proposals have been submitted by delegates from each side over the frontiers to be divided before a formal talk between France and Britain [25. P. 344]. The proposal submitted by the British political delegation claimed the sources of the Litani along the Mediterranean Sea to the curve in the Litani River to the streams flowing into the Jordan and those flowing east toward Damascus and the Yarmouk to be parts of the British sphere of influence and this frontier would allocate all the Jordan water to Palestine. Contrary to it, the military delegation of Britain wanted it to be parts of the northern parts of the river containing the river Zahrani to Mt. Lebanon for the closure of future strife with France in the Middle East. France opposed the proposal mainly because the proposal totally conceded all parts of Palestine, Armenia and Mosul to Britain. It thus breaches the Sykes-Picot agreement that Palestine was to be under a joint administration as an international zone. Still disagreements were there. Britain wanted to seize the whole part of the Yarmouk River and France was hesitated this plane. Thus, they compete over the whole partition of the Middle East. Consequently, France was keen to maintain control of territories under its mandate. Likewise, Britain insisted on controlling the most oil rich parts of Mosul and the trade routes including the Suez Canal [13. P. 700]. Generally, the agreement was meant for the benefit of the signatory states than easing fertile grounds for the cooperative management of the river water.

The Balfour Declaration

The Balfour Declaration has for long been an issue of contention. No consensus has been made as to why it was made. While many traced it with the long term interest of Britain in the Middle East, others argued as it was a means to give the Zionists resided in Russia, a rationale for the fight alongside of the allies [24. P. 60]. In relation to this, Sykes said that “Nobody knows why the Balfour Declaration was made” [40. P. 4]. As the name implies, this was the declaration made by Balfour, a foreign secretary of Britain, in support for the establishment in Palestine of the national home for the Jewish community. In a letter sent to Rothschild, the leader of British Zionists federation, Balfour declared that the Zionists would have to become a state instead through establishing their home and define as a political entity. The declaration did not clearly mention for which Jew the national home would be established on the land of Palestine. Thus, it paved the way for the mass influx of those having a Jewish ancestral ship from different directions and forms a Zionist national movement in Middle East particularly in Palestine. Thus, the declaration was a *tit-for-tat* for what the Zionists wanted and what Britain needed in Middle East.

The Zionists at the time have a single motive, a national home in Middle East for the Jewish community. Britain on the other hand has a double-pronged long-term interest in the area, strategic considerations and long-term political interests. Britain saw its friendship with the Zionists, particularly the opposition of the later against France, as a best way to abrogate the Sykes-picot agreement of 1916 and to substitute some form of British control in the area. The Belfour declaration was a means of holding the Zionists as a convenient instrument to clout the French out of Palestine [16. P. 132]. Besides to this, Britain wanted to use the Jewish population as a military might against the Ottoman Empire in order to expand its sphere of influence in the Middle East. Though the declaration has hid the issue of water, territorial expansion by definition includes major water and water bodies. Therefore, it was a means of aggrandizing the interest of colonial powers other than easing cooperative spirits in the region in general and between the riparian states of the Jordan River in particular. Instead, it has laid the legacy of suspicion, threat and conflict for today’s Middle East peace process [33. P. 1].

The Eric Johnston Plan (1953—55)

A special envoy, Eric Johnston, from the US was sent to negotiate an inclusive plan for the equitable allocation of the Jordan River and to surface the tension erupted between Israel and the Arab states of the basin [41. P. 536]. The plan was called the unified plan established based on the Tennessee Valley Authority (TVA)³. As a regional cooperative framework, the plan was made based on the needs and consumption of each state and the available resources mainly based on quantity than quality by ignoring the geographical borders separating them [26. P. 69]. Accordingly, each state explained their need and consumption level. Consequently, it has provided 400 MCM/yr to Israel,

³ A plan which was set up to address environmental, economic, and social challenges in a poor region of the United States during the 1930s.

720 MCM/yr to Jordan, 132 MCM/yr to Syria, and 35 MCM/yr to Lebanon [22. P. 164]. Put another way, Israel was allowed to use 40 % of the water and the remaining 60% was reserved for a joint exploitation between Jordan, Syria and Lebanon [10. P. 219]. Besides, the plan favored Israel to use Lake Kinnert (Tiberias) as its storage capacity for the Jordan water and allowed the kingdom of Jordan to build a dam at Maqarin for the storage of the Yarmuk River with no reference to the Litani and other tributaries to the Jordan River [11. P. 259].

In fact, it was made to address two basic purposes. The first is to help Israel to be on its position and claim its recognition by the Arab states and secondly to resettle the Palestinian refugees on the Jordan valley. In such a way, both sides were agreed on the plan. The plan at its initial stage was successful particularly on the technical issues. Israel amongst others was cautious of the legal binding nature of the plan. However, it was not formally ratified by basin states though they accepted it as a *De facto* water allocation (quota). Israel was cautious because Israel would no longer receive aid from America if rejected the unified plan in the one hand and America promised Israel \$10 million surplus food program [41. P. 541]. Notwithstanding its good attempt, all the intended objectives were remained rhetoric and the plan was no longer accepted by the Arab League of the basin⁴ [3. P. 24]. Two basic reasons determined the demise of the Johnston plan. The first was political ramification. The Arab league states in the basin claimed that accepting the water negotiation of Johnston and confirming the water right of Israel by implication means accepting and recognizing Israel as a state which none of them dreamed to be and where Israel was conceived by many as ‘thorn in the fresh of the Arabs’ [2. P. 263; 12. P. 124; 22. P. 165]. So, without surfacing the political arena and border issues between Israel and the Arab League referring Palestine; it would be absurd to negotiate over water.

The second was the distrust of the Arab League to America’s tacit approach in the region. The League worried that using the good approach of its envoy; America would penetrate its economic relation over water particularly with Israel [10. P. 220]. Therefore, the Johnston’s plan was abandoned in 1955 by contributing nil to the cooperative management of the river mainly because of the rejection of the Arab states of the basin attributing their nasty political relation with Israel. Following the failure of the Johnston plan however, otherwise bilateral agreements over the Jordan River have been concluded that embellish the existing spoiled tension.

The 1993 Oslo Accord

The persistent intifada of the Palestinians against Israel was the genesis of the Oslo accord. As early as 1970’s and 1980’s the issue of the future status of the state of Palestine and the occupied territories were highly debated [17. P. 67]. Tensions and warlike interactions were the day to day happenings between the two states. After lots of causalities from both sides, the Oslo accord also called an interim agreement was signed between Israel and the PLO on 13 September 1993. The agreement was an interim because it was limited for five years only. Letters that signify mutual recognition,

⁴ States such as Syria, Palestine, Jordan, Lebanon and including Egypt.

declaration of principles (DoP) on interim self-government arrangement, protocol on economic relations, the status of the Gaza strip and Jericho and agreements on preparatory transfer of power and responsibility were amongst the basic point being discussed [27. P. 486]. The major aim of the declaration was giving an everlasting solution to the strife between the two perturbing states. Consequently, as it has been clearly explained by Selby [36. P. 96] and the exchange of letters between the two leaders, it was meant for the fabrication of external bureaucracy in the name of transferring power from the Palestinian insiders to the PLO outsiders returning from Tunis. Besides, the agreement was not a comprehensive arrangement since it lacked the basic issues of strife, the status of Jerusalem, border and territorial issues, Jewish settlements in the lands of the Palestinians without considering what will be the future of the Palestinian refugees. These were the foremost concerns that the Palestinians were strived to be discussed. Rather, the agreement claimed that all these issues would be resolved within the five year interim period and Rabin; the then prime minister of Israel has made no assertion other than the recognition of PLO as the representatives of the Palestinians [17. P. 68]. The agreement identified water as the cardinal pathway for cooperation, but reluctantly mentioned the need for the establishment of the Palestinian Water Authority (PWA). Being reluctant, the agreement has vaguely and fuzzily referred the rights and allocations of water between the Israeli's and the Palestinians [35. P. 103]. Accordingly, the Oslo I was concluded with pledging Israel and dissatisfying the Palestinians and both of them have failed to secure what they have promised [32. P. 60].

Upon its failure to address those basic issues, an interim self-government over the areas of the Gaza Strip and the Jericho was signed in 1995. This agreement was said to be the Oslo II [38. P. 26]. In the agreement, Israel agreed in principle to withdraw its military force and civilians from Gaza and Jericho areas. However, Israel refused the withdrawal of the settlers and Jerusalem was remained parts of Israel. What was the intention of Israel at the time was protection of Israeli's identity as a Jewish state under a secured environment [17. P. 69; 29. P. 26]. Israel knowingly agreed to the accord since these areas were dry lands that would not have significant effect on the water supply of the Israelis. The most important legacy of the Oslo II was the joint Israeli-Palestinian management of the west bank ground water resources [36. P. 103]. Thus, the Oslo accord has clearly marked the Palestinian's slow decline and made it a would be State.

The Peace Treaty between Israel and Jordan (1994)

The history of Israeli-Jordanian peace process has always been characterized by tensions because of the desire of securing ultimate share from the river on the one hand and the failure of Jordan to challenge anti-Israeli groups (pro-Palestinian and the Arab resistance to the recognition of the state of Israel) [22. P. 167]. Despite the quarrel in between however, the two states have started informal talks since the first Arab-Israeli war of 1948. The relation of the two states has been transformed into a formal and open negotiation after the 1991 Gulf war and the subsequent Madrid conference [8. P. 1]. After years of strife, the two states signed a peace treaty on 26 Oc-

tober 1994. In the treaty, border demarcations, security issues, diplomatic and future bilateral relations in terms of politics, economics and other related issue areas have been discussed. Refugee and displaced persons and religion were parts of the discussion. The main focus of the treaty was however water in particular reference to the Jordan and the Yarmuk Rivers for the achievement of a comprehensive and lasting peace in the settlement of water problems.

Though it is a bilateral treaty, it has been made within the principle of international water law and the Helsinki rules. The two states recognize the equitable and reasonable water allocation based on the internationally accepted principles, quotas and the set grounds for the joint management and protection of the quality of the river waters. Furthermore, their interaction over the management and fair allocation of water would lead them further regional integrations as to political, economic and socio-cultural aspects. Generally, despite its bilateral nature, it has paved the way for a cooperative management of the Jordan River and its main tributary, the Yarmuk. But it does not mean that it provides an everlasting solution to the basin. Mutual suspicion is continuing. From the very beginning, Jordan sought that the agreement must, among others, focused on strategic decisions; the factor that would turned the two states in particular and the region in general into intractable intimidations. However, by no means, Israel tolerates any agreement on strategic sights since it took its strategic position as a matter of security [31. P. 75]. Generally, the mere existence of water regimes either in the form of bilateral agreements or institutional attempts has contributed nothing for the existence of effective cooperation in the basin.

CONCLUSION

Governance of shared water resource has become one of the defining features of contemporary regional and international politics. This study focused on the governance of water in the Jordan River basin thereby analyzing the false promise of cooperation between riparian states. The study is underpinned by the significance of pivotal riparian states. In the context of this study, pivotal states refer to states with indispensable roles in determining the course of cooperation and conflict in the river. Based on their preeminence in economic, military and geo-strategy, the study considers Israel, Jordan and Palestine as pivotal states. Accordingly, the study found that domestic political dynamics in the pivotal riparian states affects the state of cooperation. Israel's exceptionalism both in the sense of statehood and government type and the reciprocal aversion and contemplation of Israel by Arab's as a thorn in their flesh in this regard are domestic political factors that made cooperation a mirage.

Geopolitical factors which can be expressed in terms of spatial power, mutual destabilization and global alignment are the other factors that affect cooperation in the basin. The mere existence of water regimes, either in the form of legal agreements or institutional attempts, doesn't create mutually cooperative milieu. In particular, the exclusionary nature of the agreements has created a climate of mutual mistrust and suspicion. This can be explained by two major factors, the nature of legal agreements and the asymmetrical power relation between pivotal states. Therefore, domestic politics,

regional dynamics and international water regimes are indeed important variables in determining the cooperative dynamics of the basin. The level of their impact however is neither equal nor constant. Importantly, these three factors affect and condition one another.

REFERENCES

- [1] Alam M. *Israeli Exceptionalism: The Destabilizing Logic of Zionism*. Palgrave and Macmillan; 2009. 274 p. DOI: 10.1057/9780230101371.
- [2] Allan J. Hydro-Peace in the Middle East: Why No Water Wars? A Case Study of the Jordan River Basin. *SAIS Review*. 2002; Vol. XXII; 2: 255—272.
- [3] Amery H. The Role of Water Resources in the Evolution of the Israeli-Lebanese Border. *Geo Journal*. 1998; Vol. 44; 1: 19—33.
- [4] Barari H. *Jordan and Israel: A Troubled Relationship in a Volatile Region*. Friedrich-Ebert-Stiftung Jordan & Iraq; 2014. 152 p.
- [5] Beaumont P. Dividing the Waters of the River Jordan: An Analysis of the 1994 Israel-Jordan Peace Treaty. *International Journal of Water Resources Development*. 1997; 13; 3: 415—424.
- [6] Ben-Horin Y., Posen B. Israel's Strategic Doctrine, a Paper Prepared for the Director of the Net Assessment, Office of the Secretary of Defense. USA: RAND; 1981. Available from: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2007/R2845.pdf>. Accessed: 01.03.2019.
- [7] Berti B. Israel: Seeking Stability, in Kristina Kausch (Ed.) *Geopolitics and Democracy in the Middle East*. Spain: FRIDE; 2015: 49—62.
- [8] Caplan N., Eisenberg L. The Israel-Jordan Peace Treaty: Patterns of Negotiation, Problems of Implementation. *Israel Affairs*. 2003; Vol. 9; 3: 87—110.
- [9] Cohen S. *Geopolitics: The Geography of International Relations*, 3rd ed. London: Rowman & Littlefield; 2015. 491 p.
- [10] Daoudy M. A Missed Chance for Peace: Israel and Syria's Negotiations over the Golan Heights. *Journal of International Affairs*. 2008; Vol. 61; 2: 215—234.
- [11] Dellapenna J. et al. Hydro-Geographic Background to the Utilization of International Rivers in the Middle East. *American Society of International Law*. 1986; Vol. 80; 9—12: 250—267.
- [12] Fathallah R. Water Disputes in the Middle East: An International Law Analysis of the Israel-Jordan Peace Accord. *Journal of Land Use & Environmental Law*. 1996; Vol. 12; 1: 119—151.
- [13] Fitzgerald E. France's Middle Eastern Ambition, the Sykes-Picot Negotiations, and the Oil Fields of Mosul, 1915—1918. *The Journal of Modern History*. 1994; Vol. 66: 697—725.
- [14] Gallets B. Black September and Identity Construction in Jordan. *Journal of Georgetown University*. 2015. DOI: 10.5339/messa.2015.12.
- [15] Gat M. *In Search of a Peace Settlement Egypt and Israel between the Wars, 1967—1973*. New York: Palgrave Macmillan; 2012. 304 p.
- [16] Gillon D. The Antecedents of the Balfour Declaration *Middle Eastern Studies*. 1969. Vol. 5; 2: 131—150.
- [17] Hassan Sh. Oslo Accords: The Genesis and Consequences for Palestine. *Social Scientist*. 2011; Vol. 39; 7/8: 65—72.
- [18] Hasson Sh. The Israeli-Palestinian Conflict in Jerusalem: The Challenge of Transition. *The Floersheimer Institute for Policy Studies Ltd*. Israel; 2007. 166 p.
- [19] Hinnebusch R. *The International Politics of the Middle East*. New York: Manchester University Press; 2003. 262 p.
- [20] Inbar E. Jews, Jewishness and Israel's Foreign Policy. *Jewish Political Studies Review*. 1990; Vol. 2; 3: 165—183.
- [21] Jones C. The Foreign Policy of Israel. *Middle East International*. 1990; Vol. 12; 6: 110—145.
- [22] Kliot N. *Water Resources and Conflict in the Middle East*. London: Rutledge; 1994. 328 p.
- [23] Krebs R. Israel's Bunker Mentality: How the Occupation is Destroying the Nation. *Foreign Affairs*. 2011; Vol. 90; 6: 10—18.

- [24] Levene M. The Balfour Declaration: A Case of Mistaken Identity. *The English Historical Review*. 1992; Vol. 107; 422: 54—77.
- [25] Lewis B. *The Middle East: A Brief History of the Last 2,000 Years*. New York: Scribner; 1995. 448 p.
- [26] Lung R. Nary a Drop to Drink: Water Stress Intensifies in Jordan River Basin. *Harvard International Review*. 1994; Vol. 16; 4: 68—69.
- [27] Malanczuk P. Some Basic Aspects of the Agreements between Israel and the PLO from the Perspective of International Law. *EJIL*. 1996: 450—500.
- [28] Mather Y. The Fall of the Ottoman Empire and Current Conflict in the Middle East. *Critique*. 2014; 42; 3: 471—485.
- [29] Matthews E. *The Israel—Palestine Conflict: Parallel Discourses*. London: Routledge; 2011. 276 p.
- [30] Merom G. Israel's National Security and the Myth of Exceptionalism. *Political Science Quarterly*. 1999; Vol. 114; 3: 409—434.
- [31] Nahar G. The Factors Affecting the Foreign Political Behaviors in Jordan on its Strategic Position in the Middle East, and Especially its Conflict and Peace Process with Israel during the 1990s. *International Journal of Humanities and Social Science*. 2013; Vol. 3; 4: 66—78.
- [32] Perlmutter A. The Israel-PLO Accord Is Dead. *Foreign Affairs*. 1995; Vol. 74; 3: 59—68.
- [33] Renton J. The Historiography of the Balfour Declaration: Toward a Multi-causal Framework. *Journal of Israeli History*. 1998; Vol. 19; 2: 109—128.
- [34] Roberts S. Israeli Foreign Policy in Historical Perspective. *World Affairs*. 1972; Vol. 135; 1: 40—53.
- [35] Rosenthal E., Sabel R. Water and Diplomacy in the Jordan River Basin, *Israel Journal of Foreign Affairs III*. 2009; 2: 95—115.
- [36] Selby J. *Water, Power and Politics in the Middle East: The other Israeli—Palestinian Conflict*. London: I.B. Tauris & Co Ltd; 2003. 275 p.
- [37] Sheffi N. Shifting Boundaries: The 1967 War in Israeli Children's Magazines. *The Journal of Israeli History*. 2009; Vol. 28; 2: 137—154.
- [38] Shlaim A. The Oslo Accord. *Journal of Palestine Studies*. 1994; Vol. 23; 3: 24—40.
- [39] Sosland J. *Cooperating Rivals: The Riparian Politics of the Jordan River Basin*. New York: State University of New York Press; 2007. 310 p.
- [40] Sykes Ch. *Crossroads to Israel, 1917—1948*, 1st ed. London: Indiana University Press; 1965. 404 p.
- [41] Wishart D. The Breakdown of the Johnston Negotiations over the Jordan Waters. *Middle Eastern Studies*. 1990; Vol. 26; 4: 536—546.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-295-310

Научная статья

ЛОЖНОЕ ОБЕЩАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА В БАССЕЙНЕ РЕКИ ИОРДАН: ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА

З. Мучие

Университет Амбо
19, Амбо, Эфиопия

Аннотация. В исследовании рассматриваются ложные перспективы сотрудничества в бассейне реки Иордан через призму государственной политики стран региона. Основываясь на их роли в определении курса потенциального сотрудничества, автор рассматривает Израиль, Иорданию и Палестину

в качестве ключевых прибрежных государств. В качестве методологии исследования в статье использовался качественный подход. Израильская доктрина исключительности как в отношении государственности и типа правительства, так и в плане взаимного отрицания государств бассейна выступает в качестве внутривнутриполитического фактора, препятствующего возможностям сотрудничества. Геополитические расчеты руководства Израиля на территориальную экспансию вдоль реки Иордан также радикально влияют на возможные условия сотрудничества. Само существование водных режимов либо в форме правовых соглашений, либо в форме институционализированных проектов не обеспечивает эффективного сотрудничества стран региона. Результаты исследования показывают, что внутренняя политика стран, региональная динамика и международные водные режимы являются определяющими факторами кооперативного или конфликтного характера совместного использования водных ресурсов в бассейне реки Иордан.

Ключевые слова: Река Иордания, сотрудничество, внутренняя политика, региональная динамика, водные режимы, ключевые государства

Сведения об авторе:

Zelalem Muchie — преподаватель департамента гражданственности и этических исследований, Университет Амбо (Эфиопия) (e-mail: muchiezalalem@gmail.com).

Information about the author:

Zelalem Muchie — Lecturer of Department of Civics and Ethical Studies, College of Social Sciences and Humanities, Ambo University (Ethiopia) (e-mail: muchiezalalem@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 15.03.2019.

Received 15.03.2019.

Для цитирования:

Muchie Z. The False Promise of Cooperation in the Jordan River: State Policies and Determinants // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 295—310. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-295-310.

For citation:

Muchie Z. The False Promise of Cooperation in the Jordan River: State Policies and Determinants. *RUDN Journal of Political Science.* 2019; 21(2): 295—310. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-295-310.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-311-322

Research Article

CHINESE PERCEPTION OF INDO-US NEXUS: IMPLICATIONS FOR CHINA IN SOUTH ASIAN REGION (Brief Overview)

R.D. Nisar

Central China Normal University
152, Luoyu Road, Wuhan, Hubei, People's Republic of China, 430079

Abstract. After the collapse of the USSR, the US changed its policies, shifted its priorities and started viewing China's economic emergence as a great threat to US interests. Due to the rapid economic growth and military development, the People's Republic of China has become a rival for the US in the global arena. Meanwhile, as the US is reshaping its policy in accordance with the modern geopolitical reality, it starts regarding India as a powerful ally for holding China back. The close rapport between India and the USA is being established on the account of economic liaisons and combined efforts against security threats. Currently, India and the US are redefining their affiliations and building a potent nexus to secure their common interests, particularly in keeping China at bay. The formation of amicable Indo-US relations has resulted in the collective agenda for achieving the two countries' common objectives in Asia. According to A. Tellis, the two foremost strategic goals of the two countries in Asia are: firstly, to contain the growing influence of China in Asia and its adjacent territories and establish Indian hegemony in the region; secondly, to promote friendly relations with other major actors in the region in order to garner support for India. The two countries' strategic plan towards China is to isolate the country from the rest of the region. The presence of the US naval forces in the Indian Ocean and recent military exercises in Malabar have increased the US-India ties and have helped to establish control over Chinese naval and trade routes and sea lines of communication. Senior US officials have openly declared their intentions of strategic containment of China. As was noted by one of India's leading political analysts John Cheian, "Washington's primary goal is developing alliance with India in order to contain China". The given article presents an outlook on the Chinese perception of the US-India nexus.

Key words: India-US Nexus, Containment, Indian Ocean, Sea Lines of Communication, China and South Asia, Sino-Russian relations

I. INDIA-US NEXUS AND CHINESE PERCEPTION

After the collapse of the USSR, the strategic positions in the Asian political arena have changed. China's emergence as a major world power has become a key milestone in contemporary Asian politics. From the perspective of power distribution in the region following Beijing's rise, as some analysts have realistically pointed out, all regional politics will be shaped around China. Therefore, the US primary interests in Asia are to promote peace and stability as well as create a balance of power in the region and

© Nisar R.D., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

prevent hegemony by any power or group of powers. As the former US secretary of state James Baker pointed out, “Since 19th century, the basic principle of the US national security was to prevent Asia from being dominated by any power or group of powers which challenged the US hegemonic position in Asia”. Japan was defeated by the US in 1945, and today’s US strategy is to curb Chinese development, which is similar to the 19th century strategy of Great Britain, when it tried to stop the spread of influence of the peripheral states. According to Huntington, “it is possible for the US to counter China, if other Asian states would like to counter China as well”. So far, India has been trying to achieve its major strategic interests in two main directions: first, secure its economic and, in particular, energy interests in the region and second, expand its power beyond the territory of South Asia [6]. In the way of these ambitions, however, there exists one obstacle: according to Indian political pundits, India regards China as its principal current challenge in the region. The strong Indo-American relations will give New Delhi an opportunity to balance out Chinese dominance in the region. On this subject, foreign secretary Shyam Saran commented: “I think India and the US can contribute to a much better balance in the region, considering it was China’s rise that was upsetting the balance in the first place” [5]. According to Indian high officials, since US advanced technology and military equipment arrived in India, the country is becoming an important centre of power leading to the redistribution of balance on the Asian arena. At the same time, the US leaders stated that China is the central element in their efforts to encourage India’s emergence as a world power [3]. The Indo-US nexus was officially created on July 5, 2005, when the leaders of the two of the nations signed the Civil Nuclear Agreement and discussed former US policies towards India, in particular, those of the Clinton administration. Meanwhile, Beijing perceives this nexus as an attempt by both democracies to enlist New Delhi as a potential counterweight adjacent to China. Ever since the Bush administration entered office, the US has seen India as a major political player and an emerging powerful economy, acknowledging its vital role in Asian stability and its potential to balance out Chinese influence in the Asian region [10].

Chinese academics firmly believe that the ongoing dynamic of India-US engagement in Asia is a part of the US anti-sinitic policy with a view to isolate “the mighty China” in the future. The Indo-US strategic collaboration, which includes joint military and naval exercises, defense conferences, as well as shipments of American weapons and defense technology to India, are aimed to curb China’s growing power in Asia. The US military equipment, such as the maritime reconnaissance aircraft PC Orion and Aegis radar system, are targeted specifically to track Chinese maritime activities in the sea lines of communications (SLOC) [8].

In the meantime, Beijing recognizes that Washington’s support of New Delhi is part of the US global strategic plan to play off India against rising China. As was summed up by China’s official media in regards to the US military support of India, “US dreams of Asian NATO”. At the 2008 Bucharest NATO summit, US president Bush declared: “Now NATO would send its forces across the world for the future of freedom and peace of millions”. Thus, a new alliance was formed, drawing the dream of “Asian NATO” closer and making Russia and China the main obstacles in its way. According

to the US policy makers, India has a crucial strategic position connecting two important oceans (Indian and Pacific), and by means of reinforcing the Indo-American partnership, the US will expand its presence in South Asia and weaken Russian and Chinese strategic capabilities in the region [11]. According to the Chinese leadership, the US main intention is to build closer ties with India, create an Asian version of NATO and, thus, expand its hegemony and secure its interests in Asia [11]. In the context of the robust Indo-US relations, the US has been consistently establishing its hegemony striving towards full control of the Asian region in general and South Asia in particular. As was stated by Liu Jianfei, “The core content of the US global strategy since the 20th century has been to establish and consolidate its world leadership status, or in other words, to contend for and maintain its world hegemony status and contain its enemy (China)” [11]. Ever since the end of the Cold War, China has remained the only country with rapid economic growth. Its defensive capabilities have challenged the US global leadership, so Washington, who sees China as the main competitor, has adopted containment strategies to curtail Chinese presence in the Asian region and especially in sea lines of communication (SLOC), which involve, above all else, tracking Chinese movements in the maritime checkpoints [9]. In terms of distribution of power, Chinese officials believe that the Indo-US nexus will bring a major shift in the power balance in South Asia and the Indian Ocean Region, because, as was justly noted by A. Mahan, a prominent naval analyst, “whoever controls the Indian Ocean dominates Asia” [2].

The Indian Ocean has seven seas, so it provides all of the major sea routes, making the Indian Ocean Region (IOR) the most strategically important territory in the contemporary world. The IOR provides the predominant outlet for oil to various destinations, which is where China’s most vital interests lie, as Beijing tries to secure its energy ambitions. India remains the most predominant power in the IOR due to its direct access to the Indian Ocean, which makes it China’s principal competitor. The India-US joint naval and military exercises in the maritime lines sent a powerful message to China. In an attempt to overcome its geographic weakness and strengthen its national security, as well as gain full access to the Indian Ocean, China started expanding its naval positions in the IOR through applying a number of strategies, such as ‘strings of pearl’, ‘periphery strategy’ and OBOR (One Belt One Road) initiative. According to Chinese analyst Zhao, “Whoever controls the Indian Ocean and its periphery, especially the Malacca Strait, could endanger China’s oil supply route” [8]. Furthermore, it was implicitly mentioned that numerous powers (including the US) have been trying to increase their presence in the Malacca Strait while attempting to control and monitor Chinese naval navigation there. Prominent Chinese strategists believe that in the case with the Indian Ocean, America will strive to contain Beijing’s ambitious plans. An editorial in *Ming Pao* explained that “according to the American policy makers, to control the Indian Ocean means to control Asia”. Summarizing the above, through its alliance India and Japan (the India-US-Japan nexus), the US has been able to establish and maintain a visible and credible presence in the Indian Ocean Region [4].

The sea lines of communication in the Indian Ocean and the Malacca Strait are the oil lifeline for China, Korea and Japan, because via the IOR SLOCs oil is shipped

from the Persian Gulf to various destinations all over the world. If America and its allies control the Indian Ocean SLOCs, the three oil importing countries can become perfectly isolated, which will affect China the most. Therefore, the major objective of China's Asian strategy is to stop the formation of such alliances as Indo-US or Indo-US-Japan coalitions, as well as the quadrilateral alliance US-Japan-Australia-India, against China and prevent anti-Chinese policies put forward by the US and its allies [13].

On January 29, 2002, US president Bush placed China at the top of the list of its rivals across the Taiwan Strait and in Asia. The subsequent president of the United States Barack Obama was more friendly and cooperative towards China, as was observed by political analysts. But this observation was later disputed by Evan Feigenbaum, a member of the Bush administration, in his article in *Foreign Affairs*: “Many in India believe that the Obama administration has tilted its policy towards Beijing in a way that undermines Indian interests but Obama’s China policy is broadly consistent with that of every US president since Richard Nixon.” Eventually, it has become evident that as a result of the formation of the Indo-US nexus, both countries were able to secure their interests and succeeded in their attempts to counter their common rival — China [11].

II. REGIONAL IMPLICATIONS FOR CHINA

India has become an important global actor after forming an alliance with a world superpower, the United States, and now plays a vital role in the world’s politics. Robert Blackwill, the US ambassador to India, suggested that “the US and India should get together to face the challenges from the enemy beyond the third mountain range”. The US leadership’s commitment to contain China is obvious. It is also apparent that the Indo-US nexus impacts China’s strategic, political, and economic interests in three regions crucial from the point of view of China’s peripheral security: South Asia, Central Asia and East Asia. Below, we elaborate on the implications of the Indo-Pacific alliance for China and offer a description of strategies adopted by China in the South Asian region.

III. CHINESE POLICES REGARDING THE SUB-CONTINENT REGION

South Asia has recently become a hub for intense global activity: several global, regional and sub-regional actors are competing to establish their influence on its territory. Apart from the key regional players — India, China and Japan, — a few overseas competitors have demonstrated their active involvement, the USA being the most influential of them. Another factor contributing to the distribution of power in South Asia is the existence of nuclear states, among which the US and China are preeminent players with the capacity to change the political dynamics and stability of the region. At the same time, both view each other as contestants, while many American analysts see the partnership with India as a way to create counterbalance to China. With the Cold War rhetoric of ‘estranged democracies’ no longer being pertinent, these two countries have become ‘engaged democracies’ [9].

The alliance with the US has boosted Indian importance in the region. Indian political and economic development models are shaped according to the western stand-

ards; meanwhile, China is pursuing a different course. China's growing military and economic power poses a threat to the US influence in the region, which is why Washington is attempting to fence China off by means of making allies like India [5]. At the same time, Beijing, aware of Washington's attempt to counter China politically, strategically and economically through building a range of partnerships with India in the spheres of economy, defense and security, is doing whatever it takes to decrease the influence of the Indo-Pacific alliance and counter its anti-Chinese policies [6].

Among China's primary interests in sub-continent region and its adjacent ocean is gaining access to markets and natural resources. At the same time, Beijing needs to stay alert and apply all necessary measures to counter any anti-China policies. In the 21st century, Chinese foreign policy in the sub-continent region has been based on bilateral diplomatic relations with South Asian states in the context of mutual trust, equality, economic collaboration and peaceful co-existence. China is trying to build neighbourly relations with India, while maintaining strategic cooperation with Pakistan and developing a maritime security strategy in the Malacca Strait and the Indian Ocean in order to decrease the influence of the Indo-American nexus [10].

China's South Asian policy is guided by its "periphery strategy", which is based on establishing friendly relations with its immediate neighbours. Among China's aspirations regarding the development of the situation in the South Asian region are:

- ◆ *peaceful coexistence;*
- ◆ *regional security;*
- ◆ *respect and international recognition;*
- ◆ *peace and stability;*
- ◆ *economic development;*
- ◆ *anti-hegemonism;*
- ◆ *multi-lateral political system;*
- ◆ *harmonious world order;*
- ◆ *regionalism.*

China's "periphery strategy" is aimed, in the first place, at maintaining stable mutually beneficial relations with neighbouring areas. One Belt One Road (OBOR) initiative combines the "periphery strategy" and "string of pearls" concept. Through realizing OBOR, Chinese government is constructing infrastructure in various regions, such as Africa, South Asia, Central Asia and Europe. The main objective is to counter and decrease the influence of the Indo-US collaboration in the IOR and Asia. China has rapidly extended its naval activity in the Indian Ocean littoral zone and is building railroads to obtain an alternative route through South and Southeast Asia to deliver oil and gas from the Persian Gulf [12].

The Chinese "string of pearls" strategy also serves to hinder the activity of the Indo-US coalition in the Asian region. S.E. Smith, a renowned political analyst, defines the "string of pearls" as "a strategic move which involves establishing a series of nodes of military and economic power throughout a region. Each node is a "pearl" in the string, enhancing the overall power of the parent nation". The key objective of China's "string of pearl" strategy is to secure the energy supply through foreign oil and trade routes. Beijing increased its geopolitical influence in the region through concerted efforts

to increase access to major ports, expand and modernize military forces, and foster stronger diplomatic relationships with trading partners by means of investments. China's network of military and commercial facilities extends from the South China Sea and Hainan Island all the way to the Malacca Strait [13]. Beijing increases its naval presence in main strategic maritime centers in Bangladesh, Myanmar, Sri Lanka, the Maldives, Thailand, Cambodia and the Gwadar port in Pakistan. It also expands its influence across the Indian Ocean, Arabian Sea and Persian Gulf, which sums up the essence of OBOR initiative [11]. The clash of global interests in the Asian region and the adjacent Indian Ocean, Pacific Ocean and Persian Gulf indicate the strategic significance of the sea lines of communication in the area. Over the last two decades, the Chinese government has been steadily developing its maritime activity in the Indo-Pacific region: the PLA-Navy is increasing its presence in the Indian Ocean by means building ports, harbours, maritime communication stations and other facilities along its major SLOCs with the key goal to curb the Indo-US influence in the IOR [10]. The Indian Ocean is crucial for both India and China in the context of their security, economic and energy interests. India is striving towards establishing hegemony in the Indian Ocean and is willing to side with other sub-regional and global nations to secure common interests and tame China's ambitions, which resulted in the creation of the Indo-Pacific alliance. The leaders of the both nations, who share the same democratic values, seek full-fledged collaboration in the fields of security, economics and diplomacy [10].

India is particularly concerned with security in the IOR. It is increasing its military presence and training its navy to deal with security issues in the region, such as illegal trafficking, proliferation of WMD and terrorism. Indo-US joint naval exercises allow the allied forces to monitor the Indian Ocean SLOCs starting from the Gulf all the way to East Asia. China, whose interests lie in the IOR as well, is upgrading its military training and increasing the number of naval communication links with Asian countries with the purpose of obtaining naval supremacy in the Indian Ocean [1]. The two rival states, China and India, are struggling for advantage in the Indian Ocean periphery. The chief goals of Indian naval expansion in the IOR are to keep the Chinese army (PLN) out of the Indian Ocean, enter the South China Sea and emplace its military power directly by the Chinese homeland, as well as to monitor the Indian Ocean's choke points, for instance, the Malacca Strait [5]. Sponsored by the USA in the context of the Indo-US alliance, the Indian navy received new advanced military technology, such as IAF lethal weapons, Phalcon AWAS aircrafts, TU-142m, and IL-38 submarines. While regional security remains one of the Indian government's chief concerns, the main purpose of this armed forces upgrade is to match China's military potential [10]. According to a Chinese navy official, the expansion of the "Blue water navy" in the Indian Ocean is a serious threat to Chinese objectives in the region, because India still did not get over its defeat in the 1962 conflict [6].

The new military technology, obtained by the Indian army (LSTs, INS Mysore, INS Mumbai, MIG-29K, Harrier MK51, King MK.42, Helicopters KA-31AEW), as well as the Malabar training exercises under US guidance, are part of India's naval expansion strategy [6]. Although both US and Indian leaders officially declared that these military exercises are nothing more than a regular training of naval forces, the

basic purpose of which is to improve cooperation, share communications, test air defense, and cross-check helicopters in water, China remained unconvinced [8]. According to the Chinese government, the Indo-US cooperation in the Indian Ocean and maritime sea lines, including the Malabar exercises and supply of the new military technology to India, are part of the alliance's military strategy and its ill-disguised attempt to encircle China in Asia and diminish its influence. An editorial in the *People's Daily* noted that "the quadrilateral alliance among Japan, India, Australia and the US is focused on China with a purpose of encircling it in every context" [10]. The shipment of Indian arms to Myanmar, the construction of the Indo-Myanmar gas pipeline and conduction of the Indo-Myanmar naval exercises all testify to an active cooperation between New Delhi and Naypyidaw, aimed at expanding Indian supremacy in the Indian Ocean. Since 2005, the Malabar exercises have been a major joint event organized by the two countries, followed by the 2011 and the 2013 exercises near Okinawa in Japan. Chinese officials view the Indo-US naval cooperation as part of Indian 'look east' policy [4]. Suresh Metha, a chief Indian navy officer, declared: "We are ready to close up the Chinese power in the Indian Ocean with expansive and modern military weapons as well as with new ambitions". To counter the Chinese policy of "strings of pearl", Indian policy-makers offered the term "encirclement" to refer to India's strategy of curbing Chinese influence. Another officer, by the last name of Paraksh, mentioned that the principal objective of the "strings of pearls" strategy is to counter India's rise and create hurdles in the way of the powerful Indo-US nexus [10]. The two democracies' collaboration, from 2009 to present, has been aimed at gaining supremacy in the Indo-Pacific region. This collaboration has been reinforced by different measures, such as the US arms sales to Taiwan, military exercises in the Yellow Sea in September 2010, exercises in the South China Sea in 2011, and exercises in Vietnam and Philippines in 2010 and 2011 respectively. According to China, these attempts are all directed at isolating China politically, economically and strategically [11].

Apart from the US, India has been instituting maritime communication links with other countries, with a view to establish exclusive dominance in the Indian Ocean [3]. Joint naval drills with overseas partners included TROPES in the east and west fleets, JIMEX-12 with Japan in the Yokosuka Strait, Malabar-12 in the Bay of Bengal, SIBMEX-12 with Singapore in the Andaman Sea and Bay of Bengal, KONKAN-12 with the UK, and INDRA-2012 with Russia. Simultaneously, China strictly abides by its "periphery" and "string of pearls" strategies taking every effort to prevent India from establishing naval supremacy and creating naval links with other Asian countries [10].

In 2001, the government of China began investing into the construction of a deep-sea port situated on the Arabian Sea in Gwadar, Pakistan. With the help of this project, China is able to monitor the US maritime activity in the Persian Gulf, Indian activity in the Arabian Sea and the Indo-US naval collaboration in the Indian Ocean. Furthermore, as part of its "periphery strategy", China begins building genial relations with its immediate neighbour India, hoping to influence the spread of India's hegemony fuelled by its alliance with the USA. Despite former disagreements, Beijing does not want to jeopardize its relations with New Delhi. In June 2003, Prime Minister

Vajpayee paid a visit to China, in the course of which the countries agreed to build a strategic partnership for peace and prosperity and signed the Declaration on Principles for Relations and Comprehensive Cooperation [12].

In 2006, Chinese president Hu Jintao repaid a visit to New Delhi. Hu's agenda included developing a ten-point strategy to take the Sino-Indian relationship a step further. The key aspects of the joint declaration were:

- ◆ *comprehensive development of the bilateral relations*
- ◆ *strengthening institute linkage and dialogue mechanism*
- ◆ *sustaining a lucrative commercial and economic exchange*
- ◆ *expanding mutual beneficial cooperation*
- ◆ *establishing mutual trust and confidence in the matters of security and defense*
- ◆ *securing trans-border connectivity*
- ◆ *mutual collaboration in the field of science and technology*
- ◆ *forming closer cultural ties and people-to-people communication*
- ◆ *cooperation on the regional and global stage*

In Jun 2007, the two countries signed another agreement testifying to their “shared vision of 21th century”, resolving to promote the building of a harmonious world of durable peace and common prosperity through developing the Strategic and Cooperative Partnership for peace and prosperity between the two countries. In the agreement, India maintained very cordial policies on the issues that affect China's core interests, recognizing Taiwan province and Tibet autonomous region as part of China and pledging not to undertake any anti-China activities on their territories [2]. China, in its turn, mended its economic relations with New Delhi, making India its third largest trading partner. More than 150 Chinese enterprises and 60 companies are currently operating in India. In 2003, the two governments signed the Memorandum of Understanding (MOU) on the resumption of border trade through the Nathula Pass. The MOU sought to establish all-round economic cooperation, which heralded a new stage of business relations between the two countries. Following the agreement, there has been a rapid growth in bilateral trade in past few years. However, despite all mutually beneficial cooperation, neither state is ready to compromise their interests. Ever since the Sino-Indian war of 1962, the Indian perception of China has been that of a major security threat. On the other hand, China realizes that India, backed by the US, is an endan-germent to its economic interests in the IOR region [2].

Since 1960, China and Pakistan have been maintaining a close strategic relationship, which China has used as its main trump card to play against India and its growing power. Strategically, India is facing two immediate threats: Pakistan in the west and China in the north and northeast. According to Indian analysts, the solid Sino-Pak union allows Beijing to extend its influence to South Asia, balance out India in the military sphere and equipoise the Indo-US nexus [2]. Over the years, China has been a steady source of military equipment to Pakistan, and the countries have developed strong military ties. The most important shared interests between the two states are energy and security. Pakistan's convenient strategic location (it borders with South Asia, Central Asia, and West Asia) makes it an ideal gateway for cooperation in the three regions in the spheres of energy, trade and transportation. China with its booming economy needs a secure access to energy resources. There are multiple reasons behind

the Chinese support of Pakistan: on the one hand, China intends to externally balance out India, both economically and politically, and thus prevent its further attempts to encircle China; on the other hand, Beijing needs a direct access to the Indian Ocean via the Arabian Sea and the Gwadar Port in order to monitor the actions of the Indo-US alliance in the IOR's SLOCs [7]. The construction of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) in the context of the OBOR initiative, combined with the generous subsidiary which China allotted to help with the development of Pakistan's nuclear program and the completion of the Chashma Nuclear Power Complex (in the amount of \$207 million), has clearly served as a counter action for the US-Indian nuclear deal. The CPEC is a \$52 billion-worth mega project, conceived and designed by the Chinese government to support Pakistan in the energy sector, modernize its infrastructure and strengthen its economy by the construction of transportation networks, such as the Gwadar port [11].

IV. RECENT DEVELOPMENTS

India's current Prime Minister Narendra Modi visited China with the purpose of "resetting ties" and decreasing tensions between the two Asian giants. The Chinese leader gave red carpet treatment to the Indian Prime Minister, and the two sides signed yet another MOU in a bid to promote all-round cooperation in various fields, including energy, education, and security. The two countries even referred to their newly re-established alliance as "Chindia" ("China" and "India" blending). So far, this informal summit has been China's most successful attempt to overcome the differences between two states and reach an important consensus [11]. In the context of China-Pakistan relations, the most significant latest development was the recent visit of Pakistan's Prime minister Imran Khan to China. In order to tackle Pakistan's fiscal crisis, the country's leader suggested all regional trade should be carried out in local currencies — the Pakistani rupee (PKR) and Chinese yuan — rather than in US dollars, which will facilitate the development of the Sino-Pak trade relations.

V. CHINA-RUSSIAN TIES: IMPLICATIONS OF THE INDO-US NEXUS

In the light of the fact that Russia is a close ally of India and an ardent supporter of its nuclear energy policy, the Sino-Russian relations are quite complex in nature. During the President Bush era, relations between the US and Russia worsened due to Russia's full-fledged support of China in its opposition to US policies. Broadly speaking, whenever the interests of China and Russia concur, they "sing in unison", and when their interest diverge, they follow each their own path. The growing tension between Russia and the US is pushing Russia towards China, threatening America with such strong alliances as China-Russia and China-Russia-Pakistan [1].

The nexus between India and the US started a new chapter in global politics in general and Asian politics in particular. In his speech at the Bucharest NATO summit, former US president George Bush mentioned the intentions of NATO to "send its forces across the world for the future of freedom and peace of millions". That clearly signified that NATO had formed a new alliance and Russia and China are perceived as rivals. Moreover, the Bush administration announced its plan to replace Intercontinental

Ballistic Missiles (ICBMs) with Anti-Ballistic Missiles (ABMs) on its military bases [6]. In 2008, at the Bastille summit, Russia and China conjointly condemned America's switch to ABMs.

On the bilateral level, China is improving its relations with Russia politically, economically and strategically. On July 22, 2008, the two countries signed an agreement that ended the long-running territorial dispute and finally determined the Russia-China borders. The demarcation of the border between the nations marked a new era in the Sino-Russian relationships [1]. In 2001, China and Russia signed the Treaty of Good-Neighbourliness, Friendship and Cooperation", which included the decision about a joint action against Washington's attempts to extend its influence and establish world hegemony. In 2007, Russia and China took another step towards developing their economic relations. As Chinese Prime Minister Wen Jiabao reported to the Russian media during his visit, China had set a target of a 12-billion-US dollar investment in the Russian economy by 2020. He said that Chinese investors will sponsor a variety of projects in different areas, including mining, electricity, infrastructure, agriculture and manufacturing. With the improvement of China-Russia relations, both countries have expressed their interest in creating a "triangular" strategic partnership with India and Pakistan to counterpoise the US efforts to secure its influence in Asia [1].

China and Russia, however, had different reactions to the formation of the Indo-US nexus. The two countries have different political, economic, and strategic approaches in their relations with India. Russia was India's close ally during the Cold War and provided extensive military support for the country after India established its independence. So, on one hand, there is the Russia-India nuclear alliance and, on the other hand, China is creating a nuclear nexus with Pakistan. After India teamed up with the US, its image on the international and regional arena has dramatically changed. The Indo-US influence in region creates anxiety in the anti-US faction and prevents China and Russia from dominating in the region.

The BRICS forum is an excellent platform for the participating countries to promote regionalism and economic development in the area. Among the primary objectives of the 2018 BRICS summit were promotion of worldwide peace, fight against gender discrimination, stimulation of economic growth and development of cooperation in the field of tourism. Shanghai Cooperation Organization (SCO) is another association which serves to enhance the regional cooperation among the Central Asian states, Russia and China, as well as to counter NATO's activities, specifically in the Central Asian Region.

VI. CONCLUSION

Promoting the concept of a harmonious world and a multipolar global system, China employs rather amicable foreign policy in its periphery and especially in the South Asian region. Despite being one of the major global powers, China maintains friendly and cooperative relations with its immediate neighbors. Beijing openly professes non-belligerent ideology, calling on other nations for peace, cooperation, common efforts towards economic progress, and regionalistic attitude to national problems. In the context of India-US relations, China strives to avoid any hegemony in South Asia and looks to create a triangular nexus India-US-China in order to avoid conflicts. Therefore,

China's policies can be considered more mature, as the PRC has been able to maintain cordial relations with two South Asian nuclear states: Pakistan and India. The Asian regional powers, Russia, India, China and Pakistan, are working cooperatively to make the region more stable, integrated, economically robust and secure.

REFERENCES

- [1] Bellacqua J. *The Future of China-Russia Relations*. Kentucky: University Press of Kentucky; 2010. 372 p.
- [2] Bieri M. *China in the Indian Ocean: Part of a Large Plan*. ETH Zurich: Centre for Security Studies. 2014; 156.
- [3] Cohen S.P. *Emerging Power: India*. Washington DC: Brookings Institution; 2002. 377 p.
- [4] Deng Y., Wang F. *China Rising: Power and Motivation in Chinese Foreign Policy*. New York: Rowman & Littlefield Publications; 2005. 349 p.
- [5] Garver J.W. *Protracted Contest: Sino-Indian Rivalry in the Twentieth Century*. Seattle: University of Washington Press; 2002. 462 p.
- [6] Ganguly S. *India as an Emerging Power*. London: Frank Cass; 2003. 233 p.
- [7] Ghoshal B. *China's Perception of India's 'Look East Policy' and Its Implications*. New Delhi: Institute of Defence Studies and Analyses; 2013: 82—89.
- [8] Hayes J. *Constructing National Security: United States Relations with India and China*. New York: Columbia University Press; 2013. 224 p.
- [9] Talbot S. *Engaging India: Diplomacy, Democracy and the Bomb*. Washington: DC. Brookings Institution Press; 2004. 268 p.
- [10] Tellis A., Mirski S. *Crux of Asia: China, India and the Emerging Global Order*. Washington, D.C: Carnegie Endowment publishers; 2013. 254 p.
- [11] Waqas R.M. Nuclearization and Indian Ocean: Opportunities and Challenges. *Journal of Pakistan and Gulf Studies*. 2017. Available from: <https://cpakgulf.org/2017/05/29/nuclearization-of-the-indian-ocean-opportunities-and-challenges/>. Accessed: 22.02.2019.
- [12] Wagner C. The Effects of China-Pakistan Economic Corridor. *German Institute for International and Security Affairs*. 2016. Available from: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2016C25_wgn.pdf. Accessed: 22.02.2019.
- [13] Yoshihava T. Chinese View of India in the Indian Ocean: A Geopolitical Perspective. *Strategic Analysis*. 2012; Vol. 36; 3: 489—500. DOI: 10.1080/09700161.2012.670446.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-311-322

Научная статья

КИТАЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ПАРТНЕРСТВА ИНДИИ И США: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КИТАЯ В РЕГИОНЕ ЮЖНОЙ АЗИИ (краткий обзор)

Р.Д. Нисар

Классический университет Центрального Китая
№ 152, Лююю Роад, Ухань, Хубэй, КНР, 430079

Аннотация. Автор отмечает, что после распада СССР США изменили приоритеты своей внешней политики и стали рассматривать экономический подъем Китая как угрозу интересам США. Из-за высоких темпов экономического роста и развития вооруженных сил Китайская Народная Республика стала конкурентом США на мировой арене. Автор приходит к выводу, что вследствие

этого США перестраивают свою политику в соответствии с геополитическими реалиями и рассматривают Индию в качестве мощного союзника для сдерживания Китая. Делается вывод о том, что в текущий период Индия и США переопределяют свои отношения и строят тесные связи для обеспечения общих интересов и противодействия возможным угрозам. Автор утверждает, что две главные стратегические цели Дели в целом совпадают с интересами США в Азии. Это, во-первых, предотвращение растущего влияния Китая в Азии и, во-вторых, развитие дружественных отношений с другими крупными азиатскими странами для региональной поддержки Индии. Основной геополитической задачей индо-американского партнерства в отношении Китая является окружение Китая в Азии. В контексте морской безопасности индо-американское сотрудничество в Индийском океане и военные учения в Малабаре определяются задачами контроля над китайскими военно-морскими и торговыми маршрутами и защитой морских путей. Автор приходит к выводу о том, что важной геополитической целью американского руководства является развитие альянса с Индией для сдерживания КНР.

Ключевые слова: индо-американские отношения, сдерживание, Индийский океан, морские пути сообщения, Китай и Южная Азия, китайско-российские отношения.

Информация об авторе:

Rana Danish Nisar — аспирант Школы политики и международных исследований Классического университета Центрального Китая (КНР) (ORCID ID: 0000-0002-1354-5144) (e-mail: ranadanishnisar@gmail.com).

Information about the author:

Rana Danish Nisar — PhD Student of the School of Politics and International Studies, Central China Normal University (People's Republic of China) (ORCID ID: 0000-0002-1354-5144) (e-mail: ranadanishnisar@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 08.03.2019.

Received 08.03.2019.

Для цитирования:

Nisar R.D. Chinese Perception of Indo-US Nexus: Implications for China in South Asian Region (Brief Overview) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 2. С. 311—322. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-311-322.

For citation:

Nisar R.D. Chinese Perception of Indo-US Nexus: Implications for China in South Asian Region (Brief Overview). *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 311—322. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-311-322.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-323-332

Научная статья

ТРАНСГРАНИЧНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: АФРИКАНСКИЙ И АЗИАТСКИЙ ВЕКТОРЫ МИГРАЦИИ

М.Г. Бистрина

Новый болгарский университет
Ул. Монтевидео, 21, София, Болгария, 1618

Аннотация. Текущий европейский миграционный кризис обозначил проблемы стран Евросоюза в поиске решений возникающих многосторонних конфликтов. Целью статьи является выявление роли региональной сети обмена информацией и сотрудничества в области незаконной миграции, сокращение трансграничной преступности между странами Северной Африки, Азии и ЕС. Сотрудничество может включать в себя содействие властям стран исхода и транзита в целях осуществления национальных стратегий по устранению причин нелегальной миграции путем поощрения местного экономического развития и обеспечения доступа к рабочим местам для мигрантов и принимающих общин, а также для усиления защиты наиболее уязвимых лиц. Автор отмечает важность повышения потенциала властей стран Северной Африки и Азии по борьбе с незаконной миграцией и торговлей людьми путем укрепления их систем пограничного надзора. Другие области поддержки со стороны ЕС включают межведомственные визиты в Европейское агентство пограничной и береговой охраны, назначение контактного места для операции «Sophia» и изучение возможностей обмена информацией в рамках проекта «Seahorse Mediterraneo». Также делается вывод о том, что к числу ключевых вопросов относятся изменения в нормативной и институциональной структуре, базе знаний, каналах легальной миграции, пограничном контроле, предотвращении незаконной миграции.

Ключевые слова: незаконная миграция, обмен информацией, сотрудничество, страны Северной Африки, Азия, ЕС, сокращение трансграничной преступности, финансовая поддержка

ВВЕДЕНИЕ

Центральное Средиземноморье является основным маршрутом для мигрантов и беженцев в Европу. Почти 90% из 180 000 беженцев выехали в 2016 году через Ливию [1. Р. 1]. Контрабандисты смогли воспользоваться нестабильной политической и экономической ситуацией. Нахождение долгосрочного решения проблем Ливии в области управления и безопасности по-прежнему является ключевым приоритетом для Европейского союза, его государств-членов и международных партнеров.

Управление потоками мигрантов и самое главное спасение человеческих жизней нуждаются в наборе конкретных оперативных действий для решения этой проблемы. Успех этих действий зависит от тесного сотрудничества с соответствующими партнерами в Северной Африке и согласованных усилий институтов ЕС,

© Бистрина М.Г., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

государств-членов, а также сотрудничества с такими ключевыми партнерами, как Верховный комиссар ООН по делам беженцев и Международная организация по миграции.

Предлагаемые меры включают сокращение числа незаконных пересечений границ и продолжение спасения людей в море, усиление борьбы с контрабандой и торговлей людьми, обеспечение защиты мигрантов, увеличение числа переселений, оказание помощи, управление миграционными потоками вдоль южной границы Ливии и расширение сотрудничества с Египтом, Тунисом и Алжиром, в том числе в рамках региональных инициатив, таких как сеть «Seahorse Mediterranean». Некоторые из мер могут быть успешно реализованы только после улучшения ситуации с безопасностью.

3 февраля 2017 года на встрече в Мальте главы государств и правительств ЕС предприняли шаги для сокращения миграционных потоков в центральной части Средиземного моря и подписали Мальтийскую декларацию [2. Р. 1]. Мальтийское председательство в Европейском совете в тесном сотрудничестве с Комиссией и государствами — членами ЕС должно работать в соответствии с планом реализации этих действий.

СОТРУДНИЧЕСТВО В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ МЕЖДУ ЕС И ЛИВИЕЙ

Ярким приоритетом является поддержка управления миграционными потоками в североафриканских странах, которые расположены вдоль Центрального Средиземноморья. В 2017 году для проектов выделено 200 млн евро, при этом проекты связаны с управлением миграцией в Ливии [1. Р. 15]. В 2016 году несколько проектов были сосредоточены на Ливии с целью обеспечения защиты наиболее уязвимых мигрантов и создания социально-экономических возможностей на местном уровне.

Основные положения Мальтийской декларации затрагивали внешние вопросы, такие как борьба с нелегальным ввозом мигрантов и торговлей людьми, оказание помощи в период возвращения мигрантов на родину, а также сотрудничество с Ливией в сфере контроля за миграционными маршрутами и поддержка сотрудников ливийской береговой охраны. Основное внимание в рамках данного документа уделено Центрально-Средиземноморскому пути, по которому за 2016 год в ЕС прибыло более 180 тыс. мигрантов.

Эти меры дополняют работу по укреплению спасательных операций в море, в том числе путем обучения Ливийской береговой охраны. Сотрудники ливийской береговой охраны уже прошли подготовку в рамках операции «Sophia» и через сеть «Seahorse Mediterranean». Операция «Sophia» закончила первый пакет мероприятий, в результате чего было обучено более 35 человек, а второй учебный план по специализированному обучению на Мальте начался в 2018 году [2. С. 3]. Были внедрены специальные механизмы для координации. Непосредственные действия ЕК включают в себя расширение подготовки ливийской береговой охраны к операции «Seahorse» с 15 новыми учебными курсами. Эта деятельность также дополняется поддержкой управления миграцией в рамках региональной программы развития и защиты.

Кроме того, в обсуждении идей возможного сотрудничества было принято участие ряда организаций ООН, включая Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев, Международную организацию по миграции, Всемирную организацию здравоохранения, Мировую продовольственную программу, Программу развития Организации Объединенных Наций и Детский фонд ООН.

В рамках проекта, поддержанного Целевым фондом ЕС для Африки, Международной организации по миграции было поручено осуществить добровольное возвращение и реинтеграцию 5 000 мигрантов в Ливию в качестве первоначальной цели [1. Р. 11]. Особое значение имеет быстрое осуществление проекта и усилия по его развитию, в том числе путем оказания поддержки реинтеграции большего числа мигрантов в дополнение к действиям стран ЕС.

ЕС продолжит содействовать работе Международной организации по миграции, в том числе путем поощрения сотрудничества с африканскими партнерами в целях ускорения добровольного возвращения мигрантов, оказавшихся в Ливии. Все большее число мигрантов в Ливии финансово поддерживаются таким образом. 1113 мигрантов, в основном из стран Африки Южнее от Сахары, просили добровольно вернуться в свои дома в 2016 году, 2777 — в 2017 году, а в 2018 году была предложена поддержка для возвращения 744 заблокированных мигрантов в основном из Нигерии и Сенегала [3. Р. 13].

Наиболее уязвимые возвращающиеся мигранты получили дополнительную реинтеграционную помощь, которая помогла им начать розничный бизнес, сосредоточиться на повышении образовательной квалификации или решить проблемы со здоровьем.

Страны ЕС будут стремиться к координации на месте. В частности, Италия заявила о своем намерении создать фонд в размере 200 млн евро для поддержки Африки, часть которого будет способствовать осуществлению Меморандума о взаимопонимании между Италией и Ливией [3. Р. 13].

СОТРУДНИЧЕСТВО В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ МЕЖДУ ЕС И ЕГИПТОМ

В последние месяцы произошло значительное сокращение числа мигрантов из Египта, пересекающих Средиземное море, в намерении достичь Европы. Страна остается ключевым стратегическим партнером в области миграции. Египет является одним из ключевых географических перекрестков и египетские власти работают, чтобы предотвратить нелегальный доступ к Ливии и обеспечить быстрое возвращение своих граждан, которые входят в ЕС по маршруту через Центральное Средиземноморье. Крайне важно продолжать и активизировать взаимодействие с Египтом.

На основе будущих приоритетов в партнерстве необходимо стремиться к конкретному и расширенному сотрудничеству в области управления миграцией, в частности поддержке национальных стратегий по устранению коренных причин нелегальной миграции.

Расширение сотрудничества может включать в себя содействие с властями в целях осуществления национальных стратегий по устранению причин нелегальной миграции путем поощрения местного экономического развития и обеспечения доступа к рабочим местам для мигрантов и принимающих общин, а также для усиления защиты наиболее уязвимых лиц.

Другие области включают межведомственный визит в Европейскую пограничную охрану и Агентство по охране берегов в Варшаве, назначение Египетского контактного пункта для операции «Sophia» и изучение возможностей обмена информацией в рамках проекта «Seahorse Mediterraneo».

Крайне важным является повышение потенциала властей Северной Африки по борьбе с незаконной миграцией и торговлей людьми путем укрепления их систем пограничного надзора. В этой связи участие Египта в проекте «Seahorse Mediterraneo» имеет первостепенное значение. Египет выразил общую заинтересованность в создании потенциала в области управления миграцией, в частности в целях содействия осуществлению закона о контрабанде, принятого в октябре 2016 года.

СОТРУДНИЧЕСТВО В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ МЕЖДУ ЕС И ЗАПАДНОЙ АФРИКОЙ

В феврале 2017 года Европейская комиссия расширила географический охват Целевого фонда ЕС для Африки, включив в него Кот-д'Ивуар, Гану и Гвинею [З. Р. 14]. В настоящее время в этих странах запланированы технические миссии для определения их потребностей с целью их возможной поддержки.

СОТРУДНИЧЕСТВО В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ МЕЖДУ ЕС И ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ АЗИЕЙ

Центральная и Южная Азия являются одними из основных регионов, из которых в ЕС приезжают мигранты и беженцы. Миграция из этого региона, вероятно, будет продолжаться из-за проблем безопасности, политической нестабильности и бедности. В рамках Будапештского процесса миграционное партнерство предлагает структурированный диалог с ЕС и действия, направленные на максимальное использование потенциала для развития миграционного процесса и мобильности в регионе.

СОТРУДНИЧЕСТВО В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ МЕЖДУ ЕС И АФГАНИСТАНОМ

Афганистан является одним из основных очагов мигрантов и беженцев. 50 000 афганцев незаконно прибыли в Европу в 2017 году, и, хотя этот показатель представляет собой значительное снижение по сравнению с 2016 годом, доля афганских граждан продолжает оставаться высокой. Афганцы в настоящее время больше всех остальных являются кандидатами на международную защиту в ЕС [З. Р. 14].

Количество добровольных возвратов значительно увеличилось, достигнув почти 6000 в 2017 году. Необходимо увеличить количество возвратов из стран ЕС и третьих стран в целях сокращения большого числа афганцев, которые по-преж-

нему блокируются в странах на пути Западных Балкан. Комиссия работает с заинтересованными сторонами и афганскими властями для достижения прогресса в этой области.

Сотрудничество с Афганистаном в области возвращения продолжается в рамках совместной инициативы по дальнейшим действиям, подписанной в октябре 2016 года, и в рамках двусторонних соглашений с государствами-членами. С декабря 2016 года по настоящее время было организовано четыре возвратных полета. Комиссия внимательно следит за осуществлением Совместной инициативы в отношении будущих действий.

Сотрудничество в области контроля нелегальной миграции сопровождалось содействием долгосрочной реинтеграции мигрантов. Афганистан станет крупнейшим бенефициаром региональной программы по поддержке реинтеграции. ЕС будет поддерживать устойчивую реинтеграцию афганских граждан, возвращающихся из Пакистана и Ирана на родину.

СОТРУДНИЧЕСТВО В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ МЕЖДУ ЕС И ПАКИСТАНОМ

Миграция является ключевым вопросом в общих отношениях ЕС с Пакистаном, а эффективное осуществление соглашения о мигрантах между ЕС и Пакистаном рассматривается на очередных заседаниях совместных комитетов по реадмиссии. Обсуждаются трудности, с которыми сталкиваются страны ЕС при реадмиссии, приняты решения о создании электронной платформы для устранения проблем при обращении с заявлением о реадмиссии.

Кроме того, правительство Пакистана ведет более тесное оперативное сотрудничество по борьбе с незаконным ввозом мигрантов. Оно будет включать посещение агентств ЕС для улучшения обмена информацией и разведки, улучшение оперативных расследований и понимания региональных рисков и угроз.

Был завершен конкурс предложений по проектам на Новом шелковом пути для расширения возможностей правоохранительных органов в Афганистане и Пакистане. Этот проект улучшит возможности судебного расследования, а также разгрома сетей организованной преступности и контрабанды мигрантов.

СОТРУДНИЧЕСТВО В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ МЕЖДУ ЕС И БАНГЛАДЕШ

Что касается Бангладеш, политическая приверженность целям ЕС и согласованные последующие действия в связи с миграционным диалогом в апреле 2016 года еще не достигли прогресса в области возвращения мигрантов и беженцев. Власти Бангладеш не проявили готовности обсуждать соответствующие стандартные рабочие процедуры.

СОТРУДНИЧЕСТВО В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ МЕЖДУ ЕС И ИРАНОМ

В качестве ключевого элемента в общих отношениях между ЕС и Ираном реализация приверженности Ирана всеобъемлющему диалогу по миграции, согласованная в совместном заявлении Верховного представителя Европейского союза

по иностранным делам и политики безопасности Фредерика Могерини и министра иностранных дел Ирана Джавада Зарифа, началась с отправки технической миссии ЕС.

ЕС и Иран начали рассматривать области, представляющие общий интерес для управления миграцией, с целью проведения ежегодного обмена мнениями по этим вопросам. К числу ключевых вопросов относятся изменения в правовой и институциональной структуре, базе знаний, каналах легальной миграции, пограничном контроле, предотвращении незаконной миграции. Кроме того, ЕС продолжит поддерживать давние усилия Ирана по интеграции афганских беженцев.

В Иране продолжают проживать около 3 млн мигрантов. Помощь ЕС гуманитарным партнерам дополняет усилия правительства Ирана по оказанию помощи уязвимым беженцам и гарантированию их доступа к основным услугам.

В настоящее время проводятся обсуждения стран ЕС по новому подходу и необходимости в том, чтобы сотрудничество в области миграции было позиционировано в рамках более широкого сотрудничества с другими политическими областями, такими как безопасность, образование, помощь в целях развития торговли и пр.

Ключевыми средствами и инструментами, которые не были рассмотрены ЕС, являются следующие:

На первом месте это политика возврата. Наблюдается необходимость в установлении в ЕС эффективной программы по возвращению мигрантов и беженцев, и эта политика должна быть согласована с партнерами из третьих стран. На основе данных, предоставленных странами ЕС, политика возврата мигрантов и беженцев в их страны происхождения пока отсутствует. Ряд конкретных действий необходимо приложить в гарантированности ускоренного возвращения лицам, не имеющим право на международную защиту, в страны их происхождения, и при этом сократив сроки запроса и получения ответа на реадмиссии.

План должен содержать конкретные меры по значительному увеличению процента возврата мигрантов и беженцев в короткие сроки. Некоторые из этих мер могут быть приняты на уровне стран ЕС (например, повышение осведомленности о возможности содействия добровольному возвращению и реинтеграции). Другие требуют тесного сотрудничества на европейском уровне (улучшение оперативного сотрудничества между странами, в том числе с помощью электронных средств, увеличение финансирования). Ожидается, что Европейское пограничное и береговое агентство будет играть все более важную роль в этом плане.

Взаимодействие ЕС с третьими странами в рамках партнерских отношений с использованием всей доступной политики и инструментов поможет улучшить сотрудничество в целях установления самоличности, выдачи новых документов и ускорения процесса по реадмиссии.

В целом адаптированные подходы должны использоваться для реализации всех интересов, стимулов и механизмов, имеющих отношение к стране-партнеру для обеспечения лучшего управления миграцией и сотрудничества по возвращению и реадмиссии. Для достижения этого страны ЕС должны прилагать общие, скоординированные и эффективные усилия.

Другие инструменты политики также использовались для поддержки рамок партнерства. Чтобы воспользоваться льготными торговыми режимами, которые были договорены с Иорданией, первые компании, которые воспользовались упрощенными правилами иорданского экспорта в ЕС, были отобраны в январе 2017 года. Эти компании предоставляют возможности трудоустройства как для граждан Иордании, так и для сирийских беженцев.

Что касается студентов и молодых ученых, к концу 2018 года расширяются возможности по программам «Эрасмус+» и «Мария Склодовская-Кюри» и увеличивается мобильность студентов и молодых ученых. Эта инициатива была дополнена стипендиями, предоставляемыми странами ЕС. Возможности мобильности станут частью диалога о партнерских отношениях.

Исследования и инновации могут также предоставить конкретные возможности и действия для поддержки партнерских отношений, таких как «PRIMA», партнерство в области НИР в Средиземноморском регионе, разрабатывающее инновационные решения для устойчивого сельского хозяйства и управления водными ресурсами.

Другим основным шагом является включение законной миграции в рамки партнерства для укрепления важности правовых инструментов миграции, которая поможет уменьшить использование незаконных каналов. Это будет достигнуто путем тесного и конструктивного сотрудничества между странами ЕС и ЕК.

Оперативные средства ЕС включают усиленное использование агентств ЕС. Экспертный опыт агентств ЕС, в частности Европейского пограничного и берегового агентства и Европол, используется для более целенаправленной поддержки анализа риска и расследования преступных сетей, связанных с контрабандой мигрантов. Это приводит к конкретным результатам при работе с новыми партнерами, такими как Нигерия и Пакистан, которые усиливают успешные инициативы в Африке, Западных Балканах, Турции и Болгарии.

Необходимо отметить еще один инструмент — европейские связи между официальными лицами. К середине марта одиннадцать комиссаров по вопросам европейской миграции будут направлены в приоритетные третьи страны происхождения и транзита мигрантов. Это прекрасный пример сотрудничества между ЕС и государствами-членами который обеспечивает координацию по всему спектру потенциальных проблем миграции.

Следующим инструментом является обмен опытом европейских чиновников по вопросам миграции.

Важно отметить инструменты финансирования ЕС. ЕС использует широкий спектр финансовых инструментов для поддержки реализации рамок партнерства. Наиболее важным из них остается Целевой фонд ЕС для Африки. Целевой фонд работает в 26 странах, включая недавно присоединенные (Гана, Гвинея и Кот-д'Ивуар). Целевой фонд открыл возможности в дальнейшем углублении сотрудничества путем создания стимулов в ключевых областях, представляющих интерес.

Ресурсы, выделяемые в настоящее время для целевого фонда в Африке, составляют более 3,3 млрд евро, в том числе 2,9 млрд евро из Европейского фонда развития и 375 млн евро из стран ЕС и других доноров (Швейцария и Норвегия)

[4. P. 13]. Однако оперативное исполнение в рамках Целевого фонда ЕС должно быть ускорено, страны ЕС и партнеры должны обеспечить достижение оперативных результатов без ущерба для процедурных вопросов.

Среди последних достижений можно выделить договоренные 42 новые программы в размере 587 млн евро. Таким образом, общее количество принятых проектов составило 106 на сумму более 1,5 млрд евро. Стоимость программ, заключенных на сегодняшний день, составляет 627 млн евро. Программы должны в большей степени ориентироваться на проекты миграции и быть привязаны к результатам [3. P. 17].

Другие инструменты финансирования также продолжают способствовать снижению потоков нелегальной миграции. В декабре 2017 года в рамках Инструмента сотрудничества в целях развития реализован ряд проектов на общую сумму 15 млн евро. Большинство проектов будут осуществляться в организации гражданского общества и защиты детей-мигрантов, торговли людьми, диаспоры, поддержки прав мигрантов.

Внедрение рамок партнерства также зависит от таких инструментов, как макрофинансовая помощь. Со своей стороны международные финансовые учреждения, в том числе Европейский инвестиционный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Всемирный банк, Банк развития Совета Европы и Международный валютный фонд, также готовят инициативы по поддержке мигрантов и беженцев. Комиссия сыграла важную координирующую роль в обеспечении взаимодополняемости этих инициатив.

ВЫВОДЫ

В заключение следует отметить, что в последние годы в рамках партнерства была проведена масштабная работа. Географический охват инициатив был расширен, пакеты финансовой поддержки увеличены, в то время как для этой деятельности используется все больше и больше политических инструментов. Однако многое еще впереди, особенно для дальнейшего сокращения случаев, когда мигранты совершают опасные поездки, чтобы добраться до Европы.

В ближайшие месяцы и годы все участники процесса должны приложить больше усилий для достижения прогресса в рамках партнерства и новых инициатив в контексте Мальтийской декларации.

Необходимо ускорить оперативную реализацию всех вышеперечисленных действий, чтобы достичь эффективных результатов и приложить усилия, предпринимаемые на всех уровнях для решения проблем, связанных с миграцией, на устойчивом сотрудничестве и в духе партнерства. Все направления деятельности важно осуществлять параллельно, определяя четкие приоритеты для улучшения управления миграционными процессами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Migration on the Central Mediterranean Route. Managing Flows, Saving Lives // European Commission. Brussels, 25.1.2017. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52017JC0004&from=BG>. Дата обращения: 11.01.2019.

- [2] Malta Declaration. Режим доступа: <https://www.consilium.europa.eu/bg/press/press-releases/2017/01/03/malta-declaration/>. Дата обращения: 11.01.2019.
- [3] Third Progress Report on the Partnership Framework with Third Countries under the European Agenda on Migration. Режим доступа: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52017DC0205R\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52017DC0205R(01)&from=EN). Дата обращения: 11.01.2019.
- [4] Commission Contribution to the EU Leaders' Thematic Debate on a Way Forward on the External and the Internal Dimension of Migration Policy. Режим доступа: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20171207_communication_on_commission_contribution_to_the_eu_leaders_thematic_debate_on_way_forward_on_external_and_internal_dimension_migration_policy_en.pdf. Дата обращения: 11.01.2019.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-323-332

Research Article

CROSS-BORDER SECURITY OF THE MEDITERRANEAN: AFRICAN AND ASIAN MIGRATION VECTORS

M.G. Bistrina

New Bulgarian University
Montevideo str., 21, Sofia, Bulgaria, 1618

Abstract. The current European migration crisis outlined the problems of cooperation between the EU countries in the search for solutions in emerging multilateral conflicts. Therefore, the purpose of this analysis is to identify the role of the regional information exchange network and cooperation in the field of illegal migration and to reduce cross-border crime between the countries of North Africa, Asia and the EU. Cooperation can include assistance with the authorities to implement national strategies to address the causes of illegal migration by encouraging local economic development and providing access to jobs for migrants and host communities, and to strengthen protection for the most vulnerable. It is extremely important to increase the capacity of the authorities in North Africa and Asia to combat illegal migration and human trafficking by strengthening their border surveillance systems. Other areas of support with EU countries include an inter-agency visit to the European Border Guard and the Coast Guard Agency in Warsaw, the designation of a contact point for Operation Sophia and the study of information exchange opportunities within the Seahorse Mediterraneo project. Key issues include changes in the legal and institutional framework, knowledge base, channels for legal migration, border control, prevention of illegal migration.

Key words: illegal migration, information exchange, cooperation, the countries of North Africa, Asia, European Union, the reduction of cross-border crime, financial support

REFERENCES

- [1] Migration on the Central Mediterranean Route. Managing Flows, Saving Lives. *European Commission*. Brussels, 25.1.2017. Available from: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52017JC0004&from=BG>. Accessed: 11.01.2019.
- [2] *Malta Declaration*. Available from: <https://www.consilium.europa.eu/bg/press/press-releases/2017/01/03/malta-declaration/>. Accessed: 11.01.2019.
- [3] *Third Progress Report on the Partnership Framework with Third Countries under the European Agenda on Migration*. Available from: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52017DC0205R\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52017DC0205R(01)&from=EN). Accessed: 11.01.2019.

- [4] *Commission Contribution to the EU Leaders' Thematic Debate on a Way Forward on the External and the Internal Dimension of Migration Policy*. Available from: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/20171207_communication_on_commission_contribution_to_the_eu_leaders_thematic_debate_on_way_forward_on_external_and_internal_dimension_migration_policy_en.pdf. Accessed: 11.01.2019.

Сведения об авторе:

Бистрина Мария Георгиева — ассистент кафедры политологии Нового болгарского университета (Болгария), аспирант кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0001-5676-506X) (e-mail: m.bistrina@abv.bg).

Information about the author:

Maria G. Bistrina — Assistant Professor of the Department of Political Science, New Bulgarian University (Bulgaria), Postgraduate Student of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0001-5676-506X) (e-mail: m.bistrina@abv.bg).

Статья поступила в редакцию 10.02.2019.

Received 10.02.2019.

Для цитирования:

Бистрина М.Г. Трансграничная безопасность Средиземноморья: африканский и азиатский векторы миграции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 2. С. 323—332. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-323-332.

For citation:

Bistrina M.G. Cross-border Security of the Mediterranean: African and Asian Migration Vectors. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 323—332. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-323-332.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345

Научная статья

ПРОЕКТ «ЛЕДОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ» В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС И ОДИН ПУТЬ» КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И КИТАЯ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

К.М. Михайличенко

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В статье рассматривается место и значение Арктического региона и Северного Морского пути на геополитической карте мира. Определяются интересы Российской Федерации и Китайской Народной Республики в Арктике, дает характеристику проекту «Ледового Шелкового пути» в рамках инициативы «Один пояс и один путь», анализирует существующее российско-китайское взаимодействие и выявляет наиболее перспективные направления сотрудничества. Автор приходит к выводу о глобальном потенциале арктического сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: «Ледовый Шелковый путь», «Один пояс и один путь», Северный Морской путь (СМП), Арктика, Китай, Россия.

В 2013 году Си Цзиньпин выдвинул идею о создании «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского пути XXI века», результатом объединения которых стало провозглашение новой амбициозной инициативы «Один пояс и один путь» [7]. Проект, который должен соединить Европу, Азию и Африку, включает в себя такие важные направления сотрудничества, как взаимосвязь инфраструктуры, политическая координация, бесперебойная торговля, укрепление близости между народами и свободное передвижение капитала [13]. К китайской стратегии сразу же проявили интерес множество стран, и на данный момент число откликнувшихся на строительство Нового Шелкового пути государств составляет более 100.

В течение первых двух лет с момента выдвижения китайской инициативы большинство экспертов придерживалось точки зрения, что Российская Федерация не впишется в «Один пояс и один путь», так как Китайская Народная Республика заинтересована в диверсификации транспортных маршрутов и источников энергии, сбыте своих товаров в страны Центральной Азии, а также развитии отсталых регионов. Сотрудничество с Россией в основном рассматривали через использование Транссибирской магистрали и Северного морского пути, однако даже несмотря на значительную экономию времени транспортировки грузов, из-за того,

© Михайличенко К.М., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

что данным маршрутам не хватает развитой инфраструктуры, а второй еще и сложен в использовании из-за суровых климатических условий, их считали неперспективными.

В мае 2015 года Россия и Китай подписали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) [6], тем самым показав, что РФ будет вовлечена в «Один пояс и один путь» и является действительно важным партнером и опорой в данном проекте. После чего стала все больше появляться идея о развитии Северного морского пути (СМП) в рамках стратегии Нового Шелкового пути и ее сопряжения с ЕАЭС.

Начиная с 2017 года вопрос об освоении и использовании СМП вступает в активную фазу. В марте во время форума «Арктика — территория диалога» и в апреле на конференции дискуссионного клуба «Валдай» российская сторона предложила Поднебесной инвестировать в проекты Северного Морского пути [16. С. 111]. В мае 2017 года В.В. Путин, указывая в своей речи на 1-м форуме «Один пояс и один путь» на перспективность СМП, призвал к совместному его освоению, развитию и процветанию [6]. 26 мая министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что Китай поддерживает российское предложение о разработке и создании «Ледяного Шелкового пути» [9].

20 июня 2017 года в Китайской Народной Республике была опубликована Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс и один путь» [10], в которой сформулированы основные принципы и предложены действия по строительству и развитию «Морского Шелкового пути XXI века». В данном документе говорится, что китайская сторона будет активизировать действия по образованию «голубого экономического коридора» через Северный Ледовитый океан, а также участвовать в освоении, использовании и развитии Арктики [3], что является одним из первых официальных подтверждений заинтересованности КНР в Северном Морском пути.

В июле 2017 года российская и китайская стороны отметили, что двустороннее сотрудничество динамично развивается практически во всех сферах, и Председатель КНР Си Цзиньпин сказал, что Китай готов разворачивать совместно с Россией строительство «Ледяного Шелкового пути» [5], который будет проходить через Северный Ледовитый океан.

Северный Морской путь, или Северо-восточный проход, — это самый короткий маршрут по морю между Европой и Азией, проходящий через пять морей Северного Ледовитого океана и частично одно море Тихого океана, а также главная транспортная магистраль РФ в Арктике. СМП в отличие от альтернативных морских путей через Суэцкий и Панамский каналы отличается суровыми климатическими условиями, что сокращает навигацию по маршруту до нескольких месяцев в году, а также требует наличие специальной инфраструктуры и высококлассных специалистов для работы в Арктическом регионе.

В настоящее время для Российской Федерации Северный Морской путь, являясь национальной морской транспортной магистралью, имеет огромное значе-

ние. Правительство РФ давно обратило внимание на Арктику, в связи с чем была разработана «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года», которую утвердил В.В. Путин в феврале 2013 года [2. С. 15]. В данном документе были отмечены такие приоритетные направления, как социально-экономическое развитие региона, научный и технологический прогресс, обеспечение экологической и военной безопасности, международное сотрудничество, защита государственной границы и разработка современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры [14]. Президент РФ также поставил задачу возродить СМП, превратив его в конкурентоспособный морской путь мирового масштаба.

Стабильное развитие Северного Морского пути создаст условия для усиления национальной безопасности и укрепления позиций присутствия России в Арктическом регионе, а также будет способствовать свободе экономической деятельности, перемещению услуг и товаров. СМП для северных регионов России, для которых характерна низкая плотность населения, отдаленность от основных центров промышленности, зависимость от поставок продовольствия, топлива и других необходимых товаров из разных городов РФ, является одним из ключевых факторов устойчивого социально-экономического развития и процветания. Следует также отметить, что санкции против России, последовавшие за украинским кризисом, подтолкнули российскую сторону сделать поворот на Восток, тем самым обозначив приоритетом быстрое развитие СМП как связующего звена между Западом и Востоком.

Арктика обладает богатой ресурсной базой, которая способна удовлетворить потребности России в углеводородах, водных и биологических ресурсах, а также других разновидностях стратегического сырья, которое благодаря активному освоению и использованию Северного Морского пути может успешно транспортироваться и идти на экспорт.

Однако Арктический регион важен не только для Российской Федерации. В настоящее время все сильнее растет его геополитическая роль на мировой арене. Арктика, помимо наличия огромного ресурсного потенциала, занимает большую территорию (охватывает полностью Северный Ледовитый океан, а также части Тихого и Атлантического, окраины Евразии и Северной Америки), не имеющую четкого юридического статуса [1. С. 60], что приводит в этом регионе к столкновению национальных интересов и порождению разного рода соперничества. Особое внимание в этой ситуации привлекает группа стран, относящихся к типу неарктических государств, мнение которых сводится к тому, что Арктический регион должен быть глобализован, а взаимодействие с арктическими государствами должно носить прагматичный характер [1. С. 61]. К числу таких государств относят и Китай.

26 января 2018 года Китайской Народной Республикой была опубликована Белая книга об арктической политике страны [20]. Это документ официально показал, насколько интересен и важен регион для Китая, а также продемонстрировал цели, задачи и обозначил принципиальные позиции китайской стороны в арктическом вопросе.

Одним из самых амбициозных и претенциозных положений в Белой книге является то, что в географическом отношении Китай — это «近北极国家» [1], что в переводе с китайского означает «Страна, близкая к Арктике», или иначе «около-арктическое государство», объясняя это тем, что КНР является одной из стран, расположенных ближе к Полярному кругу.

Второй интересный момент заключается в аргументации довольно длительной и активной вовлеченности КНР в арктическую проблематику. Начало было положено в 1925 году, когда Китай присоединился к Шпицбергенскому договору, то есть уже 93 года Поднебесная участвует в решении вопросов Арктики. В 1996 году КНР получила членство в Международном арктическом научном комитете, с 1999 года начала организовывать научные экспедиции (к концу 2017 года их было уже восемь), в 2004 году на Шпицбергене основана первая заполярная научная станция КНР, а в 2013 году Китай стал аккредитованным наблюдателем при Арктическом Совете [1].

Третий фактор, обосновывающий возрастающие интересы Пекина в регионе, — это климатические изменения. Поднебесная постоянно делает акцент на глобальное потепление, в связи с которым происходит таяние льдов, что, в свою очередь, окажет непосредственное влияние (в большей степени негативное) на климат и экологию Китая (например, произойдет повышение уровня Мирового океана, что произведет отрицательное воздействие на береговую линию).

Однако если посмотреть с другой стороны, то благодаря таянию льдов откроется круглогодичный беспрепятственный доступ к СМП, а это дает возможность коммерческого использования морской магистрали, что весьма выгодно для китайской стороны, так как 90% ее перевозок осуществляется морем.

Исходя из Белой книги, Китайская Народная Республика преследует четыре политические цели в Арктическом регионе. Первая — это понимание. КНР хочет «понять» Арктику, улучшить ее потенциал и возможности научных исследований в таких областях, как геология, биология, география, гидрология, геофизика, метеорология, химия морской среды и др. Вторая цель — защита. Поднебесная будет активно реагировать на изменения климата, содействовать экологической и климатической устойчивости, защищать уникальную природную среду, уважать исторические традиции коренных народов. Третья — развитие. Китай планирует укрепить технологические инновации, развить судоходные маршруты в Арктике, внести весомый вклад в социальное и экономическое развитие Арктического региона, а также улучшить условия жизни местного населения и двигаться к общему развитию. Четвертой целью является участие в управлении Арктикой для того, чтобы обеспечить общие интересы всех государств международного сообщества в регионе.

С помощью всех вышеуказанных усилий, чтобы понять, защитить, развить, участвовать в управлении Арктикой, Китай, основываясь на принципах «уважения, взаимовыгодного результата, сотрудничества и устойчивости», будет работать со всеми другими странами над созданием сообщества с общим будущим человечества в Арктическом регионе.

Новый документ китайского правительства носит всеобъемлющий характер, акцентируя свое внимание на уважении прав арктических государств и соблюдении норм международного права, охватывает множество сфер, относящихся к вопросам Арктики, и что самое важное, определяет всестороннее и по максимуму полное позиционирование Китая в регионе, например, участие КНР в разведке и разработке нефтяных, газовых, минеральных месторождений, в сохранении и использовании рыбных и других ресурсов, в расширении туристического потенциала, развитии арктических морских путей и т.д.

Основной позицией Китайской Народной Республики является то, что развитие Арктики представляет интерес и имеет большое значение не только для арктических (Россия, США, Канада, Норвегия, Дания) и приарктических (Финляндия, Швеция, Исландия) государств, но также играет важную роль для всего мирового сообщества, где Арктический регион определяется китайской стороной как общечеловеческое достояние, от которого зависит будущее всего населения планеты. Именно такой статус Арктики позволяет объяснить повышенное внимание, связанное с освоением и развитием арктического пространства и его ресурсов. Поднебесная видит перед собой цель создать более совершенный режим управления арктическими территориями, внести коррективы в международный порядок поведения в регионе, обеспечивая права заинтересованных игроков.

Такая концепция интернационализации находит весьма негативный отклик среди арктических и приарктических стран в силу того, что противоречит их национальным интересам и подразумевает подрыв их суверенитета в регионе.

Вместе с тем китайская сторона параллельно продвижению идеи глобализирования среди неарктических государств активно расширяет сотрудничество с небольшими арктическими странами, такими, как Норвегия (по вопросу научных экспедиций) и Дания (по теме инвестиций), а также с приарктическими государствами, например с Исландией (по предмету торговых путей), что способствует укреплению позиций КНР в Арктике.

Однако наивысший интерес Пекина привлекают страны с наиболее протяженной береговой линией в Арктическом регионе. К такого рода государствам можно отнести Канаду (Северо-Западный проход) и Россию (Северо-Восточный проход или Северный Морской путь). В силу того что в канадской Арктике сложные природные условия для судоходства (много островов на морском пути, тяжелая ледовая обстановка и пр.), к тому же в отличие от СМП на СЗП не является важной задачей добыча полезных ископаемых, которая может увеличить объемы судоходства, а также размер ледокольного флота Канады меньше российского в шестнадцать раз [17. С. 233], поэтому Северо-Западный путь в настоящее и ближайшее время не будет конкурентом Северному Морскому пути.

Китайская Народная Республика — это яркий и активный игрок на мировой арене, который плодотворно работает в разработке и развитии управленческой системы и международных норм в Арктическом регионе. Освоение и развитие Северного Морского пути является весьма сложной и высокзатратной задачей, которая нуждается в эффективном международном сотрудничестве. «Один пояс и один путь» — это инициатива, в рамках которой Китай вместе с заинтересован-

ными государствами смогут построить и далее продуктивно развивать «Ледовый Шелковый путь», а также содействовать стабильному социально-экономическому развитию региона.

«Ледовый Шелковый путь» — это не просто использование Северного Морского пути в качестве транспортно-логистической магистрали (преимущественно для перевозки каких-либо грузов), которая обычно характеризуется как самый короткий морской путь между Европой и Азией, самый безопасный и не имеющий ограничений по размеру судна в отличие от маршрута через Суэцкий канал. Северная ветвь китайской инициативы «Один пояс и один путь» включает в себя целое множество взаимодействий и подразумевает сотрудничество в различных областях.

Китайская Народная Республика является крупнейшим потребителем энергоносителей, поэтому вопрос наличия и дефицита сырья всегда актуален. В силу того что вдоль Северного Морского пути находятся весьма перспективные залежи энергетических ресурсов, в данной сфере уже происходит активное взаимодействие между Россией и Китаем в рамках стратегии «Ледовый Шелковый путь».

На данный момент в китайско-российском сотрудничестве в области энергетики стоит выделить проект «Ямал СПГ» (первый арктический энергетический проект в рамках «Один пояс и один путь»), который находится на полуострове Ямал, направлен на добычу, сжижение и поставки природного газа и представляет собой совместное предприятие ОАО «НОВАТЭК» (50,1%), французской нефтегазовой компании TOTAL (20%), Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорации CNPC (20%), а также Фонда Шелкового пути (9,9%) [8].

Китай финансово поддерживает «Ямал СПГ», его вложения составляют 63% общего объема инвестиций [4. С. 54], что сыграло важную роль в дальнейшем существовании проекта после американских и европейских санкций в отношении России в результате украинского конфликта.

Помимо весомой инвестиционной составляющей китайская сторона оказывает поддержку в виде поставки буровых машин, строительства шести транспортных судов, ответственности за операционную деятельность 14 из 15 танкеров-газовозов [4. С. 54], а также осуществляет другие виды технической помощи для проекта. Таким образом, компании КНР получают знания и опыт по работе в суровых климатических условиях, что способствует попаданию Китая в группу производителей оборудования для добычи энергоресурсов в Арктике.

Благодаря участию в «Ямал СПГ» Китай значительно повышает свой статус на мировых энергетических рынках, инициатива «Один пояс и один путь» поднимается на новый уровень, имея ответвление в качестве «Ледового Шелкового пути», а китайские компании входят в другие проекты в области энергетики в регионе, что способствует расширению присутствия Китая в Арктике. В качестве такого примера можно выделить проект стоимостью 43 млрд долларов «Аляска-СПГ» [18], соглашение о совместном развитии которого было подписано между китайской и американской сторонами во время официального визита Д. Трампа в Китай в ноябре 2017 года.

В силу того что в настоящее время у Китайской Народной Республики в энергетической сфере приоритетным направлением является переход страны от по-

ребления угля к потреблению природного газа, поиск стабильных поставок последнего составляет одну из важнейших задач внешней политики Поднебесной. «Ямал СПГ» отвечает поставленной китайской стороной цели снижения доли угля в общем потреблении энергии ниже 58% к 2020 году [19], так как данный проект позволит диверсифицировать источники энергии Китая, способствуя его уходу от использования угля.

Следует отметить, что помимо такого плюса для Китая, как разнообразие импортеров энергоресурсов, интерес КНР к сжиженному природному газу возрастает потому, что китайская сторона сможет избежать строительства трубопроводов.

Таким образом, активное участие в проекте «Ямал СПГ» для Китайской Народной Республики является сближением геополитических и экономических интересов в различных аспектах.

Для Российской Федерации реализация проекта на Ямале также занимает важное место. Во-первых, увеличение экспорта СПГ будет иметь решающее значение для российской энергетической политики, так как растет конкуренция между Австралией, Катаром и США за лидерство в этой сфере. Во-вторых, с помощью успешного осуществления проекта у России появится возможность показать мировому сообществу, что она может, несмотря на санкции, найти и использовать другие, отличные от западных, финансовые и технологические ресурсы.

«Ледовый Шелковый путь» — это, в первую очередь, морская магистраль, поэтому помимо сотрудничества в энергетике в качестве основной области взаимодействия между двумя странами выступает транспортно-логистическая система.

Основной задачей для Китая в Арктическом регионе, которая в целом совпадает и с российскими интересами освоения Северного Морского пути, является развитие морских маршрутов в рамках стратегии Нового Шелкового пути. В связи с этим КНР предлагает другим государствам мирового сообщества активно взаимодействовать в их создании и последующей эксплуатации.

Китайская сторона акцентирует свое внимание на весьма слабом развитии российской инфраструктуры вдоль Северного Морского пути, что отрицательно сказывается на пропускной способности портов Российской Федерации. Кроме того, Пекин видит проблему дефицита денежных средств по причине направленных против России санкций Запада. Все это является серьезным препятствием в продуктивном использовании СМП, а также в успешном самостоятельном освоении данного маршрута Россией.

По мнению КНР, такое положение дел стимулирует российскую сторону к поиску иностранных инвесторов, среди которых потенциальные китайские партнеры открывают для себя новые горизонты и все больше увеличивают шансы на сотрудничество с Россией.

Китайская Народная Республика уже начала и также намерена продолжать вкладывать в развитие транспортно-логистической системы в Арктическом регионе, особенно в проекты, связанные с модернизацией портов. В качестве опорных точек Поднебесная выделяет такие морские порты, как Саббета, Тикси, Уэлен, Мурманск и Архангельск [4. С. 55] из которых первый особенно продвигается

из-за совместного газодобывающего проекта, а два последних, благодаря строительству необходимой инфраструктуры, могут стать основными транспортными узлами в Европе.

Китай интересуется не только вопрос инвестпроектов на Северном Морском пути в рамках «Ледового Шелкового пути», но и тот фактор, что в силу недостаточных знаний для эффективной деятельности на СМП (например, в навигации морских судов) китайской стороне важно сотрудничество с Россией, чтобы получить необходимый опыт работы в арктических условиях.

На данный момент так как активно развивается взаимодействие между двумя странами в области энергетики (например, газодобывающий проект на Ямале), эксплуатация Северного Морского пути преимущественно упирается в перевозку углеводородов. Из-за того что в этой сфере не планируется снижение мощностей производства энергоносителей то, таким образом, их транспортировка в ближайшее время будет одним из успешно реализуемых и перспективных направлений в этой транспортно-логистической системе, от совместного освоения которой будет также зависеть перевозка СПГ из Арктики в другие государства Юго-Восточной Азии.

Что же касается коммерческого использования Северного Морского пути, то сейчас здесь пока нельзя говорить о каком-либо динамичном развитии, хотя такое применение СМП не исключает вероятность сильного влияния на торговлю и судоходство в мировом масштабе, что в конце концов может привести к положительным переменам социального и экономического характера для населения Арктического региона. Препятствием служит увеличение издержек из-за отсутствия модернизации портов, которые имеют важное значение для торговли и коммерческого судоходства, нехватки необходимой инфраструктуры, а также дополнительных расходов на ледокольную проводку и плюс ко всему недостатка количества обратных грузов.

Конечно, Китай видит свое участие в коммерческом освоении арктических маршрутов. Китайская Народная Республика имеет большой опыт и технологии эффективного функционирования портов и оборудования для контейнерных перевозок, что весьма важно для активной коммерческой эксплуатации Северного Морского пути. Проект «Ледового Шелкового пути» сможет способствовать развитию этого направления, привнеся в него инвестиции китайских компаний. Однако в будущем интересы Поднебесной в коммерческом использовании СМП четко не определены и во многом будут обуславливаться российской стратегией по развитию Арктики.

Среди областей сотрудничества, которая обладает достаточно мощным потенциалом для продуктивного взаимодействия между Россией и Китайской Народной Республикой в рамках «Ледового Шелкового пути», следует выделить арктический туризм. В настоящее время в КНР растет популярность не только внутреннего, но и внешнего туризма, особенно с каждым годом усиливается интерес китайских туристов к России. Однако помимо традиционных маршрутов для путешествий все большее внимание вызывают нестандартные направления (например, экскурсии на ледоколе к Северному полюсу), в связи с чем возможно России совместно

с Китаем активно развивать ледокольные маршруты, начинающиеся в портах Поднебесной и далее следующих по Северному Морскому пути до Мурманска. Таким образом, в случае модернизации портов по СМП и строительства необходимой инфраструктуры будет способствовать коммерческому развитию морской магистрали и находящихся вдоль нее территорий [15. С. 254—255].

«Ледовый Шелковый путь» — это широкомасштабный проект в рамках китайской инициативы «Один пояс и один путь», созданный согласно современным реалиям на международной арене, где актуальность вопроса Арктического региона постоянно возрастает. Арктика, обладающая огромными возможностями, с каждым годом вызывает все больший интерес не только у арктических и приарктических стран, но и у государств мирового сообщества, не относящихся ни к первому, ни ко второму видам, как, например, КНР.

Китай является внерегиональным игроком, однако, несмотря на это, акцентирует внимание на том, что богатства Арктики — это достояние всего мирового сообщества, и он в соответствии с рядом международных договоров, а также придерживаясь рамок международного права, включая Устав ООН, Конвенцию ООН по морскому праву и др. [12], пользуется правами относительно научных исследований, рыболовства, прокладки трубопроводов и подводных кабелей, судоходства, разведки и использования других ресурсов в открытом море и некоторых особых районах Северного Ледовитого океана [1]. Здесь также сильной опорой для КНР служит тот факт, что на данный момент осталось еще множество территориальных споров между арктическими государствами и нет полноценного единого документа, который касается всех вопросов по региону.

КНР позиционирует себя весьма активным участником в делах Арктики, который прикладывает максимум усилий (не только финансовых) в исследование, строительство, использование и всестороннее развитие региона.

Существует два основных интереса, обусловленные в настоящее время глобальных вызовов и угроз внешнеполитическим курсом страны, исходя из которых китайская сторона создает и продвигает «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы Нового Шелкового пути. К ним относятся безопасность и экономические интересы. Реализуя их, КНР может расширить свои геополитические возможности в экономической сфере.

Как известно, Северный Морской путь — это экономия времени перевозки грузов из Поднебесной в европейские страны, а также большой стимул для подъема северных китайских портов. Развитие проекта сможет способствовать улучшению энергетической проблемы, от решения которой, в свою очередь, зависит регулирование экологического вопроса. Также возрастет вероятность развития и получения прибыли для китайских компаний в области судостроения, морской инженерии, энергетики, логистики, финансов, транспорта и др. [4. С. 54].

Помимо диверсификации маршрутов, краткого расстояния до западных государств и перспективных залежей полезных ископаемых залогом успешного использования Китаем СМП, а также реализации проекта «Ледового Шелкового пути» является политическая стабильность Российской Федерации.

В свою очередь совместный проект с Китаем для России имеет не меньшее значение. В.В. Путин в 2017 году на международном форуме «Один пояс и один путь» заявил, что российско-китайские проекты в рамках сопряжения ЕАЭС и Нового шелкового пути имеют возможность создать новую транспортную конфигурацию евразийского континента, что будет способствовать оживлению экономической активности [16. С. 118]. Инвестиции Китая, его опыт, технологии и знания помогут российской стороне в социально-экономическом развитии северных регионов (которое на данный момент является одним из приоритетных направлений во внутренней политике РФ), результатом чего станет модернизация портов, создание необходимой инфраструктуры (в том числе строительство железных дорог), расширение маршрутов для судоходства, увеличение количества рабочих мест, повышение производственных мощностей региона, формирование инвестиционной привлекательности в целом.

Однако у России вызывает некое беспокойство, что инвестиции, научные исследования для китайской стороны — это некий способ войти в Арктический регион, продвигать в нем свои интересы и в итоге играть главную роль в развитии Арктики, а также осуществлять контроль над морскими маршрутами.

В отличие от других арктических и приарктических государств, которые с большой настороженностью относятся к китайским инициативам в Арктике, Россия в последнее время осуществляет масштабное военное строительство в регионе, что помогает контролировать Северный Морской путь и дает возможность РФ, которой важно обеспечивать безопасность, более спокойно принимать вхождение других участников в Арктический регион [17. С. 117].

Вместе с тем следует отметить, что китайский подход к Арктике, где речь идет о том, что этот регион является достоянием человечества и ее природные богатства принадлежат всему мировому сообществу, совершенно не отвечает национальным интересам России, для которой важен контроль над СМП.

В целом современные реалии геополитики сводятся к тому, что в двадцать первом веке происходит смещение геополитической оси мира с Запад—Восток на Север—Юг, то есть изменяется направление взаимодействия между странами на международной арене и идет процесс движения политических и экономических интересов, а также торговых путей в сторону Северного полушария, в силу чего Арктика получает совершенно новую роль [11. С. 59], а статус Северного Морского пути повышается как для России, так для Китая. Россия, являющаяся арктическим государством, все сильнее заинтересована в освоении СМП и развитии всего региона, однако она не имеет необходимых ресурсов, чтобы решить эту задачу самостоятельно. Китай, исходя из своих потребностей в логистических маршрутах и энергетических ресурсах, а также обладая мощными экономическими возможностями, может стать ключом освоения, развития и использования арктического региона. Китайский проект «Ледового Шелкового пути» в рамках инициативы «Один пояс и один путь», учитывая российские и китайские интересы, может дать большой толчок в развитии Арктики и получении выгод Россией и Китаем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Белая книга об арктической политике. Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/zchj/zcfg/45994.htm>. Дата обращения: 05.01.2019 (на кит.).
- [2] Жильцов С.С., Зонн И.С. Политика России в Арктике: современный этап // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 7—22.
- [3] Концепция сотрудничества на море в рамках инициативы «Один пояс и один путь». Режим доступа: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylgw/201706/201706200155054.pdf>. Дата обращения: 05.01.2019 (на кит.).
- [4] Ледовый Шелковый путь // Журнал Китай. 06.2018. № 6 (152). С. 53—55.
- [5] Официальный сайт «Нефтегазовая вертикаль». Режим доступа: http://www.ngv.ru/analytics/kitay_gotov_razvivat_severnoyu_morskoju_put_predsedatel_knr/. Дата обращения: 05.01.2019.
- [6] Официальный сайт Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [7] Официальный сайт ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/2168441>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [8] Официальный сайт Ямал СПГ. Режим доступа: <http://yamallng.ru/project/about/>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [9] Официальный сайт Renmin Ribao. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0620/c31521-9230968.html>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [10] Официальный сайт Синьхуа новости. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2017-06/20/c_136380414.htm. Дата обращения: 05.01.2019.
- [11] Погодин С.Н., Ван Ц. Геополитические и геоэкономические интересы Китая в Арктике // Геополитика и безопасность. 2017. № 2. С. 59—64.
- [12] Портал «Один пояс, один путь». Режим доступа: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/news/china/46144.htm>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [13] Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века. Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>. Дата обращения: 05.01.2019 (на кит.).
- [14] Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 г. Режим доступа: <http://government.ru/info/18360/>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [15] Сюй Г. К вопросу о подключении проекта развития Северного Морского пути к китайскому стратегическому плану «Один пояс, один путь» (взаимодополняемость, препятствия и возможные направления) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. Т. 22. № 22. С. 243—256.
- [16] Шучунь В., Еремин В., Янь Ч. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному Морскому пути // Свободная мысль. 2017. № 6. С. 109—120.
- [17] Юй Т., Сазонов С.Л. Россия и Китай вместе осваивают «Шелковый путь на льду» // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы X Международной научно-практической конференции. Забайкальский государственный университет; науч. ред. Т.Н. Кучинская, В.С. Морозова. Чита: Изд-во Забайкальского государственного университета, 2018. 241 с.
- [18] China Firms, Alaska Reaffirm Plans to Advance Alaska NLG Project // NGI's Daily Gas Price Index. 03.10.2018. Режим доступа: <https://www.naturalgasintel.com/articles/115997-china-firms-alaska-reaffirm-plans-to-advance-alaska-lng-project>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [19] China Sets 15% Non-fossil Energy Consumption Target by 2020 // ICIS news. 20.01.2017. Режим доступа: <https://www.icis.com/explore/resources/news/2017/01/20/10071365/china-sets-15-non-fossil-energy-consumption-target-by-2020/>. Дата обращения: 05.01.2019.
- [20] China Publishes Arctic Policy, Eyeing Vision of «Polar Silk Road» // XINHUANET. 26.01.2018. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926357.htm. Дата обращения: 05.01.2019.

THE PROJECT «ICE SILK ROAD» WITHIN THE FRAMEWORK OF THE INITIATIVE «ONE BELT AND ONE ROAD» AS THE REALIZATION OF THE INTERESTS OF RUSSIA AND CHINA IN THE ARCTIC REGION

K.M. Mikhaylichenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article discusses the place and importance of the Arctic region and the Northern Sea Route on the geopolitical map of the world. The author defines the interests of the Russian Federation and the People's Republic of China in the Arctic, characterizes the project "Ice Silk Road" within the framework of the initiative "One Belt and One Road", analyzes the existing Russian-Chinese cooperation and identifies the most promising areas of cooperation. The author comes to the conclusion about the global potential of the Arctic cooperation between the two countries.

Key words: "Ice Silk Road", "One Belt and One Road", Northern Sea Route (NSR), Arctic, China, Russia

REFERENCES

- [1] *The White Book on Arctic Policy*. Available from: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/zchj/zcfg/45994.htm>. Accessed: 05.01.2019 (In Chin.).
- [2] Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Russia's Policy in The Arctic Continent: Contemporary Challenges. *RUDN Journal of Political Science*. 2015; 2: 7—22 (In Russ.).
- [3] *The Concept of Maritime Cooperation under the "One Belt and One Road Initiative"*. Available from: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydylgw/201706/201706200155054.pdf>. Accessed: 05.01.2019 (In Chin.).
- [4] Ice Silk Way. *Zhurnal Kitay*. 06.2018; 6 (152): 53—55 (In Russ.).
- [5] *The official website of «Oil and Gas Vertical»*. Available from: http://www.ngv.ru/analytics/kitay_gotov_razvivat_severnoy_morskoy_put_predsedatel_knr/. Accessed: 05.01.2019 (In Russ.).
- [6] *The official website of the President of Russia*. Available from: <http://kremlin.ru/>. Accessed: 05.01.2019 (In Russ.).
- [7] *The official website of TASS*. Available from: <https://tass.ru/ekonomika/2168441>. Accessed: 05.01.2019 (In Russ.).
- [8] *The official website of YAMAL LNG*. Available from: <http://yamallng.ru/project/about/>. Accessed: 05.01.2019 (In Russ.).
- [9] *The official website of Renmin Ribao*. Available from: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0620/c31521-9230968.html>. Accessed: 05.01.2019 (In Russ.).
- [10] *The official website of Xinhua News*. Available from: http://www.xinhuanet.com/english/2017-06/20/c_136380414.htm. Accessed: 05.01.2019.
- [11] Pogodin S.N., Van Ts. China's Geopolitical and Geo-economic Interests in the Arctic. *Geopolitika i bezopasnost'*. 2017; 2: 59—64 (In Russ.).
- [12] *Portal "One Belt and One Road"*. Available from: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/news/china/46144.htm>. Accessed: 05.01.2019 (In Russ.).
- [13] *Bright Prospects and Practical Actions for the Joint Creation of the Silk Road Economic Belt and the Sea Silk Road of the XXI Century*. Available from: <https://www.fimprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml>. Accessed: 05.01.2019 (In Chin.).

- [14] “Development Strategy of the Arctic Zone of the Russian Federation and National Security for the Period up to 2020”. Available from: <http://government.ru/info/18360/>. Accessed: 05.01.2019 (In Russ.).
- [15] Syuy G. On the Question of Connecting the Northern Sea Route Development Project to the Chinese Strategic Plan “One Belt and One Road” (Complementarity, Obstacles and Possible Directions). *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 2017; Vol. 22; 22: 243—256 (In Russ.).
- [16] Shuchun' V., Yerebin V., Yan' Ch. New Chinese Concept and Russian-Chinese Cooperation on the Northern Sea Route. *Svobodnaya mysl'*. 2017; 6: 109—120 (In Russ.).
- [17] Yuy T., Sazonov S.L. Russia and China Together Develop the “Silk Road on Ice”. *Actual Problems of China's Development in the Process of Its Regionalization and Globalization. Materials of the X International Scientific-practical Conference. TRANS-Baikal State University; ed. by T.N. Kuchinskaya, V.S. Morozova*. Chita: Publishing House of TRANS-Baikal State University; 2018. 241 p.
- [18] China Firms, Alaska Reaffirm Plans to Advance Alaska NLG Project. *NGI's Daily Gas Price Index*. 03.10.2018. Available from: <https://www.naturalgasintel.com/articles/115997-china-firms-alaska-reaffirm-plans-to-advance-alaska-lng-project>. Accessed: 05.01.2019.
- [19] China Sets 15% Non-fossil Energy Consumption Target by 2020. *ICIS News*. 20.01.2017. Available from: <https://www.icis.com/explore/resources/news/2017/01/20/10071365/china-sets-15-non-fossil-energy-consumption-target-by-2020/>. Accessed: 05.01.2019.
- [20] China Publishes Arctic Policy, Eyeing Vision of «Polar Silk Road». *XINHUANET*. 26.01.2018. Available from: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926357.htm. Accessed: 05.01.2019.

Сведения об авторе:

Михайличенко Кристина Михайловна — аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (ORCID ID: 0000-0003-1729-9558) (e-mail: mihailmik@mail.ru).

Information about the author:

Kristina M. Mikhaylichenko — Postgraduate Student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0003-1729-9558) (e-mail: mihailmik@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 10.01.2019.

Received 10.01.2019.

Для цитирования:

Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс и один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 333—345. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345.

For citation:

Mikhaylichenko K.M. The Project «Ice Silk Road» within the Framework of the Initiative «One Belt and One Road» as the Realization of the Interests of Russia and China in the Arctic Region. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 333—345. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-333-345.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-346-357

Обзорная статья

ТРАНСПОРТНАЯ ПОЛИТИКА ЗА РУБЕЖОМ: ЦЕНТРЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В. Федякин, И.В. Федякин

Российский университет транспорта
Ул. Образцова, 9, Москва, Россия, 127994

Аннотация. В статье на основе анализа открытых источников исследуются структура, цели и основные направления работы созданных в зарубежных странах научных и образовательных центров в области транспортной политики — самостоятельной сферы деятельности государства, обладающей (в силу инфраструктурного характера объекта ее регулирования — транспорта) признаками универсальности и обнаруживающей тесные взаимосвязи и переплетения со множеством других областей (экономической, социальной, инновационной, промышленной, региональной и т.д.). Устанавливается, что теоретические и прикладные научные исследования в данной комплексной и междисциплинарной сфере, которая имеет связи и пересечения с целым рядом других политологических направлений и субдисциплин (прежде всего, с государственной политикой и управлением, политической регионалистикой, международными отношениями и геополитикой и т.д.), проводятся как организациями, являющимися структурными подразделениями образовательных учреждений, так и независимыми учреждениями. Основной тенденцией проводимых ими исследований общих и специальных вопросов транспортной политики является их рассмотрение в междисциплинарном ключе. Что же касается подготовки кадров, то она осуществляется рядом зарубежных вузов — как классическими, так и специализированными (в основном техническими) университетами. При этом она носит преимущественно междисциплинарный характер, строится на основе сочетания таких областей, как политика, государственное управление, стратегический менеджмент, экономика транспорта и т.д., что находит соответствующее отражение в учебных планах и в содержании отдельных дисциплин. Однако такая подготовка кадров пока не стала широко распространенным явлением, да и многообразные возможности собственно политической науки в ходе ее осуществления остаются недостаточно задействованными. Делается общий вывод о том, что проведение теоретических и прикладных исследований, а также подготовка кадров в сфере транспортной политики сохраняют существенные резервы, которые еще весьма далеки от своего исчерпания. Особенно это касается политологии, эвристический и образовательный потенциал которой для нужд транспортной отрасли остается пока нераскрытым. Что же касается наблюдаемого практически повсеместно междисци-

© Федякин А.В., Федякин И.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

плинарного подхода к осмыслению транспортной политики и смежной проблематики, то он может быть взят (и уже взят во многих своих измерениях и аспектах) на вооружение отечественным научным и экспертным сообществом.

Ключевые слова: транспортная политика, государственное управление и планирование в транспортной сфере, транспортное образование

ВВЕДЕНИЕ

О том, что транспорт играет одну из важнейших ролей в жизни общества во все периоды его существования, а тем более в современных условиях, говорилось немало и неоднократно — как в различных научных изданиях и аналитике, так и на разного рода конференциях и форумах. О том, что транспорт является особой сферой государственного регулирования и что в отношении него должна проводиться соответствующая — транспортная — политика, тоже говорилось и говорится, однако в значительно меньшей степени и реже, преимущественно в отраслевых документах и узкоспециализированных исследованиях. О том же, что осуществление разработок в области транспортной политики, а также ее эффективная практическая реализация не представляются возможными без соответствующей научной и образовательной инфраструктуры, не говорится вовсе или говорится представителями очень узкого круга ученых и экспертов, в который входят в том числе и авторы настоящей статьи.

Между тем транспортная политика — самостоятельная сфера деятельности государства, при этом обладающая (в силу инфраструктурного характера объекта ее регулирования — транспорта) признаками универсальности и обнаруживающая тесные взаимосвязи и переплетения со множеством других областей (экономической, социальной, инновационной, промышленной, региональной, культурной, оборонной и т.д.), являющаяся одновременно предпосылкой и результатом их развития. Соответственно, и государственная транспортная политика, как самостоятельная область исследований политической науки, с одной стороны, обнаруживает связи и пересечения с рядом других политологических направлений и субдисциплин (прежде всего с государственной политикой и управлением, политической регионалистикой, международными отношениями и геополитикой и т.д.), а с другой стороны, не может не носить (в силу комплексности и полиструктурности предмета своего исследования, каковым является опять-таки транспорт) междисциплинарного характера, не быть мультипарадигмальной по своей сути.

Более того, транспортная политика — это один из примеров той самой прикладной («отраслевой») политологии, практического воплощения в жизнь посредством политических институтов, механизмов, технологий и т.д. общих концептуальных подходов и профильных теоретических разработок. Причем воплощения, от качества и эффективности которого в конечном итоге зависит не только настоящее, но и будущее каждого конкретного общества и государства. И Россия — страна с огромной территорией и связанными с ней большими возможностями и одновременно серьезнейшими проблемами — здесь отнюдь не исключение, а, пожалуй, даже наиболее характерный случай. Впрочем, собственно политологические исследования транспортной проблематики в нашей стране пока не стали —

и это весьма парадоксально — достаточно распространенным явлением, а подготовка соответствующих кадров — политологов-транспортников¹ — только начинает осуществляться [2. С. 222—230].

В этой связи представляет интерес исследование научных и образовательных центров в области транспортной политики, созданных и функционирующих в ведущих зарубежных странах. Анализ открытых источников², содержащих информацию об этих центрах, на наш взгляд, позволит выявить определенные тенденции в проводимых профильных исследованиях, а также обнаружить акценты в подготовке кадров соответствующей квалификации. Это, при прочих равных условиях, может быть полезным для отечественной науки и высшей школы.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ В ЗАРУБЕЖНЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Что касается подготовки кадров в зарубежных *классических университетах*, нами было обнаружено, что, например, факультет естественных наук, сельского хозяйства и техники Университета Ньюкасла (Newcastle University) — одного из ведущих в Великобритании — предлагает пройти краткосрочный (5-дневный) курс (CPD) «Транспортная политика и законодательство». В нем рассматривается широкий спектр областей транспортной политики и детально изучаются вопросы профильного законодательства, дается представление о процессе разработки данной политики, включая вовлечение в него заинтересованных субъектов, и т.д. Курс базируется на обширном эмпирическом материале, представленном как британским, так и мировым послевоенным опытом выработки и принятия политических решений в сфере транспортного развития, а также функционирования соответствующих политических структур на местном, региональном и национальном уровнях.

¹ При всей кажущейся сомнительности и даже несовместимости таких терминов, как «политология транспорта», «транспортная политология» и т.д., вместе с тем представляется уместным вспомнить, как происходило конституирование многих политологических научных направлений и учебных дисциплин, сегодня являющихся неотъемлемыми элементами учебных планов подготовки политологов в российских вузах (например, экополитологии, этнополитологии, политической элитологии и т.п.). Уместно вспомнить и увидевший свет в 2000-е годы труд В.И. Якунина «Политология транспорта», поначалу воспринимавшийся неоднозначно и даже с иронией многими представителями как политологического, так и транспортного (и шире — технического) научного и экспертного сообщества, но впоследствии ставший весьма цитируемым [4].

Заметим также, что, судя по всему, первым и долгое время остававшимся единственным отечественным учебным изданием по политологии, где транспорт был не просто упомянут, но и рассмотрен в рамках самостоятельного подраздела как фактор формирования современного миропорядка, было «Введение в политическую науку» К.С. Гаджиева [1. С. 310—314]. Следующее учебное издание по политологии, где проблематика транспортной политики была представлена уже в развернутом виде, увидело свет лишь спустя полтора десятилетия [3. С. 359—414].

² Анализ осуществлялся на основе материалов, полученных в ходе выполнения поисковых запросов по соответствующим словосочетаниям «транспортная политика», «transport policy» и т.п. близким по смыслу словоформам.

Особый акцент делается на рассмотрении транспорта и транспортной политики в более широком контексте проблем устойчивого развития, включая вопросы экономического роста, изменения климата, доступности образования и здравоохранения и т.д. При этом в фокусе внимания оказываются программные и нормативные документы различных уровней, касающиеся транспорта, а также правительственные структуры, задействованные в подготовке и реализации конкретных мероприятий транспортной политики. План курса включает в себя такие темы, как: основные исторические вызовы и предпосылки транспортной политики, формулирование ключевых направлений транспортной политики, сбор информации для разработки обоснования транспортной политики, анализ интересов различных структур и общественности в сфере транспорта, мониторинг реализации транспортной политики и оценка ее эффективности, транспортная политика в условиях экономии бюджетных средств, исследование опыта разработки транспортной политики в отдельных странах и т.д. Ожидаемый результат освоения курса состоит в получении соответствующих компетенций для осуществления консультирования по основным транспортным проблемам, планированию и разработке политики в этой сфере, а также по прогнозированию изменений в характере спроса на транспортные услуги³.

Другое британское учебное заведение — расположенный в Лондоне Университет Вестминстера (University of Westminster) — предлагает обучение на факультете архитектуры и архитектурной среды по таким магистерским программам, как:

— «Транспортное планирование и управление». Включает основной модуль «Транспортная политика и управление», в котором в широком социополитическом контексте рассматриваются вопросы политики и управления в транспортной сфере в их прошлом, настоящем и будущем. При опоре на междисциплинарный подход, а также на основные концепции и идеи, связанные с данной проблематикой, в курсах модуля изучаются конкретные уровни принятия решений по вопросам транспортного развития, а также деятельность неправительственных организаций, включая лоббистские структуры, которые оказывают влияние на формирование и реализацию транспортной политики⁴;

— «Планирование и управление воздушным транспортом». В ней, наряду с основным, существует дополнительный модуль, одной из учебных дисциплин которого является «Политика и планирование воздушного транспорта». В ее рамках рассматриваются вопросы, связанные с развитием авиасообщения и проводимой в его отношении в Великобритании и других странах политикой, а также с вызванными ростом воздушных перевозок экономическими, социальными и экологическими последствиями⁵.

³ CPD “Transport Policy and Legislation” // Newcastle University. Режим доступа: <https://www.ncl.ac.uk/sage.cpd/cpd/tpl.php#aboutthecourse>. Дата обращения: 01.11.2018.

⁴ Transport Planning and Management MSc // University of Westminster. Режим доступа: <https://www.westminster.ac.uk/transport-and-logistics-courses/2019-20/september/full-time/transport-planning-and-management-msc>. Дата обращения: 01.11.2018.

⁵ Air Transport Policy and Planning // University of Westminster. Режим доступа: <https://www.westminster.ac.uk/courses/professional-and-short-courses/air-transport/air-transport-policy-and-planning>. Дата обращения: 01.11.2018.

Факультет архитектуры Университета Гонконга (The University of Hong Kong, HKU) проводит обучение по магистерской программе «Транспортная политика и планирование», которая является совместной разработкой кафедр городского планирования и дизайна, географии и гражданского строительства, а также получила дополнительную аккредитацию факультета социальных наук. В учебном плане программы предусмотрено 8 основных и 6 элективных учебных курсов, одним из основных является «Политика и планирование в транспортной сфере». Этот курс посвящен ключевым вопросам транспортной политики, а также реализации стратегических планов и конкретных программ в сфере транспорта. В нем рассматриваются вопросы развития городского транспорта и разработки транспортной политики, направленной на удовлетворение потребностей участников перевозочных процессов и общества в целом. В ходе курса анализируются примеры различных стран, что позволяет оценить степень эффективности, а также возможности и пределы использования альтернативных политических стратегий и механизмов их реализации⁶.

Что же касается *университетов технического профиля*, то, в частности, расположенный в Нидерландах Делфтский технический университет (Technische Universiteit Delft) — старейший и крупнейший технический вуз страны — осуществляет подготовку магистров по программе «Транспорт, инфраструктура и логистика». В ее рамках предусмотрена специализация «Политика: инфраструктура, планирование и окружающая среда», которая концентрирует внимание на теоретических основаниях и практических методах планирования инфраструктуры. Под последним разработчики образовательной программы понимают «междисциплинарный процесс, в рамках которого технологические решения сталкиваются с политическими, социальными и экономическими требованиями, ожиданиями и условиями. К планированию может быть привлечен широкий круг организаций и учреждений, от местных до европейских. Это создает сложную среду принятия решений. Продуктом транспортного планирования являются планы транспортной политики и предложения по транспортно-логистическим проектам»⁷. Программа специализации включает в себя 6 учебных дисциплин, среди которых обращают на себя внимание, в частности, такие как:

— «Модуль методологии инфраструктуры и окружающей среды» (в ходе нее студенты учатся «интегрировать социальные, культурные, экономические и политические перспективы с природными и антропогенными условиями городского ландшафта с целью формирования и планирования более устойчивого развития»);

— «Передовые методы оценки для принятия решений в области транспортной политики» (в ее аннотации отмечается, что «Транспортная политика почти

⁶ The Master of Arts in Transport Policy and Planning (MATPP) Program // The University of Hong Kong. Режим доступа: <https://www.arch.hku.hk/programmes/upad/master-of-arts-in-transport-policy-and-planning/>. Дата обращения: 01.11.2018.

⁷ Specialisation P — Policy: Infrastructure, Planning and Environment // TU Delft. Режим доступа: <https://www.tudelft.nl/en/student/faculties/ceg-student-portal/education/master/transport-infrastructure-logistics/programme-2018-2019/b-specialisations/specialisation-p-policy-infrastructure-planning-and-environment/>. Дата обращения: 01.11.2018.

всегда противоречива. Во всем мире для поддержки принятия решений в области транспорта применяется несколько методов. В настоящее время наиболее известными и хорошо изученными методами оценки транспортной политики являются социальный анализ затрат и выгод и многокритериальные методы принятия решений. В этом курсе вы узнаете о новейших научных разработках в данной сфере, а также о том, как применять эти методы. Кроме того, вы узнаете о подходах к относительно новому аспекту оценки транспортной политики — ее справедливости»);

— «Разработка транспортной политики» (указывается, что «Разработка политики в области транспорта является сложной задачей. Политический цикл обеспечивает основу для процесса разработки политики: определение повестки дня, анализ политики, ее осуществление и оценка. Что касается последней, то успех и неудача должны определяться с точки зрения эффективности/действенности, а также справедливости/равноправия. В этом курсе используется подход, объединяющий как академические, так и практические перспективные разработки в сфере политики»⁸).

Дрезденский технический университет (Technische Universität Dresden) в своей структуре имеет факультет транспорта и транспортных наук им. Ф. Листа, одним из подразделений которого является Кафедра экономики перевозок. Ее преподавателями читается такая дисциплина, как «Экономика перевозок и транспортная политика», основанная на анализе комплекса экономических и политических вопросов⁹.

Пожалуй, единственным обнаруженным нами университетом гуманитарного профиля, где изучаются вопросы, так или иначе входящие в предметное поле транспортной политики, является расположенный в греческой столице Афинах Университет социальных и политических наук Пантеон (Panteion University of Social and Political Sciences). Его структурным подразделением является факультет экономики и регионального развития, основная образовательная программа которого включает в числе прочих учебную дисциплину «Экономический анализ и транспортная политика»¹⁰.

Как видно, подготовка кадров в сфере транспортной политики осуществляется рядом зарубежных вузов — как классическими, так и специализированными (в основном техническими) университетами. При этом она носит преимущественно междисциплинарный характер, строится на основе сочетания таких областей, как политика, государственное управление, стратегический менеджмент,

⁸ Specialisation P — Policy: Infrastructure, Planning and Environment // TU Delft. Режим доступа: <https://www.tudelft.nl/en/student/faculties/ceg-student-portal/education/master/transport-infrastructure-logistics/programme-2018-2019/b-specialisations/specialisation-p-policy-infrastructure-planning-and-environment/>. Дата обращения: 01.11.2018.

⁹ “Friedrich List” Faculty of Transport and Traffic Sciences // Technische Universität Dresden. Режим доступа: https://tu-dresden.de/bu/verkehr?pk_campaign=flyout&pk_kwd=verkehr. Дата обращения: 01.11.2018.

¹⁰ Panteion University of Social and Political Sciences. Режим доступа: http://www.panteion.gr/images/Documents/pdf/sites/The-Department_topa.pdf. Дата обращения: 01.11.2018.

экономика транспорта и т.д., что находит соответствующее отражение в учебных планах и содержании отдельных дисциплин. Однако такая подготовка кадров пока что не стала широко распространенным явлением, да и многообразные возможности собственно политической науки в ходе ее осуществления остаются недостаточно задействованными.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЦЕНТРЫ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИТИКИ

В числе зарубежных исследовательских центров в области транспортной политики следует назвать прежде всего соответствующие структуры в университетах. В частности, в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (University of California, Los Angeles, UCLA) в 1992 году был создан Институт транспортных исследований, в настоящее время являющийся подразделением Школы общественных отношений UCLA Luskin и считающийся одним из ведущих центров изучения транспортной политики в США. В фокусе его внимания — актуальные вопросы транспортного развития городов, стран и мира в целом, а также продвижение качественного профессионального образования (в том числе посредством расширения учебных программ за счет включения в них специальных курсов по транспортной проблематике) и поддержка гражданских инициатив в области транспорта. При этом в осуществляемых Институтом исследованиях развитие транспортной сферы активно увязывается с транспортной политикой и планированием. Благодаря деятельности Института факультетам Государственной политики и Городского планирования удалось привлечь в Калифорнийский университет немало талантливых студентов и исследователей, многие из которых стали лауреатами различных премий и победителями престижных конкурсов¹¹.

В британском Университете Лидса (University of Leeds) в структуре факультета окружающей среды функционирует Институт транспортных исследований, одним из подразделений которого является Группа социальных и политических наук. Она объединяет как преподавателей, так и студентов университета, исследующих транспорт и транспортную мобильность сквозь призму социальных и политических наук с целью создания эффективных, доступных и экологически устойчивых систем мобильности на местном, национальном и глобальном уровнях. В рамках группы акцент в ходе исследований транспортной проблематики делается на широкое использование количественной и качественной методологии, социальных и политических теорий, концепций политического управления и т.д. Приоритетными темами исследований группы являются: государственная политика, включая разработку ее основ, формулирование повестки дня и реализацию; социальные медиа и инновации; оценка лучших политических практик; поиск возможностей заимствования политических моделей и т.д.¹²

¹¹ UCLA Institute of Transportation Studies. Режим доступа: <https://www.its.ucla.edu/about-us/>. Дата обращения: 01.11.2018.

¹² Institute for Transport Studies. Режим доступа: <https://environment.leeds.ac.uk/transport/>. Дата обращения: 01.11.2018.

В другом известном университете Великобритании — Вестминстерском — в составе уже упоминавшегося факультета архитектуры и архитектурной среды функционирует созданный еще в 1931 году Институт политических исследований (PSI). В настоящее время он осуществляет междисциплинарные разработки на стыке политики и других сфер общественной жизни, включая транспортную. В частности, Институтом исследуются проблемы политики устойчивого развития городов, социальной политики, транспортной мобильности и т.д. На протяжении длительного периода Институтом издавался ежеквартальный журнал «Политические исследования», знакомящий читателей с результатами разработок¹³.

В чешском городе Брно расположен Институт транспортной экономики, географии и политики транспорта (ITREGEP) — междисциплинарная исследовательская группа, учрежденная в 2015 году на основе кооперации структурных подразделений — факультетов экономики и администрирования и естественно-научного — Университета Масарика (Брно) и факультетов социальных и естественных наук Карлова университета (Прага). Институт акцентирует внимание на изучении особых экономических, пространственных и социальных функций транспорта, а также лучших практик в области транспортной политики с целью их последующего распространения в профессиональном экспертном сообществе и среди лиц, принимающих политические решения. Основными направлениями исследований Института в настоящее время являются: сравнительный анализ моделей транспортной политики, стратегических документов и практики внедрения европейского законодательства в транспортной сфере; социально-экономический анализ транспортных систем и транспортного планирования; оптимизация государственных закупок в сфере общественного транспорта и др. В настоящее время одним из крупных исследовательских проектов, реализуемых Институтом, является «Новая мобильность — высокоскоростные транспортные системы и транспортно-ориентированное поведение», который затрагивает сразу несколько предметных областей: экономику, географию и политические аспекты высокоскоростного железнодорожного транспорта. Данный проект разделен на ряд поднаправлений, среди которых, в частности, такие как: скоростной транспорт как политический фактор; оптимизация госзакупок для железнодорожного пассажирского транспорта; строительство высокоскоростных транспортных коммуникаций и связанные с этим изменения в политике центрально-европейских государств и т.д.¹⁴

Что же касается самостоятельных исследовательских структур в сфере транспортной политики, то в их числе могут быть названы, в частности, Институт исследований транспортной политики (Institute for Transport Policy Studies, ITPS), расположенный в Токио. Он является независимым некоммерческим фондом, который был создан под эгидой национального Министерства земельных ресур-

¹³ Policy Studies Institute (PSI). Режим доступа: http://www.psi.org.uk/site/about_article/about_psi. Дата обращения: 01.11.2018.

¹⁴ The Institute for Transport Economics, Geography and Policy. Режим доступа: <http://www.itregp.eu/en/>. Дата обращения: 01.11.2018.

сов, инфраструктуры и транспорта в 1998 году в ходе реорганизации существовавшего с конца 1960-х годов. Японского научно-исследовательского центра экономики транспорта. Институт проводит комплексные исследования в области транспорта, а также осуществляет экспертизу транспортной политики и вырабатывает соответствующие рекомендации японскому правительству и заинтересованным субъектам. Его миссией является содействие проведению транспортной политики в целях повышения благосостояния и качества жизни населения Японии, развития экономики страны, а также гармонизации международных отношений. Как указано на сайте Института, «...поскольку транспорт является основополагающим фактором социально-экономического прогресса, необходимо постоянно совершенствовать и расширять методы транспортной политики, с тем чтобы поддерживать более высокие стандарты дальнейшего развития и прогресса региона, страны и мира... Институт... призван служить связующим звеном между теоретическими и практическими исследованиями в области транспортной политики. Поэтому наша исследовательская задача — решение практических вопросов политики, отвечающее высоким академическим стандартам и критериям научной строгости. Кроме того, наши предметы исследования охватывают весь спектр транспорта, а также комплексные политические проблемы, включая региональные, городские и экологические вопросы, тесно связанные с транспортом. Поэтому мы осуществляем исследования в сотрудничестве с учеными, представляющими различные области знания, а также высококвалифицированными специалистами из управленческих структур и частного сектора»¹⁵. Институтом издается ежеквартальный журнал «Обзор исследований транспортной политики» (“Transport Policy Studies’ Review”), в котором публикуются результаты исследований его сотрудников, а также представителей других научно-исследовательских структур Японии и зарубежных стран.

Расположенный в канадском городе Виктории Институт транспортной политики (Victoria Transport Policy Institute) является независимой исследовательской организацией, занимающейся разработкой инновационных практических решений транспортных проблем, финансируемой за счет консалтинговых услуг и грантов. Основная цель — информационный обмен, направленный на улучшение планирования перевозок и анализ транспортной политики. Преобладающими в Институте являются исследования по актуальным вопросам развития транспорта, направленные на: поиск эффективных путей решения проблем отрасли, включая альтернативные теоретические и практические подходы; определение всех преимуществ, затрат и влияния различных моделей транспортной политики и программ развития транспорта¹⁶.

Международная организация «Институт транспорта и политики в области развития» (Institute for Transportation and Development Policy) со штаб-квартирой

¹⁵ Institute for Transport Policy Studies. Режим доступа: <http://www.jterc.or.jp/english/gaiyo.htm>. Дата обращения: 01.11.2018.

¹⁶ Victoria Transport Policy Institute. Режим доступа: <http://www.vtpi.org>. Дата обращения: 01.11.2018.

в Нью-Йорке и филиалами в Китае, Индии, Индонезии, Мексике, Бразилии и на Африканском континенте провозглашает целью своей деятельности «разработку и внедрение высококачественных транспортных систем и принятие политических решений, которые делают города более пригодными для жизни, доступными и устойчивыми»¹⁷. Одной из программ Института является «Климат и транспортная политика», в составе которой три основных направления, имеющих своей целью поддержку, разработку и расширение сферы устойчивой транспортной политики: выработка более совершенных инструментов для оценки воздействия транспортных инвестиций, политики и принимаемых решений на окружающую среду; перераспределение финансирования и приоритетов глобальных организаций и банков развития в поддержку устойчивого транспорта и городского развития; оказание влияния на национальную политику в области транспорта и городского развития, а также поддержка своевременного развития институтов, расширяющих масштабы функционирования устойчивого транспорта.

Как видно, зарубежное научно-исследовательское пространство представлено целым рядом организаций — как в структуре образовательных учреждений, так и независимых, в фокусе внимания которых находятся общие и специальные вопросы транспортной политики, как правило, рассматриваемые в междисциплинарном ключе. Вместе с тем география их распространения пока не отличается своей широтой — скорее, это отдельные «точки» данного пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом ограниченный рамками настоящей статьи анализ позволяет заключить, что проведение теоретических и прикладных исследований, а также подготовка кадров в сфере транспортной политики сохраняют существенные резервы, которые еще весьма далеки от своего исчерпания. Особенно это касается политологии, эвристический и образовательный потенциал которой для нужд транспортной отрасли остается пока нераскрытым. Что же касается наблюдаемого практически повсеместно междисциплинарного подхода к осмыслению транспортной политики и смежной проблематики, то он может быть взят (и уже взят во многих своих измерениях и аспектах) на вооружение отечественным научным и экспертным сообществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Гаджиев К.С.* Введение в политическую науку: учебник для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1997. 544 с.
- [2] *Горбунов А.А., Федякин А.В., Федякин И.В.* Государственная политика в транспортной отрасли: инновационное направление подготовки кадров // *Мир транспорта*. 2018. № 4. С. 222—230.
- [3] *Политология: Политические институты, процессы и технологии: учебное пособие для аспирантов и студентов.* М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2012. 936 с.
- [4] *Якунин В.И.* Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития. М.: ЗАО «Экономика», 2006. 432 с.

¹⁷ The Institute for Transportation and Development Policy. Режим доступа: <https://www.itdp.org/who-we-are/>. Дата обращения: 01.11.2018.

TRANSPORT POLICY ABROAD: TRAINING CENTERS AND MAIN RESEARCH AREAS

A.V. Fedyakin, I.V. Fedyakin

Russian University of Transport (МИИТ)
Obraztsova st., 9, Moscow, Russian Federation, 127994

Abstract. The article based on the analysis of public sources examines the structure, goals and main directions of works of foreign scientific and educational centers in the field of transport policy — an independent area of the state activity that has (due to the infrastructural nature of the object of its regulation which is transport) characteristics of universality and reveal the close relationship and overlapping with many other areas (economic, social, innovation, industrial, regional, etc.). Transport policy as a field of research has links and intersections with the goals of a number of other political science areas and sub-disciplines (primarily with public policy and management, political regionalism, international relations and geopolitics, etc.). The authors state that theoretical and applied research in this complex and interdisciplinary field are carried out by organizations that are structural units of educational institutions and by independent institutions. The main trend of their research on general and special issues of transport policy is interdisciplinary approach used during the analysis. As for training, it is carried out by a number of foreign universities — both classical and specialized (mainly technical) universities. At the same time, it is primarily interdisciplinary in nature, based on a combination of areas such as politics, public administration, strategic management, transport economics, etc., which is reflected in the curriculum and in the content of individual disciplines. However, such training has not yet become a widespread phenomenon, and the diverse possibilities of political science in many courses remain underused. The article makes a general conclusion that theoretical and applied research, as well as training in the field of transport policy retain significant reserves, which are still very far from being exhausted. This is especially true of political science, whose heuristic and educational potential for the needs of the transport industry remains undiscovered.

Key words: transport policy, public administration and transport planning, transport education

REFERENCES

- [1] Gadzhiev K.S. *Introduction to the Political Science*. Moscow: Logos; 1997. 544 p. (In Russ.).
- [2] Gorbunov A.A., Fedyakin A.V., Fedyakin I.V. Public Transport Policy: Innovative Training Trend. *Mir Transporta*. 2018; 4 (16): 222—230 (In Russ.).
- [3] *Political Science: Political Institutions, Processes and Technologies*. Moscow: Social'no-politicheskaya mysl'; 2012. 936 p. (In Russ.).
- [4] Yakunin V.I. *Political Study of Transport. Political Aspects of Transport Development*. Moscow: Ekonomika; 2006. 432 p. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Федякин Алексей Владимирович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, истории и социальных технологий Российского университета транспорта (МИИТ) (e-mail: avf2010@yandex.ru).

Федякин Иван Владимирович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии, истории и социальных технологий Российского университета транспорта (МИИТ) (e-mail: fedyakin_iv@mail.ru).

Information about the authors:

Aleksey V. Fedyakin — Doctor of Political Science, Full Professor, Head of the Department of Political Science, History and Social Technologies, Russian University of Transport (Russian Federation) (e-mail: avf2010@yandex.ru).

Ivan V. Fedyakin — Doctor of Political Science, Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, History and Social Technologies, Russian University of Transport (Russian Federation) (e-mail: fedyakin_iv@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 10.12.2018.
Received 10.12.2018.

Для цитирования:

Федякин А.В., Федякин И.В. Транспортная политика за рубежом: центры подготовки кадров и основные направления исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 346—357. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-346-357.

For citation:

Fedyakin A.V., Fedyakin I.V. Transport Policy Abroad: Training Centers and Main Research Areas. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 346—357. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-346-357.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372

Научная статья

КОНЦЕПЦИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА НОВОГО ПОДХОДА К БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ¹

Д.С. Тулупов, Г.В. Коцур

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, 7—9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

Аннотация. В данной статье предпринята попытка выявить актуальные возможности для использования категории стрессоустойчивости в качестве концептуальной основы нового подхода к борьбе с международным терроризмом. В наиболее общем виде стрессоустойчивость понимают как способность индивида, сообщества или экосистемы возвращаться в прежнее/адаптированное состояние после воздействия шока. Дискурс-анализ публикаций местной периодической печати, посвященных терактам в Санкт-Петербурге и Стокгольме весной 2017 года, позволил авторам сделать два важных вывода. Во-первых, стрессоустойчивость, как прочностная характеристика (городского) социума, формируется внутри него самого, а не насаждается сверху предписаниями официальных органов власти. Во-вторых, стрессоустойчивость городского населения к терроризму как в России, так и в европейских странах имеет ряд одинаковых проявлений. Прежде всего, это призванная смягчить негативные последствия кризиса низовая гражданская самоорганизация, дополненная высокой степенью солидарности жителей города в условиях экстренной ситуации. Более того, необходимо отметить значимость координирующей роли социальных сетей, выступивших в качестве площадки для публичной коммуникации. Востребованность стрессоустойчивости позволяет говорить о том, что на Западе данная концепция сегодня составляет основу новой парадигмы общественной безопасности. При этом в российском общественно-политическом дискурсе стрессоустойчивость фактически не представлена. Тем не менее, авторы выявляют ряд положений в содержании Концепции противодействия терроризму 2009 года, которые можно рассматривать в качестве реальных предпосылок для артикуляции стрессоустойчивости в российском общественно-политическом дискурсе. Восполнение этого пробела может стать стратегически важной задачей в деле совершенствования стратегии РФ в области борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: международный терроризм, стрессоустойчивость, общественная безопасность, борьба с террором, антитеррористические стратегии, гражданская самоорганизация, общественная солидарность

ВВЕДЕНИЕ

После терактов 11 сентября 2001 года международный терроризм прочно вошел в число первоочередных вызовов глобальной безопасности, представляющих экзистенциальную угрозу для всех стран западного мира (включая и Россию). Одна из устойчивых закономерностей в ее эволюции заключается в том,

© Тулупов Д.С., Коцур Г.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

что большинство совершаемых терактов направлено против населения крупных городов. Цель — оказать деморализующее психологическое воздействие и разрушить привычный ход общественной жизни. Соответственно, возникает вопрос о наличии реальных возможностей по противодействию этому вызову. Пока наиболее распространенным ответом на него является максимальное (в отдельных странах уже на постоянной основе) ужесточение стандартных мер безопасности со стороны полиции и спецслужб, как, например, усиленное патрулирование улиц и объектов городской инфраструктуры (в первую очередь метро), а также активизация контрразведывательной работы по выявлению джихадистов и сочувствующих им лиц. Наиболее ярко издержки такой «патерналистской» модели обеспечения общественной безопасности прокомментировал бывший руководитель разведывательной службы Бельгии Ален Винантс. Высказывая свою точку зрения по поводу теракта на Вестминстерском мосту 22 марта 2017 года, он признался, что не знает, «может ли это помочь остановить последующие атаки, так как весь город перекрыть невозможно... усиленные меры безопасности могут помочь людям чувствовать себя более спокойно, но это, в свою очередь, может способствовать размыванию основ западной демократии» [20]. В любом случае, по заключению А. Винантса альтернативы этим мерам пока не существует [20].

В значительной степени именно неотвратимость угрозы международного терроризма и жизненная потребность в поиске мер противодействия стали катализаторами роста популярности концепции стрессоустойчивости (resilience) на Западе. В общественно-политическом дискурсе таких европейских стран, как, например, Великобритания [4], Франция [16] и Швеция [19] после совершенных в их столицах терактах понятие стрессоустойчивости стало всеобщим рефреном сопротивления данной угрозе. В официальных документах, посвященных политике национальной безопасности, данная концепция активно используется уже с середины 2000-х годов¹. Дополнительным показателем ее востребованности является устойчивый рост научных публикаций, посвященных стрессоустойчивости [9].

Целью данной статьи является выявление актуальных возможностей и перспектив использования стрессоустойчивости в качестве концептуальной основы нового подхода к борьбе с международным терроризмом. Для решения поставленной цели авторы поставили перед собой следующие задачи. Во-первых, охарак-

¹ The National Security Strategy of the United Kingdom: Security in an Interdependent World // The Official Site of the UK Government. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228539/7291.pdf. Дата обращения: 19.07.2017; French White Paper on Defense and National Security of 2013 // The Official Site of the Ministry of the Armed Forces of France. Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwiyutjDwMLVAhWEOhQKHVVKArUQFggmMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.defense.gouv.fr%2Fcontent%2Fdownload%2F215253%2F2394121%2Ffile%2FWhite%2520paper%2520on%2520defense%2520%25202013.pdf&usg=AFQjCNHCpoexTwXXXr4ov8Hpm3pIZu2LjA>. Дата обращения: 19.07.2017; White Paper on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr // The Official Site of the German Marshall Fund of the United States. Режим доступа: <http://www.gmfus.org/publications/white-paper-german-security-policy-and-future-bundeswehr>. Дата обращения: 19.07.2017.

теризовать содержание концепции стрессоустойчивости. Во-вторых, рассмотреть место и роль стрессоустойчивости в стратегиях анти-террористической борьбы, утвержденных на уровне правительств европейских государств. И в-третьих, на основании сравнительного анализа публикаций в местной периодической печати выявить основные признаки стрессоустойчивости в реакции жителей Санкт-Петербурга и Стокгольма на теракты, произошедшие в этих двух городах в апреле 2017 года. Оба события произошли почти одновременно, сопоставимы между собой и по количеству жертв, и по вызванному общественному резонансу. Однако при всей схожести указанных параметров можно ли говорить об идентичном характере проявления стрессоустойчивости в Санкт-Петербурге и Стокгольме или все-таки можно выявить некоторые отличительные черты?

КОНЦЕПЦИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ: ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В самом общем виде стрессоустойчивость можно определить как способность индивида, сообщества или экосистемы возвращаться в прежнее/адаптированное состояние. Изначально данный термин был введен в научный оборот и разработан известным канадским экологом Кроуфордом Холлингом в 1973 году [14. Р. 1—23]. В своей основополагающей статье он писал о том, что стрессоустойчивая экосистема способна восстанавливаться после внешнего шока (например, наводнения или тайфуна) в своем прежнем виде, без изменения качественных параметров. При этом К. Холлинг делает принципиально важное замечание, что стрессоустойчивость основана на том, что (эко)система должна быть *подготовлена* к определенному вызову, но заранее предугадать его наступление она не может, оставаясь в состоянии неопределенности [14. Р. 21]. Австралийский социолог Пэта О’Мэлли также уточняет, что стрессоустойчивость не следует сводить к управлению количественно просчитанными рисками: с его точки зрения, для любого субъекта она служит универсальным инструментом управления чрезвычайной неопределенностью [21. Р. 21]. Три десятилетия спустя К. Холлинг усовершенствовал свою модель стрессоустойчивости, введя понятие «адаптивных циклов» социологической системы: согласно точке зрения канадца и его соавторов, она находится в состоянии постоянного изменения и проходит через ряд чередующихся этапов в своей эволюции [15]. Подобная схема демонстрирует более сложный подход к соотношению статики и динамики, где система демонстрирует перманентную адаптацию к условиям среды.

Получив распространение в экологии, а затем в психологии и городском планировании, стрессоустойчивость с начала 2000-х годов привлекает все больше внимания специалистов в области политических исследований (и, в частности, тех, кто занимается изучением проблемы международного терроризма). Часть из них принимают стрессоустойчивость как данность и рассматривают возможности ее усиления в неустойчивых обществах на Глобальном Юге [23] или перед лицом новых угроз вроде международного терроризма [6]. Другие [10; 13; 17] — резко обличают концепцию стрессоустойчивости как новую репрессивную раз-

новидность неолиберального управления, когда государство спускает на низовой уровень свои обязанности по обеспечению безопасности. Наконец, определенная часть исследователей солидарны с видением стрессоустойчивости как гегемонистской неолиберальной техники управления, однако выделяют в складывающейся конфигурации биополитики эмансипаторные возможности [8; 11].

В свою очередь, Дж. Коффи и П. Фасси [7] описали три основополагающих подхода к обеспечению стрессоустойчивости. Первый, спускаемый сверху (*top-down*), связан с инициативами государства в данной сфере, например, установка камер для наблюдения в городских районах с высоким потенциалом нестабильности. Второй (промежуточный) предусматривает кооперацию центра с населением и бизнесом в стремлении действовать превентивно и своевременно абсорбировать шоки. Третий предполагает низовые инициативы граждан по обеспечению собственной безопасности, активное их вовлечение в построение устойчивого общества, что может быть проиллюстрировано кейсами их сообщений относительно подозрительных предметов в местах массовых скоплений людей. По мнению авторов, все вышеуказанные логики приходят в антагонистическое столкновение в силу несовместимости контроля/наблюдения, с одной стороны, и самоорганизации/инклюзии — с другой. С точки зрения Дж. Веста [24], подобная дихотомия вызывает комплекс противоречий: зачастую местные диаспоры и представители национальных меньшинств рассматриваются властями в качестве ключевых агентов низовой устойчивости общества, обладающих особой информацией о потенциально опасных индивидах и обязанных сотрудничать с полицией. В то же время надзорные и контрольные меры государства направлены на дискриминацию и исключение целого района проживания всей диаспоры, что подрывает стимулы к сотрудничеству.

В качестве наиболее примечательной черты стрессоустойчивости на современном этапе научный сотрудник Института изучения проблем мира в Осло, Марейль Кауфманн, выделяет диджитализацию, то есть активное внедрение интернет-технологий в качестве основы функционирования современного общества [18]. По ее наблюдениям, социальные сети создают новые возможности противостояния шокам как прямо во время бедствия (мониторинг окружающей среды, визуализация события), так и в период восстановления после него, например, путем осуществления сбора пожертвований (краудсорсинга). Здесь же возникает и проблема ложной информации, исключить вероятность которой невозможно в силу множественности сообщений во время бедствия. Однако другие свидетели способны корректировать эту информацию, существуют геолокационные сервисы и технологии, способные обеспечить достоверность сообщения, а также волонтеры, способные физически проверить сведения. Возникает еще одна проблема, актуальная более всего для работников экстренных служб, — потеря контроля за оперативной обстановкой из-за возможного сбоя в работе сети Интернет. Для сотрудников, организующих реагирование без прямого контакта на месте, «через экран», событие может выступать в качестве некой виртуальной реальности.

Наконец, исследователи из Университета Уорвика Джеймс Брассет и Ник Воган-Вильямс обращают внимание на другой, не менее актуальный аспект анализа

стрессоустойчивости: ее место и роль в развитии критической инфраструктуры, т.е. объектов, обладающих особой значимостью для нации и ее безопасности [5]. Их перечень обширен: от транспортных и компьютерных сетей до заводов, производящих питьевую воду. Будучи предметом активной секьюритизации, критическая инфраструктура обладает двояким статусом. С одной стороны, от ее бесперебойного функционирования во многом зависит большая часть национальной стрессоустойчивости как таковой; с другой — удар по критической инфраструктуре ставит под вопрос возможность государства/города справляться с вызовами. Следовательно, она выступает в качестве и объекта, и субъекта безопасности.

Таким образом, стрессоустойчивость выступает одновременно как ресурс и качественная характеристика прочностного потенциала общества по отношению к угрозам общественной безопасности, главной из которых остается терроризм. При этом можно условно выделить два вектора формирования стрессоустойчивости: «директивный» (когда правительство реализует комплекс мер в данной области) и «низовой» (когда общество использует имеющиеся в его распоряжении возможности). Однако, с нашей точки зрения, принципиально важно понять, какой из них наиболее точно соответствует сути данной концепции?

МЕСТО И РОЛЬ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

Вместе с активным распространением в научном дискурсе стрессоустойчивость становилась постепенно все более востребованной на политическом уровне — в качестве одного из ключевых компонентов в подходах борьбы с терроризмом, которые стали разрабатываться в европейских странах с начала 2000-х годов. Законодателем мод здесь выступило Соединенное Королевство, которое в 2003 году утвердило национальную антитеррористическую стратегию CONTEST. Содержащиеся в каждой редакции (2003, 2009 и 2011 гг.) стратегии инициативы были сведены в четыре раздела: «Отслеживание», «Предотвращение» / “Prevent”, «Защита» / “Protect” и «Подготовка»/ “Prepare”, и в каждом из них стрессоустойчивость фигурировала в качестве организующего принципа. Однако если обратиться к редакции 2011 года, то в разных разделах данного документа стрессоустойчивость определяется по-разному. Например, применительно к «Подготовке» используется классическое определение стрессоустойчивости: способность британского правительства и населения Великобритании сводить к минимуму воздействие теракта и эффективно восстанавливаться вскоре после их совершения².

В то же время в разделе «Предотвращение» под этим термином уже понимается способность общины отречься от террористической идеологии, а также изгонять из своих рядов лиц, являющихся ее носителями. Такой плюрализм в трактовании стрессоустойчивости, на наш взгляд, существенно искажает изначальный смысл данной концепции. Кроме того, по мнению специалиста Австралийского

² Contest: The United Kingdom’s Strategy for Countering Terrorism // The Official Site of the UK Government. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/97995/strategy-contest.pdf. Дата обращения: 19.07.2017. P. 13.

центра изучения проблем кибербезопасности, Кейрана Харди, ставка политического руководства Соединенного Королевства на создание условий для выработки в британском обществе стрессоустойчивости по отношению к ненасильственному исламистскому экстремизму (non-violent Islamist extremism) создает переизбыток полномочий у исполнительной власти и в конечном счете может привести к чрезмерной фиксации на религиозном факторе при разрешении социальных проблем [12. Р. 89]. Подобный дискриминационный по отношению к мусульманскому населению подход чреват также общественным расколом и созданием «внутреннего Другого» в массовом сознании.

Примечательно также, что правительственные органы Соединенного Королевства делают ставку на *долгосрочное прогнозирование* тех угроз, при устранении которых ключевую роль может сыграть именно наличие у населения ресурса стрессоустойчивости. В частности, в Стратегии национальной безопасности Соединенного Королевства 2008 года на эти меры предусматривалось выделение 1,4 млрд фунтов стерлингов³. Кроме того, в соответствии с Законом о чрезвычайных ситуациях 2004 года в Великобритании на уровне районных управлений Службы по планированию чрезвычайных ситуаций проводятся постоянная работа по составлению перечня угроз безопасности, мероприятия по своевременному информированию населения, а также учения пожарных, медиков и полиции. Однако точно спрогнозировать риски и угрозы общественной безопасности (особенно в долгосрочной перспективе) практически невозможно и поэтому представляется, что стрессоустойчивость должна являться не целевой, а *универсальной* характеристикой.

По примеру Соединенного Королевства другие европейские государства, например, Франция⁴ и ФРГ⁵, также стали использовать стрессоустойчивость в качестве лейтмотива своих доктрин в сфере военной безопасности и борьбы с терроризмом.

Значительный интерес представляет артикуляция стрессоустойчивости в документах правительства Швеции до и после теракта в Стокгольме 7 апреля 2017 года. В августе 2015 года наряду с принятием Стратегии борьбы с терроризмом был утвержден перечень мер по повышению стрессоустойчивости к насильственному экстремизму. Этот документ включал в себя 21 инициативу

³ The National Security Strategy of the United Kingdom: Security in an Interdependent World // The Official Site of the UK Government. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228539/7291.pdf. Дата обращения: 19.07.2017. Р. 43.

⁴ French White Paper on Defense and National Security of 2013 // The Official Site of the Ministry of the Armed Forces of France. Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKewiyutjDwMLVAhWEOhQKHVVKArUQFggnMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.defense.gouv.fr%2Fcontent%2Fdownload%2F215253%2F2394121%2Ffile%2FWhite%2520paper%2520on%2520defense%2520%25202013.pdf&usq=AFQjCNHCpoxTwXXXr4ov8Hpm3pIZu2LjA>. Дата обращения: 19.07.2017.

⁵ White Paper on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr // The Official Site of the German Marshall Fund of the United States. Режим доступа: <http://www.gmfus.org/publications/white-paper-german-security-policy-and-future-bundeswehr>. Дата обращения: 19.07.2017.

по таким направлениям, как: координация действий между муниципальными и центральными властями, а также общественными организациями и объединениями, по защите демократии, обеспечение равных прав для членов мусульманской общины и коренного шведского населения, устранение выявленных рисков вооруженного экстремизма, создание предпосылок для выхода сомневающихся граждан из состава экстремистских группировок⁶. В тексте самой стратегии 2015 года императив стрессоустойчивости также просматривается весьма четко. Например, одно из ключевых положений в документе говорит о том, что «за борьбу с терроризмом отвечает все общество»⁷.

Еще одной примечательной характеристикой шведской стратегии является установка на более интенсивное проведение антитеррористической пропаганды через Интернет. При этом в документе особо подчеркивается, что Швеция принципиально воздерживается от блокировки экстремистских сайтов, так как это нарушает основы построения демократического общества, а вместо этого будет делать ставку на предоставление альтернативной информации, в первую очередь ориентированной на младший/подростковый возраст. В июне 2017 года, т.е. спустя несколько месяцев после теракта в Стокгольме, руководители шведских политических партий заключили соглашение о новых мерах по борьбе с терроризмом. По сравнению с «мягким» содержанием стратегии 2015 года, этот документ был выдержан в нарочито жесткой форме и делал акцент на таких мерах, как ужесточение безопасности в общественных местах, ужесточение контроля над лицами, потенциально представляющими угрозу безопасности, снятие ограничений на доступ полиции к персональным данным в процессе реализации контртеррористических мероприятий, а также предоставление Шведской службе безопасности большей свободы действий в прослушивании телефонных разговоров и радиоперехвате сообщений потенциальных террористов⁸.

На первый взгляд может показаться, что столь резкая смена тональности и акцентов в доктринальных основах борьбы с терроризмом свидетельствует о деактуализации стрессоустойчивости. Однако с обоснованностью приведенных выше мер трудно спорить, если учесть устойчивый рост количества вооруженных экстремистов и сторонников ИГИЛ в иммигрантской среде Швеции. В частности, руководитель шведской контрразведки SÄPO Андерс Торнберг в недавнем интервью высказал крайнюю обеспокоенность тем, что ежемесячное количество

⁶ Actions to Make Society More Resilient to Violent Extremism // The Official Site of the Government Offices of Sweden. Режим доступа: <http://www.government.se/contentassets/ef243295e51d4635b4870963b18bfa89/actions-to-make-society-more-resilient-to-violent-extremism-2014-15-144.pdf>. Дата обращения: 19.07.2017.

⁷ Prevent, Preempt and Protect: The Swedish Counter-terrorism Strategy // The Official Site of the Government Offices of Sweden. Режим доступа: http://www.government.se/contentassets/b56cad17b4434118b16cf449dbdc973d/en_strategi-slutlig-eng.pdf. Дата обращения: 19.07.2017. P. 43.

⁸ Agreement on Anti-terrorism Measures // The Official Site of the Government Offices of Sweden. Режим доступа: <http://www.government.se/49f005/contentassets/2f681fbd159d451795b744523a96f955/Agreement-on-anti-terrorism-measures.pdf>. Дата обращения: 19.07.2017.

информационных сообщений о готовящихся терактах, которые получает его Служба, увеличилось с двух тысяч в 2012 году до шести тысяч в 2016 году⁹. Соответственно, приведенные выше меры рассматриваются как абсолютно необходимые, но в то же время непротиворечащие стрессоустойчивости шведского общества.

В отличие от европейских стран, в политическом дискурсе Российской Федерации стрессоустойчивость развернутого отражения пока не нашла. В частности, в концепции противодействия терроризму, утвержденной Правительством РФ в октябре 2009 года, данный термин вообще не упоминается. Изложенные в данном документе меры преимущественно выдержаны в военно-силовом ключе и сгруппированы по шести направлениям: политическому, социально-экономическому, правовому, информационному, организационно-техническому и культурно-образовательному¹⁰.

В рамках последнего направления важно обратить внимание на положение о необходимости «создания условий для мирного межнационального и межконфессионального диалога». Несмотря на отсутствие дальнейшей конкретизации в тексте документа, данная формулировка гораздо точнее отражает смысл концепции стрессоустойчивости, чем аналогичные положения в доктринах западно-европейских стран, потому что исключает «директивное» развитие навыков стрессоустойчивости в обществе. Также примечательно, что в Концепции 2009 года в качестве субъектов противодействия терроризму упоминаются сами граждане. Правда, их роль в данном качестве сводится пока лишь к «оказанию содействия органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении антитеррористических мероприятий»¹¹. В целом же приведенные положения свидетельствуют о наличии реальных предпосылок для внедрения понятия «стрессоустойчивость» в российский общественно-политический дискурс.

Анализ концептуальных основ борьбы с терроризмом, принятых в различных странах, позволяет нам сделать вывод о том, что государство в целом крайне заинтересовано в формировании у общества потенциала стрессоустойчивости. Однако основная проблема зачастую возникает в том, что оно подходит к решению этой задачи в директивном ключе, воспринимая стрессоустойчивость как один из инструментов политики по борьбе с терроризмом. Это совершенно не коррелируется с изначальным смыслом данной концепции, которая является скорее универсальным свойством общества конкретной страны. Гораздо более положительной оказывается роль государства в том случае, когда оно *создает благо-*

⁹ Thousands of Violent Terrorists in Sweden: Security Police // The European Union Times. 06.2017. Режим доступа: <http://www.eutimes.net/2017/06/thousands-of-violent-terrorists-in-sweden-security-police/>. Дата обращения: 19.07.2017.

¹⁰ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 20.10.2009 г. // Российская газета. 20.10.2009. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html>. Дата обращения: 19.07.2017.

¹¹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации от 20.10.2009 г. // Российская газета. П. 7. Режим доступа: <https://rg.ru/2009/10/20/zakon-dok.html>. Дата обращения: 19.07.2017.

приятные условия для проявления и укрепления стрессоустойчивости на низовом уровне (что наиболее характерно для шведского подхода). Проследить это мы предлагаем на конкретных примерах.

CASE-STUDY: ПРОЯВЛЕНИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХОДЕ ТЕРАКТОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И СТОКГОЛЬМЕ

Явные проявления стрессоустойчивости общества в контексте террористической угрозы хорошо демонстрируют два недавних примера: теракты в петербургском метро 3 апреля и в Стокгольме 7 апреля 2017 года.

Анализ эмпирического материала, представленного в публикациях местной периодической печати, позволяет выделить три основополагающих аспекта стрессоустойчивости жителей Санкт-Петербурга во время совершения теракта в петербургском метро.

Первый — это *стихийная низовая самоорганизация* жителей города перед лицом экзистенциальной опасности. Службы такси предоставляли свои услуги по определенным маршрутам без оплаты, к благотворительным акциям присоединились и заправочные станции, равно как и некоторые заведения быстрого питания. Множество рядовых водителей бесплатно подвозили нуждающихся до места их проживания, а оперативно организованные волонтерские группы внесли свой вклад в устранение последствий кризиса [3].

Другой важнейшей характеристикой реакции общества на теракт явилась *общественная солидарность* в условиях экстренной ситуации. очевидцы подчеркивали бросающееся в глаза сочувственное отношение людей друг к другу в этот день при практически полном отсутствии массовых панических настроений¹². Также свидетели отмечали стремление граждан оказать первую помощь пострадавшим непосредственно на месте взрыва, а уже после трагедии около пунктов сбора крови выстраивались целые очереди из желающих продемонстрировать свою равнодушную позицию в критический момент¹³.

Такая сплоченность многомиллионного капиталистического индивидуалистического мегаполиса стала возможной во многом благодаря третьему фактору — *координирующей роли социальных сетей*. Водители бесплатно доставляли нуждающихся до места проживания именно с помощью хэштега «домой» в социальных сетях¹⁴, они же стали площадкой для взаимодействия волонтеров, пострадавших и просто попавших в транспортный коллапс жителей. Именно в социальных сетях были распространены первые сообщения о произошедшем, а некоторые порталы

¹² Особенности города: Теракт в метро сплотил жителей Петербурга // Госновости. 04.2017. Режим доступа: <http://gosnovosti.com/2017/04/теракт-в-метро-сплотил-жителей-петерб/>. Дата обращения: 19.07.2017.

¹³ «Будем пить чай и гладить котов». Что показала реакция жителей Петербурга на теракт // Газета.Ru. 04.04.2017. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/comments/2017/04/04_e_10610537.shtml. Дата обращения: 19.07.2017.

¹⁴ Как теракт сплотил Петербург // Фонтанка. ru. 03.04.2017. Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2017/04/03/172/>. Дата обращения: 19.07.2017.

создали функцию для оповещения близких о своем состоянии и местоположении в условиях начавшихся перебоев с мобильной связью [1]. Таким образом, «диджитализация» средств коммуникации предоставила ресурсы для адекватного своевременного реагирования общества на вызов и обеспечила социальную экосистему для максимально публичной дискуссии во время трагедии и после нее. Подавляющая часть наиболее влиятельных интернет-сообществ выразила поддержку жертвам теракта и городу в целом, присоединившись к сочувствующим комментариям как рядовых граждан, так и заметных представителей медиасреды¹⁵.

Все это в совокупности убедительно свидетельствует, что стрессоустойчивость как прочностная характеристика городского социума формируется внутри него самого, а не насаждается сверху предписаниями органов власти и официальными документами.

Релевантность данного тезиса подтверждается сопоставлением вышеописанных примеров стрессоустойчивости петербуржцев к непосредственному воздействию террористической угрозы с реакцией жителей Стокгольма, оказавшихся спустя всего несколько дней в аналогичной ситуации. Практически во всех публикациях западной печати по данной теме красной линией проходит акцент на важности в подобный момент сплоченности и взаимовыручки в обществе. Например, так же как и в Санкт-Петербурге, транспортная сеть столицы Швеции в первые часы после трагедии оказалась парализована экстренными мерами служб безопасности, и тогда жители города создали в сети Твиттер хэштег «#openstockholm» для желающих открыть двери своего дома и предоставить ночлег всем людям, оказавшимся вне зоны доступа средств передвижения [26].

Отличительной же чертой стрессоустойчивости в случае с терактом в Стокгольме стал публичный акцент на необходимости сохранения открытости и терпимости в обществе перед лицом нетолерантных сил в лице международного терроризма [25]. Для сравнения, в Санкт-Петербурге, наоборот, фиксировался закономерный в таких ситуациях всплеск антимусульманских настроений¹⁶ и провокаций [2].

Если же обратиться к другим примерам, то становится очевидно, что стрессоустойчивая реакция жителей Стокгольма или Санкт-Петербурга не является чем-то уникальным в своем роде. Абсолютно идентичные проявления фиксировались зарубежными СМИ и после терактов в Париже 2015 года: водители бесплатно помогают попавшим в транспортный коллапс жителям французской столицы добраться до дома, где в процессах самоорганизации ключевую роль играют координирующие возможности социальных сетей [16]. В свою очередь, анали-

¹⁵ Социальные сети скорбят: #питердержись // Piter. TV. Режим доступа: https://piter.tv/event/Social_nie_seti_skorbyat/. Дата обращения: 19.07.2017.

¹⁶ Мусульмане Санкт-Петербурга — о теракте 3 апреля // Deutsche Welle. 04.04.2017. Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/%D0%BC%D1%83%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B5-%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%82-%D0%BF%D0%B5%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D0%B0-%D0%BE-%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5-3-%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BB%D1%8F/av-38306523>. Дата обращения: 19.07.2017.

зируя последствия взрывов на бостонском марафоне в январе 2015 года, директор Фонда Рокфеллера, Джудит Родин, приходит к выводу о том, что как профильные ведомства (муниципальные/городские власти, полиция, медицинский сектор), так и рядовые граждане продемонстрировали высокий уровень сплоченности. По ее мнению, это произошло исключительно благодаря тому, что алгоритмы действий в подобных ситуациях были заранее отработаны в ходе учений Urban Shield и поэтому теракт не стал для бостонцев шоком [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что перед лицом возрастающей угрозы со стороны международного терроризма стрессоустойчивость становится ядром новой парадигмы общественной безопасности Запада. В российском общественно-политическом дискурсе данное понятие пока не представлено. Однако в содержании Концепции 2009 года прослеживаются вполне конкретные предпосылки для его артикуляции и последующей интеграции в область открытой публичной дискуссии.

Сопоставление реакции городского населения на теракты в Санкт-Петербурге и Стокгольме позволило сделать важный вывод о том, что как в России, так и в европейских странах стрессоустойчивость имеет ряд идентичных проявлений.

Во-первых, в условиях кризиса активизируется низовая гражданская самоорганизация, которая позволяет смягчить негативные эффекты, прежде всего, от характерных для экстренных ситуаций транспортных коллапсов.

Во-вторых, городской социум в день трагедии и после него продемонстрировал высокую степень солидарности и сочувственного отношения, что выразилось во взаимной помощи граждан в процессе нейтрализации последствий теракта.

Наконец, обе вышеупомянутые особенности реакции общества стали возможны благодаря координирующей роли социальных сетей, которые выступили в качестве публичной площадки для открытой коммуникации жителей Санкт-Петербурга и всей России. Вследствие стихийного проявления данных характеристик общество оказалось способным к реагированию на экзистенциальный вызов и последующей адаптации. При этом рассмотренные примеры наглядно демонстрируют, что конструктивная роль государства в культивировании стрессоустойчивости общества, заключается не в директивном регулировании, а в создании наиболее благоприятных условий для раскрытия прочностного потенциала на низовом уровне.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Благодарность: Данная статья была подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России» (проект № 17-18-01110). Авторы выражают глубокую благодарность Е.Б. Павловой и Т.А. Романовой за ценные советы, комментарии и замечания при работе над рукописью статьи.

Acknowledgments: This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation “The concept of stress resistance (resilience) of the European Union: articulation and its consequences for Russia” (project № 17-18-01110). The authors express their deep gratitude to E.B. Pavlova and T.A. Romanova for valuable advices, comments and remarks when working on the article.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Голованова Т. #домой. В Петербурге сработали социальные сети человечности // РИА Новости. 04.04.2017. Режим доступа: <https://ria.ru/accents/20170404/1491463497.html>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [2] Громов В. Взрыв халяльной направленности // Газета.Ру. 05.05.2010. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2010/05/05/3363142.shtml>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [3] Сидоров Д. «Люди стали людьми». Как теракт в Петербурге сплотил россиян // Лента.ру. 04.04.2017. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2017/04/04/spb_humanity/. Дата обращения: 19.07.2017.
- [4] Bennhold K. London's New Normal: Resilient, Yes. But Not Entirely Intrepid // The New York Times. 06.15.2017. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/06/15/world/europe/uk-london.html>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [5] Brassett J., Vaughan-Williams N. Security and the Performative Politics of Resilience: Critical Infrastructure Protection and Humanitarian Emergency Preparedness // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. № 1. P. 32—50.
- [6] Chmutina K., Bosher L.S. Managing Disaster Risk and Resilience in the UK: Response vs. Prevention in Policy and Practice // The Routledge Handbook of International Resilience / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 267—279.
- [7] Coaffee J., Fussey P. Constructing Resilience through Security and Surveillance: The Politics, Practices and Tensions of Security-Driven Resilience // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. № 1. P. 86—105.
- [8] Cretney R., Bond S. 'Bouncing back' to Capitalism? Grass-Roots Autonomous Activism in Shaping Discourses of Resilience and Transformation Following Disaster // Resilience. 2014. Vol. 2. № 1. P. 18—31.
- [9] Dunn Cavelti M., Kaufmann M., Soby Kristensen K. Resilience and (In)security: Practices, Subjects, Temporalities // Security Dialogue. 2015. Vol. 46. № 1. P. 3—14.
- [10] Evans B., Reid J. Dangerously Exposed: The Life and Death of the Resilient Subject // Resilience. 2013. Vol. 1. № 2. P. 83—98.
- [11] Grove K. Hidden Transcripts of Resilience in Jamaican Disaster Management // The Routledge Handbook of International Resilience / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 370—382.
- [12] Hardy K. Resilience in UK Counter-terrorism // Theoretical Criminology. 2015. Vol. 19. № 1. P. 77—94.
- [13] Heath-Kelly C. The Disastrous Temporality of the 'Recovery-To-Come' // The Routledge Handbook of International Resilience / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 307—317.
- [14] Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems. Annual Review of Ecology and Systematics. 1973. Vol. 4. № 1. P. 1—23.
- [15] Holling, C.S., Gunderson, L.H. (Eds.). Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems. Washington: Island Press, 2002. 536 p.
- [16] Hong E. Resilience in Paris // Los Angeles Times. 13.11.2015. Режим доступа: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-resilience-in-paris-20151113-story.html>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [17] Joseph J. Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach // Resilience. 2013. Vol. 1. № 1. P. 38—52.
- [18] Kaufmann M. The Digitization of Resilience // The Routledge Handbook of International Resilience / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 106—119.
- [19] Kino N. The Stockholm Attack Proved the Swedish People's Resilience // Huffington Post. 04.08.2017. Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/entry/terror-attack-in-stockholm-when-the-going-got-tough_us_58e91243e4b06f8c18beec5d. Дата обращения: 19. 07. 2017.

- [20] *Moore J.* After London, Nice and Berlin Vehicle Attacks, what Can Cities Do to Prevent More? // *Newsweek*. 23.03.2017. Режим доступа: <http://www.newsweek.com/after-london-nice-and-berlin-what-can-cities-do-prevent-car-ramming-attacks-572692>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [21] *O'Malley P.* Resilient Subjects: Uncertainty, Warfare and Liberalism // *Economy and Society*. 2010. Vol. 39. № 4. P. 488—509.
- [22] *Rodin J.* The Boston Marathon Bombing: How the City Coped with its Deadly Terror Attack // *The Guardian*. 12.02.2015. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jan/12/boston-marathon-bombing-how-city-coped-deadly-terror-attack>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [23] *Thiede B.* Resilience and Development among Ultra-Poor Households in Rural Ethiopia // *Resilience*. 2016. Vol. 4. № 1. P. 1—13.
- [24] *West J.* Securing “Resilient Communities” to Prevent Terrorism // *The Routledge Handbook of International Resilience* / Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge, 2016. P. 318—330.
- [25] *Wretborn S.* Stockholm — A city of Diversity and Resilience // *Stockholm Data Parks*. 10.04.2017. Режим доступа: <https://stockholmdataparks.com/2017/04/10/stockholm-city-diversity-resilience/>. Дата обращения: 19.07.2017.
- [26] *Yusuf H.* Truck Drives into Crowd in Stockholm, Killing Four People // *The Guardian*. 07.04.2017. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/07/truck-crashes-in-central-stockholm-sweden>. Дата обращения: 19.07.2017.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372

Research Article

RESILIENCE CONCEPT AS A METHODOLOGICAL BASIS OF A NEW APPROACH TO COUNTERING INTERNATIONAL TERRORISM

D.S. Tulupov, G.V. Kotsur

Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russian Federation, 199034

Abstract. The aim of this article is to identify actual and prospective opportunities for the use of “resilience” concept in counter-terrorism warfare. The resilience is usually defined as an ability of an individual, society or ecosystem to recover or adapt after a shock. Discourse-analysis of the local periodical press enabled authors to draw two important conclusions. Firstly, resilience as a strength feature of a (city) community is internally generated, rather than imposed from top down. Secondly, the resilience of urban population to terrorism both in Russia and in European countries has similar features, namely the high degree of low-level civil self-organization and active use of social networks potential. The relevance of resilience serves as an indicator that this concept has become a core element of a new public security paradigm in the West. At the same time, resilience is not featuring in the Russian social-political discourse at all. However, authors have identified a number of provisions in the 2009 Concept of combating against terrorism, which might be considered as feasible prerequisites for the articulation of resilience in the Russian discourse in the future. Filling this gap might be a strategically important task in context of enhancement of the Russian Federation’s strategy of counter-terrorism activity.

Key words: international terrorism, resilience, public security, fight against terrorism, antiterrorist strategies, civil self-organization, social solidarity

REFERENCES

- [1] Golovanova T. #home. Social Networks Humanity Worked in St. Petersburg. *RIA Novosti*. 04.04.2017. Available from: <https://ria.ru/accents/20170404/1491463497.html>. Accessed: 19.07.2017.
- [2] Gromov V. The Explosion of the Halal Focus. *Gazeta.Ru*. 05.05.2010. Available from: <https://www.gazeta.ru/social/2010/05/05/3363142.shtml>. Accessed: 19.07.2017.
- [3] Sidorov D. “People Have Become People”. As a Terrorist Attack in St. Petersburg Rallied the Russians. *Lenta.ru*. 04.04.2017. Available from: https://lenta.ru/articles/2017/04/04/spb_humanity/. Accessed: 19.07.2017.
- [4] Bennhold K. London’s New Normal: Resilient, Yes. But Not Entirely Intrepid. *The New York Times*. 06.15.2017. Available from: <https://www.nytimes.com/2017/06/15/world/europe/uk-london.html>. Accessed: 19.07.2017.
- [5] Brassett J., Vaughan-Williams N. Security and the Performative Politics of Resilience: Critical Infrastructure Protection and Humanitarian Emergency Preparedness. *Security Dialogue*. 2015; 46 (1): 32—50.
- [6] Chmutina K., Boshier L.S. Managing Disaster Risk and Resilience in the UK: Response vs. Prevention in Policy and Practice. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 267—279.
- [7] Coaffee J., Fussey P. Constructing Resilience through Security and Surveillance: The Politics, Practices and Tensions of Security-Driven Resilience. *Security Dialogue*. 2015; 46 (1): 86—105.
- [8] Cretney R., Bond S. ‘Bouncing back’ to Capitalism? Grass-Roots Autonomous Activism in Shaping Discourses of Resilience and Transformation Following Disaster. *Resilience*. 2014; 2 (1): 18—31.
- [9] Dunn Cavelti M., Kaufmann M., & Soby Kristensen K. Resilience and (In)security: Practices, Subjects, Temporalities. *Security Dialogue*. 2015; 46 (1): 3—14.
- [10] Evans B., Reid J. Dangerously Exposed: The Life and Death of the Resilient Subject. *Resilience*. 2013; 1 (2): 83—98.
- [11] Grove K. Hidden Transcripts of Resilience in Jamaican Disaster Management. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 370—382.
- [12] Hardy K. Resilience in UK Counter-terrorism. *Theoretical Criminology*. 2015; 19 (1): 77—94.
- [13] Heath-Kelly C. The Disastrous Temporality of the ‘Recovery-To-Come’. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 307—317.
- [14] Holling C.S. Resilience and Stability of Ecological Systems. *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973; 4 (1): 1—23.
- [15] Holling C.S., Gunderson L.H. (Eds.). *Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems*. Washington: Island Press; 2002. 536.
- [16] Hong E. Resilience in Paris. *Los Angeles Times*. 13.11.2015. Available from: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-resilience-in-paris-20151113-story.html>. Accessed: 19.07.2017.
- [17] Joseph J. Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach. *Resilience*. 2013; 1 (1): 38—52.
- [18] Kaufmann M. The Digitization of Resilience. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 106—119.
- [19] Kino N. The Stockholm Attack Proved the Swedish People’s Resilience. *Huffington Post*. 04.08.2017. Available from: http://www.huffingtonpost.com/entry/terror-attack-in-stockholm-when-the-going-got-tough_us_58e91243e4b06f8c18beec5d. Accessed: 19.07.2017.
- [20] Moore J. After London, Nice and Berlin Vehicle Attacks, what Can Cities Do to Prevent More? *Newsweek*. 23.03.2017. Available from: <http://www.newsweek.com/after-london-nice-and-berlin-what-can-cities-do-prevent-car-ramming-attacks-572692>. Accessed: 19.07.2017.

- [21] O'Malley P. Resilient subjects: Uncertainty, Warfare and Liberalism. *Economy and Society*. 2010; 39 (4): 488—509.
- [22] Rodin J. The Boston Marathon Bombing: How the City Coped with its Deadly Terror Attack. *The Guardian*. 12.02.2015. Available from: <https://www.theguardian.com/cities/2015/jan/12/boston-marathon-bombing-how-city-coped-deadly-terror-attack>. Accessed: 19.07.2017.
- [23] Thiede B. Resilience and Development among Ultra-Poor Households in Rural Ethiopia. *Resilience*. 2016; 4 (1): 1—13.
- [24] West J. Securing “Resilient Communities” to Prevent Terrorism. *The Routledge Handbook of International Resilience*. Ed. by D. Chandler and J. Coaffee. London: Routledge; 2016: 318—330.
- [25] Wretborn S. Stockholm — A city of Diversity and Resilience. *Stockholm Data Parks*. 10.04.2017. Available from: <https://stockholmdataparks.com/2017/04/10/stockholm-city-diversity-resilience/>. Accessed: 19.07.2017.
- [26] Yusuf H. Truck Drives into Crowd in Stockholm, Killing Four People. *The Guardian*. 07.04.2017. Available from: <https://www.theguardian.com/world/2017/apr/07/truck-crashes-in-central-stockholm-sweden>. Accessed: 19.07.2017.

Сведения об авторах:

Тулупов Дмитрий Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: touloupovd@yandex.ru).

Коцур Глеб Владиславович — исполнитель по проекту «Концепция стрессоустойчивости (resilience) Европейского союза: артикуляция и ее последствия для России», грант РФФ № 17-18-01110 (e-mail: glebk17@gmail.com).

Information about the authors:

Dmitriy S. Tulupov — PhD in History, Senior Lecturer of the Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (e-mail: touloupovd@yandex.ru).

Gleb V. Kotsur — Contractor of the Grant of the Russian Science Foundation Project “The Concept of Stress Resistance (Resilience) of the European Union: Articulation and Its Consequences for Russia” (№ 17-18-01110) (e-mail: glebk17@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 20.01.2019.

Received 20.01.2019.

Для цитирования:

Тулупов Д.С., Коцур Г.В. Концепция стрессоустойчивости как методологическая основа нового подхода к борьбе с международным терроризмом // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019. Т. 21. № 2. С. 358—372. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372.

For citation:

Tulupov D.S., Kotsur G.V. Resilience Concept as a Methodological Basis of a New Approach to Countering International Terrorism. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 358—372. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-358-372.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-373-380

Научная статья

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И.Ж. Искаков

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС
Ул. Смольякова, д. 4, корп. 1, Санкт-Петербург, Россия, 194044

Аннотация. Исследования политических систем и политических процессов в постсоветских государствах Центрально-Азиатского региона основываются, как правило, на институциональных и неинституциональных концепциях. Попытки механически применить те или иные готовые западные схемы описания и даже соответствующий понятийный аппарат к центральноазиатскому материалу редко приводят к убедительным результатам. За рамками исследований остаются многие важные факторы, влияющие на политическое развитие региона. К началу 2010-х годов институционализация и плюрализация политического пространства вне государственного контроля включали в себя и разработку необходимой законодательной базы. Такая база предполагает закрепление правовых основ для создания и эффективного функционирования общественных объединений и организаций и собственно формирование легитимных и жизнеспособных институтов представительства. Российские авторы гораздо лучше знакомы с материалом политической реальности ЦАР, посему дают более взвешенные и точные оценки. Недостатком российских исследований следует считать тот факт, что в методологическом плане они следуют подходам, выработанным западной политологией. Это побуждает концентрироваться на одних аспектах политического развития центральноазиатских государств и недооценивать или даже полностью игнорировать другие, иногда гораздо более существенные. В последние годы этот недостаток постепенно восполняется. Выводы исследователей становятся более объективными, что способствует преодолению ошибочных политических решений, укреплению межгосударственного взаимодействия. Со временем такие исследования будут иметь результатами выработку новых систематических и хорошо отретфлексированных подходов, адекватных предмету политологического изучения.

Ключевые слова: политологические исследования, Центрально-Азиатский регион, политический процесс, политический институт

Исследования политических систем и политических процессов в постсоветских государствах Центрально-Азиатского региона обычно основываются на подходах, первоначально выработанных при изучении других регионов мира. Так, институциональные и неинституциональные концепции, особенно популярные в современной политологии, сложились в ходе теоретического описания политической жизни США и стран Западной Европы; цивилизационный подход изначально был связан преимущественно с исследованиями исламских государств

© Искаков И.Ж., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и Китая; теории демократического транзита возникли при анализе эволюции политических систем некоторых государств Южной Америки и затем, с некоторыми коррекциями, успешно применялись для описания политических трансформаций, происходивших в 1990-е годы в восточноевропейских странах. То же самое относится к методам компаративного анализа, и в особенности к теории модернизации.

Попытки применить те или иные готовые схемы описания и даже соответствующий понятийный аппарат к центральноазиатскому материалу редко приводят к убедительным результатам. Непонимание специфики центральноазиатских обществ и их политической культуры порождает иллюзии и ведет к принятию ошибочных политических решений. «Стремление бывших советских республик „сбежать от географии“ путем наращивания связей с Вашингтоном и Брюсселем, — отмечает С. Маркедонов, — воспринималось значительной частью экспертной аудитории на Западе как важная предпосылка для их демократизации. Но можно ли сегодня говорить о том, что данная схема применима к постсоветским политическим процессам? Отождествление выбора внешнеполитических приоритетов с ценностным выбором базируется на представлении о том, что дипломатия ведущих международных игроков строится на основе идеологических приоритетов» [10], что, по мнению автора, неверно в случае постсоветских государств вообще и государств Центральной Азии в особенности.

В западной научной литературе попытки выявить специфику политических систем, сложившихся на постсоветском пространстве, обычно приводят к попыткам реанимации концепции «восточного деспотизма» (например, в версии К. Витфогеля [15; 16]), констатации существования в этих государствах «султанистских режимов» (Х. Линц и др. [14]) и другим столь же размахистым и неправомерным обобщениям. В российских исследованиях, как правило, даются более взвешенные и точные оценки, поскольку авторы гораздо лучше знакомы с материалом, однако в методологическом плане они следуют подходам, выработанным западной политологией. Это побуждает концентрироваться на одних аспектах политического развития центральноазиатских государств и недооценивать или даже полностью игнорировать другие, гораздо более существенные.

До недавнего времени систематически недооценивалось значение этнических факторов, роль родовых и клановых форм общественной организации в политической жизни государств Центральной Азии. Лишь в последние годы эти вопросы стали предметом пристального внимания российских политологов. Обратиться к этой теме их побудило накопление эмпирических данных, неопровержимо свидетельствующих о значительном влиянии межнациональных отношений, а также отношений внутри традиционных социальных структур и между такими структурами на политические процессы во всех странах региона. В официальной политической риторике это влияние никак не отражается. Если существование национальных меньшинств и важность предотвращения межнациональных конфликтов все же признаются политиками и СМИ, то наличие в этих обществах родов, кланов, племен, традиционных сельских общин и т.д. принципиально обходится молчанием, как обстоятельство, противоречащее официальной идеоло-

гии и конституционным принципам государственного устройства, хотя все граждане этих государств знают об их существовании и хорошо понимают их значение в реальной политической борьбе. Этнологические, социологические, политологические научные исследования на эту тему чрезвычайно важны: это фактически единственная возможная форма публичного обсуждения подобных отношений и идентичностей, их объективации, рационального осмысления и оценки с точки зрения интересов общества в целом.

В настоящее время можно считать установленной важную политическую роль такого рода архаичных структур и социальных отношений, как хозяйственных, так и властных, как особенность всего ЦАР. В каждой отдельной стране этот фактор проявляется по-разному, в зависимости от преобладающего характера самих традиционных общностей, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на устройство и функционирование национальных политических систем, во многом определяя их специфику и вектор дальнейшей эволюции. Например, «Туркменистан отличался от Таджикистана относительно малочисленной национальной интеллигенцией, а также отсутствием общенациональной идентичности. <...> Межплеменная вражда, восходящая корнями к давним историческим событиям, играет очень большую роль во внутритуркменской кланово-политической жизни» [5]. Эта констатация уже стала обыденной, перешла из академического дискурса в журнальную политическую аналитику и публицистику.

Впервые о племенной структуре туркменского общества как политическом факторе написал в начале 1990-х годов туркменский этнолог и историк Ш.Х. Кадыров [3; 4].

Туркменбаши почти в каждой главе «Рухнамы» возвращается к мысли о единстве древней туркменской нации, разделение которой на племена было временным явлением и давно преодолено. Очевидно, что именно политическая острота этнической проблемы вынуждает власти замалчивать и даже прямо отрицать ее существование. Вероятно, существует связь между доминированием в политической жизни Туркменистана ахальских теке и, в меньшей степени, марыйских теке, йомудов и эрсари при подчиненном положении многих других племен, и тем общепризнанным фактом, что из всех постсоветских государств Центральной Азии именно в Туркменистане возник и продолжает существовать наиболее жесткий авторитарный политический режим. Отмечаемая многими исследователями относительная демократичность (обратной стороной которой является нестабильность) политической системы Киргизии может быть, по меньшей мере, частично объяснена тем, что здесь почти все многочисленные этнические и другие традиционные общности, независимо от их экономического положения, имеют своих политических представителей¹.

В Киргизии действует множество политических партий и общественных организаций, выражающих интересы различных социальных и этнических групп, причем государственный контроль над ними минимален. Это позволяет ряду исследователей рассматривать Киргизию как «остров демократии» в ЦАР. Такой

¹ О специфике политического развития независимой Киргизии см., напр.: [2; 7; 11].

образ прочно закрепился в лексиконе политиков, а также политических экспертов и аналитиков постсоветского пространства. По их мнению, Кыргызская Республика, лишенная запасов углеводородных ресурсов и потому наиболее заинтересованная в развитии интеграционных процессов в Евразии, совершила рывок в модернизации политических институтов и построении современного демократического государства. Не случайно ее называют наиболее приближенной к идеалу западной демократии страной постсоветской ЦА. Данное заключение можно рассматривать как результат рассуждений, основанных на антитезе, а именно — на противопоставлении Кыргызстана всем остальным государствам региона. На их фоне Кыргызская Республика остается примером слабости авторитарной власти (в ее личностном и институциональном измерениях) при сравнительно более высоком уровне политической самоорганизации населения и развитости институтов гражданского общества. Г. Лукьянов отмечает: «В 2010—2016 гг. ... было зарегистрировано более двухсот партий, значительная часть которых остается жизнеспособной и активно участвует в политической жизни страны на различных уровнях: от районного и муниципального до областного и общереспубликанского» [9].

Как указывают другие авторы, подобное положение вещей объясняется вовсе не высоким уровнем «европеизированности» политического сознания, а, напротив, его глубокой традиционностью, приверженностью догосударственным патриархальным формам общности и опять-таки отсутствием национального единства. В отличие от Туркменистана здесь отсутствует какая-либо безусловно доминирующая общность. В этих условиях представителям различных кланов приходится заключать коалиции, хрупкий баланс сил внутри которых в любой момент может быть нарушен. «Результаты выборов в Жогорку Кенеш Киргизии закрепили новую социально-политическую веху в республике: многопартийные конкурентные выборы, в рамках которых в парламент республики проходят межрегиональные коалиции политиков, опирающихся на патронажные, родовые, земляческие группы с целью усиления контроля над ресурсами» [1]. Это вынужден признать и Г. Лукьянов, подчеркивая закрепление местнического, кланового характера существующих политических партий, построенных преимущественно на основе неформальных связей с целью отстаивания узконаправленных групповых целей в ущерб «общему делу» [9]. Как видим, относительная слабость центральной власти и бурное развитие институтов, имитирующих западные формы политического представительства и гражданского общества, в данном случае не свидетельствует о социальной модернизации: они, напротив, закрепляют исторически сложившуюся разобщенность, не окончательно преодоленную в советский период.

Исследователь полагает, что в Кыргызстане богатая традиционная культура сельских районов и продуцируемая ею клановая политическая культура подпитывают территориальное размежевание районов компактного проживания представителей титульной нации. Система неформальных норм и правил общественного поведения на государственном уровне служит непреодолимым препятствием для дальнейшей интеграции в политическую систему республики представителей национальных меньшинств, прежде всего, узбеков, численность которых составляет около 14% населения [9].

Аналогичный анализ можно провести и для остальных стран региона: во всех случаях выявляются глубинные связи между особенностями их политического развития в новейший период и сложившейся в данной стране конфигурацией традиционных, догосударственных форм общности, уровнем напряженности в отношениях между ними, многовековой историей межэтнических и межклановых конфликтов и компромиссов. Конфликты и компромиссы между «имущими» и «неимущими», привилегированными и неполноправными, собственниками и наемными или зависимыми работниками, составляющие стержень европейской и американской политической истории последних трех веков, никогда не имели здесь такого размаха и исторического значения, как на Западе. Представляется, что именно по этой причине в последнее время тема кланов и их влияния на политику в Центральной Азии стала предметом исследований зарубежных авторов, пытающихся соединить этот материал с привычной проблематикой институционального анализа и транзитологии [12; 13].

Однако выявить данный фактор и показать его воздействие на формирование и функционирование политических систем — лишь первый этап его исследования. При отсутствии сколько-нибудь разработанных теоретико-методологических принципов его осмысления оказывается крайне сложным определить, способствует ли он в целом достижению фундаментальных целей общественного развития или, напротив, противоречит им. В этом отношении высказывались прямо противоположные оценки: от простого объявления архаических социальных структур и их политической роли «язвами средневековья» [8] до утверждений об их объективно позитивном значении, подобных тем, которые мы видели в некоторых процитированных выше суждениях о политической системе Киргизии. Но большинство исследователей предпочитают ограничиваться констатацией их важности и соглашаются, что этот фактор будет действовать еще долго. «Кланово-племенные структуры показали свою жизнеспособность за 70 лет советской власти, пережили периоды активного подавления... и переживают ренессанс в последние 20 лет. Учитывая это, можно прогнозировать их сохранение в том или ином виде как минимум в ближайшие полвека» [6].

Методологические проблемы и затруднения, возникающие у исследователей при анализе центральноазиатского материала, путаница в терминологии, противоречия в оценках не случайны. Это результат несоответствия концептуальных схем, изначально разработанных для описания политических процессов и политических систем других регионов, и того эмпирического материала, к которому их пытаются применить. Попытки использования этих готовых схем и шаблонов хотя и неизбежны и на каком-то этапе даже полезны, но, по сути, так же несостоятельны, как и объяснения всех событий политической истории Средней Азии с позиций теории классовой борьбы, во множестве предлагавшиеся в советское время. Чтобы понять, что в действительности происходит в Центральной Азии, нужно не исходить из заранее заданных представлений о том, что такое политика, для чего она нужна и как осуществляется, а опираться на факты и пытаться их непредвзято осмыслить, увидеть скрытую в них рациональность. Со временем это должно привести к выработке новых систематических и хорошо отрефлекти-

рованных подходов, адекватных предмету изучения. В противном случае академический политологический анализ происходящих в регионе событий останется неполным, неубедительным и не будет представлять интереса для непосредственных участников политических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бердаков Д.* Итоги выборов в Кыргызстане: парламент олигархов в условиях турбулентности // РСМД. 02.11.2015. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-vyborov-v-kyrgyzstane-parlament-oligarkhov-v-usloviyakh/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [2] *Бердаков Д.* Собрать кубик Рубика: политические трансформации Кыргызстана // РСМД. 17.11.2016. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sobrat-kubik-rubika-politicheskie-transformatsii-kyrgyzstana/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [3] *Кадыров Ш.Х.* «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований ИА РАН, 2003. 362 с.
- [4] *Кадыров Ш.Х.* Клятва на «крови». Этнологика нациостроительства. М.: IFECAS, 2016. 186 с.
- [5] *Казанцев А.* Постсоветский Туркменистан: малоизвестное настоящее и неопределенное будущее // РСМД. 09.02.2017. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashchee-i-neo/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [6] *Казанцев А.* Центральная Азия: тенденции регионального развития // РСМД. 10.07.2013. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnaya-aziya-tendentsii-regionalnogo-razvitiya/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [7] *Князев А.А.* Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек: Общественный фонд А. Князева, 2012. С. 8—14.
- [8] *Куртов А.* Язвы средневековья в конституционных системах Центральной Азии // Фергана. 17.10.2006. Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/4646>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [9] *Лукьянов Г.* Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления // РСМД. 23.06.2017. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [10] *Маркедонов С.* Бегство от географии: почему демократизация не срабатывает на постсоветском пространстве // Евразийские исследования. 27.08.2018. Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/9853>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [11] *Омаров Н.М.* Кыргызская Республика: исходные условия трансформации // Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. М.: ИВ РАН, ЦСПИ, 2011. С. 204—234.
- [12] *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 376 p. DOI: 10.1017/CBO9780511510014.
- [13] *Luong P.* The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence. Itaca and L.: Cornell University Press, 2004. 332 p.
- [14] *Sultanistic Regimes / Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz.* Baltimore and London: Johns Hopkins Univ. Press, 1998. 284 p.
- [15] *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957. 570 p.
- [16] *Wittfogel K.A.* Results and Problems of the Study of Oriental Despotism // The Journal of Asian Studies. 1969. Vol. 28. № 2. P. 357—365.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF POLITICAL PROCESSES IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

I.Zh. Iskakov

University Associated with the IA EAEC
Smolyachkova str., 4/1, St. Petersburg, Russian Federation, 194044

Abstract. Studies of political systems and political processes in the post-Soviet states of the Central Asian region are based, as a rule, on institutional and neo-institutional concepts. Attempts to mechanically apply certain ready-made western description schemes and even the corresponding conceptual apparatus to the Central Asian material rarely lead to convincing results. Many important factors affecting the political development of the region remain beyond research. By the beginning of the 2010s institutionalization and pluralization of the political space outside state control also included the development of the necessary legislative framework. Such a framework implies the consolidation of the legal basis for the creation and effective functioning of public associations and organizations, and the formation of legitimate and viable representation institutions. Russian authors are much more familiar with the material of the political reality of the CAR, therefore they give more balanced and accurate assessments. The disadvantage of Russian studies is the fact that, methodologically, they follow the approaches developed by Western political science. This encourages one to concentrate on some aspects of the political development of the Central Asian states and to underestimate or even completely ignore other, no less, and sometimes much more significant ones. In recent years, this deficiency is gradually being replenished. The findings of the researchers are becoming more objective, which helps to overcome erroneous political decisions and strengthen interstate cooperation. Over time, such studies will have the results of the development of new systematic and well-reflected approaches, adequate to the subject of political science studies.

Key words: political studies, Central Asian region, political process, political institute

REFERENCES

- [1] Burdakov D. The Results of the Elections in Kyrgyzstan: Parliament of Oligarchs in Turbulence. *RIAC*. 02.11.2015. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-vyborov-v-kyrgyzstane-parlament-oligarkhov-v-usloviyakh/>. Accessed: 11.12.2018.
- [2] Burdakov D. To Assemble a Rubik's Cube: The Political Transformation of Kyrgyzstan. *RIAC*. 17.11.2016. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sobrat-kubik-rubika-politicheskie-transformatsii-kyrgyzstana/>. Accessed: 11.12.2018.
- [3] Kadyrov S.H. *“Nation” of Tribes. Ethnic Origins, Transformation and Prospects of Statehood in Turkmenistan*. Moscow: Center for civilizational and regional studies of IA RAS; 2003. 362 p.
- [4] Kadyrov S.H. *Oath on “Blood”. Ethnology of Nation-Building*. Moscow: IFECAS; 2016. 186 p.
- [5] Kazantsev A. Post-Soviet Turkmenistan: Unknown Present and Uncertain Future. *RIAC*. 09.02.2017. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashchee-i-neo/>. Accessed: 11.12.2018.
- [6] Kazantsev A. Central Asia: Regional Development Trends. *RIAC*. 10.07.2013. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnaya-aziya-tendentsii-regionalnogo-razvitiya/>. Accessed: 11.12.2018.
- [7] Knyazev A.A. *Vectors and Paradigms of Kyrgyz Independence (Essays on Post-Soviet History)*. Bishkek: A. Knyazev Public Foundation; 2012: 8—14.

- [8] Kurtov A. Ulcers of the Middle Ages in the Constitutional Systems of Central Asia. *Fergana*. 17.10.2006. Available from: <http://www.fergananews.com/articles/4646>. Accessed: 11.12.2018.
- [9] Lukyanov G. Kyrgyzstan: “Island of Democracy” before the Challenge of Effective Governance. *RIAC*. 23.06.2017. Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/>. Accessed: 11.12.2018.
- [10] Markedonov S. Escape from Geography: Why Democratization Does Not Work in the Post-Soviet Space. *Eurasian studies*. 27.08.2018. Available from: <http://eurasian-studies.org/archives/9853>. Accessed: 11.12.2018.
- [11] Omarov N.M. Kyrgyz Republic: Initial Conditions of Transformation. *Political process in Central Asia: Results, Problems, Prospects*. Moscow: RAS Institute of Oriental studies; 2011: 204—234.
- [12] Collins K. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. N.Y.: Cambridge University Press; 2009. 376 p. DOI: 10.1017/CBO9780511510014.
- [13] Luong P. The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence. Ithaca and L.: Cornell University Press; 2004. 332 p.
- [14] *Sultanistic Regimes*. Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. Baltimore and London: Johns Hopkins Univ. Press; 1998. 284 p.
- [15] Wittfogel K.A. *Oriental Despotism; A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press; 1957. 570 p.
- [16] Wittfogel K.A. Results and Problems of the Study of Oriental Despotism. *The Journal of Asian Studies*. 1969; Vol. 28; 2: 357—365.

Сведения об авторе:

Искаков Ирлан Жангазыевич — кандидат юридических наук, ректор Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС (e-mail: iiel2002@mail.ru).

Information about the author:

Irlan Zh. Iskakov — PhD in Law, Rector of the University Associated with the IA EAEC (Russian Federation) (e-mail: iiel2002@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 20.01.2019.

Received 20.01.2019.

Для цитирования:

Искаков И.Ж. Методологические аспекты изучения политических процессов в странах Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 373—380. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-373-380.

For citation:

Iskakov I.Zh. Methodological Aspects of the Study of Political Processes in the Countries of Central Asia. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 373—380. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-373-380.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-381-388

Научная статья

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПОРТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОВОД

А.В. Борхсениус

Российский университет дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Аннотация. В данной статье рассматривается возрастающая роль международных спортивных мероприятий как информационных поводов, которые активно используются в рамках текущей политической повестки. На примерах раскрывается использование тенденциозной и фейковой информации для формирования негативного образа Российской Федерации в глазах мировой общественности. Обозначаются некоторые тенденции в освещении международных спортивных событий, а также возможности для улучшения имиджа страны с помощью их проведения и эффективной подачи контента.

Ключевые слова: информационный повод, международные спортивные мероприятия, мягкая сила, политический имидж, страновой брендинг

Все более очевидной становится заинтересованность политических сил различных стран в организации, проведении и участии в международных спортивных мероприятиях. Прежде всего, следует отметить социальные, экономические и дипломатические выгоды от крупных спортивных событий. Спорт всегда использовался для решения социальных проблем, таких как алкоголизм и наркомания, подростковая преступность, половая и расовая дискриминация и прочее. Для экономики страны проведение международных соревнований и участие в них открывает возможности для создания новых рабочих мест, привлечения инвестиций, развития городов и спортивных объектов. Растет финансовая отдача от туризма. Спорт — повод для установления взаимодействия между странами, основание развития культурного диалога. Помимо названных преимуществ в последние десятилетия особенно заметна заинтересованность различных политических акторов в спортивных мероприятиях в силу их информационного потенциала.

Крупные спортивные события и достижения в спорте тех или иных стран являются, с одной стороны, элементом «мягкой силы», а с другой — «мишенью» для информационных атак на имидж государства. В любом случае подобные мероприятия не проходят незамеченными, к ним прикованы взгляды миллионов людей со всех уголков планеты. Политикам остается лишь эффективно использовать данный информационный повод в своих целях.

© Борхсениус А.В., 2018.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Взаимодействие между странами, в основе которого лежит спорт, активно включается в стратегию политики «мягкой силы» (soft power). Данная форма политической власти представляет собой способность государства влиять на союзников и оппонентов с помощью таких инструментов, как язык, культура, образование и прочее. Создание привлекательного образа и удержание авторитета на мировой арене помогает без применения жестких методов оказывать влияние напрямую или косвенно на региональную и мировую политику, деловые связи.

При составлении рейтингов «мягкой силы» государств спортивные достижения страны включают, как правило, в раздел «Культура» [5]. Но в последнее время все чаще подчеркивается особая роль спорта. Например, составители рейтинга The Soft Power 30 в исследовании за 2018 год особо подчеркивают роль спорта в реализации политики «мягкой силы» [12]. По их мнению, спорт — это важнейшая сила в объединении людей по всему миру. Спортивные мероприятия переносят конфронтацию с политической арены в спортивные залы, где эта конфронтация становится соперничеством. Спорт может использоваться для позитивных изменений в отношениях между государствами и их гражданами. Также признается особая *глобальная* роль футбола. Данный вид спорта популярен в большинстве стран мира и всегда привлекает внимание болельщиков, бизнесменов, чиновников, что может быть использовано в целях улучшения имиджа страны на мировой арене.

Отдельно отметим символическую роль спорта. Со времен Древней Греции и Рима спорт, как и искусство, считался одним из благороднейших видов человеческой деятельности. Честные соревнования подчеркивали достоинства как победившей стороны, так и проигравшей. Спортсмены всегда были образцами гармоничного развития тела и духа. Необходимо подчеркнуть роль международных соревнований в привитии и поддержании гуманных ценностей, в способствовании миротворчеству. Простота и четкость правил соревнований помогают сравнительно легко преодолевать языковые и культурные барьеры. «Язык» спорта интернационален [4. С. 5]. Все эти достоинства соревнований и спорта любая страна может использовать в качестве улучшения собственного имиджа и привлечения внимания и контактов со стороны других государств. Например, хоккей для Канады или футбол для Бразилии являются неотъемлемой частью странового бренда, с которым их ассоциируют во всем мире. Таким образом, спортивные достижения и достойное проведение спортивных мероприятий являются одним из инструментов для создания имиджа страны.

Представители российской власти на протяжении последнего десятилетия используют спорт для улучшения имиджа государства и налаживания диалога с внешним миром. Учитывая напряженную политическую повестку вокруг нашей страны, спортивные мероприятия могут помочь переключить внимание мировых СМИ на более позитивные темы. Возрастание роли спорта, как информационного повода, политолог Маринэ Восканян связывает с необходимостью «мягкого влияния» в эпоху информационной войны, когда все то, что «идет по официальным российским каналам информации на Западе, сразу же объявляют российской пропагандой» [3]. России необходимо расширить использование неполитических

инструментов для «создания позитивного образа в мире и противодействия той агрессивной антироссийской риторике, которая наполняет сегодня мировое информационное пространство» [3].

Развитие спорта и участие в международных спортивных мероприятиях включены в Основные направления политики РФ в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Спортивные связи рассматриваются как неотъемлемая часть стратегии действий нашей страны на международной арене, «ибо они способны внести существенный вклад в укрепление межкультурного диалога, содействовать росту международного престижа России» [7]. Таким образом, на высшем государственном уровне признается роль спорта в формировании образа нашей страны и развитии потенциала «мягкой силы». В связи с этим так важно было достойно провести зимнюю Олимпиаду—2014 в Сочи и Чемпионат Мира по футболу в 2018 году.

Возможность предоставить повод иностранным спортсменам и болельщикам приехать в Россию и своими глазами увидеть страну особенно важна на фоне антироссийской риторики, санкций и распространения дезинформации. Прошедшие мероприятия дали свои положительные результаты. Например, по данным Ростуризма, в период проведения ЧМ по футболу в 2018 году общее количество туристов и болельщиков, посетивших в период проведения матчей города — организаторы футбольного первенства, составило порядка 6,8 млн человек, среди которых более 3,4 млн — иностранцы [8]. За время чемпионата мира по футболу Москву посетило 3 млн туристов [2]. Для российского руководства данный чемпионат стал поводом не только насладиться игрой национальной сборной и других команд, но и организовать серию контактов с иностранными лидерами, посетившими РФ по этому случаю.

Для иностранных граждан Россию «изнутри» открыла и Олимпиада—2014 в Сочи. Спортсмены, журналисты и болельщики смогли увидеть своими глазами обновленный город и новые спортивные объекты. Также Международный Олимпийский Комитет объявил об установлении рекорда по социальным медиа всех предыдущих игр — и зимних, и летних. Общее число новых подписчиков МОК на соответствующих страницах в Facebook в первую неделю соревнований в Сочи составило 2,2 млн человек. Более 2 млрд болельщиков наблюдали за Олимпиадой через мобильные приложения и социальные сети [11]. Олимпиада в Сочи была названа «Instagram-Олимпиадой» в связи с тем, что данная социальная сеть была заполнена беспрецедентным количеством фото с хэштегами Олимпиады.

С одной стороны, это хороший показатель и достижение, с другой — именно через социальные сети был нанесен удар по престижу Олимпиады—2014. Красоту телевизионной картинке заглушали негативные отзывы и дезинформация в социальных сетях.

Вообще вся Олимпиада в Сочи сопровождалась информационным шумом, многочисленной дезинформацией и некорректными сравнениями. Например, *The International Herald Tribune* провела историческую аналогию зимних Игр в Сочи с берлинской Олимпиадой 1936 года [1]. Медийное пространство заполнили многочисленные информационные сообщения о подготовке к Олимпийским

играм в Сочи, в которых говорилось о каких-либо нарушениях при возведении спортивных сооружений и воровстве средств.

Еще одним поводом для информационной дискредитации Игр стала проблема безопасности. Опасность терактов и угрозы со стороны исламистов массово тиражировались, но ни одно СМИ не писало о том, какие меры принимаются федеральными и местными властями. «Это самая опасная Олимпиада, которую я наблюдаю с тех пор, как стал взрослым», — цитирует бывшего заместителя директора ЦРУ Майка Моррелла *The Washington Times*. «Олимпиада в Сочи вообще не стоит тех рисков, которые ее сопровождают, — утверждает *The Los Angeles Times*. — На какой риск вы готовы пойти, чтобы узнать, выиграл ли финский лыжник свою четвертую олимпийскую медаль?» [1].

И наконец, особо остро стояла проблема нарушений прав человека в России. Скандал разгорелся вокруг внесения изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты РФ в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей [10]. Сразу упомянем, что западные и некоторые российские СМИ дали некорректное сокращение данных законодательных изменений, сократив название до «Закона о запрете пропаганды гомосексуализма». Именно такая краткая формулировка употреблялась журналистами, политиками, правозащитниками, которые заявляли о том, что данный закон жестко ограничивает права ЛГБТ-сообщества в России. На волне критики властей многочисленные правозащитные организации, отдельные политики, бизнесмены и звезды шоу-бизнеса призывали бойкотировать Олимпиаду—2014.

Что касается дискредитационной кампании в социальных сетях, то она велась в основном при помощи хэштегов. В феврале 2014 года массовым становится хэштег #sochiproblems — примерно 6,5 тыс. фотографий и коллажей [6. С. 113]. Отдельной темой, которая впоследствии также использовалась перед ЧМ по Футболу—2018, стала шумиха вокруг уничтожения бездомных собак, которая якобы проводилась местными властями специально к соревнованиям. Хэштег #sochidogs при этом содержит крайне мало оригинальных фотографий. Более половины снимков представляли собой копии плаката австралийской кампании в защиту сочинских собак, на котором изображен пес с надписью «биологический мусор».

Международный Олимпийский Комитет признает, что на данный момент распространение информации об Играх через социальные сети не поддается регулированию со стороны профильных органов. Ведь алгоритм работы со «старыми» медиа, такими как радио, телевидение и пресса, давно отлажен. Для освещения спортивных событий необходимо получить аккредитацию в МОК и действовать строго в соответствии с требованиями этой организации. Социальные сети едва ли получится с легкостью отнести к какой-либо из существующих категорий олимпийских партнеров — это не СМИ и не спонсоры. При этом представителям МОК все же желательно их контролировать, чтобы освещение Игр имело необходимую окраску [6. С. 18]. Уже сегодня МОК составляют «Рекомендации по ведению социальных сетей и блогов», но в будущем, мы предполагаем, будут сделаны попытки взять распространение информации социальных медиа под более жесткий и официальный контроль.

Еще одна информационная кампания по дискредитации российского спорта и российского руководства, привязанная к крупным международным соревнованиям, была связана с Олимпийскими играми в Рио. Целью было понизить мировой престиж России как страны со славной историей спортивных достижений, а также не допустить российских спортсменов к соревнованиям. Привлекая помимо информационной составляющей институциональную (международные спортивные организации, комиссии, расследование), удалось раздуть допинговый скандал.

Информационным вбросом здесь послужил документальный фильм Хайо Зеппельта «Секретное дело о допинге: как Россия делает победителей» (вышел в эфир в 2014 году на немецком телеканале ARD). Фильм смешал в себе ряд фактов с дезинформацией: в подтверждение смонтированы в смысловой ряд фрагменты бесед, которые якобы вели легкоатлетки, рассказывая об используемых ими медикаментах, дополненные домыслами авторов фильма. Все аудиозаписи сопровождаются закадровым немецким переводом, оригинальный текст плохо различим. Героями расследования журналистов немецкой компании ARD стала супружеская пара спортсменов, которые ранее были дисквалифицированы в России за прием запрещенных препаратов. Фильм запустил информационную волну, которая привела к конкретным решениям: Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА) создало специальную комиссию по расследованию, после чего национальную сборную России по легкой атлетике временно отстранили от международных соревнований на неопределенный срок.

Эта информационная волна затем набрала еще большую силу благодаря публикации так называемого «доклада Макларена». В нем канадский юрист Ричард Макларен обвиняет власти России и ФСБ в махинациях с результатами проб на допинг. Он основывался на показаниях бывшего главы московской антидопинговой лаборатории Григория Родченкова. Еще один фильм на подобную тему был показан в декабре 2014 года. Тот же телеканал показал в эфире двухсерийный документальный фильм «Как Россия делает своих победителей», в котором сообщалось о систематическом применении допинга российскими легкоатлетами. В ленте приводилась съемка скрытой камерой, на которой олимпийская чемпионка в беге на 800 метров Мария Савинова якобы признавалась в употреблении допинга. Также любопытно, что фильмы с обвинениями вышли в 2014 году, а скандал и сам доклад были «брошены» в мировое информационное пространство лишь в 2016 году непосредственно перед Играми в Рио-де-Жанейро.

Действительно, современные государства зачастую пытаются использовать спорт в политических и пропагандистских целях, а политические взаимоотношения между странами также часто отражаются на организации и проведении соревнований. Например, возрождение Олимпийских игр задумывалось с целью использования спорта как средства установления межгосударственных спортивных контактов, чтобы укрепить дружбу, мир и взаимопонимание между разными странами. В реальности же Олимпийские игры становятся ареной для политических споров.

Мы видим, что главные темы информационных антироссийских атак — допинг и коррупция. Под сомнение ставятся любые достижения российских

спортсменов за последние 20 лет. Это, в свою очередь, связывается с нечистоплотностью и коррумпированностью высшей государственной власти и профильных спортивных комитетов. В данных информационных кампаниях участвуют не только СМИ, но и политики. В связи с этим множество международных спортивных институтов (WADA, IAAF, CAS, WBC и др.) «переродились в агентов «нового» политического диалога и противостояния» [9. С. 203]. Например, WADA, заявляющая себя как независимая организация, в рамках антироссийских информационных кампаний начинает выступать как рядовой участник, вовлеченный западной стороной.

В качестве основной тенденции на ближайшие 10 лет в сфере освещения международных спортивных событий и их использования в рамках текущей политической повестки мы можем выделить интенсивное использование социальных сетей, приложений и новых форм гражданских «независимых» трансляций. Распространение портативных гаджетов приведет к тому, что контент непосредственных участников спортивных мероприятий (зрители на месте событий, сами спортсмены, спортивные блогеры) будет все более востребован болельщиками и другими потребителями информации. Это совсем не отменяет того, что данный «независимый» контент будет политически окрашен. Скорее, наоборот, внимание будет обращено к тем источникам, которые будут подтверждать изначальную точку зрения потребителя контента. В данном случае информационные мероприятия местные власти и организаторы должны подготовить таким образом, чтобы предоставить максимально полную официальную информацию всем желающим, а также проработать механизмы быстрого реагирования на сообщения негативного характера или фейковую информацию.

Массовый характер и тесная связь спорта со всеми каналами массовых коммуникаций фактически предопределили роль спорта как важного информационного повода, используемого в политических целях. Освещение спортивных мероприятий может как укрепить статус и престиж государства, так и нанести удар по его имиджу. Таким образом, привлекая спорт в качестве инструмента политического воздействия на общество и создания имиджа, власти и организаторы должны учитывать также и репутационные риски, которые могут сопровождать проведение и участие в соревнованиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Андрусенко Л.* Олимпийская информационная война // Novopol.ru. 06.02.2014. Режим доступа: <http://novopol.ru/-olimpiyskaya-informatsionnaya-voyna-text157944.html>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [2] *Воронов А.* Чемпионат мира удвоил число туристов в Москве // Коммерсант. 12.07.2018. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3683682>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [3] *Восканян М.* Спорт в эпоху «мягкой силы»: новые возможности // Российская газета. 06.12.2016. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/12/06/sport-v-epohu-miagkoj-sily-novyevozmozhnosti.html>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [4] *Гусакова В.С., Фомин Ю.А.* Роль олимпийского спорта в сохранении и укреплении мира на Земле (исторический обзор) // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2011. № 4 (21). С. 1—7.

- [5] Иванов В.Г. «Charts Power» — новый инструмент «мягкой силы» // Вопросы политологии. 2015. № 4 (20). С. 102—109.
- [6] Миа Э., Белоусов Л., Золотарев А. Олимпийское движение и новые медиа. М.: ПЛАНЕТА, 2015. 175 с.
- [7] Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного гуманитарного сотрудничества // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. 18.12.2010. Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/224550. Дата обращения: 01.12.2018.
- [8] Ростуризм подвел туристические итоги Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России // Официальный сайт Федерального агентства по туризму. 03.08.2018. Режим доступа: <https://www.russiatourism.ru/news/15818/>. Дата обращения: 01.12.2018.
- [9] Русакова О. Ф., Корнеева В.А. Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Т. 5. № 5А. С. 195—207.
- [10] Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ г. Москва «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты РФ в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей».
- [11] International Olympic Committee. Factsheet Sochi 2014 / Facts & Figures. February 2015. Режим доступа: https://stillmed.olympic.org/Documents/Games_Sochi_2014/Sochi_2014_Facts_and_Figures.pdf. Дата обращения: 01.12.2018.
- [12] The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2018. Режим доступа: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf>. Дата обращения: 01.12.2018.

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-381-388

Research Article

INTERNATIONAL SPORTS EVENTS AS A POLITICAL NEWSBREAK

A.V. Borkhsenius

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. The article examines the on-growing role of international sports events as some newsbreaks which are actively used within the current political agenda. Several examples reveal the use of biased and fake information to form a negative image of Russia in front of the world community. The author indicates several trends of the coverage of international sports events as well as opportunities to improve the country's image through their implementation and the effective delivery of content.

Key words: newsbreak, international sports event, soft power, political image, country branding

REFERENCES

- [1] Andrusenko L. Olympic Information War. *Novopol.ru*. 06.02.2014. Available from: <http://novopol.ru/-olimpiyskaya-informatsionnaya-voyna-text157944.html>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [2] Voronov A. The World Cup Doubled the Number of Tourists in Moscow. *Kommersant*. 12.07.2018. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3683682>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).

- [3] Voskanyan M. Sport in the Era of “Soft Power”: New Opportunities. *Rossiyskaya Gazeta*. 06.12.2016. Available from: <https://rg.ru/2016/12/06/sport-v-epohu-miagkoj-sily-novyevozmozhnosti.html>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [4] Gusakova V.S., Fomin Yu.A. The Role of Olympic Sport in Preserving and Strengthening Peace on Earth (Historical Review). *Pedagogical-psychological and medical-biological problems of physical culture and sport*. 2011; 4 (21): 1—7 (In Russ.).
- [5] Ivanov V.G. “Charts Power” — the New Tool of “Soft Power”. *Voprosy Politologii*. 2015; 4 (20): 102—109 (In Russ.).
- [6] Mia E., Belousov L., Zolotarev A. *Olympic Movement and New Media*. Moscow: PLANETA; 2015. 175 p. (In Russ.).
- [7] The Main Directions of the Policy of the Russian Federation in the Field of International Humanitarian Cooperation. *Official Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 18.12.2010. Available from: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/224550. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [8] Federal Tourism Agency Summed up the Results of the 2018 FIFA World Cup in Russia. *Official Website of the Federal Agency for Tourism*. 03.08.2018. Available from: <https://www.russiatourism.ru/news/15818/>. Accessed: 01.12.2018 (In Russ.).
- [9] Rusakova O.F., Korneeva V.A. Sport as the Scope of “Soft” and “Hard” Power of Political Influence. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii*. 2016, 5 (5A): 195—207 (In Russ.).
- [10] Federal Law of 29 June 2013 № 135-FZ of Moscow “On Amendments to Article 5 of the Federal law ‘On Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development’ and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Protect Children from Information that Promotes the Denial of Traditional Family Values” (In Russ.).
- [11] *International Olympic Committee. Factsheet Sochi 2014. Facts & Figures*. February 2015. Available from: https://stillmed.olympic.org/Documents/Games_Sochi_2014/Sochi_2014_Facts_and_Figures.pdf. Accessed: 01.12.2018.
- [12] *The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2018*. Available from: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf>. Accessed: 01.12.2018.

Сведения об авторе:

Борхсениус Александра Викторовна — ассистент кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов (e-mail: alex.borkhsenius@yandex.ru).

Information about the author:

Alexandra V. Borkhsenius — Assistant Professor of the Department of State and Municipal Administration, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: alex.borkhsenius@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 12.12.2018.

Received 12.12.2018.

Для цитирования:

Борхсениус А.В. Международные спортивные мероприятия как политический информационный повод // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 381—388. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-381-388.

For citation:

Borkhsenius A.V. International Sports Events as a Political Newsbreak. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 381—388. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-381-388.